Институт экономики
и организации промышленного
производства СО РАН
Алтайская лаборатория
экономических
и социальных исследований
ИЭОПП СО РАН

Министерство образования
и науки РФ
Алтайский государственный
университет
Центр социально-экономических
исследований и региональной
политики

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Монография

Новосибирск — Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

УДК 338 (571.150)
ББК 65.9 (2Рос — 4Алт)
У 813

Рецензенты:
кафедра региональной экономики и управления МИЭМИС АлтГУ;
кандидат экономических наук *А. А. Жидких*

Авторский коллектив:
доктор социол. наук Троцковский А. Я. (от редактора, п.п. 1.1, 1.2, 1.4, гл. 2–6, послесловие); Анисимова М. М. (п. 9.2); Иванова О. А. (п. 5.4); канд. экон. наук Мищенко И. В. (п.п. 1.1, 1.4, гл. 2–6); Неризько С. В. (гл. 11); Перекаренкова Ю. А. (п. 1.2, гл. 11); Рзаева С. В. (п.п. 8.1, 9.2, гл. 10); Решетникова С. А. (п. 9.1); канд. социол. наук Родионова Л. В. (гл. 10–11); доктор социол. наук Сергиенко А. М. (п. 5.4, гл. 7–9); канд. экон. наук Ютяева О. Н. (п.п. 1.2, 1.3)

Научный редактор:
доктор социологических наук, профессор *А. Я. Троцковский*

У 813 Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты [Текст] коллективная монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. — 330 с.

ISBN 978-5-7904-1291-2

В монографии предпринята попытка многоаспектного анализа проблем устойчивого развития сельских территорий Алтайского края. В центре внимания авторов — проблемы бедности, развития социально-демографической и социально-трудовой сфер, для оценки которых были использованы как статистические данные, так и мнения экспертов и сельских жителей. В отличие от других монографий, ориентированных на аналогичную проблематику, вопросы устойчивого развития рассматривались применительно не только к сельской территории региона в целом, но и к различным ее типам.

Монография адресована научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, бакалаврам и магистрантам, чьи научные интересы связаны с изучением региональной экономики, социологии региона, экономической и социальной политики, а также всем тем, кому небезразлична судьба алтайского села.

Утверждено к печати ученым советом МИЭМИС

ISBN 978-5-7904-1291-2

УДК 338 (571.150)
ББК 65.9 (2Рос — 4Алт)

© Центр социально-экономических исследований и региональной политики АлтГУ, 2013
© Алтайская лаборатория экономических и социальных исследований ИЭОПП СО РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 4

Раздел 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ 9

Глава 1. Устойчивое развитие социально-экономических систем: генезис, сущность и подходы к анализу 10

Глава 2. Методология, методика и результаты выделения основных элементов территориально-пространственной структуры сельской местности 44

Глава 3. Комплексная методика анализа эволюции пространства сельской местности региона 66

Раздел 2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ 77

Глава 4. Предпосылки формирования устойчивого развития центропериферийных типов сельских территорий в предреформенный период и на начальном этапе реформ 78

Глава 5. Пространственная проекция социального и экономического развития сельских территорий Алтайского края 91

Глава 6. Предпосылки формирования адаптивного управления пространственным развитием региональной сельской периферии 138

Раздел 3. ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА 151

Глава 7. Сельская бедность: научные основы и результаты исследования в Алтайском крае 152

Глава 8. Основные факторы и механизмы формирования сельской бедности 192

Глава 9. Политика преодоления бедности как механизм формирования устойчивого развития сельских территорий: оценка современного состояния и перспективные направления 215

Раздел 4. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ 243

Глава 10. Основные тенденции и перспективы демографического развития сельских территорий в контексте устойчивости 244

Глава 11. Социально-трудовые аспекты устойчивого развития сельских территорий 271

Послесловие 315

Библиографический список 318

40-летию Алтайской лаборатории экономических и социальных исследований ИЭОПП СО РАН посвящается

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая монография подытоживает результаты трехлетней работы сотрудников Алтайской лаборатории экономических и социальных исследований по изучению проблем развития алтайского села. Фактически же эта работа не ограничивается упомянутым сроком, а имеет более глубокие корни, связанные с многолетними традициями мониторинга социально-экономического развития края, проводимого сотрудниками Алтайской лаборатории экономических и социальных исследований в содружестве с алтайскими учеными и практиками, специализирующимися в области изучения проблем регионального развития[1].

Несмотря на академическую направленность работы[2], она имела целый ряд прикладных результатов, получивших отражение в государственных контрактах и договорах на выполнение научно-исследовательской работы для краевых государственных нужд[3].

С моей точки зрения, проблема обеспечения устойчивого развития алтайского села остается крайне актуальной и в настоящее

---

[1] В качестве основных направлений мониторинга можно выделить: 1) анализ механизмов, основных тенденций и перспектив трансформации экономической и социальной сфер региона; 2) изучение социально-экономического положения и активности населения региона; 3) разработку научных основ и анализ региональной социально-экономической политики в агропромышленном регионе. См. об этом подробнее: Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования : монография / Т. П. Емельянова, О. А. Иванова, Л. В. Родионова и др. ; под ред. А. Я. Троцковского. Барнаул, 2008; Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : монография / А. Я Троцковский, Л. В. Родионова, А. М. Сергиенко и др. ; под ред. А. Я. Троцковского. Барнаул, 2011.

[2] Исследование проводилось в рамках приоритетного направления 8.10. «Научные основы региональной политики и устойчивого развития регионов и городов», проект VIII.76.1.3.

[3] В их числе укажем:
- «Социологическое и статистическое обследование напряженности на сельском рынке труда Алтайского края с целью совершенствования профессиональной ориентации населения» (2007 г.);
- «Анализ социальных процессов и разработка перспективных направлений и технологий регулирования социальной сферы села» (2008 г.);
- «Основы концепции устойчивого развития сельских территорий Алтайского края на период до 2020 года: социальные аспекты» (2009 г.);
- «Анализ механизмов и разработка модели субфедеральной региональной политики» (2010 г.);
- «Анализ территориальной структуры и регулирование пространственного развития сельской периферии Алтайского края» (2012 г.).

время. Об этом свидетельствуют и материалы научно-практической конференции, состоявшейся в Алтайском крае в 2011 г[1].

Практически на всем протяжении российской государственности деревня выступала донором для всей страны. Типичными характеристиками сельской местности России, и в частности села Алтайского края, стали низкие доходы населения, приводящие к концентрации бедности, узость сферы приложения труда, порождающая застойную безработицу, острый недостаток финансовых ресурсов как для текущей деятельности сельхозтоваропроизводителей, так и в особенности для инвестиционной деятельности (в том числе для социального обустройства села).

В результате в сельской местности края постоянно шел процесс сокращения численности сельских поселений, а современная демографическая ситуация характеризуется как критическая. Село подошло к черте, за которой выполнение им традиционных для сельской местности функций, включая социальный контроль над территориями, не могло осуществляться в полной мере.

Предпринятые федеральными и краевыми органами власти и управления меры по развитию агропромышленного комплекса хотя и вызвали стабилизацию и рост объемов производства в сельском хозяйстве, но не привели к значительному улучшению экономической ситуации в агропромышленном комплексе. Ресурсы, направляемые на развитие социальной сферы села, оказались недостаточными для существенного улучшения условий жизнедеятельности сельского населения, расширения доступности социальных услуг на селе и повышения их качества. Реформа местного самоуправления в силу ряда причин не оправдала в полной мере возлагавшихся на нее надежд. Результаты первого этапа реформы оцениваются как неоднозначные и противоречивые.

В связи с изложенным остро проявилась осознанная обществом необходимость формирования концепции устойчивого развития сельских территорий, которая ориентирована на создание экономического благополучия и решение социальных проблем сельского населения.

Целью настоящей работы является актуализация и эмпирическая верификация научных основ концепции устойчивого социального развития сельских территорий Алтайского края на период до 2020 г. путем разработки и проведения специальных исследований.

Достижение названной цели обусловило постановку трех основных задач исследования, а именно:

---

[1] Возможности развития сельских территорий Алтайского края и Сибири — новое прочтение реформ П. А. Столыпина : материалы научно-практической конференции. Барнаул, 2011.

— разработку теоретико-методологических и методических вопросов устойчивого социального развития сельских территорий, в том числе с учетом «пространственной проекции» проблемы;
— оценку устойчивости социально-экономического развития села края и различных центропериферийных типов муниципальных образований на современном этапе и в долгосрочной перспективе;
— характеристику механизмов реализации политики устойчивого развития, включая ее правовые основы и пространственные аспекты.

Решать в полной мере поставленные задачи, несмотря на наличие концепций устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации и Алтайского края на период до 2020 г., оказалось непросто. Дело в том, что провести развернутый анализ проблем устойчивого развития сельских поселений крайне сложно в силу слабости информационно-аналитической базы. В связи с этим авторам пришлось широко использовать, наряду с информацией Госкомстата России и Алтайкрайстата, материалы трех специальных социологических исследований. Учитывая, что политика устойчивого развития сельских территорий неразрывно связана с совершенствованием муниципального управления, авторы попытались оценить, в какой мере реформа местного самоуправления выступает гарантом социального благополучия сельских поселений.

Значительный объем работы и небольшие сроки ее выполнения вынудили авторов внести в свои первоначальные замыслы определенные ограничения, сосредоточив внимание главным образом на ключевых проблемах устойчивого развития сельских территорий. В числе последних высокий уровень сельской бедности, недостаточный темп повышения уровня и условий жизни сельского населения, решение острых демографических проблем, повлекших за собой сокращение сети сельских поселений и обезлюдивание малых сел.

Читатель вправе задать вопрос: какова необходимость издания настоящей монографии с учетом того обстоятельства, что по рассматриваемой тематике выпущены десятки фундаментальных работ и многие сотни статей? Пик научного интереса к этой проблематике в России пришелся на середину и конец первого десятилетия нового века и во многом был обусловлен разработкой в 1985 г. первоначального варианта Концепции устойчивого развития сельских территорий.

В самом деле, в монографии нашли отражение многие ранее изложенные в научных публикациях проблемы развития сельских территорий. В этом смысле можно сказать, что монография

в полной мере способствует продолжению традиции рассмотрения экономической и социальной составляющих устойчивого развития территориальных систем в качестве доминирующих.

Вместе с тем в монографии сделана попытка рассмотреть развитие сельских территорий не само по себе, а в русле известных концепций региональной экономики и региональной политики. Такой контекст предопределил существенный работы на исследовании «пространственной проекции» социально-экономического развития сельской местности региона.

Естественно, только этим не ограничивается новизна подходов к проблеме устойчивого развития сельских территорий. Мне представляется, что читателю будут интересны результаты ретроспективного анализа социально-экономического развития муниципальных районов края, проведенного в целях выявления влияния на устойчивое развитие сельских территорий их дореформенного состояния и степени адаптации к рынку в первые годы радикальных реформ.

К особенностям исследования я бы отнес и то обстоятельство, что в ракурсе внимания авторов оказались не только благополучные сельские территории, возникшие вследствие активного освоения пригородного пространства региона (субурбанизации), но и проблемные, как правило, периферийные территории, характеризующиеся высокой долей «коммерчески неэффективного пространства» (по выражению акад. В. В. Ивантера) и, как показано в соответствующих главах работы, уровнем жизни значительной части населения на пороге «выталкивания». С учетом этого авторами монографии сделана попытка дифференциации региональной политики применительно к разным центропериферийным типам сельских территорий.

В монографии, на мой взгляд, представлены интересные содержательные эмпирические результаты исследования, достойные того, чтобы с ними ознакомилась широкая общественность. Так, по мнению авторов, устойчивое развитие сельских территорий нельзя рассматривать вне связи с закономерностями развития системы расселения, и прежде всего городского расселения. Важнейшая роль в обеспечении устойчивого развития сельских территорий принадлежит регионам, которые должны не просто реагировать на предложения предприятий, но сами стать организаторами хозяйственного процесса, производя целостные комплексы городской и сельской среды, и отдельные участки территории, специально обустроенные для коммерческой деятельности[1].

---

[1] Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М., 2004. С. 19.

Как показали результаты исследования, современный уровень социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края в целом достаточно далек от критериев (пороговых значений) их устойчивого развития. С учетом этого, очевидно, краю необходим длительный период перехода к устойчивому развитию сельской местности. Речь, таким образом, по мнению авторов монографии, должна идти не о концепции устойчивого развития, а о концепции перехода к устойчивому развитию сельских территорий.

Авторы монографии выражают надежду на то, что высказанные в работе идеи и конкретные материалы будут использованы для корректировки краевой программы устойчивого развития сельских территорий, а в дальнейшем — планов устойчивого развития сельских районов и поселений в целях преодоления негативных процессов в социальной сфере алтайского села и снижения социальных и экономических ограничений его развития.

Раздел 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Глава 1

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ГЕНЕЗИС, СУЩНОСТЬ И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

1.1. Генезис проблемы

Концепция устойчивого развития впервые предложена учеными в середине прошлого века и была связана с поиском новой модели социально-экономического прогресса и устойчивого развития мирового сообщества, национальных и региональных социальных систем. Она явилась логическим результатом признания факта взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития общества и экологического развития, призывом к необходимости перехода к «развитию без разрушения».

Проведение в 1972 г. в Стокгольме Конференции ООН по окружающей человека среде и создание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) ознаменовало включение международного сообщества на государственном уровне в решение экологических проблем, которые стали сдерживать социально-экономическое развитие. В рамках ЮНЕП экономический и социальный совет ООН поставил цели и задачи, на достижение которых Генеральная Ассамблея ООН выделила средства, распределив их под реализацию конкретных проектов между различными странами.

Впервые термин «устойчивое развитие» был использован в докладе «Всемирная стратегия охраны природы»[1] (1980 г.), представленном Международным союзом охраны природы и природных ресурсов. В докладе устойчивое развитие определялось как «модификация биосферы и использование людских, финансовых, возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов для удовлетворения потребностей людей и улучшения качества жизни».

В 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКОСР) уделила основное внимание необходимости «устойчивого развития», при котором

[1] Стратегия была разработана по инициативе ЮНЕП, Международного союза охраны природы (МСОП) и Всемирного фонда дикой природы.

«удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В основу доклада была положена концепция устойчивого эколого-социально-экономического развития, объединившая экономическую, социальную и экологическую составляющие развития территориальных систем.

Таким образом, в 80-х гг. прошлого века понятие устойчивого развития было конкретизировано, получило изначально междисциплинарный характер. Под устойчивым развитием глобального и регионального сообществ в зарубежной и отечественной литературе понималось социально-экономическое развитие, направленное на разумное удовлетворение потребностей людей при одновременном улучшении качества жизни живущих и будущих поколений, на бережное использование ресурсов планеты и сохранение природной среды.

Концепция устойчивого развития базировалась на ряде постулатов, в числе которых:

— экологически безопасное развитие экономики;
— единство и многообразие вариантов социально-экономического развития стран и народов;
— гармония между людьми, человечеством и природой;
— основа социально-экономического устройства общества — свобода, а не насилие.

Широкое распространение в науке понятие «устойчивое развитие» получило благодаря решениям конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г. На конференции был обнародован концептуальный тезис о необходимости обеспечения сбалансированного решения социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды, природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколений людей.

В своей декларации созданный на этой конференции Совет предпринимателей по устойчивому развитию подчеркивал, что «экономический рост всех государств мира служит непременным условием повышения уровня жизни беднейших слоев общества[1], сбалансированного роста населения, и, в конечном счете,

---

[1] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml. Социальная составляющая занимает центральное место в характеристике устойчивого развития. Для решения глобальных проблем человечества ООН разработала программу под названием «Цели развития тысячелетия», направленную на борьбу с бедностью и общее повышение уровня жизни, которая была принята на Саммите тысячелетия в 2000 г. 147 главами

приведет к стабилизации отношений между различными общественными группами…

Наряду с более эффективным использованием энергии и других материальных ресурсов и сокращением уровня загрязнений, появится необходимость в новых технологиях, способных обеспечить такой экономический рост. Открытые и конкурирующие рынки, как внутренние, так и внешние, способствуют внедрению инноваций и повышению экономической эффективности, а также создают условия для улучшения качества жизни всего населения.

Однако такие рынки должны обладать достаточной гибкостью: цены на товары и услуги должны точно учитывать и отражать ущерб, наносимый окружающей среде при их производстве, использовании, вторичной переработке и захоронении отходов. Это основополагающий принцип, которого легче всего добиться с помощью синтеза экономических средств, способных ликвидировать диспропорции, стимулировать инновационную политику и неуклонный подъем экономики, внедрения стандартов, регламентирующих производство, и инициативы частного сектора.

Те корпорации, которые способны достичь больших результатов с помощью разумной хозяйственной деятельности, предотвратить загрязнение окружающей среды, применять экологически чистое сырье, более совершенные технологии и чистые продукты, и в результате этого способствовать эффективному использованию и восстановлению ресурсов, могут считаться „экологичным“. Рассчитанное на длительную перспективу сотрудничество предпринимателей разных стран и прямое инвестирование в экономическую деятельность друг друга создадут прекрасную возможность для передачи новой технологии, отвечающей требованиям устойчивого развития тех стран, которые в ней нуждаются…»[1].

Под влиянием этих идей во многих странах были приняты национальные программы и законодательные акты по защите окружающей среды. В России, в частности, Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. была утверждена «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Через 10 лет в Иоганнесбурге мировое сообщество вновь вернулось к пробле-

государств и представителями 189 стран, включая Россию. Цели развития тысячелетия должны быть достигнуты к 2015 г. и включают в себя: 1) ликвидацию нищеты и голода; 2) обеспечение всеобщего начального образования; 3) поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин; 4) сокращение детской смертности; 5) улучшение охраны материнства; 6) борьбу с ВИЧ/СПИДом и другими заболеваниями; 7) обеспечение устойчивого развития окружающей среды; 8) формирование глобального партнерства в целях развития.

[1] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс].

ме устойчивого развития, тесно связывая ее с уровнями материальной обеспеченности и образования населения Земли. Общий вывод ученых состоял в том, что в условиях нахождения почти 2/3 населения планеты в бедности (с доходом в год не более 400 долл. США)[1] попытки перейти к устойчивому развитию стран и континентов сталкиваются с низкими уровнями обеспеченности и грамотности людей. Без обеспечения достойного уровня жизни большей части населения Земли, повышения его образовательного уровня достижение поставленных в 1992 г. целей маловероятно[2]. На наш взгляд, это была существенная поправка к ранее выдвинутым идеям устойчивого развития общества.

Естественно, что идеи устойчивого развития были использованы применительно и к сельским территориям. В 1996 г. на сессии Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в г. Риме приняты положения по устойчивому развитию сельского хозяйства и сельской местности.

Менее чем через 10 лет после этого в России был разработан первоначальный вариант Концепции устойчивого развития сельских территорий. На совещании по вопросам социально-экономического развития сельских территорий субъектов Сибирского федерального округа в рамках федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года» (г. Иркутск, июль 2005 г.) было заявлено, что «для решения социальных проблем сельских территорий, повышения уровня и качества жизни сельского населения, поддержания экологического равновесия в сельской местности Минсельхозом России разработана и в основном одобрена Комиссией Правительства Российской Федерации по агропромышленному и рыбохозяйственному комплексу Концепция устойчивого развития сельских территорий. В настоящее время заканчивается процесс ее согласования с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти (Минфином России, Минэкономразвития России, Минрегионом России) для внесения в установленном порядке в Правительство Российской Федерации»[3].

Однако разработанный проект Концепции устойчивого развития сельских территорий так и не был одобрен в качестве само-

---

1 Для сравнения: в странах «золотого миллиарда» годовой доход составляет 20 тыс. долл. США.

2 Цит. по: Баутин В. М., Козлов В. В. Устойчивое развитие сельских территорий: сущность, термины, понятия [Электронный ресурс]. URL: http://agromagazine.msau.ru.

3 О социально-экономическом развитии сельских территорий Сибирского федерального округа // Официальный интернет-портал Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.mcx.ru.

стоятельного документа, а поднятые в нем проблемы устойчивого развития сельских территорий нашли свое отражение в федеральном законе «О развитии сельского хозяйства»[1].

Вместе с тем идея создания самостоятельного документа, регламентирующего устойчивое развитие сельских территорий, не была потеряна окончательно. В 2008 г. Минсельхоз России разрабатывает и вносит на обсуждение новый проект Концепции федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий 2010–2015 годы и до 2020 года». В настоящее время документ проходит необходимые согласования, на основе которых в него вносятся изменения.

Таким образом, можно констатировать, что середина и конец первого десятилетия нового века характеризовались всплеском интереса как практиков, так и ученых к проблемам устойчивого развития сельских территорий.

В публикациях, посвященных проблеме устойчивого развития сельских территорий, широко распространена точка зрения, что именно с момента проведения сессии ФАО следует вести «родословную» исследований устойчивого развития сельских территорий.

В этом вопросе возможны различные подходы. Если строго следовать идее, что главным и определяющим в процессе устойчивого развития является сохранение благоприятной окружающей среды, то период хронологии научных исследований по рассматриваемому направлению следует оценить в 10–15 лет. Фактически же, по нашему мнению, исследования, имеющие прямое отношение к устойчивому развитию сельских территорий, имеют гораздо большую историю. Они уходят своими корнями еще в советское время, когда, как известно, проблемам развития села, сельской местности, уделялось большое внимание[2].

Проанализированные нами научные работы позволяют сделать вывод о том, что изучение устойчивого развития сельских территорий проводится с различных позиций. При этом рассматривается очень широкий круг проблем — экономических, социальных, экологических. Очевидно также смещение акцентов в подходах многих исследователей с анализа экологических проблем на изучение социально-экономического развития территории. Более того, в результате воздействия системного кризиса экономиче-

---

[1] Федеральный закон Российская Федерации «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (с измен. от 11.06.2008 г. и 30.12.2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2007/01/11/selhoz-dok.html

[2] Об этом наглядно свидетельствовала обширная сеть статистических показателей, отражающих различные стороны экономического и социального развития села, общественного обслуживания сельских жителей.

ская и социальная составляющие устойчивого развития территории в процессе анализа последнего становятся доминирующими[1].

Вероятно, логика развития анализируемых исследований в России повторяет путь, пройденный наукой в развитых странах. Как отмечают В. М. Баутин и В. В. Козлов, в развитых странах мира, в которых уже прошли дискуссии по сущности и направленности работ и проектов в сельской местности, произошла группировка проблематики развития сельских территорий по двум направлениям:

— устойчивого развития с яркой экологической направленностью;
— сельского развития, связываемого с социальной направленностью и комплексностью развития сельской местности[2].

Первое направление представлено преимущественно экологами, делающими в своих исследованиях акцент на ресурсные ограничения, связанные не только с ограниченностью минерального сырья, но и со взаимодействием между антропосистемой и биосферой и их взаимовлиянием. С позиции этих ученых, «устойчивое развитие — это такое развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной емкости биосферы[3], так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека»[4].

Заметным представителем второго направления («сельского развития») уже с середины 70-х гг. прошлого столетия являлся отдел социальных проблем Института экономики и организации про-

---

[1] Одним из существенных факторов, обусловивших ориентацию многих исследователей, работающих в рамках научного направления «устойчивое развитие сельских территорий», на анализ социально-экономических проблем развития села, является используемый ими понятийный аппарат. Дело в том, что в силу ряда причин в российской обществоведческой науке понятие «устойчивое развитие» получило несколько иную интерпретацию, в основе которой лежит представление об устойчивом социально-экономическом развитии территории как процессе, обеспечивающем положительную динамику («положительный тренд») развития территории.

[2] Баутин В. М., Козлов В. В. Указ. соч. С. 1.

[3] Под хозяйственной емкостью биосферы понимается предельно допустимое антропогенное воздействие на биосферу, превышение которого переводит ее в возмущенное состояние и со временем должно вызвать в ней необратимые деградационные процессы. См. об этом: Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие: учебное пособие. М., 2000. С. 164.

[4] Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие — будущее Российской Федерации // Россия на пути к устойчивому развитию. М., 1996. С. 5. См. также: Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998; Приоритеты национальной экологической политики России / Центр экологической политики России. М., 1999; Шмидхейни С. Ф., Зараквин Д. Л. Финансирование перемен. Финансовое сообщество, экоэффективность и устойчивое развитие. М., 1998.

мышленного производства СО РАН под руководством академика Т. И. Заславской. Многочисленные монографии, изданные сотрудниками этого отдела, отражают результаты исследований демографических процессов, состояния, тенденций и перспектив развития рынка труда, сферы занятости и уровня жизни населения[1].

В рамках второго направления работают и авторы настоящей монографии. Они рассматривают социальное развитие села, с одной стороны, как важнейший элемент его устойчивого развития, а с другой — как существенный фактор, детерминирующий устойчивое развитие сельских территорий.

Большой вклад в изучение проблем устойчивого развития сельской местности внесли сотрудники Центра устойчивого развития сельской местности Московской сельскохозяйственной академии им К. А. Тимирязева. Отличительной чертой их подхода является использование расширенного понятия устойчивого развития сельских территорий. При этом проблематика комплексного (многоотраслевого) развития становится частью проблематики устойчивого развития и включает в себя проблематику социально-экономического развития, природообустройства, сохранения и развития культурно-исторического наследия и т. п. Социально-экономическое развитие, в свою очередь, связано с проблемами развития гражданского общества и экономико-производственного обеспечения достойного уровня жизни и деятельности сельских жителей[2].

Близким к вышеописанному подходу к изучению устойчивого развития характеризуется и другой крупный исследовательский центр — Институт аграрных проблем РАН, где проблемы устойчивого развития села с середины 1990-х гг. рассматриваются в контексте продовольственной безопасности России. Указанные исследования также характеризуются комплексным подходом, при котором существенное внимание уделяется анализу социальных факторов и условий обеспечения продовольственной безопасности, формированию целенаправленной политики по устойчивому развитию сельских сообществ[3].

Среди научных публикаций на анализируемую тему весьма распространенным является подход, отличительной особенностью которого является взаимоувязка устойчивого развития сельской

---

[1] См. например: Методология и методика системного изучения советской деревни / В. А. Артемов, В. А. Калмык Л. А. Хахулина и др. Новосибирск, 1980; Развитие сельских поселений / Е. Е. Горяченко, Т. И. Заславская, Л. П. Ляшенко и др. М., 1977; Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск, 2003.

[2] См. подробнее: Устойчивое развитие сельских территорий. Вопросы стратегии и тактики. М., 2004.

[3] Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы / А. А. Анфиногенова, О. В. Ермолова, Н. А. Киреева и др. Саратов, 2004.

территории с устойчивым развитием сельской экономики, в первую очередь, сельского хозяйства[1].

Такой подход характерен и для специалистов Сибирского отделения РАСХН[2], а также для многих исследователей, занимающихся проблемами устойчивого развития сельских территорий в последние годы[3].

Особо, на наш взгляд, следует сказать о вкладе Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова (ВИАПИ), являющего головной организацией Отделения экономики и земельных отношений РАСХН по исследованию проблем устойчивого развития сельских территорий. Изучение сельского сообщества и социальных проблем деревни было одним из направлений деятельности института со дня его основания. В частности, для отдела стратегических проблем и развития сельского хозяйства и сельской местности центральной темой исследования с 2001 по 2005 г. являлась разработка методологических основ и направлений политики устойчивого сельского развития. При этом под устойчивым сельским развитием понималось стабильное развитие сельского сообщества, обеспечивающее: во-первых, рост, диверсификацию и повышение эффективности сельской экономики; во-вторых, расширение занятости, рост доходов населения; в-третьих, улучшение ландшафта и экологической ситуации в сельской местности.

Итогом политики устойчивого сельского развития является, по мнению сотрудников ВИАПИ, рост численности и благосостояния сельского населения, выполнения селом его экономических, социально-культурных, рекреационных, экологических и других народно-хозяйственных функций[4].

Заметим, что также, как и для ранее упомянутых исследовательских центров, ключевым элементом политики устойчивого сельского развития является концепция многофункциональности сельского хозяйства, согласно которой результатами сельскохозяйственной деятельности считается производство товаров (продовольствия, сырья для промышленности), и общественных благ (продовольственная безопасность, сохранение и развитие сельского образа жизни и культуры, социальный контроль над территорией, рекреационные услуги, улучшение ландшафта).

---

1 Устойчивое развитие сельских территорий...

2 Курцев И. В. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса Сибири: предпосылки, факторы, пути / РАСХН. Сиб. отделение. СибНИИЭСХ. Новосибирск, 2005.

3 Чайка В. П. Устойчивое и многофункциональное развитие сельских территорий: межотраслевые взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2008.

4 ВИАПИ им. А. А. Никонова [Электронный ресурс]. URL: http:// www.viapi.ru.

1.2. Сущность устойчивого развития социально-экономических систем и ее интерпретация применительно к развитию сельских территорий

В научной литературе общепризнано представление об устойчивости как одной из характеристик развития систем в целом. В этом смысле вполне правомерно использование понятия устойчивости и к развитию территориальных социально-экономических систем. Однако содержание этого понятия применительно к социально-экономическим системам, как следует из анализа публикаций, трактуется учеными по-разному. Причины этого, на наш взгляд, в значительной степени связаны со сложностью процесса экономического развития.

По определению В. И. Бувальцевой и ее соавторов, «экономическое развитие — противоречивый и многофакторный процесс эволюции различных экономических систем, их модификации и смены. Он имеет флуктуационный характер, осуществляется не по постоянно восходящей прямой (не прямолинейно), а на основе чередования фаз (или периодов) спада и роста в результате количественных и качественных изменений в экономике. Этот процесс характеризуется как позитивными, так и негативными тенденциями, как положительными, так и отрицательными (нулевыми) параметрами движения. Позитивно-векторной составляющей экономического развития является рост экономики, такой, который в конечном счете перекрывает нулевые и отрицательные значения роста, в результате чего происходит увеличение объемов созданных за определенный период товаров и услуг как в абсолютном выражении, так и на душу населения»[1].

Анализ понятийного аппарата, используемого при изучении устойчивого развития социально-экономических систем, позволил нам выделить центральные моменты в дискуссии, касающиеся соотношения понятий «стабильное развитие» и «устойчивое развитие».

«Исходя из того, — отмечают В. С. Сурнин и Г. А. Кареев, — что стабилизация экономики, с одной стороны, выступает как предпосылка устойчивого развития, а с другой стороны, как его дисконтированный (со знаком плюс) результат, устойчивое

[1] Бувальцева В. И., Микельсон А. Ю., Сурнин В. С. Саморазвитие экономики региона как эндогенная основа ее устойчивого роста (на примере Кемеровской области). Новосибирск, 2002. С. 25.

развитие экономики в этом контексте можно определить как постоянно воспроизводящуюся стабильность функционирования экономики (в рамках позитивных значений ее развития), притом не как стационарно воспроизводящуюся стабильность, а как спирально восходящую стабильность от одного уровня зрелости и качества к другому»[1].

Противоположной точки зрения придерживается И. А. Гашо. Исходя из того, что в экономической теории устойчивость, формулируемая как научное понятие, — это прежде всего характеристика общественного воспроизводства, И. А. Гашо обращает внимание на необходимость отличать устойчивость и от равновесия, сбалансированности, и от стационарности (стабильности результатов производства)[2].

С наших позиций, наиболее точно соотношение понятий «устойчивость» и «стабильность» отмечено в работах В. И. Бувальцевой и ее соавторов, считающих, что «устойчивое состояние экономики носит отчасти относительный характер, поскольку, как известно, устойчивость всегда находится в определенном единстве с изменчивостью, которая в плане диалектики все же первична во взаимодействии со своей противоположностью. Устойчивость всегда находится в единстве с изменчивостью, а изменчивость в этом взаимодействии играет главенствующую роль, как бы вбирает в себя устойчивость. В целом же устойчиво воспроизводящаяся неустойчивость представляет собой вполне закономерное явление воспроизводства экономической системы»[3].

Об этом же писал в свое время В. И. Вернадский, отмечавший, что «между всеми живыми и неживыми частями земной оболочки идет непрерывный материальный и энергетический обмен, который с течением времени приводит к закономерно меняющемуся, непрерывно стремящемуся к устойчивому, равновесному состоянию частей земной оболочки»[4].

Анализируя понятийный аппарат в исследуемой области, нельзя не отметить еще один нюанс. Он касается того, что одни ученые связывают понятие устойчивости с развитием вообще, другие же делают оговорку, что оно должно сопровождаться неизменностью целевых ориентиров и траекторий развития социально-экономических систем.

---

1 Сурнин В. С., Кареев Г. А. Проблемы перехода экономики к устойчивому развитию (на примере Кемеровской области). Кемерово, 1998. С. 20–21.

2 Гашо И. А. Сущность и законы устойчивости воспроизводства : автореф. дис. … канд. экон. наук. Воронеж, 1996. С. 6.

3 Бувальцева В. И., Микельсон А. Ю., Сурнин В. С. Указ. соч. С. 37–38.

4 Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Вып. 2. № 18. С. 114.

Представителем первой позиции является О. В. Михалев, считающий, что «в категориальном смысле под экономической устойчивостью можно понимать способность региональной хозяйственной системы к развитию в любых условиях среды (в сильном смысле — „несмотря ни на что“) … Понимаемая таким образом экономическая устойчивость носит избирательный характер — система может развиваться, адаптируясь к позитивным флуктуациям внешней среды (конъюнктуры), вбирая их в себя и изменяясь в соответствии с ними, с одной стороны, и противостоя по возможности негативным флуктуациям, с другой стороны…»[1].

По мнению же Е. А. Ерохиной, под устойчивостью следует понимать способность системы, в том числе и экономической, сохранять «неизменность траектории своего движения, способность противостоять внутренним и внешним флуктуациям, которые могут вызвать скачок на другую (равновесную или неравновесную) траекторию, то есть фактически способность сохранять параметры в определенной области значений»[2].

Близкую позицию высказывает А. М. Фоломьев. Он полагает, что экономическая устойчивость отражает «сущность особого состояния хозяйственной системы в сложной рыночной среде, характеризующее определенную гарантию целенаправленности ее движения в настоящем и в прогнозируемом будущем»[3].

Два последних определения являются иллюстрацией того положения, что на трактовку понятия «устойчивое развитие» оказали заметное влияние технические науки, в частности механика. В последней устойчивость определялась как способность тела при движении или в покое противостоять влияниям извне, направленным на изменение исходного положения. К примеру, в своей статье «Критерии устойчивого развития: муниципальные аспекты» Н. А. Островский утверждает, что «устойчивость системы тем выше, чем меньше она зависит от внешних факторов… Именно натуральное хозяйство имеет наивысшую устойчивость»[4].

С нашей точки зрения, использование по существу этого определения применительно к развитию территориальных социально-экономических систем не совсем правомерно. Жизнеспособность

---

[1] Михалев О. В. Проблемы экономической устойчивости в теории и практике управления региональными хозяйственными системами : монография. Омск, 2011. С. 100.

[2] Ерохина Е. А. Развитие национальной экономики: системно-организационный подход : дис.... д-ра экон. наук. Томск, 2000. С. 148.

[3] Фоломьев А. М. Экономическая динамика и устойчивость хозяйственной системы // Государственное регулирование в стратегии устойчивого развития экономики России : сб. ст. СПб., 1996. С. 19.

[4] Островский Н. В. Критерии устойчивого развития: муниципальные аспекты. С. 3–4 [Электронный ресурс]. URL: http://n-t.ru/tp/ns/kur.htm.

таких систем определяется не неизменностью (стабильностью), а, как это ни парадоксально звучит, изменчивостью, позволяющей этим системам адаптироваться к новым условиям и требованиям внешней среды. Соответствие основных количественных и качественных параметров (характеристик) территории требованиям внешней среды является залогом ее конкурентоспособности и выживаемости.

Следующий момент, на котором нам бы хотелось остановиться, касается соотношения понятий «устойчивое развитие» и «рост».

Как правило, в научной литературе нет больших расхождений во мнениях ученых относительно того, что устойчивость социально-экономических систем связана с их развитием и ростом.

Другими словами, устойчивость интерпретируется как характеристика процесса, формирующего положительный тренд развития тех или иных параметров территориальной социально-экономической системы. Близко к этому распространенное в научных исследованиях понимание устойчивости развития как стабильного, долговременного, непрерывного и неуклонного процесса[1].

Так, например, в Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. это понятие раскрывается как «социально-экономическое развитие сельских территорий, при котором обеспечиваются рост, диверсификация и повышение эффективности сельской экономики; воспроизводство и повышение качества человеческих ресурсов, полная и продуктивная занятость трудоспособного населения; повышение качества жизни в сельских поселениях, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов»[2].

Однако, по нашему мнению, рассматриваемая ситуация не столь однозначна, как представляется на первый взгляд. Причина кроется в трактовке взаимосвязи двух дефиниций — «рост» и «развитие».

В научной экономической литературе нередко устойчивое развитие определяют как экономический рост. Подобный подход представляется нам методологически не совсем верным. Осознавая, что происходящие системные преобразования в экономике непременно влекут за собой соответствующие количественные изменения, необходимо разграничивать их содержательную сторону и количественные измерения, а, рассматривая во взаимосвя-

---

[1] Цит. по: Валентей С., Нестеров Л. Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 116.

[2] Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mcx.ru/documents/document /show/14914.142.htm.

зи, — не отождествлять[1]. Категория «развитие» позволяет судить прежде всего о качестве произошедших реформ, а также о том, что в содержательном плане поменялось в экономической формации, системе хозяйствования, существовавшей до момента перемен, по сравнению с нынешним ее состоянием. Рост, являющийся априори категорией количественной, позволяет оценить темпы изменения социально-экономических показателей в рамках произошедших процессов.

Близкое к изложенному выше соотношению понятий «устойчивости» и «роста» характерно и для академика Н. Я. Петракова. По его мнению, термин «экономическое развитие» в равной мере должен включать в себя понятия «рост» и «устойчивость». Отсюда эффективность экономического развития должна измеряться не максимизацией роста производственных мощностей и соответственно этому выпуска продукции, а его устойчивостью. Обеспечение устойчивого роста предполагает использование части ресурсов на поддержание определенного уровня стабильности системы. Эта часть ресурсов представляет собой своеобразную плату за сложность экономической системы. Таким образом, одна часть ресурсов идет на интенсификацию социально-экономического развития, а другая — просто на стабилизацию. Все это позволяет удерживать экономическую систему в равновесном состоянии, с векторной направленностью на ее дальнейшие рост и развитие, а также обеспечивает социальную стабильность в обществе[2].

С учетом сказанного выше в основу методологии анализа взаимосвязи понятий «развитие» и «рост» может быть положен известный диалектический закон перехода количества в качество.

Рассматривая его сущность, В. В. Ильин отмечает, что на определенном этапе количественные изменения приводят к качественным преобразованиям, в то время как уже новое качество способствует порождению новых количественных изменений[3]. Согласно данному закону экономический рост можно рассматривать как фактор экономического развития. Изначально импульс к развитию исходит из высоких темпов роста количественных показателей, в результате которых прогрессивное изменение в уровне

---

[1] Идея о разграничении понятий роста и развития приводится в книге: Мороз А. И. Социально-экономическое развитие региона: проблемы и пути их решения : монография / под ред. д-ра эконом. наук, проф., акад. НАНБ Г. М. Лыча. Гродно, 2007. С. 17 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.grsu.by/library/data/resources/catalog/ 118238–204089.pdf.

[2] Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 60.

[3] Цит. по: Ильин В. В. Философия : учебник : в 2 т. Т. 1. Ростов н/Д, 2006. С. 122 [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ilyin-philosophy-1-2-8I.pdf.

производительных сил и производственных отношений способствует экономическому развитию. Общее экономическое развитие социально-экономической системы региона, в свою очередь, оказывает положительное влияние на рост социально-экономических показателей[1].

Несмотря на отмеченное наличие взаимосвязи рассматриваемых понятий, изменение качественной и количественной сторон трансформационного процесса может происходить относительно независимо. Так, развитие территориальной системы может происходить и при отсутствии роста экономических и социальных показателей. Типичным примером такой ситуации является оптимизация ее структуры, не находящая своего проявления, до определенного времени, в росте количественных показателей.

Напротив, возможна ситуация, когда рост отдельных показателей не может трактоваться как развитие. Определения устойчивого развития, в основу которых положены рост и повышение показателей, что в принципе не вызывает возражений, обладают, на наш взгляд, одним недостатком. Оно не учитывает тех сложностей и противоречий, которыми буквально «пронизана» вся наша социальная и экономическая реальность.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров. Опыт советской экономики показал, что полная занятость населения, как правило, не приводит к эффективной экономике (следует говорить лишь о продуктивной занятости). Точно так же повышение качества жизни населения, связанное в первую очередь с ростом расходов на рабочую силу, не способствует росту экономической эффективности. Аналогично рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов сопряжено с большими, зачастую очень значительными затратами, позволить которые могут себе лишь развитые страны. Дополнительные затраты со всей очевидностью повысят себестоимость продукции и снизят эффективность производства. Говорить о положительном влиянии затрат на природоохранные мероприятия и эффективность производства можно, но лишь применительно к долгосрочной перспективе. Список таких «нестыковок» можно было бы продолжить.

---

[1] Социально-экономическое развитие региона и рост количественных показателей его экономики весьма тесно взаимосвязаны. Этот факт подчеркивается в работе ученых Института социально-экономических и энергетических проблем Уральского отделения РАН В. А. Иванова и А. С. Пономаревой. См.: Иванов В. А., Пономарева А. С. Методологические основы устойчивого развития аграрного сектора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 4 (16). С. 109–121 [Электронный ресурс]. URL: http://esc.vscc.ac.ru/file.php? module=Articles&action=view &file=article&aid=1530.

Что же касается так называемых внутренних функций села по формированию условий жизнедеятельности сельского населения, то здесь ситуация более однозначна. Нельзя не учитывать крайне низкую на сегодняшний момент планку доходов сельского населения, приводящую в конечном итоге к концентрации бедности на селе, неблагоприятную демографическую ситуацию, нехватку трудовых ресурсов, сворачивание потенциала социальной инфраструктуры и, как следствие, уменьшение доступности социально-культурных учреждений, происходящую самоликвидацию сельских поселений и т. п. Достижение положительного тренда, рост практически всех показателей социального развития села являются непременными атрибутами перехода к устойчивому развитию сельских поселений.

Нам представляется, что устойчивое развитие предполагает не неизменность (стабильность) либо ничем не оправданный рост количественных и качественных характеристик сельского сообщества и условий его жизнедеятельности, а поддержание их (характеристик) на уровне, позволяющем решать ключевые проблемы внутреннего развития сельской территории, а также обеспечить наиболее полное выполнение ею основных функций и, следовательно, конкурентоспособность территории в условиях изменяющейся внешней среды.

Теоретически с изложенных позиций даже уменьшение численности сельских жителей, при условии их достаточности для выполнения селом всей палитры присущих ему функций — от производства сельхозпродукции до контроля над территорией, не может, как нам представляется, однозначно оцениваться как неустойчивое развитие.

Заметим однако, что на сегодняшний момент снижение численности сельского населения не позволяет выполнять селу присущие ему функции. Так, по имеющимся данным, имеет место недостаток кадров в сельхозпредприятиях, в особенности рабочих массовых профессий; трудодефицитна и социальная сфера села. Усиливается несоответствие между численностью населения и размерами сельских территорий. Обезлюдивание села приводит к утере контроля за территориями. Таким образом, согласно принятому в исследовании подходу мы можем утверждать, что в настоящий момент снижение численности сельских жителей является одним из показателей неустойчивого развития сельских территорий.

Следует сказать и о том, что определение того, в какой мере село выполняет присущие ему функции, либо имеет место дисфункция (невыполнение функций) представляет собой задачу, не лежащую на поверхности. На этом направлении имеется ряд трудностей методологического и методического характера. Начнем

с того, что необходимо учесть все функции, реально выполняемые селом, включая латентные (скрытые)[1]. Ряд функций, выполняемых селом и представляющих собой общественно значимую ценность (сохранение ландшафта, культурного наследия, поддержание экологического равновесия и биосферы и др.), не всегда поддаются количественной или стоимостной оценке и не могут быть оценены по рыночным критериям эффективности.

Не остаются постоянными и требования к селу со стороны общества. К примеру, резко возросли требования к образовательно-культурному уровню призывников, значительную часть потребности в которых «закрывает» село. Ясно одно: степень выполнения селом той или иной функции должна определяться с учетом конкретных условий для данного места и времени.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что ситуация, при которой в науке нет общепринятого (зачастую вплоть до выхода официальных законодательных документов) определения того или иного явления, считается, можно сказать, типичной. Однако для категории «устойчивое развитие территорий» характерна не только многозначность трактовок, но и заметная терминологическая путаница. По утверждению видных специалистов в этом вопросе д.э.н., член-корр. Россельхозакадемии В.М. Баутина и руководителя Центра устойчивого развития сельских территорий, д.э.н. В.В. Козлова, порождена она неточностями перевода с английского языка, точнее, отсутствием в русском языке понятия, полностью совпадающего по смысловому значению с понятием английского языка[2].

Устойчивое развитие (англ. *sustainable development*) — процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциалы для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений. Эта формулировка понятия «устойчивое развитие» сейчас широ-

---

[1] В научной литературе по этому вопросу высказываются самые различные точки зрения. Несмотря на разнообразие предполагаемых учеными группировок и классификаций функций села, можно выделить достаточно устойчивый их набор (ядро функций села). Для примера, в Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. назван ряд важнейших народно-хозяйственных функций, выполняемых селом как социально-территориальной подсистемой общества. В их числе: производственная; продуцирования рабочих мест для городского населения; демографическая; трудоресурсная; природоохранная; рекреационная и агрорекреационная; жилищная; пространственно-коммуникационная; социального контроля над территорией.

[2] Баутин В.М., Козлов В.В. Указ. соч. С. 1.

ко применяется в качестве базовой во многих странах[1] и будет использована в дальнейшем в нашем исследовании.

1.3. Формирование системы индикаторов и показателей устойчивого развития территориальных систем: методические подходы

За последнее десятилетие в мире все шире начинает распространяться «индикаторное мышление». Необходимость инструментальной оценки происходящих процессов, возможность осуществить ретроспективный анализ и попытаться заглянуть в будущее требуют формирования соответствующих индикаторов и количественных показателей. Эти моменты ярко проявились в концепции устойчивого развития[2].

Впервые необходимость разработки индикаторов устойчивого развития была отмечена в «Повестке дня на XXI век», принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В частности, в ней отмечалось, что контроль за достижением целей устойчивого развития, управление этим процессом, оценка эффективности используемых средств и уровня достижения поставленных целей требуют разработки соответствующих критериев и показателей — индикаторов устойчивого развития (далее — ИУР)[3].

По мнению С. Н. Бобылева, индикаторы устойчивого развития должны отражать экономические, социальные и экологические аспекты удовлетворения потребностей современного поколения без ограничения будущих поколений по удовлетворению собственных потребностей[4].

---

1 Цит. по: Валентей С., Нестеров Л. Указ. соч. С. 114.

2 Бобылев С. Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. Пособие по региональной экологической политике. М., 2007. С. 4.

3 Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Материалы международной конференции «Устойчивое развитие: природа – общество – человек». М., 2006. Т. 1. С. 128.

4 С. Н. Бобылев является видным специалистом в области разработки и расчета индикаторов устойчивого развития, идеи которого широко использованы при написании данного параграфа. Вместе с тем нельзя не отметить, что, с нашей точки зрения, приведенное мнение не совсем корректно, поскольку устойчивое развитие как раз и базируется на необходимости удовлетворения не всех, а исключительно рациональных (разумных) потребностей и, соответственно, введении ограничений в потребление как современного, так и будущего поколений.

Индикаторы устойчивого развития предназначены:

1) отражать цели, вытекающие из общегосударственных/региональных стратегических программ. Индикаторы отражают ключевые цели и мероприятия, определенные в рамках региональных программ развития и программ социально-экономического развития России. Это дает возможность устанавливать ряд целевых показателей для каждого индикатора, обеспечивая таким образом более четкое видение и понимание общих целей политики;
2) обеспечивать основу для оценки хода реализации этих стратегий на различных уровнях (технические и управленческие цели). Индикаторы дают возможность осуществлять измерение, мониторинг, оценку и анализ темпов и эффективности движения по направлению к достижению целей устойчивого развития и в случае необходимости корректировать общую политику таким образом, чтобы направить развитие в нужное русло, обеспечивающее его устойчивость;
3) использоваться для обеспечения информационной поддержки процессов планирования и принятия решений в региональных администрациях и других ведомствах и организациях. Это целесообразно прежде всего для информирования о последствиях и результатах реализации специальных программ устойчивого развития, принятых в отдельных ведомствах и организациях, с тем, чтобы эти последствия и результаты могли быть проанализированы в более широком контексте;
4) обеспечивать информирование широкой общественности о ходе реализации стратегий, о темпах движения к устойчивому развитию в четкой и доступной форме, способной стимулировать необходимые изменения в поведении населения.

Разработка индикаторов возможна на трех уровнях: федеральном, региональном (области, края, автономии и др.), местном/локальном (районы, муниципалитеты, города и др.). На этих уровнях могут разрабатываться свои собственные системы индикаторов, отражающие особенности развития территорий. Так, индикаторы, разработанные на федеральном уровне, не всегда будут одинаково полезными для различных уровней государственной власти. Не все региональные ИУР могут применяться с одинаковой эффективностью на федеральном или местном уровнях и наоборот. В идеале, как отмечает С. Н. Бобылев, целесообразно иметь «сквозные» индикаторы, которые применимы для любого уровня — федерального, регионального, местного. К числу таких индикаторов принадлежат многие социальные и экологические показатели, по которым имеется статистика. Вместе с тем в зави-

симости от уровня анализа системы индикаторов могут существенно различаться.

Мировой и российский опыт показывает, что индикаторы устойчивого развития должны по возможности удовлетворять следующим критериям:

— применяться на региональном и федеральном уровнях;
— быть понимаемыми и иметь однозначную интерпретацию для лиц, принимающих решения;
— иметь количественное выражение;
— опираться на имеющуюся систему национальной статистики и не требовать значительных издержек для сбора информации и расчетов;
— оценивать динамику;
— давать сквозное представление по уровням (федеральный, региональный) и секторам;
— соответствовать действующим особенностям принятия решений;
— быть репрезентативными для международных сопоставлений;
— иметь ограниченное число и др.[1]

Первой комплексной разработкой системы ИУР стала работа Комиссии по устойчивому развитию ООН (КУР ООН), представленная более 10 лет назад (1996). Общее число предложенных индикаторов составляло 132. Все индикаторы были разделены на четыре группы: социальные (41 индикатор), экономические (26), экологические (55) и организационные (10). В 2006 г. была подготовлена ее очередная новая модификация[2]. Следует также отметить исследования Всемирного банка, предлагающего индикаторы в рамках ежегодного доклада «Индикаторы мирового развития» («The World Development Indicators»). Широкое признание в мире и отдельных странах получила система экологических индикаторов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), разработанная на основе структуры «давление — состояние — реакция»[3], и ее модификации. Все шире в мире и отдельных странах используются ИУР, связанные с качеством среды обитания человека. Отражение экологического фактора, ущербов для среды и здоровья населения в показателях устойчивого развития позволяет проводить эффективную политику. В качестве примера показателей устойчивости, пытающихся отразить

---

1 Бобылев С. Н. Указ. соч. С. 12.

2 Руководство по отчетности в области устойчивого развития. 2000–2006. ООН. Версия 3.0 [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalreporting.org/resourcelibrary/ Russian-G3-Reporting-Guidelines.pdf.

3 Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 130.

не только природно-ресурсную компоненту и загрязнение окружающей среды, но и связь состояния среды со здоровьем, можно привести индикаторы из Целей ООН в области развития на пороге тысячелетия (Цели развития тысячелетия) (ЦРТ)[1].

В последнее время в мире все чаще, наряду с системами, содержащими достаточно много показателей, разрабатываются «сжатые» системы индикаторов. Для лиц, принимающих решения и нуждающихся лишь в самой приоритетной информации по устойчивому развитию и охране окружающей среды, рекомендуется сокращенный список так называемых ключевых (или базовых) индикаторов устойчивого развития, отражающих важные экологические проблемы. Так, КУР ООН сократила более чем в 2 раза число предлагаемых показателей (всего предложено 132 показателя). Аналогичным путем идут многие страны. Пятнадцать ключевых/базовых индикаторов были выделены в Великобритании на основе стратегии устойчивого развития «Лучшее качество жизни». В США по основным критериям были выделены 400 показателей, и последующий отбор по дополнительным критериям сократил их число до 40. В рамках проекта Всемирного банка и Минэкономразвития России по разработке систем ИУР для Российской Федерации была предложена достаточно «сжатая» система ключевых индикаторов. Выбрано семь приоритетных ключевых индикаторов и их модификаций, построенных по структуре «проблемы — индикаторы». Использование ключевых/базовых индикаторов по тематическим направлениям дает намного более четкую картину ситуации с уровнями устойчивости. Поэтому для регионов, по мнению С. Н. Бобылева, лучше выбирать ключевые индикаторы для отображения тех вопросов, которые интересуют и волнуют широкие круги населения. Ключевые индикаторы являются очень полезными с точки зрения информирования населения о базисных вопросах устойчивости.

Второй подход к построению региональных ИУР предполагает разработку агрегированного (интегрального) индикатора. Наличие агрегированного индикатора на региональном уровне, выраженного количественно, является идеальным для лиц, принимающих решения, с точки зрения учета фактора устойчивости в развитии региона. По одному такому показателю можно было бы судить о степени устойчивости территории, экологичности траектории ее развития. То есть этот показатель может быть своеобразным аналогом ВВП, национального дохода, по которым сейчас часто измеряют успешность экономического развития, экономиче-

[1] Цели развития тысячелетия в контексте России: преобразуя экономический рост в устойчивое социальное развитие [Электронный ресурс]. URL: http://www.undp.ru/ download.phtml?$ 353.

ское благосостояние. Если подобный агрегированный индикатор растет, то имеют место процессы устойчивого развития, если он уменьшается (или он отрицательный), то налицо «неустойчивость» процесса. Однако, в силу методологических и статистических проблем сложностей расчета, общепризнанного в мире интегрального индикатора еще нет.

Интегральный подход к построению агрегированного индикатора устойчивости наиболее полно реализован в разработках ООН и Всемирного банка. Этими международными организациями предложены методики, позволяющие включить экологический фактор в национальные счета, в показатели национального богатства. В практике международных организаций и многих стран широкое распространение получили следующие три индикатора: истинные сбережения, индекс развития человеческого потенциала, природный капитал. Эти показатели использовались и в российских региональных проектах.

Истинные сбережения — это реальная скорость накопления национальных сбережений после надлежащего учета инвестиций в увеличение человеческого капитала, истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды. Этот индикатор предложен и рассчитывается Всемирным банком для всех стран мира. Он является результатом коррекции валовых внутренних сбережений, т. е. валового накопления. По сравнению с традиционными макроэкономическими показателями, оценки истинных сбережений включают в себя более широкий учет человеческого капитала и экологического фактора. Значение измерения истинных сбережений для политики устойчивого развития достаточно ясно: постоянно отрицательные показатели истинных сбережений показывают формирование антиустойчивого типа развития и должны неизбежно привести к ухудшению благосостояния[1].

Для России расчеты истинных сбережений, осуществленные Всемирным банком в 1999–2007 гг., дают отрицательную величину. Так, в 2000 г. при уникальном росте ВВП страны на 9% этот индикатор уменьшился на 13%, что объясняется истощением природных энергетических ресурсов. Расчеты для Томской и Кемеровской областей также дали отрицательную величину истинных сбережений, что связано в первую очередь с добычей полезных ископаемых. По Воронежской области этот индикатор дал положительную величину, что объясняется увеличением человеческого и физического капиталов при незначительном истощении природного капитала. Для лиц, принимающих решения на региональ-

[1] Скорректированная чистая экономия. Методика Всемирного банка по расчету индикаторов устойчивого развития // The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS.

ном и федеральном уровнях, показатель истинных сбережений важен тем, что он отражает необходимость проведения политики компенсации истощения природного капитала за счет роста инвестиций в человеческий и физический капиталы[1].

К агрегированным индикаторам устойчивого развития относят также индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), отражающий главным образом социальные аспекты устойчивого развития. Этот индекс разработан в рамках Программы развития ООН. ИРЧП рассчитывается на основе трех показателей: долголетия, измеряемого как продолжительность предстоящей жизни при рождении; достигнутого уровня образования; уровня жизни, измеряемого на базе ВРП на душу населения на основе паритета покупательной способности (ППС).

В число важных агрегированных индикаторов устойчивости входит природный капитал, измеряемый на основе методики определения экономической ценности природных объектов, разработанной Статистическим отделом ООН. В соответствии с методикой эколого-экономического учета выделяются два базовых компонента: физический учет природных ресурсов и их денежная оценка.

Наряду с агрегированными индикаторами, для оценки устойчивости региональной и страновой политик в мире широко применяются показатели природоемкости, отражающие затраты природных ресурсов и объемы загрязнений на единицу конечного результата. Практически во всех системах индикаторов международных организаций, отдельных стран различные модификации этого показателя широко представлены. Уменьшение природоемкости экономики в динамике является одним из эффективных критериев устойчивого развития.

Важнейшим ключевым индикатором природоемкости является энергоемкость, являющаяся приоритетным показателем. В настоящее время энергоемкость российской экономики чрезвычайно высока (в среднем в 2,5–4 раза выше, чем в развитых странах). Конечно, Россия — северная страна, но показатели Скандинавских стран говорят об огромном потенциале экономии энергии. В соответствии с оптимистическим сценарием Энергетической стратегии энергоемкость должна быть сокращена на 45% к 2015 г. и на 58% — к 2020 г. Однако такие темпы уменьшения этого показателя при современных тенденциях сырьевого природоэксплуатирующего развития маловероятны.

С. Н. Бобылев и В. М. Захаров выделяют методические подходы к разработке региональных ИУР. Информационной основой для разработки ИУР и их последующего использования в про-

[1] Цит. по: Бобылев С. Н. Указ. соч. С. 19.

цессе принятия решений на региональном/федеральном уровнях могут служить: международная статистическая информация; государственная статистическая информация; ведомственная информация; региональная информация; методические разработки по учету экологических параметров в документах, определяющих стратегические направления развития отраслей; научные публикации и разработки в данной сфере исследований. Примером статистической информации, которая охватывает большинство перечисленных выше источников, могут служить методики расчета ИУР Всемирным банком. В ежегодно публикуемом банком статистическом сборнике «Индикаторы мирового развития» используются данные научных разработок, которые затем с привлечением международной и страновой статистики используются при оценках соответствующих показателей для всех стран и регионов мира. Для России важным результатом реализованных в стране проектов явился вывод о том, что разработанные для регионов индикаторы могут основываться на данных существующей федеральной и региональной статистики. Это существенно облегчает получение необходимой информации и расчет индикаторов, дает возможность достаточно полно оценить продвижение регионов по пути устойчивого развития на основе регионального мониторинга.

В ходе разработки ИУР на региональном уровне можно рассматривать несколько подходов, которые различаются по структуре и по принципам построения. Как отмечалось ранее, возможно выделение двух наиболее распространенных в теории и на практике методических подходов. Первый подход базируется на построении системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей: экономические, экологические, социальные, институциональные. Второй подход предполагает построение агрегированного (интегрального) индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: экономических, социальных, экологических.

Что касается Алтайского края, то, с нашей точки зрения, важно при разработке ИУР акцентировать внимание на индикаторах и показателях, отражающих развитие сельской местности. Вопрос устойчивого развития сельских территорий Алтайского края носит комплексный характер, и его решение может быть достигнуто с применением программно-целевого подхода. Постановлением Администрации Алтайского края от 02.08.2011 № 420 утверждена долгосрочная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг., которая близка

по смыслу Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г.

Как уже отмечалось, по большинству основных показателей социального и экономического развития сельская местность отстает от среднекраевых значений. Более низкое качество окружающей среды, денежных доходов населения и возможности для самовыражения подталкивают сельских жителей к миграции, создают благоприятную среду для распространения различных социальных заболеваний и ведут к более высоким показателям смертности.

Однако сельская местность Алтайского края обладает уникальным природным, рекреационным потенциалом. Перспективы развития сельских территорий связаны с несельскохозяйственной занятостью населения. В этой связи актуальны государственная поддержка предпринимательства, повышение гибкости сельского рынка труда. Одним из ключевых факторов усиления привлекательности сельских территорий является создание комфортных условий для проживания: строительство современного жилья, повышение уровня его благоустройства.

Большинством бюджетных целевых программ Алтайского края предусмотрены мероприятия, направленные на развитие сельских территорий. Мониторинг программных мероприятий проводится органами исполнительной власти в разрезе муниципальных районов.

В долгосрочной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг. в качестве важнейших целевых индикаторов и показателей рекомендованы: уровень официально зарегистрированной безработицы в сельской местности, среднемесячные денежные доходы населения, ввод жилья в сельской местности, ввод в действие распределительных газовых сетей и локальных водопроводов. На их основе сформировано 10 целевых индикаторов программы с определением значения каждого из них по годам и ожидаемых конечных результатов реализации программы и показателей ее социально-экономической эффективности[1].

В настоящее время, согласно Указу Президента РФ от 12.05.2009 № 536[2], в Алтайском крае проводится работа по со-

---

[1] Об утверждении долгосрочной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 годы : Постановление Администрации Алтайского края от 02.08.2011 № 420 [Электронный ресурс]. URL: http://www.econom22.ru/economy/prognoz/register_of_documents_of/Post420_20110802.pdf.

[2] Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 536 [Электронный ресурс]. URL: http://lj.rossia.org/users/anticompromat/587675.html.

зданию информационно-аналитической системы ситуационного центра (далее — СЦ АК) стратегического планирования. СЦ АК необходим для подготовки на региональном и отраслевом уровнях единых исходных данных, которые планируется рассчитывать согласно методическим принципам и алгоритмам расчетов комплексных оценок, разработанных в рамках данного проекта.

Прогнозирование возможных вариантов развития социально-экономической обстановки производится в соответствии со сценарными условиями Минэкономразвития России. Анализ сбалансированности прогноза планируется проводить с помощью специализированного программного комплекса имитационного моделирования. Методология проведения анализа предполагает сопоставление балансовых соотношений по сценарным направлениям с соответствующими показателями прогноза социально-экономического развития Алтайского края. По результатам прогнозирования значений показателей рассчитывается комплексный прогнозный индекс социально-экономического развития края, который в совокупности с текущим индексом развития определяет индекс безопасности социально-экономического развития края. Результаты прогнозирования при различных сценарных условиях и на различные временные интервалы определяют соответствующие индексы безопасности развития[1].

Заметный вклад в разработку системы индикаторов и показателей устойчивого развития Алтайского края внесли В. В. Мищенко, О. Н. Ютяева. Они предложили оригинальную систему индикаторов устойчивого развития Алтайского края, отличительной особенностью которой является учет приоритетных направлений его развития[2]. В рамках данной системы рассчитан интегральный индикатор истинных сбережений ресурсов Алтайского края с учетом истощения плодородия почв, который имеет отрицательное значение, что свидетельствует об антиустойчивых тенденциях в развитии региона. Ими разработан подход к формированию системы индикаторов экономической безопасности агропромышленного региона, специфика которого заключается в использовании стратегических индикаторов структурной перестройки краевого АПК, индикаторов воспроизводственной функции кредитов регионального банковского сектора, индикаторов платежеспособности и финансовой устойчивости предприятий территориальной экономики.

---

[1] Алтайский край станет пилотным регионом по созданию ситуационного центра электронного правительства [Электронный ресурс]. URL: http://politsib.ru:8080/news/ 46050.

[2] Мищенко В. В., Ютяева О. Н. Устойчивое и безопасное развитие региона: оценка и обеспечение : монография. Барнаул, 2012. С. 85–87.

Выделены ключевые индикаторы устойчивого и безопасного развития Алтайского края, требующие наиболее быстрого и адекватного реагирования со стороны органов власти региона.

Таким образом, в результате изучения методических подходов формирования системы индикаторов и показателей устойчивого развития территориальных систем можно сделать несколько выводов.

Существуют различные подходы к формированию региональной системы индикаторов устойчивого развития, которые варьируются в зависимости от специфики воспроизводства и особенностей конкретной территории. Относительно эффективности мониторинга необходимо отметить, что те индикаторы, которые соотносятся с ВРП, возможно посчитать лишь с некоторым запозданием по времени, что ухудшает возможность оперативных решений. Однако работа с индикаторами устойчивого развития необходима в процессе управленческой деятельности органов власти территориальной системы.

Формирование адекватной системы оценочных индикаторов является необходимой базой для стратегического планирования деятельности органов власти региона по обеспечению его устойчивого развития, разработки политики в этом направлении и мониторинга ее реализации.

1.4. Основные подходы к анализу и оценке неравномерности пространственного развития

Анализ и оценка различий в развитии территориальных социально-экономических систем стало одним из традиционных направлений исследования в региональных науках. При этом возможна реализация различных вариантов. Так, по мнению Б. Л. Лавровского, в рамках исследования территориальных аспектов развития экономической системы возможны два подхода. В одном из них изучается развитие отдельной территориальной подсистемы во времени. В рамках этого «динамического» подхода исследуются обычно показатели динамики, отраслевых структурных сдвигов в подсистеме за тот или иной промежуток времени. Здесь же изучаются роль и значение той или иной отдельной территориальной подсистемы в экономике страны. Приведенный аспект анализа обычно описывается понятием «развитие региона (регионов)».

При другом подходе к исследованию пространственных аспектов развития рассматривается территориальная система, взятая

в единстве всех своих подсистем. Основная идея данного «структурного» подхода сводится к оценке развития подсистем друг относительно друга или территориальной системы в целом. Данный аспект анализа обычно описывается понятием «региональное развитие»[1].

Несколько иначе представляется это И. И. Кузнецовой. Она также выделяет два общих подхода к исследованию дифференциации. Первый подход, по ее мнению, заключается в изучении между регионами (территориями региона) на основе совместного анализа соответствующих показателей с целью построения рейтингов (комплексных оценок) территорий. В основе второго подхода лежит анализ данных по группе территорий с целью построения рейтингов дифференцированных показателей[2].

Оценка территориальных различий в Российской Федерации проводится применительно к различным территориальным социально-экономическим системам. В их числе наиболее крупные территориальные образования — федеральные округа. Одно из наиболее распространенных направлений исследования — оценка региональной асимметрии. Что касается внутрирегиональных различий, то чаще всего они рассматриваются либо в контексте «город — село», либо как межрайонные различия. Сельские поселения в качестве объекта исследования, как указывалось ранее, встречаются гораздо реже.

Таковы, на наш взгляд, главные направления анализа пространственного развития. Наряду с этим, имеются и оригинальные исследования, в которых в качестве объекта для сравнения выступают и другие территориальные образования.

Так, И. Д. Тургель трактует понятие локальной асимметрии регионального развития «как сложного, многопланового явления, взаимосвязанными компонентами которого являются:

— дифференциация социально-экономических показателей муниципальных образований, входящих в состав области, края, республики и т. п.;
— дифференциация социально-экономических показателей экономико-географических регионов, выделяемых в границах субъекта Федерации;
— дифференциация социально-экономических показателей регионального Центра и прочих муниципальных образований;

---

[1] Лавровский Б. Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. 2003. № 4. С. 524.

[2] Кузнецова И. И. Проблемы территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды ИСА РАН. 2006. Т. 22. С. 264.

— дифференциация социально-экономических показателей между и внутри групп муниципальных образований, выделяемых по сущностно-значимым основаниям»[1].

При оценке территориальной дифференциации важными являются два момента. Один из них связан с используемой методикой анализа территориальных различий, а другой — с интерпретацией полученных результатов. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Прежде всего, отметим чрезвычайное разнообразие методических подходов к оценке развития пространственных систем. Этот тезис имеет отношение главным образом к системе индикаторов и показателей, присущих регионоведческим работам. Так, набор показателей для оценки уровня либо динамики социально-экономического развития территориальной системы меняется в зависимости от уровня исследования. Чем выше уровень, например сравнение федеральных округов либо межрегиональные сравнения, тем более обобщенный характер имеют показатели и более полон их круг, что объясняется возможностями статистики.

Напротив, оценка территориальной дифференциации внутри одного региона проводится с помощью ограниченного круга показателей. Заметим, что этот недостаток компенсируется использованием в процессе анализа различий в развитии муниципальных образований социологической информации, например экспертных оценок.

Как правило, методика сравнения территориальных образований представляет собой трехшаговую процедуру. На первом шаге проводится отбор наиболее существенных показателей социально-экономического развития территориальной системы; на втором — так называемая факторная оценка состояния территориальной системы и региональных (внутрирегиональных) различий по отдельным показателям; на третьем шаге формируются интегральные показатели, используемые для типологизации рассматриваемых территориальных образований. Формирование интегральных показателей (индексов) производится также различными методами, зачастую с использованием балльной оценки.

По мнению С. А. Суспицына, наибольшую популярность среди таких сопоставлений приобрели рейтинговые сравнения социально-экономического развития регионов. Простота методик сравнительного анализа, позволяющих рассчитывать балльные оценки, ранги, частные и сводные рейтинги по достаточно ши-

---

[1] Тургель И. Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М. А. Портного. Вып. XVI. М., 2000. С. 234.

рокому кругу явлений и показателей социально-экономического развития регионов, сделали их доступными для специалистов, ученых, статистиков и др.

Основная идея рейтинговых методов состоит в возможности построения относительно простыми средствами упорядоченных оценок сравнительного положения регионов Российской Федерации. Использование большинства конкретных подходов позволяет формировать однородные массивы региональных показателей, которые затем нормируются (приводятся к единому масштабу) для обеспечения корректности межрегиональных сопоставлений. Построенные таким образом совокупности региональных показателей (индикаторов) пригодны для сравнения. Рейтинги могут быть локальными (частными — по отдельным индикаторам) или сводными (комплексными — по совокупности индикаторов). При проведении комплексных сравнений отдельным индикаторам экзогенно могут быть заданы веса, отражающие их неравнозначность[1].

В качестве оцениваемых характеристик в сравнительных исследованиях могут выступать как отдельные показатели развития территориальной социально-экономической системы[2], так и достаточно широкий набор признаков, комплексно и всесторонне ее характеризующих.

В этом плане показательна работа А. Я. Троцковского. Им было проанализировано четыре блока показателей, характеризующих: население, систему расселения, развитие социально-бытовой и производственной сфер территории. Оценка населения осуществлялась с помощью таких индикаторов, как возрастная структура, естественное и механическое движение населения и др. (всего 14 показателей). Характеристика расселения производилась с помощью следующих индикаторов: заселенность территории; концентрация сельского населения; удаленность района от городских опорных центров и железных дорог и др. (всего 26 показателей). Состояние социально-бытовой сферы оценивалось с помощью следующих индикаторов: обеспеченность сельского населения услугами; территориальная плотность социальной инфраструктуры; обеспеченность поселений учреждениями инфраструктуры в расчете на 10 сельских населенных пунктов и др. (всего 48 показателей). Наконец, производственная сфера также раскрывалась с помощью ряда индикаторов, а именно: развитость общественного сельхозпроизводства; развитие личного подсобного хозяйства

---

[1] Суспицын С. А. Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. 2005. № 2. С. 97.

[2] Глущенко К. П. Методы анализа территориального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 55.

сельского населения; сельскохозяйственная освоенность территории; концентрация производства сельскохозяйственных предприятий; эффективность сельскохозяйственного производства и др. (всего 26 показателей)[1].

Заметим, что работ, столь широко и комплексно раскрывающих уровень социально-экономического развития территориальной системы, немного. Как правило, исследователи-регионалисты ограничиваются несколькими основными, на их взгляд, показателями. К примеру, для оценки неравномерности пространственного развития А. И. Буфетова использовала среднедушевые показатели объема промышленной продукции, оборота розничной торговли, инвестиции в основной капитал, ввод в действие общей площади жилых домов, а также темпы изменений названных показателей[2].

С. А. Суспицын для оценки социально-экономического положения регионов и межрегиональных различий использовал шесть относительных индикаторов, в числе которых объем промышленного производства, плотность инвестиций, объем строительства жилья, уровень безработицы, заработной платы и бюджетной обеспеченности[3].

А. А. Победин, оценивая внутрирегиональную дифференциацию муниципальных образований Свердловской области, опирался на важнейшие социально-экономические показатели, среди которых средний уровень заработной платы, уровень безработицы, численность врачей в расчете на 10 тыс. населения, душевая обеспеченность жильем, уровень преступности в расчете на 100 тыс. жителей[4].

И. Н. Меренкова анализировала степень дифференциации сельских территорий Воронежской области с точки зрения основных сфер: экономической, социальной, экологической и институциональной. В качестве показателей экономической сферы были определены: рентабельность реализации продукции с учетом субсидий; стоимость валовой продукции на одного труженика, занятого в сельскохозяйственном производстве; затраты на производство

---

1 Троцковский А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. Новосибирск, 1997. С. 192–194.

2 Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 58.

3 Суспицын С. А. Указ. соч. № 2. С. 105–106.

4 Победин А. А. Внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области // Научный вестник Уральской академии государственной службы. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.uapa.ru/ru – ru/issue/2010/04/15/.

продукции на 1 га сельскохозяйственных угодий; выручка от реализации продукции на одного занятого в сельскохозяйственном производстве. Для характеристики социальной сферы были использованы следующие показатели: коэффициент естественного движения населения районов; доля занятого сельского населения; соотношение среднемесячной заработной платы работников сельскохозяйственных организаций со среднерайонной заработной платой; объем розничной торговли на душу населения[1].

И. Д. Тургель при оценке локальной асимметрии регионального развития использовала в расчетах показатели динамики производства промышленной продукции, уровня безработицы и среднедушевого розничного товарооборота, опосредованно отражающего уровень доходов населения[2].

За основу типологии сельских территорий Алтайского края Н. Н. Чиняков взял две оценки: социально-экономическое развитие муниципального образования и качество жизни населения[3].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют «разнобой» методик, применяемых для оценки региональной (внутрирегиональной) дифференциации, в том числе и в части системы индикаторов и показателей. Данное обстоятельство, и это отмечают многие исследователи, существенно затрудняет сравнение результатов различных исследований, выявление тенденций развития пространства.

Следует отметить, что разнообразие подходов касается не только процесса формирования информационной базы. Не менее разнообразен и широк спектр методов экономической статистики, используемых исследователями для оценки дифференциации регионального развития. Наряду с широким использованием средних значений показателей, применяются такие методы статистического анализа, как расчет размаха, стандартного отклонения, коэффициента вариации, коэффициентов асимметрии и эксцесса.

Наиболее часто дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований оценивается с помощью коэффициента вариации, показывающего относительное изменение анализируемого признака и позволяющего производить сравнение признаков, измеряемых в различных единицах.

По нашему мнению, формирование различными исследователями системы индикаторов и показателей происходит не-

---

1 Меренкова И. Н. Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 24. С. 50–51.

2 Тургель И. Д. Указ. соч. С. 235.

3 Чиняков Н. Н. Некоторые проблемы социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.timacad.ru /conf_news/section2/section2.php.

достаточно обоснованно[1]. Как показал анализ литературы, чрезвычайно редко встречаются работы, где бы сформированная система индикаторов и показателей развития территорий оценивалась с позиций соответствия определенным требованиям. Между тем в научной литературе изложены требования как к системе показателей в целом, так и к каждому отдельному показателю.

Так, главными требованиями к системе показателей в целом являются полнота и относительная пропорциональность отражения различных сторон изучаемого объекта. В числе основных требований к наборам показателей, формирующим индикаторы, следующие: во-первых, каждый набор показателей должен отражать содержание изучаемого явления многосторонне, с разных точек зрения, с помощью разных способов измерения; во-вторых, для отражения каждой стороны явления желательно учитывать не один, а хотя бы два-три показателя; в-третьих, имеет смысл объединять в одном наборе, на базе которого будет строиться индикатор, показатели, большинство из которых сходным образом дифференцируют изучаемые объекты.

Определенные требования предъявляются и к каждому включаемому в проект информационной базы показателю. Во-первых, все проектируемые показатели должны быть практически доступными и в известной мере надежными. Во-вторых, вбираемые показатели должны как можно более непосредственно отражать изучаемое явление, так как косвенные показатели чаще всего бывают многозначными, могут интерпретироваться по-разному. В-третьих, важно, чтобы социально-экономический смысл каждого показателя для всех объектов был стабильным и однозначным. Наконец, желательно, чтобы используемые для построения типологии показатели относились если не прямо к изучаемому объекту, то хотя бы к объектам, границы которых к нему близки[2].

В заключение краткого обзора сложившихся в отечественной региональной экономике основных подходов к анализу и оценке неравномерности пространственного развития акцентируем внимание на одном из наиболее важных моментов исследования — интерпретации полученных результатов. В этих целях

---

[1] Близких позиций придерживается ведущий специалист в области межрегиональных экономических измерений С. А. Суспицын. По его утверждению, «интереса исследователей к совершенствованию методик межрегиональных сопоставлений, обоснованию корректности методов оценки и достоверности результатов сравнений не наблюдается». См.: Суспицын С. А. Указ. соч. С. 97.

[2] Троцковский А. Я. Указ. соч. С. 49. ...

воспользуемся некоторыми базовыми понятиями теории регионального развития, изложенными в работах Б. Л. Лавровского и широко используемыми другими исследователями.

С точки зрения Б. Л. Лавровского, «существуют только три типа регионального развития, которые можно назвать: асимметричный, гармоничный и нейтральный. Асимметричным, или дисгармоничным, называется такой тип (характер) регионального развития за определенный период, при котором регионы, имеющие относительное преимущество по тому или иному показателю в начале периода, в дальнейшем его наращивают, а регионы, имеющие относительное отставание, — его усугубляют; гармоничный (симметричный) — тип регионального развития, при котором разрыв региональных показателей значимо сокращается. Наконец, нейтральным называется тип развития, при котором соотношение региональных показателей в течение периода остается приблизительно неизменным.

Асимметричное развитие связывается с центростремительными тенденциями, взаимным удалением региональных показателей друг от друга, все большим межрегиональным различием (расслоением); гармоничное развитие соответствует взаимному сближению региональных показателей, большей региональной однородности. Тот или другой тип регионального развития не может быть априори объявлен позитивным или негативным. Скажем, результатом асимметричного развития может быть улучшение показателя во всех регионах. И, наоборот, сближение региональных показателей во времени может сопровождаться их тотальным ухудшением.

Численное значение порога, за которым межрегиональные пропорции, считавшиеся ранее допустимыми, выходят за пределы нормы, порождая тем самым чрезмерные контрасты, зависит от множества обстоятельств. Важно лишь иметь в виду, что такие пороги (уровни, границы, пределы) существуют. Тогда региональными диспропорциями будем называть явление, при котором разница в развитии регионов превышает некоторый (предельный, критический) уровень»[1].

Такова общая постановка вопроса, которую разделяют большинство исследователей. Однако проблема состоит в том, что до настоящего времени оптимальные (рациональные) пропорции в развитии территориальных систем наукой не определены. Как показал анализ литературы, исследователи обращают свое внимание главным образом на рост межрегиональных и внутрирегиональных различий. Этому имеется вполне логичное объ-

[1] Лавровский Б. Л. Указ. соч. С. 525.

яснение: глубокая дезинтеграция экономического пространства России является одним из факторов, тормозящих ее устойчивое развитие[1].

С другой стороны, степень различия между территориальными системами является механизмом, движущей силой развития пространства. Стагнация и упадок одних территорий, как отмечали теоретики региональной науки, выступают необходимой предпосылкой роста и процветания других территорий. Интерпретируя результаты исследования, об этом нельзя забывать.

Отметим, что одна из немногих идей, разделяемых большинством ученых, состоит в том, что позитивная либо негативная оценка процессов региональной дифференциации, рациональности межрегиональных пропорций должна производиться с позиций устойчивости развития не отдельной территориальной подсистемы, а всей системы в целом.

---

[1] Сидельников Н. В. Оценка неравномерности развития муниципальных образований // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 23.

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

2.1. Развитие системы «центр — периферия» в контексте основных теорий пространственного развития

Выделение центра и периферии в качестве двух основных элементов пространства, как показал анализ теорий пространственного развития, получило широкое распространение в регионалистике[1]. Однако, изучая закономерности и тенденции пространственного развития, ученые вкладывают в понятия «центр» и «периферия» различное содержание. Нет и единых общепринятых критериев для их выделения.

В рамках данного исследования под центром пространственного развития в самом общем виде понимаются территориальные социально-экономические системы, выполняющие опорные, базовые функции в системе расселения, продуцирующие механизмы ее трансформации и характеризующиеся более высоким по сравнению с периферией уровнем социально-экономического развития. Таковыми в различных теориях пространственного развития являются центральные места (В. Кристаллер), центры, полюсы, точки и оси роста (Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Ж. Будвиль, П. Потье и др.), агломерации (Х. Ричардсон), экономические ядра (К. В. Павлов) и т. п.

Согласно основателю теории «центр — периферия» Дж. Фридман под центром понимает место генерирования технологических, социальных и других нововведений, тогда как понятие «периферия» служит средой их распространения, развитие которого зависит от контактов с центром. Такое разделение функций обычно

---

[1] Регионалистика — единая дисциплина, включающая в себя взаимосвязанную систему наук, отражающих влияние регионализации на все стороны жизни общества. См.: Федерализм : энциклопедический словарь. М., 1997. С. 199.

сопряжено с различиями в концентрации и интенсификации деятельности, в ее видовом составе, управленческой иерархии территорий, уровне их развития в целом[1].

Специфика использования вышеуказанных понятий обусловлена не столько особенностями понятийного аппарата той или иной региональной науки (региональной экономики, экономической и социальной географии, социологии региона и пр.), сколько тем уровнем, на котором изучается пространство.

По нашему мнению, в зависимости от того, какие именно территориальные системы рассматриваются в качестве объекта исследования, возможно выделение следующих основных уровней анализа пространства:

— мировое пространство как совокупность взаимодействующих между собой стран (макрорегионов, групп стран и районов);
— пространство отдельной страны, при котором в качестве территориальных систем рассматриваются регионы[2];
— региональное пространство, где в качестве взаимодействующих территориальных социально-экономических систем выступают город и село;
— городская (сельская) местность региона, представляющая собой часть регионального пространства, в котором взаимодействуют внутрирегиональные административно-территориальные образования (города, поселки городского типа, сельские поселения);
— локальное региональное пространство, основу которого составляет локальная территориальная социально-экономическая система «город — сельское окружение».

Что касается мирового пространства, то здесь в качестве основного критерия отнесения страны (группы стран и регионов) к центру либо периферии служит уровень социально-экономического развития. Так, по представлениям А. Хиршмана, именно развивающиеся, слаборазвитые страны составляют периферию мирового пространства[3]. Такой же подход к анализу расслоения пространства использовали О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш. Они,

---

[1] Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. Cambridge, 1966. P. 41.

[2] В наиболее общем виде под регионом понимается определенная территория, отличающаяся от других территорий рядом признаков и обладающая некой целостностью. Использование термина «регион» как обобщающего понятия для обозначения различных территориальных социально-экономических систем (от сельских поселений до страны) не добавляет, по нашему мнению, ясности в анализируемом вопросе. В случае нашего исследования под регионом будет пониматься наиболее распространенная его трактовка как субъекта Федерации.

[3] Hirshman A. The strategy of economic development. 2ed. New Haven, 1961. P. 78.

наряду с центром, выделяют полупериферию, объединяющую страны среднеразвитого капитализма, и периферию мирового хозяйства — страны с выраженной сырьевой специализацией и отсутствием отраслей научно-технического прогресса[1].

Группировка регионов по оси «центр — периферия» (пространство отдельной страны) предполагает использование, наряду с уровнем социально-экономического развития, еще одного критерия — месторасположения, оцениваемого по отношению к столице страны[2].

По представлениям С. Роккана, центры определяются по их функциям контроля над коммуникациями и операциями, а также положению в транспортных сетях. Ученый выделяет основные элементы структуры центра: вклады в ресурсы, расстояния и каналы коммуникации. Так, центр контролирует большую часть трансакций обладателей ресурсов на территории. Он ближе, чем любое альтернативное место, к областям с богатыми ресурсами в пределах данной территории. Центр способен доминировать в коммуникационном потоке с помощью стандартного языка и набора институтов для проведения регулярных консультаций и исполнения представительских функций. В противоположность центру периферия управляет своими собственными ресурсами и изолирована от всех других областей, кроме центральной. Она привносит немного в общий коммуникационный поток в пределах данной территории, особенно если ее язык и этническая принадлежность отличны от других областей, управляемых из центра[3].

В современных работах отечественных экономикогеографов[4] в качестве атрибутов центра отмечают: контроль над собственностью; притяжение ресурсов (финансовых, трудовых и пр.); производство нового знания и информации; способность предоставлять услуги периферии. Что касается последнего, наиболее важного с позиции данного исследования критерия, то А. Н. Пилясов отмечает, что не все городские поселения способны выполнять функции «сервисных» центров для периферии, а только избранные,

---

1 Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. С. 66.

2 Пилясов А. Н. И последние станут первыми // Вопросы местного самоуправления. 2008. № 3. С. 11–20; Нижегородцев Р. М. Поляризация экономического пространства России и как ей противодействовать // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 1. С. 89–95; Лавровский Б. Л. Указ. соч. С. 524–537.

3 Rokkan S. The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. N. Y., 1987. P. 21.

4 Здесь имеются в виду такие российские исследователи, как Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш, Н. В. Зубаревич, А. Н. Пилясов, Е. Г. Аминица, И. Д. Тургель, А. Н. Буфетова, Н. В. Мкртычан, Л. Б. Карачурина и др.

наукоемкие, интеллектуальные, диверсифицированные по экономической базе[1].

С учетом обоснованных выше критериев центра и периферии акценты на мезоуровне расставлены учеными следующим образом: статус центра закреплен за городами, прежде всего крупными промышленными центрами, как правило, по людности свыше 100 тыс. человек; село, сельская местность отнесены к периферии регионального пространства.

Наряду с доминирующими подходами к определению центра и периферии, есть и отдельные работы, использующие иные критерии. Так, для локальных систем населенных пунктов в качестве центральных мест могут выступать как крупные города, так и сельские населенные пункты[2].

Раскрывая закономерности и тенденции развития системы «центр — периферия», важно коснуться движущих сил и факторов этого процесса. Рассмотрим этот необходимый для регулирования пространственного развития момент подробнее. В этих целях воспользуемся результатами систематизации авторами основных концепций и ключевых научных исследований по выявлению механизмов развития пространства.

Одним из первых, кто пытался объяснить закономерности пространственного развития, был Иоганн Генрих фон Тюнен. В своей работе «Изолированное государство» (1826 г.) ученый сделал попытку выстроить модель наиболее эффективного с точки зрения минимизации затрат расположения сельскохозяйственного производства по отношению к городу. Основная цель данной работы заключалась в определении роли основных факторов размещения сельскохозяйственного производства и взаимосвязи между ними. К основным факторам И. Г. Тюнен относил: расстояние от хозяйства до города (рынка сбыта), цену на различные виды сельскохозяйственной продукции, а также земельную ренту[3].

В основе его модели лежала зависимость расположения сельских поселений от местоположения крупного города. По убеждению ученого, удаленность земельного участка от города, расположенного на абсолютно однородной равнине, во многом определяет интенсивность развития сельского хозяйства. Если учитывать, что в середине XIX в. экономика сельских территорий

---

1 Пилясов А. Н. Сообщества северной периферии на этапе постиндустриальной трансформации // Инновационное развитие экономики Севера: проблемы и перспективы. М., 2007. С. 34.

2 Урманов Д. В. Локальные территории в пространственном развитии системы «центр — периферия» региона // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 127–130.

3 Тюнен И. Г. Изолированное государство. М., 1926. С. 106.

отождествлялась с ведением сельского хозяйства, эффективность введения последнего во многом определяла устойчивость развития сельских поселений.

Графически данную модель автор изобразил в виде концентрических кругов (или колец), расположенных вокруг большого города и обеспечивающих минимум перемещений. При этом для каждого кольца И. Тюнен выбрал такую агроспециализацию, которая обеспечивала бы наибольшую выгоду владельцу имения. Согласно этому около центра расположились те производства, которые давали скоропортящиеся продукты, а также такие виды сельскохозяйственных культур, которые имели значительный объем и вес по отношению к своей стоимости. По мере удаления от города производились те продукты, провоз которых дешевле относительно их стоимости.

Модель выглядела следующим образом: имения в первом кругу (ближайший к городу) специализировались на садоводстве и огородничестве в сочетании с молочным животноводством. Второй пояс — лесное хозяйство. Близость его около центра автор объясняет большой потребностью рынка в топливе и малой транспортабельностью дров и делового леса при использовании гужевого транспорта. Следующие три зоны отводились под возделывание ржи. При этом существенные различия между этими концентрическими кольцами определялись интенсивностью земледелия. Последние три кольца были отведены под пастбищное животноводство (овцеводство и скотоводство), экстенсивное полеводство и экстенсивное скотоводство.

Несмотря на критику со стороны многих ученых, заслуга Иоганна фон Тюнена значима. В рамках своей работы он впервые создал схему, близкую к модели оптимального размещения сельскохозяйственного производства, в которой главным аргументом являлось расстояние от центра «изолированного государства», что легло в основу абсолютно нового направления — теории размещения.

Данное направление получило свое развитие в работах В. Кристаллера. Он впервые выдвинул теорию о функциях размещения системы населенных пунктов (центральных мест) в рыночном пространстве (труд «Центральные места в Южной Германии», 1933 г.). Ученый рассматривал пространственные отношения между различными видами услуг или отраслей промышленности. Он исходил из заданной территории с сельскими поселениями с целью обозначения места, где должен располагаться город.

По убеждениям В. Кристаллера, издержки снабжения поселения будут определяться расстоянием между местом производства товара и заданным поселением. С ростом расстояния спрос на любой товар станет уменьшаться до тех пор, пока не будет нулевым.

Таким образом, зона сбыта любого товара станет иметь форму круга, а место производства этого товара будет считаться «центральным местом». За основу модели размещения центральных мест В. Кристаллер принял «поведенческий» принцип — минимизация времени, сил и средств для достижения жителями меньших населенных пунктов центрального места[1].

В России изучению модели И. Тюнена посвящены работы многих ученых. Так, Г. В. Иоффе одним из первых обратил внимание на значительное падение интенсивности сельского хозяйства по мере удаления от города. Расчеты, проведенные в конце 1980-х гг., показали, что продукция с единицы угодий в Московской области на 65% зависела от положения относительно центра и лишь на 7% — от естественного плодородия земель[2].

По представлениям Т. Г. Нефедовой, на современном этапе развития экономики стягивание крупных предприятий к городу теряет смысл, заложенный в модель И. Тюнена. Высокие скорости доставки, новая техника охлаждения скоропортящейся продукции позволяют расширить зоны доставки сельхозпродукции до сотен километров[3]. Однако и по сегодняшний день близость к городу во многом определяет состояние хозяйств (возможности сбыта продукции, доступа к финансовым рынкам, создания стабильной экономической среды), а значит, и территорий, на которых они находятся.

Большой вклад в понимание механизмов пространственного развития системы «центр — периферия» внесли теории кумулятивного роста. В основу названных механизмов положены процессы, которые, однажды начавшись, создают условия для дальнейшего развития системы и приводят к эффекту, неизмеримо превосходящему изначальный импульс (кумулятивному эффекту).

Представители данного научного направления (Г. Мюрдаль, Ф. Перру, А. Хиршман, Х. Ричардсон, Дж. Фридман, Т. Хегерстранд, Ж. Будвиль, П. Потье, Х. Р. Ласуэн, Х. Гирш) в качестве базовых положений своих теорий используют такие понятия, как возникновение центров роста, образование агломераций и центральных мест, диффузия нововведений, развитие периферийных территорий и др.

Основоположником данного научного направления считается Г. Мюрдаль. Многие кумулятивные теории базируются на его

---

1 Georges N. Walter Christaller from «exquisite corpse» to «corpse resuscitated» // Sapiens. 2009. Vol. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://sapiens.revues.org/843.

2 Иоффе Г. В. Изучение географии сельского хозяйства в зоне влияния крупнейшего города // Известия СССР. Сер.: Геогр. 1984. № 1. С. 69.

3 Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье : географические очерки. М., 2003. С. 294.

концепции «взаимной и кумулятивной обусловленности». По убеждениям ученого, все факторы роста экономики взаимозависимы: изменение в каком-либо факторе вызывает изменения в других[1].

В состав пространственных факторов роста экономики ученый включает следующие: транспортные издержки, центральное место и факторы его возникновения, территориальное разделение труда, мобильность факторов производства, агломерацию производства и факторы ее образования, нововведения и каналы их распространения, локализацию, связанную с немобильностью факторов производства, и индивидуальные особенности регионов. Благодаря процессу взаимодействия факторов вся система получает значимый импульс к движению в направлении первоначального изменения.

По представлениям Г. Мюрдаля, специализация экономики региона и эффект масштаба увеличивают и приумножают изначальные преимущества территорий, ускоряя их развитие и увеличивая отрыв от других регионов. Таким образом, рост уровня экономики территорий не может быть равномерным, а уровни экономического развития территорий не сближаются. Вместе с тем рост преимуществ одной территории может оказать влияние на развитие других территорий и способствовать некоторому их сближению по уровню развития.

Изначально теории данного направления изучались в рамках геополитики. Они применялась с целью выделения стран — мировых центров влияния и их периферии (Ф. Ратцель, Х. Дж. Маккиндер, К. Хаусхофер, С. Коэн и др.). Во второй половине XX в. данные теории стали применяться к развитию региональных социально-экономических систем.

Значимый вклад в понимание механизмов пространственного развития внес Дж. Фридман. Он, как уже отмечалось, считается основателем теории «центр — периферия». Согласно ему неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают экономические диспропорции между центром и периферией[2]. Вместе с тем периферия не является неким однородным полем. Она имеет следующую структуру: внутреннюю область (ближнюю), тесно связанную с ядром, которая получает от последнего импульсы к развитию; внешнюю (дальнюю), на которое ядро практически не оказывает влияния.

В основе теории Дж. Фридмана лежат следующие положения: центры разного уровня всегда стягивают ресурсы (человеческие, финансовые, природные) со своей периферии; концентрация ре-

[1] Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Драма Азии / пер. с англ., общ. ред. Р. А. Ульяновского. М., 1972. С. 79.

[2] Friedmann J. Op. cit. P. 72.

сурсов создает возможности для инновационных изменений самих центров, а затем эти инновации транслируются на периферию с лагом во времени, зависящим от величины барьеров на пути движения инноваций. По словам ученого, неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между развитием центра и периферии.

Центр постоянно преобразуется в результате научно-технического прогресса: внутри него концентрируются наукоемкие отрасли и инновации, появляются более сложные связи, повышается квалификация рабочей силы и т. д. Постепенно происходит вытеснение устаревших отраслей на периферию (сначала полупериферию, а затем дальнюю периферию). Данный процесс играет большую роль в передаче импульсов от центра к периферии, способствуя ее развитию.

Для развития своей теории Дж. Фридман использует модель «диффузии нововведений», предложенную шведским ученым Т. Хегерстрандом. Так, ученый в своей работе «Пространственная диффузия как процесс внедрения новаций» показал, что вероятность распространения нововведений связана в первую очередь с расстоянием[1].

В рамках данной модели ученый выделил четыре стадии «волны нововведений». Первая, или первоначальная, стадия характеризуется началом диффузионного процесса и резким контрастом между центрами — источниками распространения нововведения и периферийными территориями. На второй начинается подлинная диффузия и действуют мощные центробежные силы. Это приводит к образованию новых, быстро развивающихся центров в отдаленных районах и к сокращению резких региональных контрастов, типичных для первой стадии. На третьей (стадия конденсации) происходит одинаковое расширение во всех трех местах. На четвертой (стадия насыщения) происходит общий, но медленный подъем до максимума, возможного при существующих условиях[2].

Развил данную теорию Х. Ричардсон. По его представлениям, крупные промышленные города, концентрируя внутри себя различные производства, представляют собой полюсы роста территории. Согласно данной теории именно агломерационная экономика играет ключевую роль в развитии региона: она стимулирует технический прогресс и рост производительности труда, оказывает сильное воздействие на процессы размещения предприятий и развитие других территорий.

---

[1] Hägerstrand T. Innovationsförloppet urkorologisk synpunkt. C. W. K Gleerup, Lund, Sweden, 1967. P. 91.

[2] Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии / под ред. В. М. Гохмана и Ю. В. Медведкова. М., 1968. С. 77.

Город характеризуется рядом условий, которые воздействуют на устойчивость его развития: наличие дорожной сети, квалифицированные кадры, научный потенциал, развитая финансовая и социальная инфраструктура, высокий уровень оплаты труда работников и др.

В основе теории городской агломерации лежат три составляющих: немобильность природных ресурсов, наличие крупных городов и неоднородность географической среды. Согласно Х. Ричардсону региональный рост базируется на внутренних немобильных ресурсах (географическое положение, рельеф, земля, рекреационные ресурсы) и привлечении мобильных ресурсов из других регионов. Эффект агломерации и личные предпочтения инвесторов, по мнению ученого, являются ключевыми элементами регионального роста[1].

Важным направлением в исследованиях территориальной системы «центр — периферия» является концепция полюсов роста. Более того, она была положена в основу формирования региональных программ развития многих стран. Согласно данной концепции рост экономики страны во всех регионах не происходит равномерно, он появляется в полюсах роста, с изменяющейся интенсивностью распространяется по различным каналам и с определенным переменным эффектом — на всю экономику. Создание полюсов и центров развития в первую очередь имело целью активизацию экономической деятельности в отсталых периферийных районах.

Данная концепция активно разрабатывалась французским ученым Ф. Перру. В основе его научных трудов лежат три постулата: доминирующей экономики, гармонизированного роста и всеобщей экономики. Эффект доминирования влияет на отношения между экономическими единицами, приводит к поляризации производства вокруг «полюса роста» (набор отраслей). В основе данной теории лежит понятие экономического пространства, которое действует как поле притяжения фирм. При этом «полюс роста» является своеобразным генератором нововведений, способствующим их дальнейшей диффузии.

По представлениям Ф. Перру, «полюс роста» включает в себя три основных компонента: 1) ведущую отрасль (отрасль-мотор, или пропульсивную отрасль), обладающую мощным потенциалом

---

[1] Гаджиев Ю. А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2008. № 1. С. 18 [Электронный ресурс]. URL: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/vestnik-2008–1.pdf.

роста и высокой способностью к нововведениям; 2) группу отраслей местного значения, связанную с ней через систему отношений типа «затраты — выпуск», что служит средством передачи эффекта ведущей отрасли на всю экономику; 3) пространственную агломерацию производства, обеспечивающую предприятиям получение «внешней экономии».

Концепция «полюсов роста» получила дальнейшее развитие в работах многих ученых. Так, Ж. Будвиль использует понятие «центр роста» — концентрация отраслей на определенной территории (центр, город). По его убеждениям, не каждый региональный центр — полюс роста, а только тот, в котором есть пропульсивные отрасли, которые дают импульс к развитию всей региональной системы. Полюс роста можно трактовать как географическую агломерацию экономической активности или как совокупность городов, располагающих комплексом быстроразвивающихся производств[1].

Он выделяет следующие «полюса роста»: мелкие и «классические» города, специализированные на отраслях третичного сектора, обслуживающие прилегающую сельскую местность; промышленные города среднего размера с диверсифицированной структурой хозяйства, развивающегося за счет внешних влияний; крупные городские агломерации, включающие в себя пропульсивные отрасли, обусловливающие автономность роста; полюса интеграции, охватывающие несколько городских систем и определяющие всю эволюцию пространственных структур.

П. Потье в своих работах использует понятие «оси развития». По представлениям ученого, территории, расположенные между полюсами роста и обеспечивающие транспортную связь, получают дополнительные импульсы роста благодаря увеличению грузопотоков, распространению инновации, развитию инфраструктуры. Поэтому они превращаются в оси (коридоры) развития, определяющие вместе с «полюсами роста» пространственный каркас экономического роста большого региона или страны.

Концепция полюсов роста легла в основу развития других теорий. Одной из них является теория экономического ядра. В ее рамках работали как зарубежные, так и российские ученые: В. Гильдебранд, М. Г. Световцева, К. В. Павлов. Экономическое ядро представляет собой совокупность полюсов роста (или точек роста) и базисных элементов экономики, которые оказывают существенное влияние на функционирование и развитие всей экономической системы. Экономическим ядром могут выступать как отрасли, так и отдельные регионы и предприятия. При этом полюсами роста, входящими в состав экономического ядра, мо-

[1] Boudeville J. Problems of regional economic planning. Edinburgh, 1966. P. 142.

гут быть отрасли с низким уровнем рентабельности, с невысоким уровнем развития. Главная роль данного элемента — способствовать интенсивному развитию остальных элементов системы. Так, по представлениям К. В. Павлова, полюсом роста может быть отрасль с низким уровнем рентабельности и невысокой скоростью оборота капитала, но обеспечивающая высокий уровень занятости или значительное увеличение количества заказов для других отраслей. В качестве примера ученый приводит развитие производственной инфраструктуры, и в первую очередь строительство дорог[1]. Использование теории экономического ядра особенно актуально при разработке концепции развития переходной экономики или экономики слаборазвитых стран.

Значительную роль в анализе воспроизводства центропериферийных различий оказали теории, связанные с исследованием процессов пространственной концентрации экономики, в том числе в рамках «новой экономической географии». Согласно данным теориям устойчивость территориальных систем зависит от процесса концентрации экономической деятельности в тех местах, которые обладают сравнительными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса.

П. Кругман в качестве преимуществ территории выделяет факторы «первой природы» (богатство природных ресурсов, выгодное географическое положение), мало зависящие от человека, и факторы «второй природы» (агломерационный эффект, человеческий капитал, институциональная среда), в наибольшей степени связанные с деятельностью государства и общества[2].

По мнению Н. В. Зубаревич, для развитого общества факторы «второй природы» играют ключевую роль[3]. Так, макроэкономические модели в результате расчетов показывают, что традиционные факторы — труд и капитал — описывают региональное развитие на 30%, все остальные 70% — неопределяемые факторы.

Близкую позицию занимает Т. Г. Нефедова, считающая, что, несмотря на то, что факторы «первой природы» играют ключевую роль (наличие плодородных почв, пашен и пастбищ) в сельском хозяйстве, для обеспечения устойчивого развития территорий их недостаточно. Важную роль в развитии сельских поселений в России оказывают факторы «второй природы», а именно близость к городу[4].

---

1 Павлов К. В. Экономическое ядро: сущность, критерии формирования и элементный состав // Общество и экономика. 2004. № 11. С. 162.

2 Krugman P. R. Geography and trade. MIT Press. Cambridge, 1991. P. 54.

3 Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты [Электронный ресурс]. URL: http://www.opec.ru/1240639.html.

4 Нефедова Т. Г. Указ. соч. С. 298.

С точки зрения познания механизмов распределения инвестиций в системе «центр — периферия», значимыми являются теории причинной обусловленности Х. Ричардсона и «большого толчка». Согласно Х. Ричардсону региональный экономический рост представляется процессом совокупной причинной обусловленности, в котором выгоды распределяются между теми территориями, которые уже находятся в благоприятном положении. Другими словами, частный капитал и государственные инвестиции будут идти в первую очередь в те отрасли, где возможны максимальная отдача от вложенного капитала или максимальный экономический рост. Данные отрасли, как правило, концентрируются в городах[1].

Теория «большого толчка» разработана для слаборазвитых стран (европейской периферии) с целью нормализации экономической ситуации в послевоенный период. Представители данной теории (П. Розенштейн, Х. Зингер, А. Хиршман и др.) исходили из того, что для модернизации экономики освободившихся стран необходимо крупное вливание капитала[2]. Это позволит выйти экономике страны на самоподдерживающийся рост. Главный вопрос, стоявший перед учеными, — сколько необходимо инвестиций для роста экономики и какие должны быть источники мобилизации инвестиций.

Одним из представителей данной теории является профессор Колумбийского университета Альберт Хиршман. Согласно его представлениям сбалансированный набор инвестиций (спрос на них равен их предложению) встречается крайне редко. Особенно это характерно для развивающихся стран (периферии мирового пространства), где для модернизации требуются значительные инвестиции. Поэтому ученый предлагает слаборазвитым странам использовать концепцию несбалансированного роста. По его словам, привлечение инвестиций неизбежно нарушит равновесие в отрасли. Однако это нарушение окажет положительную роль, так как станет стимулом к новым инвестициям в нее. Новые инвестиции устранят неравновесие, но вызовут его в других отраслях и в экономике в целом. Это, в свою очередь, станет стимулом к дальнейшим инвестициям[3].

По мнению представителей данной теории, приток инвестиций вызовет определенную несбалансированность экономики, так как невозможно инвестировать в большое число отраслей сразу. Вложением инвестиций в определенные отрасли создаются и стимулируются «точки роста» территории. Мобилизация финансовых

---

1 Handbook of regional and urban economics. Vol. 1. Regional economics. 2000. P. 703.

2 Kuznets S. Notes on Take-off // The Economics of Take-off into Sustained Growth. L., 1963. P. 34–48.

3 Hirshman A. Op. cit. P. 75.

ресурсов внутри страны представлялась довольно затруднительной из-за низкого уровня развития, поэтому роль катализатора роста принадлежала иностранным инвестициям, помощи развитых стран.

Британский экономист Х. Зингер считал, что «большой толчок» в промышленности невозможен без «большого толчка» в аграрной сфере. Основу роста экономики страны ученый видит именно в устойчивом развитии сельского хозяйства, так как оно является необходимым для сбалансированного развития страны. На передний план он выдвигает увеличение продуктивности сельского хозяйства, повышение производительности труда в аграрных отраслях и стимулирование развития традиционных экспортных производств[1].

Подытоживая сказанное, заметим, что основные теории пространственного развития, прежде всего Дж. Фридмана, Х. Ричардсона, П. Кругмана, могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы данного исследования.

Все пространство региона может быть подразделено на центр и периферию. Центрами являются города, как правило, численностью более 100 тыс. человек. Периферию, в свою очередь, можно рассматривать как «городскую» и «сельскую». Городская периферия включает в себя средние и малые города, а также поселки городского типа. Сельские территории однозначно относятся различными учеными к периферии регионального развития. При этом сельская местность не рассматривается как однородное образование; выделяются, как правило, ближняя и дальняя периферии, а также средняя периферия, рассматриваемые далее в нашем исследовании как основные элементы территориальной структуры региональной сельской периферии.

2.2. Методический подход к изучению территориально-пространственной структуры сельской местности

Распределение сельских районов по оси «центр — периферия» представляет собой в методическом отношении наименее проработанную, но и вместе с тем наиболее значимую (с позиции получения достоверных научных результатов) процедуру.

Прежде всего, отметим отсутствие в теоретических разработках общепринятого взгляда на ключевые характеристики (атрибуты) центра и периферии как основных элементов пространственной структуры. Наиболее часто в качестве основных характеристик

[1] Singer H. W. International development: growth and change. N. Y., 1964. Ch. 5. P. 61.

центра исследователи[1] называют существенную роль (значимость) в развитии территориальной системы, высокий уровень и позитивную динамику социально-экономического развития, обладание решающим объемом распределяемых ресурсов[2].

Соответственно, в эмпирических исследованиях до настоящего времени отсутствует однозначная идентификация центра (периферии) с тем или иным типом административно-территориальных образований.

Тем не менее ученые-регионалисты едины в одном: сельская местность как совокупность сельских территорий, отличительной особенностью которых является выраженная аграрная направленность хозяйства, не может претендовать на статус центра и однозначно относиться к периферии как мировой системы, так и пространственной структуры отдельной страны и ее регионов.

Учитывая вышесказанное, в дальнейших своих рассуждениях мы будем исходить из представления о сельской местности как исключительно периферии регионального развития.

Методической основой данной работы является упомянутое ранее положение, высказанное Дж. Фридманом и В. Алонсо о том, что периферия не является неким однородным полем. Она имеет следующую структуру: внутреннюю (ближнюю) область, тесно связанную с ядром, получающую от последнего импульсы к развитию; внешнюю (дальнюю), на которое ядро практически не оказывает серьезного влияния[3]. Однако, на наш взгляд, а также по мнению многих других исследователей, выделение двух полярных групп в пространственном развитии территории не является достаточным. Так, А. Н. Пилясов, наряду с ближней и дальней периферриями, выделяет автономную периферию. Влияние центра на нее очень слабое вследствие разобщенности по следующим причинам:

— отдаленности от центра из-за недостаточных коммуникационных и транспортных сетей (например, вновь осваиваемая территория);

---

[1] Здесь имеются в виду такие исследователи, как Э. Б. Алаев, Л. Б. Вардомский, А. Н. Пилясов, Н. В. Зубаревич, С. Роккан, А. И. Трейвиш, Э. Иссерман и др.

[2] В качестве примера иного подхода укажем на исследование Р. М. Нижегородцева. По представлениям этого автора, в качестве характеристик, по которым совершается данное разделение, можно выбрать различные основания, как стоимостные, так и натуральные: объем производства или инвестиций, пропускную способность транспортных магистралей, интенсивность товародвижения (объем товаро-потоков на единицу площади территории), численность населения. Тем самым уровень экономического развития, концентрация экономической деятельности населения являются необходимым атрибутом «центральных мест». См.: Нижегородцев Р. М. Эволюция экономического пространства // Российская наука: мечта светла : сб. науч.-поп. ст. / под ред. В. И. Конова. М., 2006. С. 371.

[3] Friedmann J., Alonso W. Regional development as a policy issue // Regional development and planning. Cambridge (Mass.), 1964. P. 41.

— отличий институциональных систем (анклав, свободные экономические зоны и другие сочетания экономических и неэкономических особенностей, например, «точечная анклавная провинция» и «этнические, конфессиональные изоляторы»)[1].

Р. М. Нижегородцев, характеризуя территориальную дифференциацию, отмечает, что «в результате достаточно длительного развития территориальной системы почти всегда обнаруживается отчетливое разделение территории по уровню развития на три неравнозначные части: центр — это важнейшая и наиболее развитая элементарная ячейка данной территории, бицентр — второй по значимости элемент (их может быть несколько) и так называемую периферию, включающую в себя все остальные элементы системы»[2].

Другой яркий пример изучения трехзвенной пространственной структуры связан с работами академика А. И. Татаркина. Наряду с центральными и периферийными регионами, он выделяет так называемые срединные регионы, что позволило ученому создать теорию развития и роли срединных регионов[3]. Об этом еще в 1976 г. писал И. Валлерстейн, утверждавший, что трехзвенная структура свойственна не только пространственной организации, а между любыми полярными категориями всегда есть промежуточное звено (полупериферия)[4], обеспечивающее стабильность, гибкость и эластичность системы.

С учетом вышесказанного, методикой анализа пространственного развития сельской местности региона, используемой в нашем исследовании, предлагается выделение следующих трех групп сельских территорий:

— ближней периферии;
— средней периферии;
— дальней (автономной) периферии.

Сельские районы, главным образом пригородные, расположенные в своей основной части в зоне влияния городов, входят в состав первой группы. Напротив, районы, расположенные вне зоны

---

1 Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания : монография. М., 2009. С. 56.

2 Нижегородцев Р. М. Указ. соч. С. 373.

3 Татаркин А. И. Социально-экономический статус срединного региона России // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 21–39.

4 Понятие «полупериферия» впервые было введено Иммануилом Валлерстейном в середине XX в. Ученый считал, что полупериферия является промежуточным звеном между центром и периферией, сочетает черты и того, и другого, эксплуатируется ядром, но эксплуатирует периферию и является своего рода стабилизирующим элементом в мировом разделении труда. Она имеет возможность присоединяться к центру. См.: Wallerstein I. A World-system perspective on the social sciences // British journal of sociology. 1976. V. 27, № 3. P. 347.

влияния центра, составляют дальнюю периферию, характеризующуюся автономным развитием. Наконец, районы, расположенные между районами ближней и дальней периферии, обозначены нами как средняя периферия.

Следующим существенным моментом разрабатываемой методики является ответ на вопрос: какие именно города должны быть учтены в исследовании. Как правило, в региональных исследованиях рассматривается влияние крупных и крупнейших городов[1]. Вместе с тем для локальных систем населенных пунктов в качестве центра могут выступать малые города, а также поселки городского типа и крупные сельские населенные пункты. Бесспорно, что крупные села — центры районов — выполняют районоорганизующие функции, однако их роль в формировании внутрирегиональной пространственной структуры сельской местности существенно ниже по сравнению с городами[2].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что разработанная методика изучения пространственной структуры сельской местности региона подразумевает, с одной стороны, учет влияния на сельское окружение всех без исключения городов региона; с другой стороны, в методике должен найти отражение факт различной силы их влияния на сельское окружение (масштабов зоны влияния)[3].

Другими словами, выделенные ранее группы сельских районов (ближняя, средняя и дальняя периферии) внутренне неоднородны. В них существуют районы, испытывающие мощное агломерационное влияние крупнейших городов, сильное влияние крупных и больших городов и слабое — средних и малых городов. Исходя из этого методически правильно внутри группы районов ближней сельской периферии выделить отдельные территориальные структуры более мелкого масштаба. Подобную методику применим и по отношению к группе сельских административных районов средней периферии, выделив в них районы, относительно приближенные либо удаленные от крупнейших, крупных и больших городов (табл. 2.1).

---

[1] Принято различать следующие классификации городов: города с населением до 50 тыс. жителей обычно относят к малым, от 50 до 100 тыс. — к средним, от 100 до 250 тыс. — к большим, от 250 тыс. до 1 млн — к крупным, свыше 1 миллиона — к крупнейшим (города-миллионеры). См.: Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М., 2003. С. 27.

[2] Троцковский А. Я. Указ. соч.

[3] По имеющимся в географической литературе сведениям, зона влияния города определяется следующими радиусами: для города с населением более 1 млн чел. — 70–80 км; 250 тыс. — 1 млн чел. — 50–60 км; 100–250 тыс. чел. — 30–40 км; менее 100 тыс. чел. — 20–25 км. См.: Быстрова Н. П., Кранц Л. А. Зона активного взаимодействия города и села // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем «город — село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР. Саранск, 1981. С. 150.

Таблица 2.1

Структура внутрирегионального пространства сельской периферии

Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Сельские территории, входящие в состав агломераций. Сельские территории, центром которых являются большие и крупные города	Сельские территории, расположенные в зоне активного влияния крупного либо большого города	Сельские территории, центром которых является малый или средний город	Сельские территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с сельскими территориями I порядка	Сельские территории, находящиеся вне зоны активного влияния города и соседствующие с сельскими территориями II порядка	Сельские территории, удаленные от городов региона

Такие города оказывают значимое влияние на развитие села. Они обладают высокоразвитой экономической базой, мощным социально-культурным потенциалом. В них располагаются предприятия по промышленному и производственному обслуживанию села, учреждения по управлению сельским хозяйством. Данные города являются центрами по подготовке специалистов для сельского хозяйства с высшим и средним образованием, по медицинскому обслуживанию, а также по культурно-бытовому обслуживанию сельских жителей.

В ближнюю периферию I порядка входят районы, испытывающие на себе наиболее сильное влияние города-центра. К ним относятся районы, входящие в состав агломераций, а также районы, центром которых является большой или крупный город. В России, имеющей низкую плотность населения, агломерационные процессы (расширение внешней зоны агломерации, строительство в ней жилья, значительные маятниковые трудовые миграции из пригородов) заметны в городах с населением свыше 0,5 млн человек, но наиболее активно наращивают сервисные функции и жилищное строительство региональные центры-миллионники. Более того, как отмечает Н. В. Зубаревич, порог в 500 тыс. жителей является своеобразной «границей социальной безопасности» города, начиная с которой резко падает уровень безработицы, расширяются возможности трудоустройства, активнее малый бизнес и т. п. Это обусловлено высокой диверсифицированностью экономики таких

городов, более высокими доходами населения, высоким уровнем развития бизнеса, сферы услуг[1].

В группу районов ближней периферии II порядка входят районы, находящиеся в зоне активного влияния крупного либо большого города. Как отмечалось ранее, зона активного влияния крупного города составляет 50–60 км, а большого — 30–40 км. Специфика влияния города на сельские территории сходна с первой группой. Близость к городу позволяет использовать преимущества крупного или большого города.

Районы ближней периферии III порядка испытывают влияние на свое социально-экономическое развитие среднего или малого города. К данной группе сельских районов относятся те, центром которых является малый или средний город. Зона влияния таких городов, как правило, незначительна (20–25 км). Таким образом, вышеуказанные города оказывают влияние только на «свой» сельский район.

Районы средней периферии, как предусмотрено методикой, также разбиты на две подгруппы в зависимости от удаленности от крупнейших и крупных городов региона. Районы дальней периферии, согласно методике, представлены одной компактной группой, отличительной особенностью которой является удаленность от городов региона (см. табл. 2.1).

В целом предложенный подход к изучению пространственной структуры сельской местности позволяет рассматривать выделенные типы сельских районов в качестве основных элементов территориальной структуры региональной сельской периферии, различающихся между собой не только местоположением в региональном пространстве, но и устойчивостью социально-экономического развития. Гипотетично можно высказать предположение, что устойчивость развития сельских территорий уменьшается от ближней периферии к дальней.

2.3. Типология сельских территорий в зависимости от их центропериферийного положения

Согласно изложенным выше теоретическим представлениям о структуре регионального пространства сельская местность целиком относится к периферии. Однако, в свою очередь, региональная сельская периферия неоднородна и включает в себя типы терри-

[1] Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2003. С. 111.

торий с различным центропериферийным положением (ближняя, средняя и дальняя периферии).

В работе предложена методика отнесения сельских территорий к тому или иному типу применительно к Алтайскому краю. Ее результаты изложены в настоящем параграфе монографии. Совокупность всех сельских районов края была распределена между укрупненными группами, различающимися своим центропериферийным положением, достаточно равномерно: на долю ближней периферии пришлось 25%, средней — 30%, и дальней — 45% всех сельских районов края (табл. 2.2, рис. 2.1).

Рис. 2.1. Структура сельской периферии Алтайского края

Для краткой характеристики роли и места выделенных типов сельских районов в территориальной структуре хозяйства региональной сельской периферии воспользуемся таблицей 2.3.

Ближняя периферия включает в себя 15 районов, три из которых примыкают к крупным городам края (Бийск, Рубцовск) либо входят в состав Барнаульской агломерации (Первомайский); 6 районов имеют в качестве районных центров малые города края; остальные 6 районов находятся в зоне активного влияния столицы края и двух его крупных городов. На территории этой группы районов, составляющей четверть от общей площади всех сельских территорий края, проживает 31% сельского населения.

Таблица 2.2

Распределение сельских районов Алтайского края по оси «центр — периферия»

Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Бийский, Первомайский, Рубцовский	Павловский, Тальменский, Калманский, Смоленский, Зональный, Егорьевский	Алейский, Заринский, Змеиногорский, Каменский, Локтевский, Славгородский	Целинный, Солтонский, Залесовский, Красногорский, Советский, Троицкий, Косихинский, Поспелихинский, Угловский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Волчихинский, Быстроистокский, Солонешенский, Петропавловский, Алтайский, Новичихинский, Топчихинский	Баевский, Благовещенский, Бурлинский, Ельцовский, Завьяловский, Ключевский, Краснощековский, Крутихинский, Кулундинский, Курьинский, Кытмановский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Панкрушихинский, Родинский, Романовский, Суетский, Табунский, Тогульский, Третьяковский, Тюменцевский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский, Шипуновский

Таблица 2.3

Территориальная структура хозяйства центропериферийных типов районов Алтайского края в 2010 г., %

Типы сельских территорий	Территория	Численность населения	Инвестиции в основной капитал	Объем отгруж. промыш. продукции собственного производства	Объем введенного жилья	Валовая продукция сельского хозяйства
Ближняя периферия — всего	25,7	40,0	39,6	31,0	43,5	33,6
в том числе:						
I порядка	5,5	9,8	13,4	6,4	19,8	8,2
II порядка	8,5	14,3	12,9	20,6	16,1	15,8
III порядка	11,7	9,9	13,3	3,9	7,6	9,6
Средняя периферия — всего	31,0	27,4	24,8	24,7	23,9	27,2
в том числе:						
I порядка	16,3	13,9	10,0	16,1	12,2	13,0
II порядка	14,7	13,5	14,8	8,6	11,7	14,2
Дальняя периферия	43,4	38,7	35,6	44,3	32,6	39,3
Сельская периферия — всего	100	100	100	100	100	100

Примечание. Инвестиции в основные фонды рассчитаны в среднем за 2008–2010 гг.

В районах ближней периферии, отличающихся повышенной концентрацией экономической активности, производится треть всего объема производимой в крае сельхозпродукции и 31% всего объема находящейся в сельской местности промышленности, представленной, как правило, подотраслями пищевой, деревообрабатывающей промышленности и промышленности строительных материалов.

Анализируемые районы — территории повышенной инвестиционной привлекательности: на их долю в 2010 г. приходилось без малого 40% всех инвестиций в основной капитал и 43,5% общего объема ввода жилья в сельской местности края. В этом отношении выделяются районы ближней периферии I порядка, где в последние годы получило бурное развитие строительство коттеджных поселков.

Что касается остальных районов, расположенных в зонах влияния центральных городов края (районов ближней периферии II порядка), то обращает на себя внимание повышенная концентрация экономической деятельности на их территории. Так, на долю 14% сельского населения приходится более 20% всего объема производимой в сельской местности промышленной продукции и около 16% валовой продукции сельского хозяйства.

Для районов ближней периферии III порядка, расположенных в зоне влияния малых городов края, отличительной особенностью хозяйства является сравнительно невысокий уровень развития промышленности: на их долю приходится порядка 10% общей численности сельского населения, проживающего в этих районах, около 4% всего объема производимой в селе промышленной продукции.

Группа районов средней периферии представлена 18 сельскими районами, занимающими 31% общей площади сельской периферии Алтайского края. На их территории проживает 27,4% сельского населения края, где производится 27% общего объема производства продукции сельского хозяйства, 24,7% обрабатывающих производств. Доля инвестиций в основной капитал районов средней периферии составляет 24,8%, а объем ввода жилья — 23,9% от аналогичных показателей в целом по сельской местности края.

Отметим, что районы средней периферии I порядка, расположенные по сравнению с районами II порядка ближе к крупнейшим и крупным городам региона, инвестиционно менее привлекательны нежели районы II порядка, но характеризуются повышенной концентрацией на их территории предприятий промышленности. При равной численности населения доля общего объема промышленной продукции, производимой в срединных районах I порядка, в два раза выше, чем в районах II порядка (см. табл. 2.3).

Группа районов дальней периферии, находящихся вне зоны влияния городов, является самой многочисленной. В нее входят 27 сельских районов. Площадь районов дальней периферии составляет 43,4% от общей площади сельской периферии края. На территории данной группы проживает 38,7% сельского населения региона. Предприятия, расположенные на территории дальней периферии, производят 39,3% от общего объема продукции сельского хозяйства, 44,3% обрабатывающих производств. Доля инвестиций в основной капитал на территориях районов дальней периферии составляет 35,6%, а ввод жилья — 32,6%.

Таков в самом общем виде «портрет» групп районов ближней, средней и дальней региональных сельских периферий Алтайского края по состоянию на 2010 г. Далее будет дана более подробная характеристика особенностей их социально-экономического развития.

Глава 3

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ ПРОСТРАНСТВА СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНА

3.1. Постановка вопроса

Цель настоящей работы заключается в изучении пространственных аспектов сельской местности региона в контексте ее устойчивого развития. Анализ структуры региональной сельской периферии (далее — РСП) с позиций ее пространственного развития (рис. 3.1) предопределяет специфику разрабатываемой методики, проявляющуюся в двух следующих моментах.

Первый момент. С нашей точки зрения, подход, при котором устойчивость развития территориальной системы обусловлена ее нынешним состоянием (а именно такой подход применен при разработке программы устойчивого развития сельских территорий как России, так и Алтайского края) не является исчерпывающим. Он основан на выявлении «болевых точек» территории и разработке программы их сглаживания, что, на наш взгляд, не позволяет увидеть глубинные причины неустойчивого развития территориальной системы. Другими словами, разработка программы устойчивого развития сельских территорий предполагает не только знание сегодняшней ситуации в селе, но и механизмов, ее обусловливающих.

Мы исходим из предположения, что устойчивость территориальной системы в течение достаточно длительного промежутка времени детерминирована двумя главными факторами: это накопленный накануне рыночных реформ экономический и социальный потенциал территорий, позволивший им с большей либо меньшей степенью успешности адаптироваться к рынку, а также степень первоначальной адаптации хозяйства сельских территорий к рыночным реформам 90-х гг.

С нашей точки зрения, именно то, каким образом и с каким результатом территориальная система перенесла «рыночный шок», во многом предопределило характер ее дальнейшего функционирования и развития.

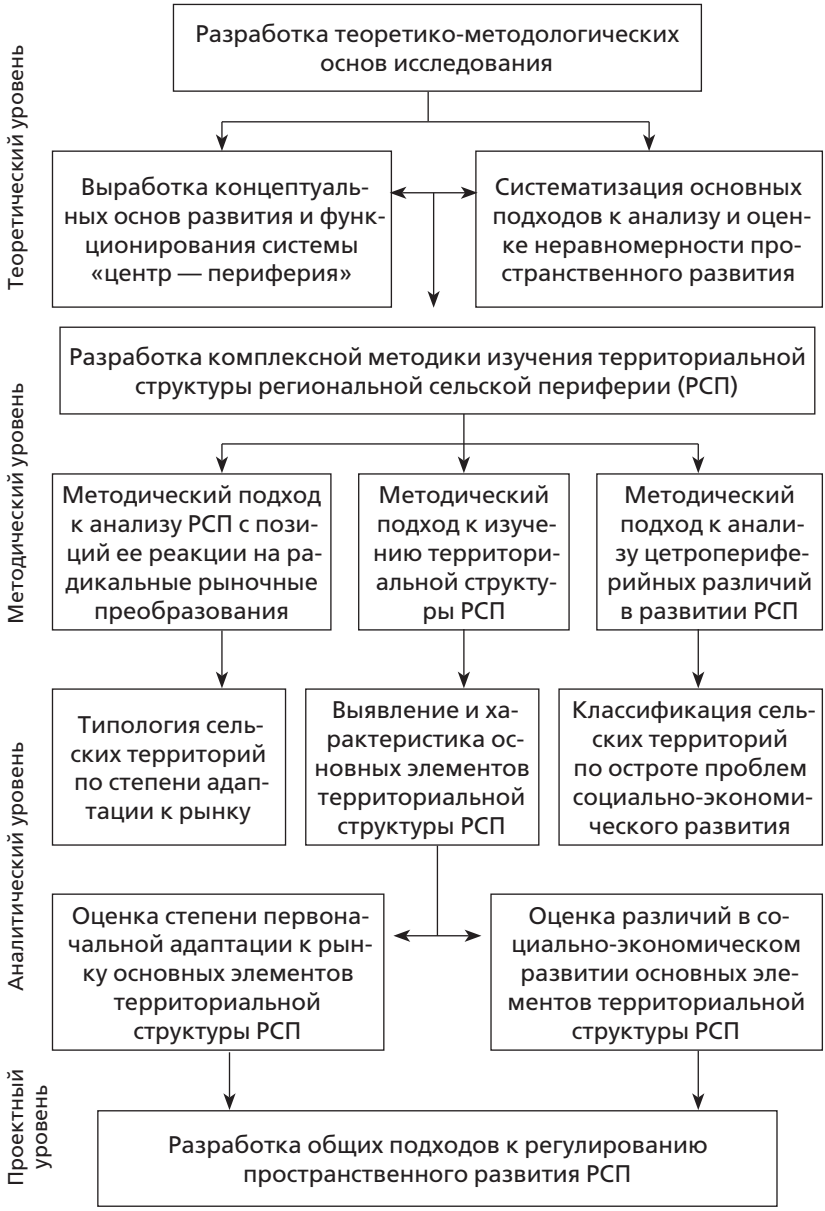


Рис. 3.1. Общая логика исследования

Второй момент, определивший специфику данного исследования, заключается в гипотезе, что различные типы сельских территорий (в случае нашего исследования это ближняя, средняя и дальняя периферия) по-разному адаптировались к рынку и в настоящее время характеризуются различным набором и остротой социально-экономических проблем. Соответственно, названные выше типы сельских территорий требуют разработки либо по сути различных, либо, вероятнее всего, разноакцентированных программ устойчивого развития.

Как видно из рисунка 3.1, методика изучения территориальной структуры РСП в ракурсе ее устойчивого развития базируется на основных теориях пространственного и устойчивого развития (теоретический уровень исследования).

Данная методика носит комплексный характер и включает в себя разработку трех методических подходов к анализу:

— территориальной структуры РСП;
— РСП с позиций ее реакции на радикальные рыночные преобразования начала 1990-х гг.;
— сложившихся к настоящему времени центропериферийных различий в развитии сельских территорий региона (методический уровень исследования).

Разработанные методические подходы предопределяют основные направления исследования и содержание его аналитического уровня, включающего в себя три этапа (см. рис. 3.1). На первом из них происходит выявление основных элементов территориальной структуры РСП (ближней, средней и дальней)[1]. На втором этапе осуществляется оценка степени первоначальной адаптации к рынку выделенных ранее основных элементов территориальной структуры РСП. На третьем этапе происходит оценка сложившихся к настоящему времени различий в развитии основных элементов территориальной структуры РСП, в наибольшей степени детерминирующих устойчивость ее развития.

Заключительный, практический (проектный), этап исследования состоит в разработке рекомендаций по повышению устойчивого развития сельских территорий различного типа с учетом содержательных результатов предлагаемой методики. Таково в целом наше видение общей логики исследования. Перейдем далее к изложению методического блока работы с учетом того, что методический подход к изучению территориально-пространственной структуры сельской местности был изложен ранее.

---

[1] Методика и результаты выделения основных элементов пространственной структуры сельской местности изложены в главе 2 настоящей монографии.

3.2. Методика анализа сельской местности с учетом ее реакции на радикальные рыночные преобразования

В научной литературе описываются различные способы изучения динамики многомерных объектов[1]. Исходя из задач исследования, мы избрали соответствующий способ анализа динамики многомерных развивающихся объектов. Суть его заключается в сопоставлении уровня социально-экономического развития территориального образования на основе массива данных на начало (1990 г.) и конец (1995 г.) периода.

Важнейшими параметрами, по которым оценивались изменения территориальной системы, являются темпы развития (деградации) экономической и социальной сферы, в частности динамика интегрального показателя экономической эффективности производства, темпы изменения доходов местных бюджетов, величины денежных доходов населения и т. п.

Методический подход представляет собой трехшаговую процедуру. На первом шаге формируется система индикаторов и показателей уровня социально-экономического развития территорий; на втором шаге выстраивается типология сельских районов по степени адаптации к рынку; на третьем шаге производится пересечение выстроенной типологии районов по местоположению в региональном пространстве.

Заметим, что система индикаторов и показателей, используемая в исследовании, дает возможность комплексной оценки сельской территории посредством характеристики ее населения, производственной и социальной сфер. Система показателей и индикаторов, характеризующих население сельского района, включает в себя общепринятые индикаторы и показатели, отражающие, с одной стороны, численность, состав и некоторые структурные характеристики населения, а с другой — показатели его естественного и механического движения.

В основу оценки производственной сферы сельского административного района положен критерий ее эффективности. Выбор этого критерия, как отмечалось ранее, обусловлен тем обстоятельством, что именно от эффективного производства во многом зависят условия жизни населения: обустроенность социальной сферы, доходы населения и т. п.

---

[1] Развитие сельских поселений / под ред. Е. Е. Горяченко, Т. И. Заславской, Л. П. Лященко и др. М., 1977. С. 46–47.

Для комплексной оценки эффективности производства необходимо иметь представление об имеющихся в районе сельскохозяйственных ресурсах, эффективности их использования, производственных и финансово-экономических результатах деятельности хозяйств. Кроме того, для оценки влияния различных факторов (специализации производства, формы хозяйствования и др.) на эффективность производства нужна информация об условиях хозяйствования.

Соответственно этому сформированы четыре блока индикаторов и показателей развития сельхозпроизводства в районе. Первый блок позволяет оценить наличие у районов ресурсов для сельскохозяйственного производства. Это показатели, характеризующие наличие в районе различных сельхозугодий, поголовье скота, обеспеченность сельского хозяйства трудовыми

Рис. 3.2. Система индикаторов и показателей социально-экономического развития сельских территорий

ресурсами, основными производственными фондами и капитальными вложениями (рис. 3.2).

Второй блок содержит информацию об итоговых результатах сельскохозяйственного производства в районах. Это такие показатели, как валовая и реализованная продукция, прибыль, а также расчетные показатели рентабельности и окупаемости затрат сельскохозяйственного производства.

Третий блок составляют показатели, характеризующие использование различных видов ресурсов сельскохозяйственного производства, а именно земли, трудовых, финансовых и материальных ресурсов. Были рассчитаны также показатели производительности труда, фондоотдачи, выхода валовой продукции в расчете на различные виды земельных угодий, капиталоотдачи. Последний, четвертый блок — это показатели, позволяющие оценить организационно-производственные условия ведения хозяйства.

Данная система построена на основе 134 исходных показателей. В качестве основных источников информации использовались материалы общегосударственной и ведомственной статистики, в частности паспорта районов, годовые отчеты колхозов и совхозов, а также другие статистические материалы.

Для формирования представления о социальной сфере сельского района, предопределяющей во многом уровень жизни его населения, система индикаторов и показателей должна отражать различные виды деятельности работников сферы обслуживания, а именно торговли и общественного питания; транспорта (пассажирского); связи (по обслуживанию населения); жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания; здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения; народного образования, включая дошкольное воспитание; культуры и искусства, кредитования и страхования.

Сформированная система индикаторов достаточно полно характеризует среду обитания сельского населения. В частности, в системе индикаторов нашли отражение такие основополагающие с точки зрения жизнедеятельности населения сферы, как здравоохранение, бытовое обслуживание, образование, культура. Вместе с тем отсутствует информация, раскрывающая состояние на селе физической культуры и социального обеспечения, кредитования. Тем не менее, на наш взгляд, система индикаторов сравнительно пропорционально отражает развитие важнейших сторон социального обслуживания населения.

При формировании системы индикаторов, характеризующих отдельную отрасль, мы стремились к комплексной оценке ее развития в оценке материально-технической базы, кадрового обес-

печения и объемов предоставляемых отраслью услуг. Однако ограниченные возможности государственной и ведомственной статистической отчетности не позволили в полной мере выполнить требования комплексности.

Использование статистической отчетности при построении типологии сельских территорий обеспечивает сравнительную надежность системы индикаторов. Существенно увеличивает надежность информации многостороннее отражение различных аспектов развития отрасли, применение для характеристики каждого из аспектов развития территории нескольких показателей. В итоге, на наш взгляд, сформированная в исследовании система индикаторов и показателей в целом удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям.

3.3. Методический подход к анализу центропериферийных различий в развитии сельской местности региона

Методика оценки остроты (степени выраженности) современных проблем социально-экономического развития ближней, средней и дальней периферий представляет собой двухшаговую процедуру.

На первом шаге выстраиваются частные классификации сельских муниципальных районов края по остроте тех или иных проблем развития экономики, демографии, социальной сферы. Второй шаг методики — выстроенные частные классификации и типологии «пересекаются» с типологиями сельских районов с различным центропериферийным положением.

На рисунке 3.3 показаны основные направления анализа остроты проблем социально-экономического развития сельских территорий. В числе проблем развития экономики — уровень развития сельхозпроизводства и его экономической эффективности, уровень и динамика инвестиционной активности на территории.

Методика, предложенная специалистами Российского государственного аграрного университета им. К. А. Тимирязева (РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева), по сравнению с изложенной ранее методикой анализа адаптации сельских территорий к рынку имеет ряд особенностей. Прежде всего, выстраиваемые классификации базируются на достаточно ограниченном наборе показателей. К примеру, оценка уровня обеспечения населения объектами социальной инфраструктуры касается трех основных

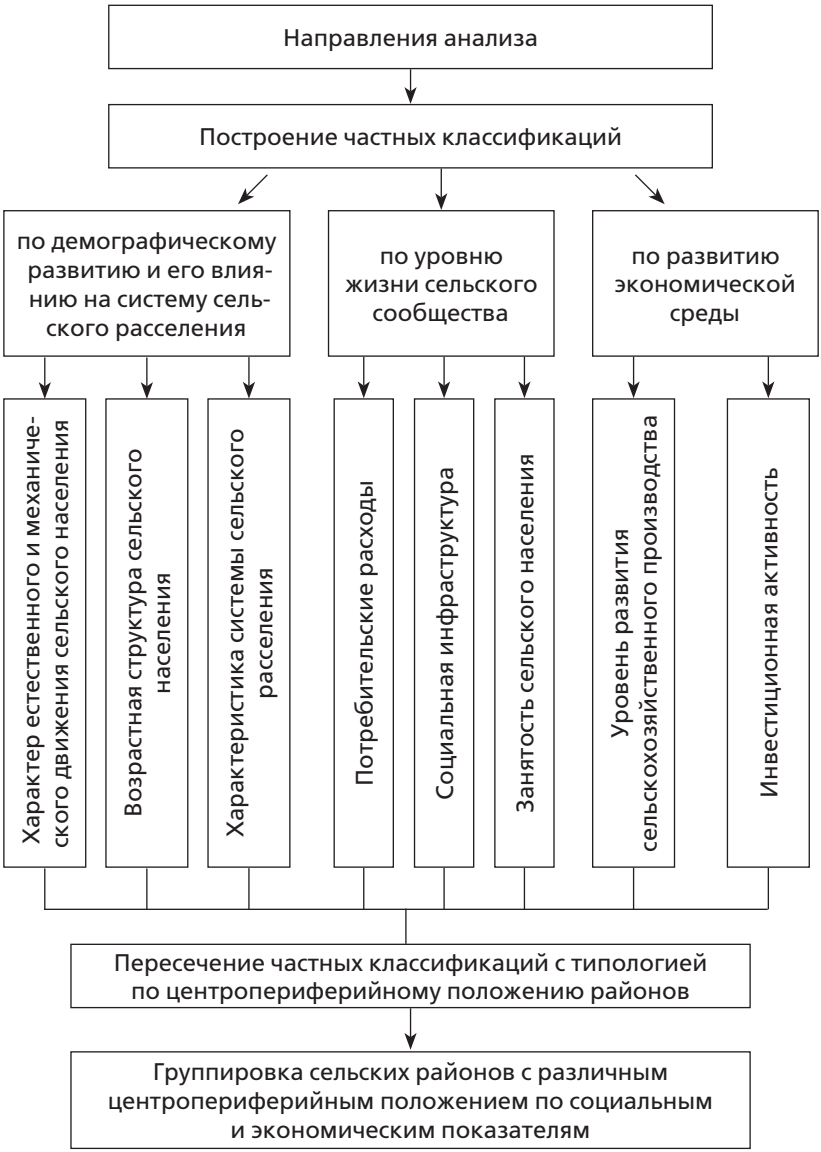


Рис. 3.3. Основные направления анализа проблем социально-экономического развития сельских территорий центропериферийных типов

отраслей социальной сферы (жилье, здравоохранение, образование), но каждая из них раскрывается с помощью только одного показателя, что снижает достоверность полученных результатов.

Второе существенное отличие заключается в том, что обработка массива данных осуществляется с использованием приемов кластерного анализа. По каждой группе показателей методом линейного масштабирования находятся значения индикаторов. По мнению авторов методики, для обработки большого массива данных, обладающих разномасштабными значениями и, кроме того, имеющих как количественную, так и качественную характеристики, данный метод является наиболее пригодным. Он более точен по сравнению с балльными и рейтинговыми оценками и основан на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений показателей).

Тем самым данный метод показывает реальное расположение показателя каждого конкретного района между референтными точками. Расчет производится по формуле:

$$\text{Индекс} = \frac{X - X\min}{X\max - X\min},$$

где X — первое значение в ряду.

В работе с помощью метода линейного масштабирования индикаторы приводились к размерности от 0 до 1. Оценка по каждому из показателей, основанная на равной приоритетности индикаторов, рассчитывалась как среднее геометрическое или среднее арифметическое из значений показателей. В свою очередь, общие интегральные индексы обобщающих типологий уточняются с помощью экспертных оценок коэффициентов значимости факторов. По отдельным показателям дополнительно проводятся статистический анализ распределения, ранжирование и балльная оценка (для качественных характеристик)[1].

Третья особенность используемой нами методики касается построения обобщенных типологий. Здесь следует отметить два момента.

1. В основу комплексной оценки современного состояния сельских районов заложена балльная оценка:
   — объема сельскохозяйственного производства;
   — объема промышленного производства;
   — объема работ, выполненных по такому виду деятельности, как строительство;

[1] Отчет по теме «Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений на основе зонирования территорий Алтайского края» / ФГОУ РГАУ – МСХА им. К. А. Тимирязева. М., 2010. С. 35.

— оборота розничной торговли и объема платных услуг;
— динамики объема инвестиций в расчете на душу населения;
— инвестиционной активности;
— характеристики движения населения;
— обеспеченности социальной инфраструктурой населения;
— объема потребительских расходов на душу населения;
— возрастной структуры населения;
— объема финансирования по федеральным целевым программам, направленным на развитие производственного потенциала;
— экологических ограничений хозяйственной деятельности.

Соответственно, комплексная оценка потенциалов развития сельских районов базируется на балльной оценке следующих показателей: диверсифицированности сельскохозяйственного и промышленного производства; инвестиционной активности; наличия и разнообразия минерально-сырьевых ресурсов; рекреационного потенциала; транспортно-инфраструктурной обеспеченности[1].

2. В целях сопоставимости разномасштабных в абсолютном измерении показателей применен метод линейного масштабирования с присвоением коэффициентов значимости показателей, определенных экспертным путем. На основе полученных результатов выведены интегральные показатели потенциала развития муниципальных районов и потенциала развития территорий.

Выстроенные на основе соответствующих интегральных показателей типологии позволяют сформировать комплексную типологию районов по роли и месту сельского района в формировании пространственного каркаса сельской местности.

В заключение изложим некую общую логику интерпретации полученных результатов пересечения выстроенных типологий и типологий сельских районов по положению в региональном пространстве. С учетом разнохарактерности и разнонаправленности анализируемых явлений и процессов, а также необходимости упрощения восприятия результатов, их изложение должно производиться по единой схеме:

— краткая характеристика общей ситуации в сельской местности в части анализируемых проблем развития;
— характеристика «проблемной шкалы», используемой для оценки дифференциации районов в рассматриваемом аспекте;

[1] Отчет по теме «Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений...». С. 77–81.

— оценка распределения сельских районов ближней, средней и дальней периферий на «проблемной шкале»;
— интерпретация полученных результатов с точки зрения выявления механизмов, детерминирующих сложившуюся ситуацию.

Раздел 2

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Глава 4

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРОПЕРИФЕРИЙНЫХ ТИПОВ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РЕФОРМ

4.1. Основные тенденции развития агропромышленного комплекса края в первой половине 1990-х гг.

До начала радикальных рыночных реформ Алтайский край являлся крупным агроиндустриальным регионом, что заметно отличало его по структуре народного хозяйства от других территорий Сибири и Российской Федерации в целом. Если на долю промышленности страны приходилось 80%, а сельского хозяйства — 19% всего валового продукта, то в Алтайском крае эти показатели составляли 68 и 32%. В аграрно-промышленном комплексе края производилось около четверти валового общественного продукта и было занято 28% трудоспособного населения региона.

В Российской Федерации Алтайский край занимал 3–4-е места по объему валовой сельскохозяйственной продукции (зерна, мяса, молока) и одно из первых по выработке жирных сыров. В системе межрегионального разделения труда край выполнял функцию обеспечения продовольствием своего населения и жителей близлежащих индустриальных регионов. Всего из края вывозилось до трети производимой продукции, в том числе более половины заготавливаемого зерна. Среди зерновых культур наибольший удельный вес составляла пшеница сильных и твердых сортов, которая в урожайные годы занимала 20% республиканской реализации.

В структуре валовой продукции сельского хозяйства наибольший удельный вес занимало животноводство (60–65%), наблюдалась тенденция сохранения и дальнейшего увеличения доли данной отрасли сельского хозяйства. Важное значение для развития экономики края имело производство зерна, на долю которого

приходился наибольший объем государственных закупок. Доля зерновых культур в структуре товарной продукции сельского хозяйства края составляла не менее 30%.

В развитии АПК края в анализируемые годы выделялись две особенности. Первая из них была связана с его ориентацией на производство продовольственных товаров. В производстве товаров народного потребления доля продовольственных товаров составляла 60–90%. Непроизводственное сырье (льноволокно) в структуре продукции сельского хозяйства занимало незначительную долю. Вторая особенность заключалась в слабом развитии в крае переработки, на долю которой приходилось не более четверти от общего объема промышленного производства. Неэффективная отраслевая структура АПК, ориентированная на производство сырья, а не конечной продукции, снижала рентабельность производства и осложняла проблемы сбыта сельхозпродукции.

В первой половине 1990-х гг. произошло падение сельхозпроизводства, особенно интенсивно с 1993 г. Тем не менее, и это отмечали многие исследователи, снижение объемов производства в сельском хозяйстве происходило гораздо медленнее, чем в других отраслях.

Сокращение производства сельхозпродукции имело место в силу влияния целого комплекса причин, главная из которых, на наш взгляд, была связана с уменьшением платежеспособного спроса со стороны государства. До перехода к рыночной экономике доля государственных закупок в объеме реализации сельхозпродукции доходила до 90%, а к концу анализируемого периода (1995 г.) — не более 30% на фоне дальнейшего снижения объемов закупок. По некоторым видам продукции (подсолнечник, сахарная свекла) госзакупки в 1994–1995 гг. не осуществлялись.

На уменьшение объемов государственных закупок большое влияние оказала ценовая политика. Гарантированный сбыт продукции государству осуществлялся по ценам в десятки раз ниже цен реализации на рынках края и с большой задержкой оплаты за сданную продукцию. Основным потребителем агропромышленной продукции в рассматриваемые годы являлось население края, но и на этом сегменте рынка предприятия АПК также значительно снизили объемы продаж.

Наиболее важным фактором, определившим сложившуюся ситуацию, являлось снижение реальных доходов населения. Ежегодное падение платежеспособного спроса населения края на 10–15% привело к тому, что объем продаж продуктов питания оказался значительно ниже потенциальной емкости рынка, рассчитанной на основе рациональных норм потребления и численности населения.

Кроме того, была велика доля потребления импортных продуктов питания, которая в крае составляла около 15% среднедушевого потребления. Ориентация импортеров на население с низким уровнем доходов — в Алтайском крае к ним относилось около 65% населения — позволила им занять свою нишу на рынке продуктов питания, потеснив отечественных производителей.

Немаловажной причиной сокращения объемов сельхозпроизводства была потеря традиционных рынков сбыта в других регионах Западной и Восточной Сибири, снижение границ сбыта сельхозпродукции Алтайского края из-за перехода всех регионов Западной Сибири (за исключением Тюменской и Томской областей) на самообеспечение продовольственными товарами.

Так, например, Кемеровская область практически обходилась собственным продовольствием. Между регионами существовали продовольственные товаропотоки, но они практически были равнозначны, различался лишь в какой-то мере ассортимент поставляемой продукции. Продовольственные рынки на севере и востоке страны были заполнены импортным продовольствием, значительная часть которого ввозилась из стран Юго-Восточной Азии.

Подытоживая краткий анализ основных тенденций развития АПК в первые годы реформ, заметим, что указанные выше причины сокращения объемов производства и продаж сельхозпродукции в крае не являются исчерпывающими. Наряду с названными причинами, следует указать диспаритет цен на продукции сельского хозяйства, расширение объема и ассортимента ввозимой продукции, неконкурентоспособность некоторых продуктов питания, нарушение ранее существующих связей по поставкам продукции в регионы Российской Федерации, ближнего зарубежья и др.

4.2. Территориальная организация хозяйства в аграрном секторе Алтайского края накануне и на начальном этапе рыночных реформ

В Алтайском крае внутрирегиональные пропорции развития сельской периферии, размещения сельхозпроизводства во многом были предопределены его аграрно-промышленной специализацией с преимущественной ориентацией на межрегиональные и внешние рынки сбыта сельхозпродукции.

Размещение сельхозпроизводства в территориальном разрезе можно было в целом охарактеризовать как равномерное. Тем не менее выделялись аграрные ареалы с высокой концентрацией сельскохозяйственного производства: Барнаульский

и Родинско-Завьяловский, суммарно производившие 38,5% валовой продукции сельского хозяйства. Несмотря на то, что большая часть сельхозпредприятий имела универсальное производство, выделялись ареалы с животноводческой специализацией: Рубцовско-Змеиногорский, Славгородско-Кулундинский, Бийский и Северо-Западный (рис. 4.1).

Сельские территории края имели преимущественно аграрную специализацию. Промышленное производство было рассредоточено по 48 административным районам, на долю которых в 1995 г. приходилось около 9% всего объема производимой продукции в крае и 6,5% от числа занятых в промышленности[1].

Как отмечалось ранее, отличительной чертой аграрного сектора Алтайского края была неразвитость перерабатывающей промышленности в сельскохозяйственных ареалах. Практически вся пищевая промышленность находилась в Барнаульском ареале и крупных промышленных агломерациях. Это послужило одним из главных факторов падения эффективности производства в агропромышленном комплексе при либерализации транспортных тарифов и цен: почти в 5 раз сократился радиус рентабельной транспортной доступности продукции животноводства. Процент товарности за три года (1992–1994 гг.) снизился по зерну с 32 до 24%, молоку — с 91 до 78%, картофелю — с 53 до 24%, яйцам — с 89 до 86%.

Для Алтайского края всегда была характерна значительная территориальная дифференциация глубины экономического кризиса и степени адаптации хозяйства сельских районов к рыночным условиям. Эта дифференциация во многом была обусловлена как сложившимися накануне реформ различиями в накопленном производственном потенциале (в 1970–1990 гг.), так и специализацией хозяйств сельских районов.

В 1990 г. имелся четырехкратный разрыв в уровне экономического развития между отсталыми и высокоразвитыми райо-

---

[1] В рассматриваемом периоде в Алтайском крае имелись две крупные промышленные агломерации с диверсифицированной структурой промышленности — Барнаульско-Заринская и Бийско-Зональная, а также два ареала — Рубцовско-Змеиногорский и Славгородско-Кулундинский с относительно узкой промышленной специализацией. На их долю приходилось свыше 90% производства промышленной продукции края, в том числе 47% в Барнауле.
В Барнаульско-Заринской промышленной агломерации было сосредоточено энергетическое и транспортное машиностроение, станкостроение и приборостроение, химическая и нефтехимическая, металлургическая, легкая и пищевая промышленность. Бийско-Зональная имела аналогичный состав отраслей, однако со значительно большей долей военно-промышленного комплекса в химической промышленности. Рубцовско-Змеиногорский ареал был представлен сельскохозяйственным машиностроением и цветной металлургией; Славгородско-Кулундинский — химической и пищевой промышленностью.

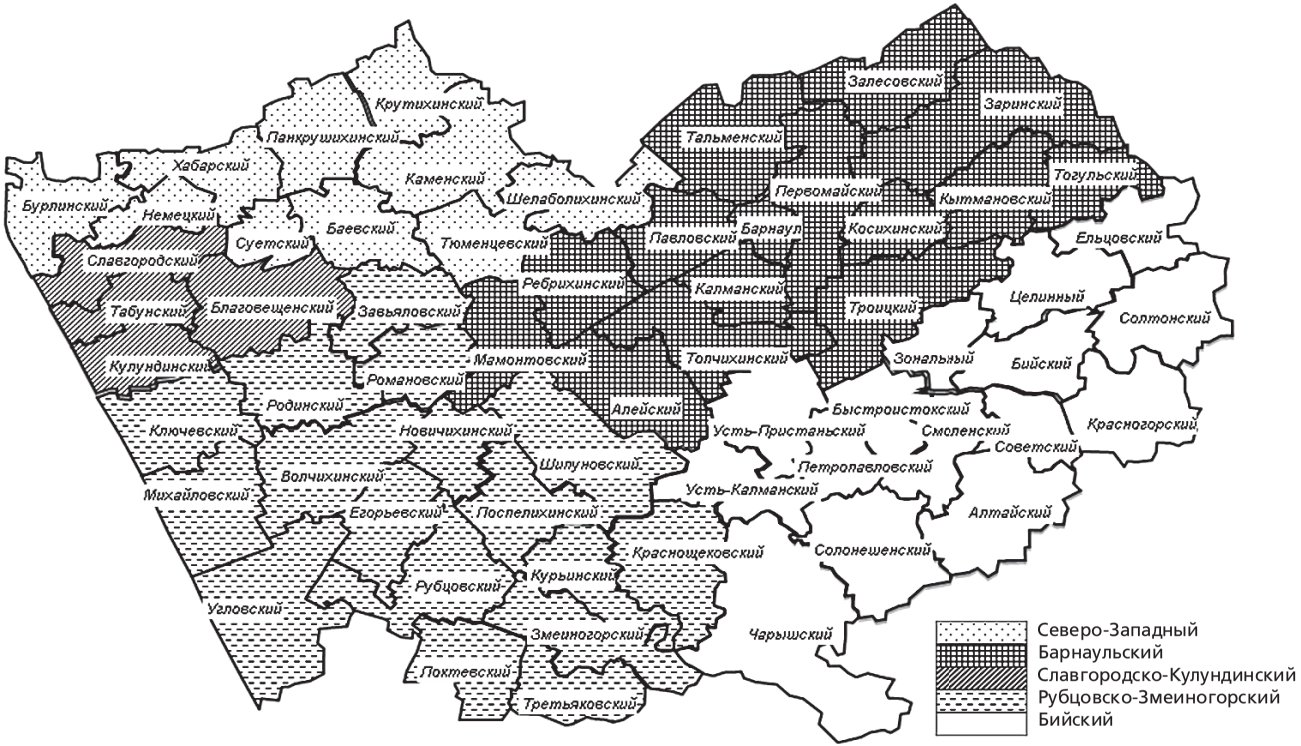


Рис. 4.1. Распределение сельских территорий Алтайского края по аграрным ареалам

нами. К категории отсталых относились районы, граничащие с Новосибирской и Кемеровской областями, Павлодарской областью Казахстана. Полюсами же экономического роста в период 1980–1990-е гг. были города Алтайского края и формирующиеся вокруг них промышленные агломерации: Бийская, Барнаульская, Рубцовско-Змеиногорская.

В 1991–1995 гг. ни одному из сельских районов не удалось избежать экономического спада и падения уровня жизни населения. Различия в темпах спада достигали по инвестициям 7 раз, по спаду производства — 4 раза. Алтайский край уже накануне реформ имел существенные внутрирегиональные различия в уровне и качестве жизни населения вследствие более низких по сравнению с промышленностью доходов сельского хозяйства. Дифференциация уровня жизни населения внутри края в 1990 г. достигала трехкратного размера. В ходе реформ произошла еще более глубокая дифференциация территорий по степени потери производственного потенциала и, следовательно, экономической базы формирования местных бюджетов и денежных доходов населения.

Так, наряду с традиционно отсталыми сельскими районами, появились депрессивные территории. Целый ряд районов оказался в критическом состоянии. Сузились зоны относительно высокого уровня жизни. Вместе с тем в ряде районов удалось минимизировать потери производственного потенциала и инвестиционной деятельности, создать рыночную инфраструктуру как основу адаптации к рыночной организации хозяйства и социальной сферы. Все эти изменения нашли свое отражение в типологии сельских территорий по степени первоначальной адаптации к рынку.

4.3. Типология сельских районов по характеру первоначальной адаптации к рынку и степени устойчивости

Согласно разработанной ранее методике, в основу которой была положена оценка динамики экономических и социальных процессов на территории сельской периферии в 1990–1995 гг., построена типология сельских районов Алтайского края по степени первоначальной адаптации к рынку. В итоге вся совокупность сельских районов (60 районов) была разбита на четыре типа (табл. 4.1, рис. 4.2):

Таблица 4.1

Распределение сельских районов Алтайского края по характеру первоначальной адаптации к рынку

Типы районов по характеру первоначальной адаптации к рынку	Наименование районов	Численность населения, тыс. чел.	Доля сельского населения края, %
Относительно адаптированные к рынку районы	Бийский, Первомайский, Зональный, Заринский, Советский, Волчихинский, Петропавловский, Благовещенский, Завьяловский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Родинский, Романовский, Суетский, Шипуновский	374,2	29,7
Проблемные районы с максимальным падением эффективности сельскохозяйственного производства	Баевский, Кытмановский, Тогульский, Рубцовский, Третьяковский, Славгородский, Новичихинский, Поспелихинский, Угловский	255,7	20,3
Критические районы с максимальными темпами спада объемов производства и инвестиций	Павловский, Змеиногорский, Курьинский, Алейский, Смоленский, Быстроистокский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Чарышский, Топчихинский	218,0	17,3
Депрессивные сельские районы	Хабарский, Панкрушихинский, Каменский, Тюменцевский, Косихинский, Табунский, Бурлинский, Крутихинский, Шелаболихинский, Тальменский, Калманский, Залесовский, Ребрихинский, Локтевский, Краснощековский, Егорьевский, Ельцовский, Солтонский, Красногорский, Алтайский, Солонешенский, Кулундинский, Целинный, Троицкий, Ключевский	409,2	32,6

— относительно адаптированные к рынку;
— проблемные сельские районы с максимальным падением эффективности сельскохозяйственного производства;
— критические районы с максимальным падением объемов сельхозпроизводства;
— депрессивные сельские районы.

К числу относительно адаптированных к рынку сельских территорий относилось 16 районов, в которых проживало на начало 1995 г. 374,2 тыс. чел., или около 30% сельского населения края. Как правило, сельские территории, относительно адаптированные к рынку, имели агропромышленную специализацию.

Эти сельские территории выгодно отличались от других сельских территорий края по ряду следующих характеристик: наличие стартового производственного потенциала выше среднекраевых значений; минимальные темпы снижения объемов сельхозпроизводства; более высокие показатели эффективности сельхозпроизводства; более высокий по сравнению со среднекраевым уровень жизни населения, в том числе и по обеспеченности населения объектами социальной сферы. Все остальные районы края характеризуются нами как проблемные, однако степень остроты проблем у них разная.

К группе наименее проблемных отнесены сельские районы с максимальным падением эффективности сельского производства. В их числе: Баевский, Кытмановский, Тогульский, Рубцовский, Третьяковский, Славгородский, Новичихинский, Поспелихинский, Угловский районы.

Как видно из рисунка 4.2, районы с падающей эффективностью сельхозпроизводства имеются во всех проблемных ареалах, за исключением Бийского. В проблемных районах с падающей эффективностью проживало в 1995 г. 255,7 тыс. чел., или 20,3% сельского населения края. Отличительной особенностью этой группы районов является по преимуществу их аграрная специализация.

Группу критических сельских территорий составили 9 районов с численностью сельского населения 218 тыс. чел. (17,3%) (см. табл. 4.1). Они менее адаптированы к рынку по сравнению с двумя первыми группами. Однако по сравнению с депрессивными сельскими территориями эти районы пережили рыночные реформы с меньшими потерями.

Их отличительная особенность — средний на начало рыночных реформ стартовый сельскохозяйственный потенциал, резко уменьшившийся под воздействием радикальных рыночных реформ. В результате объемы сельхозпроизводства в районах этой группы сократились на треть. Темпы падения объемов сельхозпроизводства в первой половине 1990-х гг. были в 2,5 раза выше аналогичных среднероссийских показателей.

Несмотря на столь серьезное сокращение производства, уровень официальной безработицы в этой подгруппе был ниже среднекраевого, что косвенно свидетельствует о наличии большой доли скрытой безработицы. Можно сказать, что при неблагоприятном стечении обстоятельств критические районы с максималь-

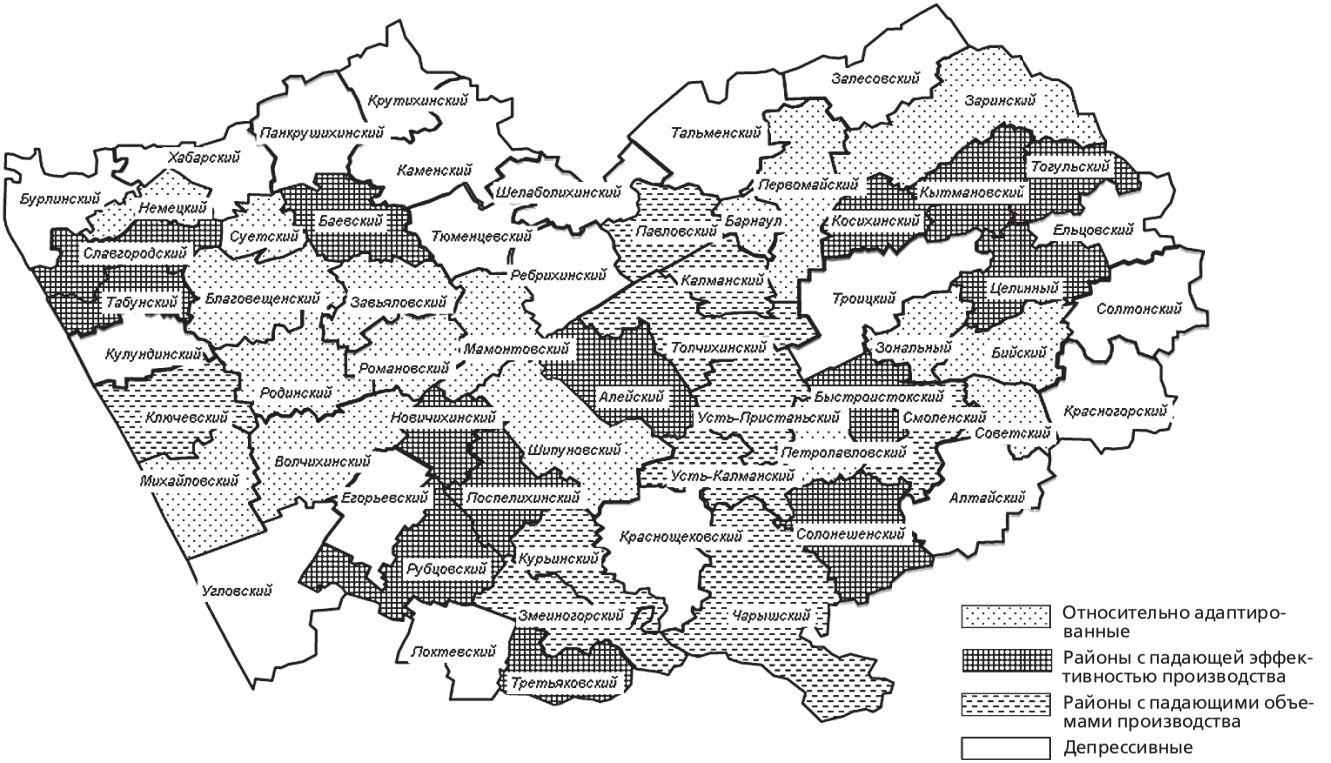


Рис. 4.2. Распределение сельских районов Алтайского края по степени адаптации к рынку

ным падением объемов сельхозпроизводства — это потенциально депрессивные сельские территории с угрозой массовой безработицы. Как правило, группы критических районов территориально расположены в зонах влияния малых городов либо непосредственно примыкают к районам, характеризующимся как относительно адаптированные к рынку (см. рис. 4.2).

Депрессивные районы — это наиболее проблемные, традиционно отсталые районы, имевшие в дореформенный период низкие уровни промышленного и сельскохозяйственного производства (в 1,4–3 раза ниже среднекраевого уровня), инвестиций (ниже в 2–3 раза), душевых доходов населения, с относительно низкой долей экономически активного населения и естественного прироста населения.

К депрессивным отнесены 25 районов, где в 1995 г. проживал каждый пятый житель края, или каждый третий житель села[1]. Расположены депрессивные районы, как правило, на приграничных территориях Алтайского края (см. рис. 4.2). В 1990–1995 гг. в этих районах произошла существенная потеря промышленного и сельскохозяйственного потенциала (спад соответственно составил 60 и 28%), а инвестиционная деятельность практически отсутствовала — инвестиции снизились на 89%. Как правило, вследствие указанных причин это районы с высоким уровнем безработицы (в 1,5 раза выше краевого).

Одним из наиболее серьезных препятствий на пути развития депрессивных районов было разрушение экономической базы систем жизнеобеспечения населения на фоне отсутствия каких-либо значимых финансовых источников развития. В результате уже в 1995 г. имел место угрожающе низкий уровень жизни населения: соотношение душевых денежных доходов населения и прожиточного минимума было в 5 раз ниже среднероссийских показателей. Собственная доходная база местных бюджетов находилась в пределах 28–35%. Строительство жилья практически отсутствовало (за исключением Тальменского района).

Все показатели обеспеченности социально бытовой инфраструктурой были почти в 2 раза ниже, чем в районах, относительно адаптирующихся к рынку. Проблема состояла еще и в том, что не появилось потенциальных возможностей замещения бюджетных источников финансирования социальной сферы на другие (сбережения населения или средства предприятий).

Подытоживая краткий анализ первоначальной адаптации региональной сельской периферии к рынку, отметим, что боль-

---

[1] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. URL: http://ak.gks.ru/default.aspx.

шинство сельских районов, где проживало более 2/3 сельского населения края, оказались в числе проблемных[1].

В относительно более устойчивом состоянии оказались главным образом сельские районы, вошедшие в состав Родинско-Завьяловского аграрного ареала. Ареал занимал второе место в крае по производству валовой продукции (17%) и первое — по доходности сельского хозяйства, что нашло свое отражение в максимальном значении доли собственных доходов в местных бюджетах среди аграрных ареалов края.

Ключевая проблема Родинско-Завьяловского ареала в первой половине 1990-х гг. состояла в угрозе потери высокотоварного племенного овцеводства и зернового хозяйства вследствие неразвитости в крае оптовых рынков шерсти, продукции животноводства и зерна, а также низкого уровня инвестиций как в сельское хозяйство, так и в развитие рыночной инфраструктуры и перерабатывающих производств. Диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию и оборудование серьезно сдерживал формирование собственных источников инвестиций.

Особо острой была проблема занятости молодежи. В этой связи уже в то время назрела необходимость диверсификации структуры хозяйства за счет создания конкурентоспособных производств в АПК.

Остальная часть Алтайского края, как уже отмечалось, представляла собой пять проблемных ареалов либо ярко выраженного депрессивного типа, либо критических, имеющих тенденцию стать депрессивными: Барнаульский, Бийский, Славгородско-Кулундинский, Рубцовско-Змеиногорский, Северо-Западный.

Предварительный анализ экономических и социальных факторов, обусловивших более глубокий кризис на этих территориях, позволяет высказать гипотезу о наличии взаимосвязей между спадом промышленного производства в критических районах и аграрным кризисом в близлежащих районах. Высоко и обратное

---

[1] Проведенный анализ внутрирегиональных взаимосвязей, производства и рынков сбыта продукции показывает, что в середине 1990-х гг. в Алтайском крае имелось два ареала с высоким потенциалом самостоятельного выхода из кризиса за счет диверсификации ассортимента выпускаемой продукции на существующих мощностях и переориентации на новые рынки сбыта. Это были ареалы высокой территориальной концентрации производства и рыночной инфраструктуры, потенциальные районы-лидеры, относительно быстро адаптирующиеся к изменениям рыночной конъюнктуры: Барнаульско-Заринская и Бийско-Зональная промышленные агломерации.

По уровню концентрации экономического потенциала, безусловно, первое место занимала Барнаульско-Заринская промагломерация, где было сосредоточено более 50% всех инвестиций края, 53% объемов промышленного производства, более 33% занятого населения.

влияние аграрного кризиса на состояние и развитие сферы платных услуг, социальной сферы межселенного обслуживания в городах, выполняющих роль агломерационных центров.

Оценка степени первоначальной адаптации к рынку основных элементов региональной сельской периферии на начальном этапе радикальных рыночных реформ.

Согласно разработанной методике оценка устойчивости развития районов ближней, средней и дальней периферий определяется путем пересечения двух типологий: с одной стороны, по степени первоначальной адаптации к рынку, с другой стороны, типологии районов с различным центропериферийным положением. При этом последняя типология была представлена в двух вариантах — укрупненном и дробном. Результаты пересечения приведены в таблице 4.2.

Взаимосвязь между центропериферийным положением районов и уровнем их первоначальной адаптации к рынку определялась с помощью теста χ-квадрат на независимость номинальных переменных. В обоих случаях укрупненной и дробной группировки подтвердилась гипотеза о независимости двух исследуемых переменных.

В случае пересечения с укрупненной типологией наблюдаемое значение статистики было равно 5,5, что существенно меньше критического, равного 12,6; в случае пересечения с дробной типологией (6 типов районов) нулеваягипотеза о независимости двух выборок подтверждается с вероятностью 95%, поскольку наблюдаемое значение χ-квадрат, равное 15,075, меньше критического, равного 25.

Из полученных результатов можно сделать следующие выводы. Прежде всего, центропериферийное положение района является не единственным и, по-видимому, не определяющим фактором устойчивости территориальной социально-экономической системы. Как отмечалось ранее, в качестве таковых могут рассматриваться накопленный накануне рыночных реформ потенциал и, главное, специализация хозяйства территории.

Тем не менее для пригородных районов просматривается некоторая взаимосвязь между степенью адаптации к рынку города и прилегающего к нему района: чем более адаптированным оказался город, тем в меньшей степени район испытал на себе негативное воздействие радикальных рыночных реформ.

Таблица 4.2

Распределение сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по типам районов, различающихся степенью первоначальной адаптации к рынку

Типы районов по первоначальной адаптации к рынку	Центропериферийное положение сельских районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Относительно адаптированные районы	Бийский, Первомайский	Зональный	Заринский	Советский	Волчихинский, Петропавловский	Благовещенский, Завьяловский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Родинский, Романовский, Суетский, Шипуновский
Районы с максимальным падением эффективности сельскохозяйственного производства	Рубцовский		Алейский, Славгородский	Косихинский, Поспелихинский, Целинный	Быстроистокский, Новичихинский, Солонешенский	Баевский, Кытмановский, Тогульский, Третьяковский, Табунский
Критические районы с максимальным падением объемов производства		Павловский, Смоленский, Калманский	Змеиногорский		Топчихинский	Курьинский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Чарышский, Ключевский
Депрессивные сельские территории		Тальменский, Егорьевский	Каменский, Локтевский	Троицкий, Красногорский, Угловский, Залесовский, Солтонский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Алтайский	Хабарский, Панкрушихинский, Тюменцевский, Бурлинский, Крутихинский, Краснощековский, Ельцовский, Кулундинский

Глава 5

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПРОЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

5.1. Демографическое развитие центропериферийных типов сельских территорий и его влияние на систему сельского расселения

Доминирующей тенденцией, характеризующей состояние демографической сферы Алтайского края, является значительное сокращение его численности[1]. По данным переписи 2010 г. (по сравнению с предыдущей переписью), численность населения уменьшилась на 188 тыс. чел., в том числе в сельской местности — на 124,4 тыс. чел. Сокращение численности населения края сказалось на численности населения сельских районов.

Как отмечает А. А. Еремин, результатом этого стало снижение в 2009 г. по сравнению с 2002 г. средней людности района с 21,8 до 19,7; максимального значения людности района — с 51,9 до 50,1, и минимального — с 7,3 до 5,5 тыс. чел. Соответственно уменьшилось с 23 до 15 единиц число крупных районов (с численностью населения 20,1–30 тыс. чел.), и с 13 до 22 единиц увеличилось число мелких районов людностью менее 15 тыс. чел. Лишь в трех районах (Бийском, Павловском и Третьяковском) зафиксировано увеличение населения. Все остальные сельские районы теряли население бóльшими или меньшими темпами[2].

---

[1] На 1 января 2011 г. численность постоянного населения Алтайского края составила 2419,4 тыс. чел., в том числе сельского – 1096,2 тыс. чел. (45,3% против 46,9% в 2002 г.). По общей численности населения край занимает пятое место в Сибирском федеральном округе; по численности сельского населения – первое место в Сибирском федеральном округе и шестое – в Российской Федерации.

[2] Результаты переписи 2010 г. позволяют нам уточнить эту информацию. За 2002–2010 гг. численность населения выросла лишь в Первомайском районе. В шести сельских территориях (Ельцовском, Каменском, Панкрушихинском, Солтонском, Суетском, Усть-Пристанском районах) перепись зафиксировала сокращение численности населения свыше 20%.

На основе анализа погодовых изменений численности населения сельских районов за 2001–2009 гг. А. А. Еремин выделил четыре типа территорий, различающихся характером динамики:

— устойчивая восходящая динамика — 1 район (Первомайский);
— колеблющаяся восходящая динамика — 3 района (Павловский, Рубцовский, Тальменский);
— колеблющаяся нисходящая динамика — 9 районов (Бийский, Волчихинский, Калманский, Кулундинский, Михайловский, Смоленский, Топчихинский, Третьяковский, Шелаболихинский);
— устойчивая нисходящая динамика — остальные 47 районов[1].

Характеристика естественного и механического движения сельского населения. Как отмечалось ранее, изменение численности населения происходит под влиянием двух факторов: его механического и естественного движения. Эти процессы характеризуются достаточно частой сменой трендов, в связи с чем для понимания объективной картины протекания демографических процессов целесообразно проанализировать их на протяжении длительного хронологического периода. С учетом этого рассмотрим изменение показателей механического и естественного движения сельского населения Алтайского края за последние 20 лет (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Динамика показателей естественного движения населения в сельской местности Алтайского края в 1995–2010 гг.

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010
Число родившихся	15,1	12,1	12,5	12,4	14,9
Число умерших	13,2	19,1	19,0	20,7	19,3
Естественный прирост (убыль)	1,9	–7,0	–6,5	–8,3	–4,4

Источник: данные Алтайкрайстата.

[1] Еремин А. А. Население Алтайского края на современном этапе: динамика и территориальная дифференциация численности // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 3/2. С. 126–128.

Из таблицы 5.1 следует, что в анализируемом периоде времени проявились две тенденции:

— заметное сокращение естественного прироста населения по сравнению с 1990 г. за счет снижения числа родившихся, а также роста числа умерших;
— улучшение ситуации в части естественного движения населения к настоящему времени, проявляющееся в росте числа родившихся и уменьшении числа умерших.

Что же касается миграции, то, по оценке Л. В. Родионовой и А. Я. Троцковского, ее характерными чертами в рассматриваемый период были динамизм, многообразие, асимметричность, инновационность, проявляющиеся в неустойчивой структуре миграционных связей региона, частой смене трендов в территориальных перемещениях населения, существенной асимметрии встречных миграционных потоков, появлении новых форм и направлений миграции, изменении ее механизмов, формировании специфических моделей миграционного поведения населения. Кардинальной трансформации подверглись миграционные процессы как в городских поселениях, так и в сельской местности.

Миграционный прирост населения увеличивался в течение первых пяти лет исследуемого периода и являлся основным источником сохранения и увеличения демографического потенциала края. Однако в 1995 г. ситуация изменилась: положительное сальдо миграции по сравнению с предшествующим годом сократилось почти в три раза, приток мигрантов в Алтайский край впервые с 1992 г. не компенсировал естественную убыль населения. В дальнейшем миграционный прирост населения в крае продолжал неуклонно сокращаться, а в 2001 г. он сменился на миграционную убыль, среднегодовое значение которой в последнее десятилетие составило 5,2 тыс. чел.[1]

Отметим, что основные тенденции миграционных процессов как в городской, так и сельской местности Алтайского края в целом аналогичны. Различия между ними проявились главным образом в несовпадении охарактеризованных выше тенденций во времени. Так, сельской местности края, в отличие от городской, уже в 1990 г. была присуща потеря населения в результате миграции. Если в 2000 г. в городской местности еще сохранялся миграционный прирост, то в сельской имела место убыль населения. Аналогичная ситуация сложилась и в 2010 г., что свидетельствует о более низкой миграционной привлекательности алтайского села в целом по сравнению с городом (табл. 5.2).

---

[1] Родионова Л. В., Троцковский А. Я. Региональный рынок труда: проблемы формирования, прогнозирования и регулирования // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2/1. С. 301.

Таблица 5.2

Динамика показателей миграции населения в сельской местности Алтайского края в 1990–2010 гг.

Показатель	1990	1995	2000	2005	2010
Прибывшие	46,5	56,7	39,3	27,8	22,1
Выбывшие	49,3	55,3	40,5	31,5	29,6
Миграционный прирост	–2,8	1,4	–1,2	–3,7	–7,5

Источник: данные Алтайкрайстста.

Рассмотрим территориальные аспекты демографического развития края. Для характеристики демографических процессов в районах с различным центропериферийным положением воспользуемся методикой В. В. Воробьева. Согласно предложенному им подходу выделяются пять групп территорий, различающихся соотношением результатов естественного и механического движения населения, а именно:

— миграционный приток превышает естественную убыль;
— естественная убыль превышает миграционный приток;
— миграционный отток превышает естественный прирост;
— миграционный отток превышает естественную убыль;
— естественная убыль превышает миграционный отток.

Распределение районов с различным центроперифирийным положением приведено в таблице 5.3.

Группа районов ближней периферии характеризуется высокой долей районов (40%), где миграционный приток превышает естественную убыль населения. Пополнение населения в районах ближней периферии I порядка происходит исключительно за счет миграции населения. Остальные районы ближней периферии характеризуются негативными темпами динамики численности населения. Так, в пяти районах ближней периферии, составляющих треть численности районов, миграционный отток превышает естественную убыль. В трех районах главным фактором убыли населения является естественная убыль, превышающая миграционный отток.

Для половины районов средней периферии характерен высокий миграционный отток населения, который является главным фактором убыли населения. В данной группе имеются районы с миграционным притоком (5 районов), однако данным районам присуша высокая естественная убыль населения.

Таблица 5.3

Характеристика сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по соотношению результатов естественного и механического движения населения

Соотношение результатов механического и естественного движения	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Миграционный приток превышает естественную убыль	Бийский, Первомайский, Рубцовский	Павловский, Тальменский, Смоленский		Поспелихинский		
Естественная убыль превышает миграционный приток			Заринский,	Залесовский, Красногорский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Петропавловский	
Мигр. отток превышает ест. прирост						Немецкий национальный, Табунский
Миграционый отток превышает естественную убыль		Зональный	Змеиногорский, Каменский, Локтевский, Славгородский	Солтонский, Советский, Косихинский, Угловский	Волчихинский, Быстроистокский, Алтайский, Новичихинский, Топчихинский	Баевский, Благовещенский, Бурлинский, Ключевский, Крутихинский, Кулундинский, Кытмановский, Курьинский, Мамонтовский, Панкрушихинский, Родинский, Романовский, Суетский, Тогульский, Третьяковский, Тюменцевский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский, Шипуновский
Естественная убыль превышает миграционный отток		Егорьевский, Калманский	Алейский,	Целинный, Троицкий	Солонешенский,	Ельцовский, Завьяловский, Краснощековский, Михайловский, Усть-Калманский

Причинами убыли населении в районах дальней периферии являются как миграционный отток населения, так и естественная убыль населения. При этом главным фактором убыли населения является высокий миграционный отток населения.

В целом полученные нами результаты коррелируют с данными А. А. Еремина. Произведенные им расчеты среднегодового коэффициента прироста (убыли) в разрезе административно-территориальных единиц края за 2001–2009 гг. позволили сделать вывод о том, что лишь очень немногие территории в новом столетии отличались приростом общей численности населения. Таковы три района вблизи Барнаула (Первомайский, Павловский и Тальменский). Наименьшая убыль свойственна шести районам (Бийский, Зональный, Калманский, Рубцовский, Смоленский, Шелаболихинский).

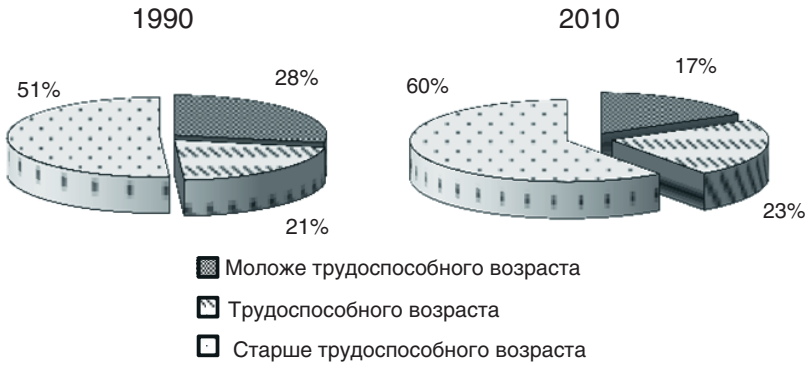
Наиболее высокие темпы убыли численности населения — более 2% в год — характерны для девяти районов Алтайского края (Баевский, Бурлинский, Быстроистокский, Ельцовский, Каменский, Курьинский, Солтонский, Суетский, Троицкий). В основном это территории с худшими в регионе значениями рождаемости, высокими показателями смертности, быстро растущей долей лиц старше трудоспособного возраста. Кроме того, важнейшим фактором убыли их населения является многолетний миграционный отток сельских жителей из этих районов.

Таким образом, как делает вывод А. А. Еремин, благополучные в отношении демографических процессов территории сконцентрированы в урбанистических ареалах трех крупнейших городов региона. Закономерность эта связана с тем, что в процессе развития городских агломераций соотношение прироста населения центрального города — ядра агломерации — и зоны спутников со временем изменяется в пользу последней. Среди этих территорий наибольшие темпы прироста населения демонстрируют территории первого пояса спутников[1].

Возрастная структура сельского населения: территориальные аспекты. За последние десять лет в возрастной структуре населения Алтайского края, как отмечают Л. В. Родионова и А. Я. Троцковский, преобладала тенденция роста численности и удельного веса населения в трудоспособном возрасте и старше его, а также сокращения абсолютных и относительных показателей детского населения. За 1990–2009 гг. население трудоспособного возраста увеличилось на 5,7% и превысило 1549 тыс. чел., а его доля возросла с 55,5 до 62,2%.

[1] Еремин А. А. Указ. соч. С. 129–130.

Численность лиц пенсионного возраста увеличилась в целом по краю в эти годы с 492,6 до 538,4 тыс. чел., или на 9,3%, а их удельный вес в населении региона возрос на 3,3 п.п. (в сельской местности — на 1,8 п.п.). Темп сокращения числа детей и подростков в рассматриваемый период превысил 40%, их доля в общей численности населения уменьшилась с 25,9 до 16,2%, а их численность — с 683,0 до 403,2 тыс. чел.[1] Аналогичные процессы были характерны для сельской местности края, где доля лиц моложе трудоспособного возраста сократилась за 10 лет на 10,3 п.п. (рис. 5.1).



Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 5.1. Динамика возрастной структуры сельского населения Алтайского края, %

Таковы основные тенденции изменения возрастной структуры населения в целом по краю. Рассмотрим далее территориальную дифференциацию анализируемых процессов (табл. 5.4).

Оценка возрастной структуры населения районов с различным центропериферийным положением производилась по шкале, предложенной сотрудниками РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева. Она отражает превышение доли населения моложе трудоспособного возраста над долей населения старше трудоспособного возраста.

Результаты пересечения двух типологий — по возрастной структуре и центропериферийному положению районов — показаны в таблице 5.4.

[1] Родионова Л. В., Троцковский А. Я. Указ. соч. С. 299.

Таблица 5.4

Распределение сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по типам возрастной структуры населения

Тип возрастной структуры населения	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Прогрессивная (от 4 до 8)						Немецкий национальный, Табунский
Стационарная (от 0 до 4)			Славгородский			Бурлинский, Суетский
Регрессивная (от –5 до 0)	Рубцовский	Павловский, Тальменский	Заринский, Змеиногорский, Каменский	Солтонский, Косихинский, Поспелихинский, Угловский	Шелаболихинский, Волчихинский, Солонешенский, Алтайский, Новичихинский, Топчихинский	Благовещенский, Завьяловский, Ключевский, Крутихинский, Кулундинский, Кытмановский, Михайловский, Панкрушихинский, Родинский, Тогульский, Третьяковский, Тюменцевский, Хабарский, Чарышский
Регрессивная (от –11 до –5)	Бийский, Первомайский	Егорьевский, Калманский, Смоленский, Зональный	Алейский, Локтевский	Залесовский, Целинный, Красногорский, Советский, Троицкий	Ребрихинский, Быстроистокский, Петропавловский	Баевский, Ельцовский, Краснощековский, Мамонтовский, Романовский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Шипуновский, Курьинский

В зависимости от сложившегося соотношения сформированы четыре типа возрастной структуры населения: прогрессивная, стационарная и регрессивная (две градации). Подавляющее большинство сельских районов края (92%) относятся к районам с регрессивным типом возрастной структуры населения.

Проведенная нами проверка гипотезы о независимости двух переменных (возрастной структуры и центропериферийного положения районов) подтвердилась: критическое значение χ-квадрат, равное 25, существенно превышает наблюдаемое (9,28). Следовательно, территориальное размещение района не является определяющим фактром возрастной структуры его населения.

Главным фактором, детерминирующим тип возрастной структуры населения района, является национальный состав его населения. Как видно из таблицы 5.4, районы с прогрессивной и стационарной возрастными структурами (Немецкий национальный, Славгородский и др.) характеризуются высокой долей немецкого населения, отличающегося сравнительно высоким уровнем рождаемости.

Характеристика системы сельского расселения в районах с различным центропериферийным положением. Дифференциация административно-территориальных единиц края[1] по приросту (убыли) населения, обусловленная центропериферийными тенденциями во внутрикраевой миграции населения, предопределила динамику одного из основных показателей системы расселения — плотности населения. За период с 2002 по 2010 г. плотность населения в целом по краю снизилась с 15,5 до 14,4 на 1 кв. км.

Для характеристики сельских районов с различным центропериферийным положением по плотности населения использовалась шкала из пяти градаций (табл. 5.5).

Две первые градации объединяют районы с плотностью населения от 10 до 20 чел. на кв. км, что выше как среднекраевого, так и среднероссийского уровня. К третьей градации отнесены районы с плотностью на уровне среднекраевой, а к четвертой — ниже среднекраевой. Пятая градация характеризуется плотностью населения, существенно меньше среднекраевой (примерно в 2 раза).

Каждый четвертый район (23%) ближней периферии характеризуется высокой плотностью населения либо плотностью выше среднекраевой. Прежде всего это касается районов ближней периферии I и II порядков (см. табл. 5.5). Аналогичные показатели

[1] Перепись 2010 г. зафиксировала сокращение численности населения в большинстве городов и районов края, в том числе до 10% в 20 территориях, от 10–20% в 41; свыше 20% — в 6 территориях Алтайского края.

Таблица 5.5

Характеристика сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по плотности сельского населения

Плотность	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Высокая	Бийский	Павловский				
Выше средней	Первомайский	Смоленский, Зональный		Советский, Косихинский, Поспелихинский		Кулундинский, Мамонтовский, Немецкий национальный
Средняя	Рубцовский	Тальменский, Калманский	Локтевский		Ребрихинский, Петропавловский, Алтайский, Топчихинский	Завьяловский, Родинский, Третьяковский, Тюменский, Усть-Калманский, Шипуновский
Ниже средней		Егорьевский	Алейский, Каменский, Славгородский	Целинный, Красногорский, Троицкий, Залесовский	Шелаболихинский, Волчихинский, Быстроистокский, Новичихинский	Ключевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Михайловский, Панкрушихинский, Романовский, Суетский, Табунский, Хабарский
Низкая			Заринский, Змеиногорский	Солтонский, Угловский	Солонешенский	Баевский, Бурлинский, Ельцовский, Курьинский, Тогульский, Благовещенский, Усть-Пристанский, Чарышский

районов средней и дальней периферий — 17 и 11% соответственно. Напротив, доля районов ближней периферии с низкой плотностью ниже средней составляет по рассматриваемым типам 40,61 и 67%. Рассчитанное нами критическое значение статистики χ-квадрат равно 22,3, что меньше наблюдаемого значения, равного 29,814. Следовательно, гипотеза о независимости переменных отвергается на 10%-ном уровне значимости. Таким образом, с вероятностью 90% можно утверждать, что между плотностью сельского населения и центропериферийным положением района существует статистическая зависимость.

Косвенным ее отражением является показатель численности населения «среднего» района в разрезе анализируемых типов сельских территорий:

— районов ближней периферии I порядка — 36,2 тыс. чел., II порядка — 26,5 тыс. чел., III порядка — 18,2 тыс. чел.;
— районов средней периферии I порядка — 17,1 тыс. чел., II порядка — 16,6 тыс. чел.;
— районов дальней периферии — 15,9 тыс. чел.

5.2. Уровень жизни сельчан, проживающих в различных центропериферийных типах сельских территорий

Одной из важнейших характеристик дифференциации сельских территорий по социально-экономическому положению является уровень жизни населения. С учетом многоаспектности этого понятия авторы не претендуют на его исчерпывающую оценку. Тем не менее методикой работы предусмотрена оценка различий между рассматриваемыми типами сельских территорий по трем показателям: уровню душевых потребительских расходов населения; развитию основных отраслей социальной сферы (здравоохранения, образования, жилья); уровню официально регистрируемой безработицы. Рассмотрим их подробнее.

Потребительские расходы сельского населения: динамика и территориальная дифференциация. Доходы населения являются ключевым аспектом при оценке уровня его жизни, однако возможности государственной статистики не позволяют в полной мере оценить уровень доходов сельского населения. Здесь имеется в виду два момента. Во-первых, заработная плата сегодня не отражает всей полноты доходов населения, в особенности сельского. Во-вторых, материалы обследования бюджетов домашних хозяйств не репрезентативны по отношению к отдельному регио-

ну и могут быть использованы лишь в качестве дополнительного источника информации. Поэтому в качестве индикатора уровня жизни населения выбран показатель потребительских расходов[1]. При этом отметим, что величина данного показателя для ряда сельских территорий (в первую очередь пригородных) может быть искажена, поскольку часть трат сельское население осуществляет в ближайших городах. Динамика потребления сельского населения представлена в таблице 5.6.

Таблица 5.6

Основные показатели развития торговли в сельской местности Алтайского края, 2006–2010 гг., тыс. руб.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010
Душевой товарооборот	1154,50	1411,85	1820,68	1873,08	2290,80
Оборот общественного питания на душу населения	726,94	920,721	1226,77	1022,68	1216,62
Объем платных услуг на душу населения	210,36	242,74	289,94	320,47	383,09

Источник: данные Алтайкрайстата.

По всем показателям развития торговли за рассматриваемый период наблюдалась положительная динамика. Так, душевой товарооборот в действующих ценах в 2010 г. увеличился в 2 раза по сравнению с 2006 г. Несмотря на снижение оборота общественного питания в 2009 г. по сравнению с предыдущим годом, в 2010 г. данный показатель вышел на уровень 2008 г. Позитивная динамика наблюдалась в приросте объемов платных услуг на душу населения — ежегодный прирост составил 11–20%.

По данным обследования бюджетов домашних хозяйств за 2005–2008 гг. также наблюдались позитивные тенденции: ежегодный прирост потребительских расходов составлял 17–38%. В 2009 г. по сравнению с 2008 г. произошло снижение потреби-

[1] Аналогичный подход использовала И. Д. Тургель. В качестве показателя, оценивающего уровень доходов муниципальных образований Свердловской области, рассматривался душевой объем розничного товарооборота. См.: Тургель И. Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии/ под ред. М. А. Портного. Выпуск XVI. М., 2000. С. 233–244.

тельских расходов при увеличении доли расходов на продукты питания и оплату услуг[1].

В сельской местности потребительские расходы одного члена домохозяйства составили в 2008 г. 4931 руб., что в 1,5 раза меньше аналогичного показателя в городах края. Структура потребительских расходов сельчан отличается значительно более низкой долей затрат на питание и более высокой — на покупку непродовольственных товаров. Однако отмеченные особенности их потребительского поведения отражают не более высокий по сравнению с горожанами уровень жизни, а специфику жизнедеятельности сельских жителей[2]. На этот момент указывают многие исследователи. Так, по утверждению З. И. Калугиной, структура потребительских расходов селян с высокой долей затрат на питание и низкой — на оплату услуг (39,1 и 21,2% соответственно против 29,1 и 22,4% в городской местности) свидетельствует о бедности сельского населения. Если в городской местности затраты на организацию отдыха и культурные мероприятия в I квартале 2009 г. составляли 6,2% потребительских расходов семьи, то в сельской — 4,2%, а затраты на образование соответственно 1,9 и 1,8%[3]. А. М. Сергиенко также утверждает, что распространенность бедности в российских селах в 2 раза выше, чем в городах[4].

Для анализа территориальной дифференциации сельских территорий по уровню душевых потребительских расходов воспользуемся таблицей 5.7.

Согласно им все потребительские душевые расходы населения делятся на три группы:

— районы с относительно высоким уровнем потребления (свыше 36–50 тыс. руб. на чел.);
— районы со средним уровнем потребления (от 22–36 тыс. руб. на чел.);
— районы с относительно низким уровнем потребления (от 12–25 тыс. руб. на чел.).

Как видно из таблицы 5.7, районы с различным центропериферийным положением представлены в разных группах по уровню потребительских расходов. Исключением являются лишь райо-

---

[1] Денежные доходы и потребительский спрос населения Алтайского края. 2005–2009 гг. : аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2010. С. 8.

[2] Потребительский рынок продовольственных товаров Алтайского края. 2008–2010 : аналит. записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2011. С. 16.

[3] Калугина З. И. Ресурсный дефицит развития человеческого потенциала как угроза модернизации // Регион: экономика и социология. 2011. № 1. С. 54.

[4] Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : коллективная монография. Барнаул, 2011. С.65.

Таблица 5. 7

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по душевому уровню потребительских расходов населения

Душевой уровень потребительских расходов, тыс. руб.	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Относительно высокий (36–50 тыс. руб.)				Поспелихинский	Волчихинский, Солонешенский, Алтайский, Новичихинский	Благовещенский, Кулундинский, Мамонтовский, Родинский
Средний (24–36 тыс. руб.)	Первомайский, Бийский	Павловский, Тальменский, Калманский, Смоленский	Локтевский	Советский, Троицкий, Косихинский	Петропавловский	Баевский, Завьяловский, Ключевский, Кытмановский, Михайловский, Панкрушихинский, Романовский, Тогульский, Третьяковский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Хабарский
Относительно низкий (12–25 тыс. руб.)	Рубцовский	Егорьевский, Зональный	Алейский, Заринский, Змеиногорский, Каменский, Славгородский	Целинный, Залесовский, Солтонский, Красногорский, Угловский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Быстроистокский, Топчихинский	Бурлинский, Ельцовский, Краснощековский, Крутихинский, Курьинский, Немецкий национальный, Суетский, Табунский, Тюменцевский, Чарышский, Шипуновский

ны ближней периферии, где фактически не зафиксирован высокий уровень потребительских расходов населения, в то время как в районах средней периферии таковых 28%, а дальней периферии — 15%. Объясняется это, по-видимому, тем, что часть покупок сельскими жителями осуществлялась в городах[1].

Статистическая оценка независимости выборок также подтвердила гипотезу о том, что между центропериферийным положением района и уровнем потребительских расходов населения связи нет: критическое значение статистики χ-квадрат (18,3) меньше наблюдаемого (14,7).

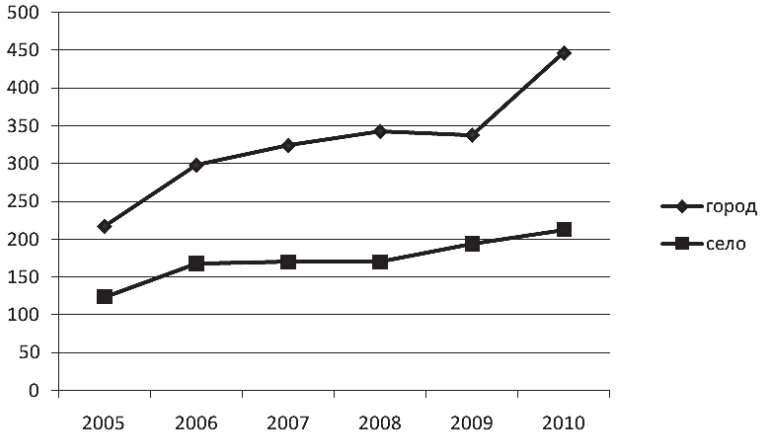
Социальная инфраструктура сельских районов: тенденции и пространственные аспекты развития. С позиций устойчивого развития сельских территорий обеспеченность жильем населения и уровень его благоустройства занимают центральное место среди отраслей социальной сферы. Жилищный фонд сельского поселения, рассматриваемый как с количественной, так и качественной сторон, во многом предопределяет миграционную подвижность населения, обеспеченность территории рабочей силой.

По данным статистики, обеспеченность жилплощадью в среднем на одного жителя села края возросла с 17,9 кв. м в 1990 г. до 23,1 кв. м в 2010 г. Отметим, что за последние пять лет наблюдается значительный прирост ввода в строй жилья в сельской местности. Так, в 2010 г. в расчете на 1000 сельских жителей ввод жилья увеличился по сравнению с 2006 г. в 1,6 раза. Однако проведенный анализ показал, что характерным явлением последних 10 лет является увеличение разрыва между объемами строящего жилья, приходящего на 1 тыс. чел. городского и сельского населения (рис. 5.2)[2].

---

[1] На наш взгляд, это весьма существенный фактор, искажающий реальную картину не только материального потребления, но и потребления услуг социальной сферы. По этой причине мы не можем согласиться с выводами, сделанными Н. Н. Чиняковым, согласно которым ряд пригородных территорий Алтайского края (Рубцовский, Заринский, Первомайский, Бийский районы) отнесены им к территориям с «невысоким уровнем качества жизни населения». См.: Чиняков Н. Н. Некоторые проблемы социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.timacad.ru/conf_news/section2/section2.php.

[2] Жилищное строительство в Алтайском крае в 2006–2010 гг. : аналит. записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2011. С. 18.



Источник: рассчитано по данным Алтайкрайстата.

Рис. 5.2. Динамика ввода в действие жилых домов в городской и сельской местности Алтайского края, 2005–2010 гг. (в расчете на 1 тыс. чел., кв. м общей площади)

Так, по данным статистики, в 2010 г. ввод жилья в городской местности в 2,1 раза превысил соответствующие показатели по селу. В результате более низкого уровня ввода жилья в сельской местности по сравнению с городами, в особенности характерного для первой половины 2000-х гг., село края фактически потеряло одно из своих преимуществ, связанного с более высокой душевой обеспеченностью жильем.

Ситуация усугубляется еще и тем, что качество жилья (уровень его благоустройства и обеспеченности коммунальными услугами) растет крайне низкими темпами[1], а изношенность жилищного фонда, напротив, увеличивается.

Наряду с жилищной сферой, методикой исследования предусмотрен анализ территориальных аспектов развития системы

[1] Сложившаяся ситуация объясняется существенным сокращением ввода в эксплуатацию водопроводных и газовых сетей в сельской местности. Так, согласно данным Алтайкрайстата, в 2010 г. по сравнению с 2007 г., отличающимся наиболее высокими показателями, масштабы ввода водопроводных сетей уменьшились более чем в 7 раз (соответственно с 71,7 до 10,9 км), газовых сетей – 2,6 раза (соответственно 90,9 и 34,8 км.). Тем не менее основной объем ввода водопроводных и газовых сетей в 2010 г. приходился на село (соответственно 100 и 80,7% всего объема ввода по краю).

сельского образования, представленного дошкольным, школьным и средним профессиональным образованием (табл. 5.8).

Таблица 5.8

Динамика развития дошкольных образовательных учреждений в сельской местности Алтайского края, 2005–2010 гг.

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число самостоятельных дошкольных образовательных учреждений, ед.	560	549	555	548	547	541
Число мест в дошкольных образовательных учреждениях	33316	33769	36905	38521	39013	38458
Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях, чел.	24942	26689	32267	33760	34041	33893
Обеспеченность детей, посещающих дошкольные учреждения (число детей на 100 мест):						
село	н. д.	79	87	88	87	88
город	н. д.	113	116	117	118	118

Источник: данные Алтайкрайстата.

Наличие развитой сети дошкольных учреждений на селе имеет для социально-экономического развития сельской периферии важное значение. Это связано с созданием условий для совмещения сельскими жителями профессиональных функций и семейных обязанностей.

Как видно из таблицы 5.8, число самостоятельных дошкольных образовательных учреждений в сельской местности края существенно не изменилось; численность детей, посещающих детсады, выросла в 2010 г. по сравнению с 2005 г. в 1,4 раза.

Иная картина характерна для динамики расположенных в сельской местности общеобразовательных учреждений. На начало учебного года в результате оптимизации образовательной сети число самостоятельных дневных государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений сократилось в 2010 г. по сравнению с 2006 г. в 1,2 раза (табл. 5.9).

Таблица 5.9

Динамика основных показателей развития общего образования в сельской местности Алтайского края, 2006–2010 гг.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010
Число самостоятельных дневных государственных и муниципальных общеобразовательных учреждений (на начало учебного года), ед.	1231	1124	1098	1033	995
Численность учащихся в дневных государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях (на начало учебного года), чел.	131989	125869	121641	120626	119289
Численность учащихся в дневных государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях, в расчете на 1 тыс. сельского населения	114,62	110,37	107,50	107,66	107,06

Источник: данные Алтайкрайстата.

Как видно из таблицы 5.9, сокращение образовательных учреждений детерминировано заметным снижением численности учащихся, связанным с падением их доли в общей численности сельского населения. Заметим, что наиболее значительное сокращение, согласно данным Алтайкрайстата, пришлось на первую половину 2000-х гг., когда село «теряло» почти 9 учащихся на каждые 10 тыс. сельских жителей[1].

В сфере сельского здравоохранения происходили разнонаправленные процессы. С одной стороны, годы реформ привели к сокращению сети медицинских учреждений, продолжавшемуся вплоть до середины 2000-х гг. За десять лет (с 1996 по 2005 г.) количество больничных учреждений в сельских районах края постепенно сократилось со 152 до 139, поликлиник — с 279 до 268. С середины 2000-хгг. три года роста (2005–2007 гг.) сменились резким сокращением сети медицинских учреждений, обусловленным реконструкцией в системе оказания медицинских услуг в сельской местности. В 2008 г. осталось только 72 больницы и 9 поликлиник; стабильно сокращалось число больничных коек в расчете на 10 тыс. сельского населения (табл. 5.10).

[1] Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития... С.168.

Таблица 5.10

Динамика основных показателей развития здравоохранения в сельской местности Алтайского края, 2006–2010 гг.

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010
Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. населения, число посещений в смену	14238,2	14266	14442,7	14981,9	15038,4
Численность врачей всех специальностей на 10 тыс. сельского населения, чел.	1248,9	1257,2	1240,7	1310,9	1235,4
Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. населения, чел.	5102,8	5190,7	5064,2	5331,8	5096,6
Число больничных коек на 10 тыс. населения, коек	5767,9	5691,3	5395,2	5305,7	4933,4

Источник: данные Алтайкрайстата.

В годы реформ обеспеченность селян медицинскими кадрами, напротив, заметно увеличилась. С 1996 по 2007 г. она выросла на 15% (со 183 до 210 в расчете на 1 тыс. чел.), средним медперсоналом — на 21% (с 714 до 865 в расчете на 1 тыс. чел.).

Получив общее представление о развитии основных отраслей социальной сферы в сельской местности, перейдем далее к анализу ее развития в территориальном разрезе (табл. 5.11). Для оценки обеспеченности социальной инфраструктурой населения районов Алтайского края воспользуемся методикой, разработанной группой ученых РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева[1]. Согласно их подходу для оценки использовались следующие показатели:

1. Обеспеченность жильем (общая площадь жилых помещений в среднем на 1 жителя) и комфортность жилья (средний процент обеспеченности жилищного фонда водопроводом, отоплением и канализацией).
2. Численность учащихся, приходящаяся на 1 школу.
3. Обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом на 10000 чел. населения.

По каждому из трех показателей методом линейного масштабирования находились значения индикаторов. Интегральный показатель обеспеченности социальной инфраструктурой населения

[1] Отчет «Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений». С. 41–42.

был рассчитан как среднее геометрическое из значений каждого индикатора. В результате были сформированы три группы сельских районов с высоким, средним и низким уровнями развития социальной инфраструктуры.

На следующем шаге, согласно нашей методике, произведем совместное распределение двух типологий: по уровню обеспеченности социальной инфраструктурой и центропериферийности.

Таблица 5.11

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по обеспеченности социальной инфраструктурой населения

Уровень обеспеченности социальной инфраструктурой	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Высокий уровень обеспеченности	Первомайский	Егорьевский, Павловский				Курьинский, Мамонтовский, Михайловский, Немецкий национальный, Романовский
Средний уровень обеспеченности	Бийский, Рубцовский	Тальменский, Калманский, Смоленский	Локтевский, Славгородский	Советский, Троицкий, Косихинский, Поспелихинский, Угловский	Ребрихинский, Шелаболихинский, Волчихинский, Быстроистокский, Петропавловский, Алтайский, Новичихинский	Баевский, Благовещенский, Завьяловский, Ключевский, Крутихинский, Кулундинский, Родинский, Третьяковский, Тюменцевский, Усть-Калманский, Шипуновский
Низкий уровень обеспеченности		Зональный	Алейский, Заринский, Змеиногорский, Каменский	Залесовский, Целинный, Солтонский, Красногорский	Солонешенский, Топчихинский	Бурлинский, Ельцовский, Краснощековский, Кытмановский, Панкрушихинский, Суетский, Табунский, Тогульский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский

Как видно из таблицы 5.11, для районов ближней периферии I и II порядка характерен высокий либо средний уровень обеспеченности социальной инфраструктурой (за исключением Зонального района). Напротив, среди районов ближней периферии III порядка и районов средней периферии нет территорий с высоким уровнем обеспеченности социальной инфраструктурой. Что касается районов дальней периферии, то они одинаково представлены в районах со средним и низким уровнем развития социальной инфраструктуры (по 41%). Гипотеза о независимости двух переменных (центропериферийного положения и уровня обеспеченности населения социальной инфраструктурой) подтвердилась с вероятностью 95% (критическое значение статистики χ-квадрат, равное 18,3, больше наблюдаемого — 12,9).

Территориальные аспекты занятости сельского населения. Динамика экономической активности населения, как известно, напрямую зависит от состояния экономики региона. Динамичное развитие края вплоть до IV квартала 2008 г. способствовало росту численности занятых в экономике. Однако уже к концу марта 2009 г. под влиянием экономического кризиса численность занятых снизилась на 17%. Заметный рост безработицы, начавшийся в ноябре 2008 г., продолжался до апреля 2009 г. В среднем численность экономически активного населения в крае сократилась на 25,8 тыс. чел. (на 2%) и составила 1283,2 тыс. чел[1].

В 2010 г., по данным Федеральной службы государственной статистики, численность экономически активного населения края возросла до 1302,5 тыс. чел. Экономической деятельностью было занято всего 1187,5 тыс. чел., в том числе 559,3 тыс. чел. (47,1%) — в сельской местности.

Традиционно проблемы занятости более остро проявляются в сельской местности, на долю которой приходилось в 2010 г. более 70% зарегистрированных безработных (с учетом доли сельского населения в крае — 46,6%). Так, на 1 января 2011 г. в районах уровень регистрируемой безработицы составил 4,0%, в городах — 1,5% (при среднекраевом — 2,6%). На 1 января 2006 г. он составлял в районах 7,2%, в городах — 2,4% (при среднекраевом — 4,6%).

Доля вакансий в сельских районах на конец 2010 г. составляла лишь 15,3%. Соответственно, напряженность на сельских рынках труда (количество незанятых граждан на одно вакантное место) — в 2010 г. в селе 33,2 чел. против 2,8 чел. в городе.

---

[1] Состояние и проблемы в сфере труда и занятости населения Алтайского края в 2009 г. и задачи на 2010 г. : аналит. доклад / Администрация Алтайского края. Управление Алтайского края по труду и занятости населения. Барнаул, 2010. С. 14.

В 2010 г. уровень общей безработицы (по методологии МОТ), по данным Алтайкрайстата, в среднегодовом исчислении составил в районах 10,2%, в городах — 7,6% (по краю — 8,8%). Наивысшее значение данного показателя в городах и районах наблюдалось, как уже отмечалось, в 2009 г. в связи со сложной экономической ситуацией (9,9 и 15,2% соответственно). По сравнению с 2005 г. уровень безработицы в 2010 г. снизился в районах края на 0,4 п.п. (по краю — 0,2 п.п.), а численность безработных, зарегистрированных в сельской местности, — на 45%.

По данным управления по труду и занятости администрации Алтайского края, в последние шесть лет для сельского рынка труда характерны: сокращение средней продолжительности регистрируемой безработицы (с 5,3 до 4,7 месяца); рост потребности в работниках (с 47,1 тыс. чел. в 2005 г. до 67,9 тыс. чел. в 2010 г.); снижение напряженности (с 64,7 тыс. чел. в 2005 г. до 33,2 тыс. чел. в 2010); уменьшение доли вакансий с заработной платой ниже прожиточного минимума (с 68,3% в 2005 г. до 38,7% в 2010 г.)[1].

Для рынка труда в сельской местности края характерна в течение шести лет большая дифференциация показателей безработицы. Самый низкий уровень регистрируемой безработицы отмечен в Усть-Калманском и Петропавловском районах; самый высокий — в Бурлинском, Славгородском и Целинном районах.

Результаты факторного анализа, проведенного специалистами управления по труду и занятости населения администрации Алтайского края, позволили выявить следующую закономерность: как правило, если территория имеет большую долю сельских населенных пунктов, не имеющих работодателей-товаропроизводителей, а также высокий уровень безработицы по данным населенным пунктам, то она оказывается в группе с высоким уровнем безработицы.

В Алтайском крае в настоящее время в каждом пятом населенном пункте (в 345 из 1600) нет ни одного работодателя-товаропроизводителя. В них проживает 41 тыс. чел. трудоспособного возраста. В динамике, как видно из таблицы 5.12, количество сельских населенных пунктов, не имеющих предприятий-производителей, растет.

---

[1] Рынок труда Алтайского края в 2005–2010 гг.: основные показатели, механизмы регулирования, направления развития / Администрация Алтайского края ; Управление Алтайского края по труду и занятости населения. Барнаул, 2011. С. 17–18.

Таблица 5.12

Динамика безработицы на рынке труда сельских населенных пунктов, не имеющих предпринимателей-производителей, 2006–2010 гг.

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Количество населенных пунктов, не имеющих предприятий-производителей, ед.	250	323	319	303	303	345
Доля в общем количестве населенных пунктов, %	15,5	20,1	19,8	18,9	18,9	21,6
Численность населения в трудоспособном возрасте, чел.	27662	36408	37223	32448	40759	40861
Численность официально зарегистрированных безработных, чел.	4049	2641	4889	2906	3390	2618
Уровень официальной безработицы к трудоспособному населению, %	14,6	7,3	6,1	9,0	8,3	6,4

Источник: данные управления по труду и занятости администрации Алтайского края.

Однако благодаря содействию развитию предпринимательской деятельности со стороны краевой администрации уровень официальной безработицы в этих поселениях снизился[1].

В группу с более низким уровнем безработицы попадают те муниципальные образования, которые характеризуются развитой экономикой, большим количеством организаций с численностью персонала свыше 100 чел. (т. е. достаточно крупных работодателей), а также высокими показателями участия службы занятости населения в комплектовании предприятий кадрами (долей вакансий, заявленных работодателями)[2].

Для того чтобы оценить влияние на уровень регистрируемой безработицы центропериферийного положения района, нами сделана их группировка, согласно которой все сельские районы Алтайского края были разделены на четыре группы (с учетом среднего по сельской местности значения официально зарегистрированной безработицы, равного 4% на конец 2010 г.):

— районы с низким уровнем безработицы (от 1 до 3,5%);
— районы со средним уровнем безработицы (3,6–5,1%);
— районы с уровнем безработицы выше среднего (5,2–7,1%);
— районы с высоким уровнем безработицы (7,2% и выше).

[1] Рынок труда Алтайского края в 2005–2010 гг.... С. 19.
[2] Состояние и проблемы в сфере труда и занятости населения Алтайского края в 2009 г. и задачи на 2010 г.... С.14.

Таблица 5.13

Распределение сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по уровню безработицы

Уровень официальной безработицы, %	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Высокий (7,2% и выше)				Целинный		Бурлинский
Выше среднего (5,2–7,1%)			Славгородский, Каменский	Залесовский, Советский, Троицкий	Новичихинский	Баевский, Крутихинский, Михайловский, Немецкий национальный, Родинский, Тюменцевский
Средний (3,6–5,1%)	Первомайский	Павловский, Егорьевский, Смоленский, Зональный	Змеиногорский, Заринский	Косихинский, Красногорский, Солтонский	Ребрихинский, Волчихинский, Быстроистокский, Шелаболихинский	Благовещенский, Ельцовский, Ключевский, Кытмановский, Мамонтовский, Панкрушихинский, Романовский, Суетский, Хабарский, Тогульский, Табунский, Усть-Пристанский
Низкий (1–3,5%)	Рубцовский, Бийский	Калманский, Тальменский	Алейский, Локтевский	Поспелихинский, Угловский	Алтайский, Петропавловский, Солонешенский, Топчихинский	Завьяловский, Кулундинский, Краснощековский, Курьинский, Третьяковский, Усть-Калманский, Чарышский, Шипуновский

Результаты распределения сельских районов с различным центропериферийным положением по уровню регистрируемой безработицы приведены в таблице 5.13.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что районы с наибольшим уровнем регистрируемой безработицы за последние шесть лет (Бурлинский, Славгородский, Целинный) и, напротив, с наименьшим уровнем безработицы (Петропавловский, Усть-Калманский) сохранили свои позиции, что свидетельствует в целом об устойчивости состава кластеров районов с высокой и низкой безработицей.

Оценка результатов, приведенная в таблице 5.13, свидетельствует о пестроте и мозаичности полученной картины. В каждом из типов районов с различным центропериферийным положением представлены порядка 40–47% районов со средним уровнем безработицы, около 30–40% районов с низким и 13–22% районов — с высоким уровнем безработицы.

Отсутствие взаимозависимости между центропериферийным положением района и уровнем регистрируемой безработицы в нем подтверждается тестом χ-квадрат. Наблюдаемое значение χ-квадрат равно 8,975, критическое — 25. Поскольку наблюдаемое значение меньше критического, следовательно гипотеза о независимости переменных подтверждается на 5%-ном уровне значимости. С вероятностью 95% можно утверждать об отсутствии связи между центропериферийным положением района и уровнем официальной безработицы.

Однако из таблицы 5.13 видно, что районы ближней периферии, за исключением Славгородского и Каменского, характеризуются отсутствием высокой безработицы и безработицы выше средних значений. Это объясняется, по-видимому, наличием в пригородных районах маятниковой трудовой миграции и концентрации экономической активности населения.

5.3. Характеристика экономической среды жизнедеятельности населения сельских территорий с различным центропериферийным положением

Взаимосвязь типологии сельских районов края по центропериферийности и уровню развития сельхозпроизводства. Охарактеризуем прежде всего общие тенденции развития сельского хозяйства и его роль в формировании экономики края. Как отмечалось, сельское хозяйство было и остается базовой от-

раслью Алтайского края. На долю земель сельскохозяйственного назначения приходится 75% всей территории края (12,5 млн га). Из них 6,3 млн га занимает пашня. По площади пашни Алтайский край лидирует в Российской Федерации: на долю Алтайского края приходится треть пашни СФО. Вклад сельского хозяйства в валовой региональный продукт края составляет около 17%, что в три раза больше среднероссийских показателей.

Из тенденций развития сельскохозяйственного производства в крае самой значительной, на наш взгляд, является сокращение занятых в отрасли, и прежде всего в животноводстве: если в 1994 г. в сельском хозяйстве края было занято около 262,4 тыс. чел., то в 2010 г. — 214,7 тыс. чел.

Среди других значимых тенденций развития отрасли следует отметить последовательное формирование в крае многоукладной аграрной экономики, адаптированной к современным условиям хозяйствования. Об этом свидетельствует развитие в крае различных форм хозяйствования на земле.

В последние годы произошел заметный рост объемов и увеличение доли сельскохозяйственных организаций и крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ). Так, если в 2005 г. на долю сельхозорганизаций и КФХ приходилось около 45%, то уже в 2008 г. — 55% всего объема производства, а в 2009 г. — 60% (по России — около 55%). В личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) сохраняется сложившийся уровень поголовья скота и птицы, растет их продуктивность.

Однако рост сельскохозяйственного производства не обеспечивает достаточного уровня финансовой устойчивости сельхозтоваропроизводителей. Несмотря на рост прибыли, уровень рентабельности составляет 10–15%, что не позволяет вести расширенное воспроизводство[1].

Получив общее представление о динамике сельхозпроизводства в Алтайском крае, перейдем далее к характеристике типов районов с различным центропериферийным положением с позиции достигнутого уровня развития сельхозпроизводства. В этих целях воспользуемся наработками сотрудников РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева. Для оценки уровня экономического развития сельскохозяйственного производства ими в качестве ведущих показателей определены экономическая эффективность и интенсивность производства[2].

---

[1] Лукьянов А. Н. Программа развития сельских территорий Алтайского края: перспективные направления реализации // Аграрная наука – сельскому хозяйству : VI Междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. Барнаул, 2011. Кн. 1. С. 3–5.

[2] Экономическая эффективность производства оценивается с помощью интегрального количественного показателя, учитывающего основные характери-

Расчет интегрального показателя уровня экономического развития сельскохозяйственного производства произведен методом линейного масштабирования с использованием экспертных оценок коэффициентов значимости отдельных показателей (от 0 до 1) и определением индекса для каждого из муниципальных районов.

В результате было выделено пять групп районов: с высоким (10% всех районов края), выше среднего (28,3%), средним (16,7%), ниже среднего (35%) и низким (10%) уровнями развития сельского хозяйства. Каждый из типов районов по уровню экономического развития характеризуется присущими ему качественными характеристиками[1], а именно:

1-й тип — низкий. Для него характерны низкие показатели эффективности и интенсивности сельхозпроизводства, рентабельности сельскохозяйственных предприятий; уровень товарности продукции стабильно не превышает 20%;

2-й тип — сельские районы с уровнем экономического развития сельхозпроизводства ниже среднего. Это районы со средним или низким уровнем эффективности и интенсивности сельхозпроизводства, нестабильными показателями рентабельности сельскохозяйственных предприятий, по преимуществу низким уровнем товарности производства;

3-й тип — средний. Ему присущи средние показатели интенсивности и эффективности сельхозпроизводства. Сельские районы данной группы либо не обладают значительным уровнем товарности продукции, но при этом характеризуются достаточно высокими по сравнению со среднерайонными показателями рентабельности продукции, либо характеризуется сочетанием относительно высокой рентабельности и низким уровнем товарности продукции;

4-й тип — сельские районы с уровнем экономического развития сельхозпроизводства выше среднего. Районы данной группы

стики экономической деятельности сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности. Расчет основан на использовании ряда относительных показателей, среди которых: объем валовой и товарной продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий, производительность труда, выход товарной продукции на 1 занятого в сельскохозяйственном производстве.Интенсивность производства – интегральный количественный показатель, отражающий уровень насыщенности сельскохозяйственного производства средствами труда. В качестве основного показателя рассматривалась сумма всех затрат на производство продукции в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий. К дополнительным показателям отнесены: уровень механизации, затраты на внесение минеральных удобрений на 100 га обрабатываемых земель.

[1] См. отчет «Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений»... С. 54–55.

в значительной степени приближены к типу с высоким уровнем, однако они имеют более низкий интегральный показатель развития за счет недостаточной развитости одного или нескольких исследуемых показателей;

5-й тип — высокий. Группа характеризуется стабильно высокими показателями эффективности и интенсивности производства, рентабельности сельскохозяйственных предприятий. Уровень товарности продукции стабильно превышает 20% (табл. 5.14).

Проведенная нами перекрестная группировка распределения районов по уровню развития сельхозпроизводства и центропериферийности показала, что 2/3 районов ближней периферии относятся к сельским территориям с высоким и выше среднего уровнями развития сельхозпроизводства. При этом 2/3 районов ближней периферии I порядка и 1/3 районов ближней периферии II порядка характеризуются высоким уровнем развития сельхозпроизводства. Напротив, около 60% районов дальней и 44% средней периферии относятся к территориям с низким и ниже среднего уровнями развития сельхозпроизводства (см. табл. 5.14).

Статистическая оценка взаимосвязи двух переменных — уровня развития сельхозпроизводства и центропериферийного положения — подтвердила их взаимосвязанность. На 5%-ном уровне значимости наблюдаемое значение χ-квадрат (34,1) больше критического (31,4), что свидетельствует о наличии взаимосвязи между исследуемыми переменными.

Заметим, что аналогичную картину выявил А. Я. Троцковский, исследовавший взаимосвязь уровня урбанизированности района и эффективности его сельского хозяйства в течение двух периодов — 1976–1985 и 1990–1995 гг. Им же был раскрыт механизм воздействия города на эффективность сельхозпроизводства в результате формирования более высокого аграрно-экономического потенциала, позитивного влияния близлежащего устойчивого рынка сбыта сельхозпродукции, развитой сферы переработки и обслуживания и т. п. Названные выше факторы позволили ряду районов края сохранить относительно высокую эффективность сельхозпроизводства до настоящего времени.

В заключение этого параграфа проверим гипотезу о том, что уровень развития сельхозпроизводства в регионе детерминирован главным образом степенью его первоначальной адаптации к рынку (табл. 5.15).

В этих целях проведем перекрестную группировку типов районов по уровню развития сельхозпроизводства, с одной стороны, и степенью первоначальной адаптации к рынку — с другой.

Таблица 5.14

Группировка сельских районов с различным центропериферийным положением по уровню развития сельского хозяйства

Типология по уровню развития сельского хозяйства	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Низкий			Каменский	Солтонский, Угловский	Солонешенский	Краснощековский, Михайловский
Ниже среднего	Рубцовский		Славгородский	Красногорский, Троицкий	Ребрихинский, Новичихинский, Быстроистокский	Панкрушихинский, Курьинский Ельцовский, Шипуновский, Родинский, Кулундинский, Чарышский, Усть-Пристанский, Баевский, Тюменцевский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Калманский, Суетский
Средний		Егорьевский	Локтевский	Поспелихинский, Косихинский, Целинный		Ключевский, Табунский, Хабарский, Мамонтовский, Романовский
Выше среднего		Тальменский, Калманский, Смоленский	Змеиногорский, Заринский, Алейский	Залесовский, Советский	Шелаболихинский, Алтайский, Топчихинский, Волчихинский, Петропавловский	Благовещенский, Немецкий национальный, Третьяковский, Бурлинский
Высокий	Бийский, Первомайский	Павловский, Зональный				Завьяловский, Тогульский

Таблица 5.15

Совместное распределение сельских районов края по первоначальной адаптации к рынку и уровню развития сельскохозяйственного производства

Типы районов по первоначальной адаптации к рынку	Типы районов по уровню развития сельскохозяйственного производства				
	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
Относительно адаптированные районы	Завьяловский, Бийский, Первомайский, Зональный	Благовещенский, Немецкий национальный, Заринский, Советский, Волчихинский, Петропавловский	Мамонтовский, Романовский	Родинский, Суетский, Шипуновский	Михайловский
Районы с максимальным падением эффективности сельскохозяйственного производства	Тогульский	Третьяковский, Алейский	Косихинский, Целинный, Табунский, Поспелихинский	Новичихинский, Быстроистокский, Рубцовский, Славгородский, Баевский, Кытмановский	Солонешенский
Критические районы с максимальным падением объемов производства	Павловский	Змеиногорский, Смоленский, Калманский, Топчихинский	Ключевский	Курьинский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Чарышский	
Депрессивные сельские территории		Бурлинский, Тальменский, Шелаболихинский, Алтайский, Залесовский	Хабарский, Егорьевский, Локтевский	Красногорский, Троицкий, Ребрихинский, Панкрушихинский, Тюменцевский, Крутихинский, Ельцовский, Кулундинский	Краснощековский, Солтонский, Каменский, Угловский

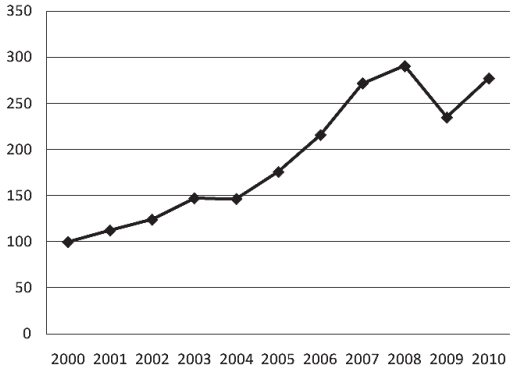
Из таблицы 5.15 следует, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась лишь частично: развитием сельхозпроизводства в настоящее время на уровне «ниже среднего» и «низком» характеризуется 25% районов из группы относительно адаптированных районов; 50% — из группы критических районов с максимальным падением объемов производства; 50% — из группы с максимальным падением эффективности сельхозпроизводства; 60% — из группы депрессивных сельских территорий.

Таким образом, степень первоначальной адаптации экономики сельских районов к рынку, как показал анализ, является существенным, но не единственным фактором, предопределившим сегодняшнее состояние их сельхозпроизводста. Очевидно и то, что характер первоначальной адаптации экономики района к рынку является более значительным фактором развития сельхозпроизводства по сравнению с ее центропериферийным положением. Развитие сельхозпроизводства района предопределяется рядом факторов, перечень и приоритетность которых разнятся в каждом конкретном случае.

Отметим, что приходящаяся на первую половину 1990-х гг. попытка хозяйствующих субъектов сохранить объемы сельхозпроизводства даже ценой потери эффективности последнего оказалось нерезультативной. Последствия такой политики, как показала практика, были не менее разрушительны, чем снижение на треть объемов сельхозпроизводства в других районах.

Характеристика центропериферийных типов районов по инвестиционной активности территорий. Согласно логике настоящей работы вначале охарактеризуем инвестиционную активность в Алтайском крае в целом и отдельных сельских районах. В течение последних десяти лет ситуация в инвестиционной сфере Алтайского края развивалась динамично (рис. 5.3). Положительная динамика инвестиций наблюдалась до середины 2008 г.

С началом финансового кризиса рынок инвестиционного капитала претерпел существенные изменения. В Алтайском крае и России произошел значительный отток денежных вливаний, несмотря на то, что в предыдущие годы были предприняты значительные усилия для привлечения в реальный сектор экономики как прямых, так и портфельных инвестиций. 2008 г. стал переломным для инвестиций в Алтайском крае, достигнув своего максимума за последние десять лет; далее произошло их резкое падение. Стагнация в экономике привела к снижению объема реальных инвестиций до уровня 2006 г. В 2010 г. начался выход из экономического кризиса: инвестиционная активность в этот период практически вышла на докризисный уровень.



Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 5.3. Динамика инвестиций в основной капитал по Алтайскому краю, % к 2000 г.

Однако достаточно высокие темпы роста инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения в крае все еще остаются ниже, чем среднероссийские (в 2006–2010 гг. — в 2,8–3,2 раза), и средние по СФО (в 2,0–2,4 раза). С 2006 по 2011 г. по этому показателю край занимал предпоследнее место среди регионов СФО[1].

В целом на сельские районы края в 2010 г., по информации Алтайкрайстата, пришлось 42% всего объема краевых инвестиций. Среди сельских районов отмечены два района, в которых объемы инвестиций сопоставимы с аналогичными показателями по крупным городам. Это Алтайский (2,8%) и Рубцовский (2,2%)[2] районы. Большинство сельских районов Алтайского края в 2010 г. являлись инвестиционно депрессивными: доля освоенных ими инвестиций в основной капитал составляла от 0 до 0,8% краевого объема.

Анализ динамики инвестиционной активности в разрезе сельских районов края показал, что за последние пять лет стабильный рост инвестиций наблюдался в Крутихинском и Первомайском районах. В последнем в настоящее время реализуется проект по строительству линии по производству каркасно-панельных домов общей стоимостью более 115 млн руб. (ООО «Бобровский лесокомбинат), а также проект по реконструкции птицеводческих помещений, приобретению и монтажу оборудования по перера-

[1] Инвестиционная деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010 гг. : аналит. записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2011. С. 6–8.

[2] Для сравнения: аналогичные показатели в Бийске — 4,4%, в Рубцовске — 2,0%, в Барнауле — 46,6% всех инвестиций края.

ботке яиц (АКГУП ПТФ «Молодежная» — общая стоимость проекта около 150 млн руб.). Снизили объемы инвестиций в 2010 г. по сравнению с 2009 г. 29 районов, в том числе более чем наполовину — Каменский (15,4% к 2009 г.), Смоленский (27,6%), Калманский (39%), Чарышский (34%), Кулундинский (44,8%) районы. Снижение инвестиционной привлекательности в этих сельских районах объясняется во многом тем, что пик инвестиционной активности в них пришелся на предыдущие годы.

Так, в Каменском районе в 2009 г. завершилось строительство и был введен в эксплуатацию новый железнодорожный мост через р. Обь в г. Камне-на-Оби (общая стоимость проекта — более 5 млрд руб.); животноводческий комплекс общей стоимостью около 500 млн руб. (ООО «Толстовское»). В 2010 г. по сравнению с предыдущим годом объем инвестиций возрос в 31 районе. Наибольшее увеличение наблюдалось в Панкрушихинском, Михайловском, Рубцовском и Змеиногорском районах, где индекс физического объема инвестиций превысил в 2009 г. соответственно в 8,7; 6,0; 3,0 и 3,6 раза.

Среди территорий края по объему инвестиций на душу населения первое место в 2010 г. занял Алтайский район (60,4 тыс. руб. на душу населения), второе — Панкрушихинский (58,5 тыс. руб.), третье — Михайловский (53,0 тыс. руб.). Лидерство Алтайского района объясняется вложением как бюджетных средств, так и средств коммерческих организаций в строительство особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» и игорной зоны «Сибирская монета». По информации администрации Алтайского края, в целом на строительство объектов внутренней инфраструктуры особой зоны в 2008–2009 гг. освоено уже около 760 млн руб. за счет средств федерального и краевого бюджетов. Резидентами особой экономической зоны инвестировано 62 млн руб. в строительство туристских объектов на территории зоны[1]. На строительство объектов внешней инфраструктуры направлено 312,2 млн руб.

Инвестиционная активность в сельских районах в значимой своей части (на 20%) определяется объемами финансирования за счет бюджетных источников. По информации Алтайкрайстата, в 2010 г. бюджетную поддержку получили все муниципальные образования края. Наибольшая доля средств из федерального бюджета в общем объеме инвестиций по полному кругу составила в районах: Крутихинском — 87,0%, Первомайском — 47,4%, Смоленском — 37,0%, Солонешенском — 18,9%, Солтонском — 18,6%. Доля средств из краевого бюджета в общем объеме инвестиций

[1] Подробная характеристика инвестиционной деятельности за последние годы дана в статье: Троцковский А.Я., Солодовникова Р.К. Инвестиционная политика Алтайского края в контексте стратегии его развития // Проблемы регионального и муниципального управления : сб. науч. труд. Новосибирск, 2011. С. 75–89.

в основной капитал наблюдалась в Михайловском (63,2%), Павловском (32,5%), Смоленском (31,0%), Тальменском (29,2%), Алтайском (24,8%) районах[1].

С учетом этого в работе по каждому из сельских районов был рассчитан усредненный объем инвестиций (в сопоставимых ценах 2005 г.) в расчете на душу населения за 2005–2010 гг., далее выделены три группы районов с относительно высокой, средней и низкой инвестиционной активностью. Следующим шагом, согласно методике исследования, было построение таблицы совместного распределения сельских районов по центропериферийности и уровню инвестиций на душу населения (табл. 5.16).

В первом приближении просматривается определенная взаимосвязь между центропериферийным положением района и уровнем его инвестиционной активности. Так, каждый третий район ближней периферии характеризуется относительно высоким уровнем инвестиционной активности, среди районов средней периферии — каждый пятый район, а среди районов дальней периферии — каждый десятый.

Напротив, территории с относительно низким уровнем инвестиционной активности в наибольшей степени представлены среди районов дальней и средней периферий (по 44,4% в каждой группе). Среди районов ближней периферии таких насчитывается 26,7%.

Тем не менее статистическая оценка взаимосвязи центропериферийного положения района и уровня его инвестиционной активности свидетельствует о независимости двух переменных (наблюдаемое значение статистики χ-квадрат, равное 6,5, меньше критического — 18,3).

5.4. Типология сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2000-х гг.

В настоящее время сельские административные районы должны стать объектами пристального внимания государственных органов управления как на федеральном, так и на региональном уровнях. Во-первых, это вызвано необходимостью реализации Концепции устойчивого социально-экономического развития

[1] Инвестиционная деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010 гг.... С. 9.

Таблица 5.16

Группировка сельских районов Алтайского края с различным центропериферийным положением по уровню инвестиций на душу населения

Уровень инвестиций на душу населения, тыс. руб.	Центропериферийное положение районов					
	Ближняя периферия			Средняя периферия		Дальняя периферия
	I порядка	II порядка	III порядка	I порядка	II порядка	
Высокий (свыше 9 тыс. руб.)	Рубцовский	Павловский, Тальменский	Каменский, Змеиногорский	Целинный, Солтонский	Алтайский, Шелаболихинский	Благовещенский, Михайловский, Ключевский
Средний (от 6 до 9 тыс. руб.)	Бийский, Первомайский	Зональный, Смоленский	Заринский	Советский, Поспелихинский	Топчихинский, Петропавловский, Ребрихинский	Завьяловский, Курьинский, Панкрушихинский, Романовский, Мамонтовский, Третьяковский, Хабарский, Немецкий национальный, Тогульский
Низкий (менее 6 тыс. руб.)		Егорьевский, Калманский	Локтевский, Алейский, Славгородский	Косихинский, Залесовский, Троицкий, Угловский, Красногорский	Волчихинский, Новичихинский, Быстроистокский, Солонешенский	Ельцовский, Родинский, Табунский, Баевский, Бурлинский, Краснощековский, Крутихинский, Кулундинский, Кытмановский, Тюменцевский, Усть-Калманский, Суетский, Усть-Пристанский, Чарышский, Шипуновский

Примечание. Объем инвестиций рассчитан в ценах 2005 г.

сельских территорий в Российской Федерации до 2020 г. и принятой в 2011 г. на ее основе соответствующей программы в Алтайском крае. Во-вторых, это обусловлено вступлением России в ВТО, социально-экономические последствия которого специалисты во многом связывают с будущими угрозами для сельского хозяйства и сохранения сельского сообщества. В связи с этим нам представляется важным обратиться к анализу современного состояния и произошедших за прошлое десятилетие изменений в социальном развитии сельских районов Алтайского края, выявить территориальные особенности такого развития и очаги неблагополучия. Наиболее продуктивным в этом отношении инструментом, на наш взгляд, является типологический анализ.

Методика построения типологии. Типологический анализ сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной среды жизнедеятельности населения проведен в несколько этапов. На первом этапе произведен отбор статистических показателей, в совокупности характеризующих уровень социального развития районов по семи основным сферам:

— демографическое развитие (относительные показатели естественного и миграционного приростов);
— здравоохранение (относительные показатели обеспеченности населения больничными и поликлиническими медицинскими учреждениями, врачами всех специальностей и средним медицинским персоналом, первичной заболеваемости населения);
— жилищно-коммунальное хозяйство (относительные показатели средней площади квартир и ввода в действие жилья на душу населения, доли ветхого жилья в общей площади жилищного фонда, доли жилья, оборудованного водопроводом, канализацией, отоплением, газом, горячим водоснабжением);
— школьное и дошкольное образование (относительные показатели доли учащихся школ и уплотненности детских садов);
— социально-культурная сфера (относительные показатели обеспеченности населения библиотеками и культурно-досуговыми учреждениями);
— потребительский рынок товаров и услуг (относительные показатели оборота розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения);
— сфера доходов и занятости населения (среднемесячная зарплата на одного работника, среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве, уровень официально зарегистрированной безработицы).

Всего отобрано 25 статистических показателей, характеризующих уровень социального развития сельских муниципальных районов Алтайского края в 2000 и 2010 гг.

На втором этапе с целью математического сведения отобранной совокупности показателей по 2000 и 2010 гг. в более крупные группы проведены их факторный и кластерный анализы. За основу взяты варианты естественного разбиения совокупности признаков методом анализа главных компонент с применением метода вращения Варимакс с нормализацией Кайзера на 8 и 9 факторов (74 и 73,4% объясненной дисперсии для 2000 и 2010 гг. соответственно). На основе полученных факторов отдельно по 2000 и 2010 гг. выполнен кластерный анализ методом K-means, который показал, что вариант разделения на три типообразующих кластера дает наиболее эффективное решение с точки зрения их наполненности.

Третий этап типологического анализа включал в себя, во-первых, расчет основных статистических показателей по каждому кластеру (типу сельских муниципальных районов), необходимых для проведения их содержательной интерпретации, во-вторых, саму процедуру содержательной интерпретации каждого типа районов по уровню социального развития в 2000 и 2010 гг. Для характеристики различных типов районов с целью обогащения ее содержательной стороны дополнительно использованы статистические показатели, отражающие уровень экономического развития. В результате построено две *типологии сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню социального развития в 2000 и 2010 гг.*

И, наконец, на четвертом этапе выполнено пересечение типологий 2000 и 2010 гг. по двум критериям: 1) уровень социального развития района в 2010 г.; 2) характер динамики социального развития района в 2000-х гг. Процедура пересечения заключалась в выделении в каждом типе районов по уровню развития социальной среды жизнедеятельности населения в 2010 г. подтипов, различающихся характером динамики соответствующих показателей за прошедшее десятилетие: 1) районы с отрицательной динамикой социального развития, ухудшившие позиции на фоне всех районов края; 2) районы с нулевой динамикой, сохранившие позиции; 3) районы с положительной динамикой социальной сферы, приведшей к улучшению статуса района. Результатом проведения вышеуказанных процедур стало построение двухуровневой типологии сельских муниципальных районов по уровню и динамике социального развития.

Характеристика результатов типологического анализа. На основе данных статистики по социальному развитию 60 сельских муниципальных районов Алтайского края за 2000 и 2010 гг.

были сформированы две типологии, основу которых представляют в каждом случае три типа районов, качественно отличающиеся между собой по уровню развития социальной сферы, а именно: «относительно благополучные» (7 районов в 2000 г. и 18 — в 2010 г.), «со средним уровнем развития» (39 и 38 соответственно) и «относительно неблагополучные» (14 и 4 соответственно).

Проведенный дисперсионный анализ выделенных типов показал, что наибольшая дифференциация сельских муниципальных районов Алтайского края как в 2000 г., так и в 2010 г. наблюдалась в сферах обеспеченности населения жильем, здравоохранения и развития рынка труда. Сравнительный анализ показателей дисперсии и коэффициентов вариации по характеристикам уровня развития социальной сферы в 2010 г. по сравнению с 2000 г. показал, что:

1) выросла дифференциация[1] сельских муниципальных районов по показателям рождаемости населения, первичной заболеваемости, уровню обеспеченности жильем и его качеству (по ветхости жилья, оборудованности его канализацией), развития потребительского рынка товаров и услуг, социокультурной сферы;
2) снизилась дифференциация районов по уровню миграции населения, обеспеченности населения медицинскими учреждениями и кадрами, качеству жилищного фонда (по большинству показателей), обороту платных услуг, оплате труда, уровню безработицы.

По итогам типологического анализа сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике социального развития в 2000-х гг. было получено четыре типа районов: 1) наиболее благополучные (условно названные нами районы-флагманы); 2) с устойчивым средним уровнем развития (районы-«персистенты», от английского *persist* — удерживаться, сохраняться); 3) относительно неблагополучные с положительной динамикой (районы-«эмерджeнты», от английского *emerge* — выныривать, возникать); 4) наиболее неблагополучные (районы-аутсайдеры). Расположение различных типов районов на карте края представлено на рисунке 5.4. Результаты построения двухуровневой типологии сельских муниципальных районов по уровню и динамике социального развития отражены в таблице 5.17.

---

[1] Направление динамики дифференциации вычислено как разница между коэффициентами вариации 25 показателей в 2000 и 2010 гг. При отрицательном значении принимается решение о росте изменчивости вариационного ряда, т. е. увеличении дифференциации между районами, при положительном — о снижении изменчивости вариационного ряда, т. е. снижении дифференциации между районами.

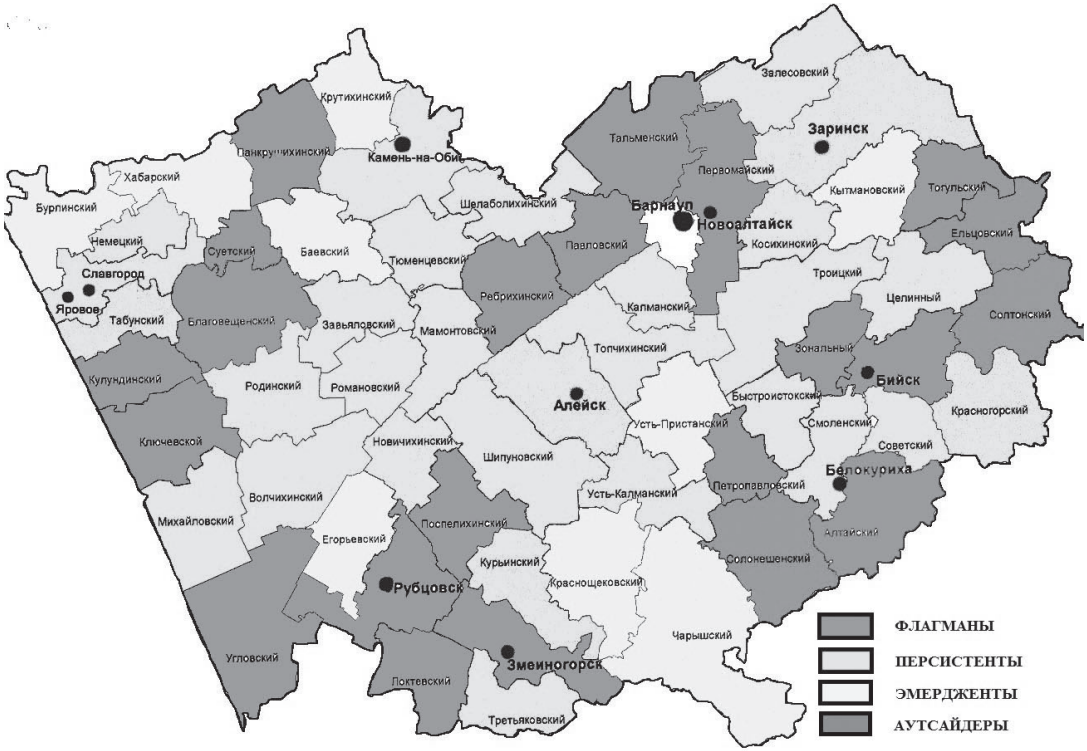


Рис. 5.4. Типы сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике социального развития в 2000-х гг.

Таблица 5.17

Распределение сельских муниципальных районов Алтайского края по уровню и динамике развития социальной сферы в 2000-х гг.

Характер динамики с 2000 г.	Уровень развития социальной среды жизнедеятельности в 2010 г.		
	«относительно благополучные»	«со средним уровнем развития»	«относительно неблагополучные»
Ухудшили позиции	—	Михайловский, Залесовский	Ельцовский
Сохранили позиции	Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский	Алейский, Быстроистокский, Волчихинский, Завьяловский, Заринский, Калманский, Каменский, Косихинский, Красногорский, Курьинский. Мамонтовский, Новичихинский, Родинский, Романовский, Славгородский, Смоленский, Советский, Шелаболихинский, Табунский, Топчихинский, Третьяковский, Троицкий, Тюменцевский, Усть-Калманский, Целинный, Шипуновский, Немецкий национальный	Суетский, Солонешенский, Солтонский
Улучшили позиции	Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский	Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский	—

Из таблицы 5.17 видно, что только три района в 2000-х гг. ухудшили свои позиции на фоне всех районов края, причем Михайловский и Залесовский районы переместились в средний тип по уровню социального развития, а Ельцовский район опустился в тип относительно неблагополучных районов. В то же время 22 района края повысили свой относительный статус, в том числе 13 районов поднялись до уровня наиболее благополучных.

Первый тип — наиболее благополучные районы по уровню и динамике социального развития («флагманы») представлен 18 районами (Алтайский, Благовещенский, Кулундинский, Локтевский, Рубцовский, Бийский, Змеиногорский, Ключевский, Зональный, Павловский, Панкрушихинский, Первомайский, Петропавловский, Поспелихинский, Ребрихинский, Тогульский, Тальменский, Угловский районы). Уровень развития большинства показателей социальной сферы в районах первого типа в 2010 г. был существенно выше по сравнению с остальными типами районов.

Районы-флагманы характеризуются наиболее благоприятной ситуацией в сфере демографического развития: наименьшими на фоне районов края потерями населения по показателю общего прироста (–6,6‰), достигаемым как за счет наименьшего превышения смертности над рождаемостью (–2,8‰), самого благоприятного соотношения рождаемости и смертности (82,5%), так и за счет самого низкого оттока населения (характеристики социального и экономического развития типов районов представлены в таблице 5.18).

Характерной особенностью миграционных процессов в рассматриваемых районах является наименьшая интенсивность внутрирегионального перемещения населения (–5,6‰) при наиболее интенсивном его оттоке в другие регионы России (–3,8‰). Здесь зафиксированы самые высокие показатели доли учащихся школ в населении района (1135 чел. на 10 тыс. жителей) и уплотненности детских садов (82,5 ребенка на 1 детский сад). Несмотря на самый низкий по сравнению с остальными типами районов уровень обеспеченности населения медучреждениями (на 1 тыс. жителей 11 больничных и поликлинических учреждений), а также медицинскими кадрами (191 врач и 808 работников среднего медперсонала на 1 тыс. жителей), уровень первичной заболеваемости населения незначительно отстает от среднекраевого (800,7 случаев на 1 тыс. населения). Районы-флагманы отличаются самым низким уровнем обеспеченности населения библиотеками и культурно-досуговыми учреждениями (соответственно 83 и 96 на 1 тыс. чел.).

Таблица 5.18

Характеристики социального развития типов сельских муниципальных районов Алтайского края в 2010 г.

Наименование показателя	I тип	II тип	III тип	IV тип
Естественный прирост на 1 тыс. населения	–2,8	–3,6	–4,6	–3,5
Миграционный прирост на 1 тыс. населения	–3,7	–8,6	–12,9	–12,4
Больничные медучреждения на 10 тыс. населения	1,1	1,5	1,5	2,5
Поликлинические медучреждения на 10 тыс. населения	1,0	1,3	1,5	2,7
Врачи всех специальностей на 10 тыс. населения	19,1	21,7	20,9	18,4
Средний медперсонал на 10 тыс. населения	80,8	84,5	88,8	98,3
Заболевания с впервые установленным диагнозом на 1 тыс. населения	800,7	927,1	996,1	760,6
Площадь квартир на 1 жителя, кв. м	22,7	23,8	23,8	26,1
Доля ветхого жилья, %	3,4	4,9	5,9	37,6
Ввод в действие жилья на 1 жителя, кв. м	5,6	2,5	1,0	0,6
Доля жилья с водопроводом в жилфонде, %	55,5	63,3	42,7	29,2
Доля жилья с канализацией, %	45,5	44,1	28,7	16,1
Доля жилья с отоплением, %	78,9	83,7	89,0	85,6
Доля жилья с газом, в т.ч. природным, %	85,1	88,9	89,3	89,8
Доля жилья с горячей водой, %	8,8	5,2	2,5	2,7
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	45134,8	36608,4	35432,5	35551,8
Оборот общественной питания на душу населения, руб.	1579,7	966,2	910,5	840,8
Оборот платных услуг на душу населения, руб.	7249,2	5636,5	5552,2	4529,0
Среднемесячная зарплата на одного работника, руб.	11225,5	9509,8	9391,4	9198,1
Среднемесячная зарплата в сельском хозяйстве, руб.	8971,1	7140,7	7298,0	7040,5
Уровень официальной безработицы, %				4,1
Учащиеся школ на 10 тыс. населения				1128,8
Количество детей на 1 детский сад				68,8
Библиотеки на 10 тыс. населения				15,3
Культурно-досуговые учреждения на 10 тыс. населения				17,8

Источник: расчеты авторов по данным паспортов районов края.

Районы первого типа характеризуются наиболее благоприятной ситуацией в сфере обеспеченности сельского населения жильем. Здесь зафиксирован самый высокий объем вводимого жилья (5,6 кв. м на 1 жителя) при наименьшей доле ветхого жилья в общей площади жилфонда (3,4%). Сложилась неоднозначная ситуация по оборудованности жилья коммунальными услугами: выявлена наибольшая доля жилья, оборудованного канализацией (45,5%) и горячей водой (8,8%), но доля жилья с газом и центральным отоплением ниже среднекраевого уровня (соответственно 85,1 и 78,9%). Уровень общей площади жилфонда на душу населения также находится на уровне ниже среднего значения по краю (22,7 кв. м на 1 жителя).

В сфере развития потребительского рынка товаров и услуг населению в районах-флагманах сложилась самая благоприятная ситуация по сравнению с другими типами районов: показатели оборота розничной торговли, общественного питания, платных услуг на душу населения значительно выше соответствующих среднекраевых значений (45135, 1579 и 7249 руб. на 1 жителя соответственно).

Основу благополучного социального развития районов-флагманов образуют относительно высокие показатели их экономического развития. Последние существенно выше по сравнению с остальными районами: средние показатели произведенной продукции промышленного и сельскохозяйственного производства, а также инвестиции в основной капитал составили 51666, 77280 и 17232 руб. на душу населения соответственно. Районы данного типа в среднем отличаются самым низким уровнем официально зарегистрированной безработицы (3,4%).

Второй тип — районы с устойчивым средним уровнем социального развития («персистенты») — наиболее наполненный, представлен 29 районами края (см. рис. 5.4). Ситуация в таких районах в целом отражает среднюю картину уровня социального развития в крае.

Здесь наблюдается относительно низкий общий прирост населения на фоне всех районов края (–12,3‰), достигаемый в основном за счет высокого оттока населения (–8,6‰). Миграционное поведение населения в рассматриваемых районах отличается положительным миграционным приростом, преимущественно из стран СНГ (1,2‰). Показатели рождаемости населения близки к среднекраевому уровню. Зафиксированы низкие показатели количества учащихся школ в расчете на 10 тыс. жителей (1102 чел.) и уплотненности детских садов (62 ребенка на 1 детский сад).

В районах второго типа уровень обеспеченности населения медучреждениями (15 больничных и 13 поликлинических учре-

ждений на 1 тыс. человек) и медицинскими кадрами (217 врачей и 845 работников среднего медперсонала на 1 тыс. жителей) в целом отражает среднюю ситуацию по краю, однако первичная заболеваемость населения здесь существенно выше среднего (927 случаев на 1 тыс. населения). Уровень обеспеченности населения библиотеками и культурно-досуговыми учреждениями в рассматриваемых районах близок к среднекраевым значениям (соответственно 103 и 119 на 1 тыс. жителей). На среднем уровне по региону находятся также показатели обеспеченности сельских жителей жильем и его качества.

Рассматриваемые районы отличаются относительно неблагоприятной ситуацией в сфере развития потребительского рынка товаров и услуг: показатели оборота розничной торговли, общественного питания, платных услуг на душу населения составили в среднем 36608, 966 и 5636 руб. на душу населения соответственно, что заметно ниже среднекраевых показателей.

Близким к среднему по сельским районам края является уровень развития рынка труда. Официально зарегистрированная безработица превышает среднее значение по краю (4,5%). Ситуация в сфере оплаты труда в рассматриваемых районах в наибольшей степени по сравнению с остальными типами близка к средней картине по краю: заработная плата в сельском хозяйстве составляет в среднем на одного работника 7140 руб., а по всем отраслям — 9510 руб.

Показатели произведенной продукции промышленного производства и инвестиций в основной капитал на душу населения в районах-«персистентах» наиболее близки по сравнению с остальными типами районов к среднекраевому уровню (31201 и 8932 руб. на душу населения). Но при этом здесь отмечен самый высокий средний уровень произведенной сельскохозяйственной продукции на душу населения (77345 руб.).

Третий тип по уровню и динамике социального развития — неблагополучные районы с положительной динамикой («эмерджeнты») — 9 районов (Баевский, Бурлинский, Егорьевский, Краснощековский, Крутихинский, Кытмановский, Усть-Пристанский, Хабарский, Чарышский). Уровень социального развития в районах третьего типа в 2010 г. уступал первым двум типам и в целом был ниже среднего по краю.

Районы-«эмерджeнты» характеризуются наиболее неблагоприятной ситуацией в сфере демографического развития: самым высоким отрицательным естественным приростом населения (–17,6‰) за счет его наибольшего оттока (–12,9‰), в том числе в другие территории региона (–6,1‰). Отличительной чертой районов данного типа является наибольшее превышение смертности над рождае-

мостью (–4,6‰), в целом наиболее неблагоприятное соотношение рождаемости и смертности (75,2%). Районы данного типа характеризуются высокой долей учащихся школ в численности населения (1132 школьника на 10 тыс. человек), но самой низкой уплотненностью детских садов (60 детей на 1 детский сад).

Несмотря на близкий к среднекраевому уровень обеспеченности населения районов-«эмерджентов» медучреждениями (по 15 больничных и поликлинических учреждений на 1 тыс. жителей) и медицинскими кадрами (209 врачей и 888 работников среднего медперсонала на 1 тыс. населения), рассматриваемые районы отличаются самым высоким уровнем первичной заболеваемости населения (996 случаев на 1 тыс. населения).

Ситуацию по обеспеченности населения жильем и его качеству трудно оценить однозначно: на фоне почти среднекраевых значений общей площади жилфонда на душу населения (23,8 кв. м на 1 жителя) и доли ветхого жилья в общей площади жилфонда (5,9%) зафиксированы относительно низкие показатели его ввода в действие (1 кв. м на 1 жителя), а также оборудованности водопроводом (42,7%), канализацией (28,7%), горячей водой (2,5%). По обеспеченности населения учреждениями культурно-досуговой сферы зафиксированы показатели выше соответствующих средних значений по краю: 123 библиотеки и 148 клубов на 10 тыс. населения.

Районы-«эмерджeнты» отличаются неблагоприятной ситуацией в сфере развития потребительского рынка товаров и услуг: здесь показатели оборота розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения ниже среднекраевых (35433, 911 и 5552 руб. соответственно).

Рассматриваемые районы характеризуются низкими уровнями среднемесячной заработной платы на одного работника по всем отраслям (9391 руб.) и по сельскому хозяйству (7298 руб.), произведенной продукции промышленного и сельскохозяйственного производства, а также инвестиций в основной капитал (21004, 74833 и 7105 руб. на душу населения соответственно). В районах-«эмерджентах» зафиксирован самый высокий уровень безработицы (4,9%).

Таким образом, районы-«эмерджeнты» имеют множество проблем социального развития, представляющих угрозу их дальнейшему развитию. К ним относятся сравнительно высокие значения показателей оттока населения, первичной заболеваемости, безработицы, сравнительно низкие показатели рождаемости, обеспеченности населения жильем и его качества (по оборудованности водопроводом, канализацией и горячей водой), развития потребительского рынка и платных услуг населению, оплаты труда.

Четвертый тип — наиболее неблагополучные районы по уровню и динамике социального развития («аутсайдеры») — является наименее наполненным и представлен четырьмя районами (Ельцовский, Суетский, Солонешенский и Солтонский). Уровень развития социальной сферы в этих районах ниже среднего по краю и заметно уступает всем остальным типам.

Районы-аутсайдеры характеризуются неблагоприятной ситуацией в сфере миграционных процессов: отрицательное значение общего прироста населения (–5,9‰) достигается в основном за счет его высокого оттока (–12,4‰), в частности, наиболее интенсивной межрегиональной миграции (–4,0‰). Но при этом здесь наблюдается относительно благоприятное соотношение рождаемости и смертности населения (82,2%) при близком к среднекраевому уровню показателя превышения смертности над рождаемостью (–3,5‰), а также доли учащихся школ (1129 чел.) в расчете на 10 тыс. населения и уплотненности детских садов (69 детей на 1 детский сад).

В районах четвертого типа в целом сложилась благополучная ситуация в сфере здравоохранения: в 2010 г. здесь зафиксирован самый высокий уровень обеспеченности населения медучреждениями (25 больничных и 27 поликлинических учреждения на 1 тыс. населения), средним медперсоналом (983 чел. на 1 тыс. жителей) при самом низком среднем уровне первичной заболеваемости населения (761 случай на 1 тыс. населения). Однако уровень обеспеченности квалифицированными медицинскими кадрами (врачами) в районах-аутсайдерах — самый низкий по сравнению с другими типами (184 на 1 тыс. населения).

Ситуацию по обеспеченности населения жильем и его качеству в целом можно оценить как относительно неблагополучную: на фоне самого высокого уровня общей площади жилфонда на душу населения (26,1 кв. м на 1 жителя) и отдельных высоких средних показателей оборудованности жилфонда (газом — 89,8%, центральным отоплением — 85,6%), наблюдаются самая высокая доля ветхого жилья в общей площади жилфонда (37,6%) и самый низкий уровень ввода в действие жилья (0,6%). Показатели обеспеченности населения учреждениями культурно-досуговой сферы зафиксированы на уровне существенно выше среднекраевого (153 библиотеки и 178 клубов на 1 тыс. жителей).

Районы-аутсайдеры отличаются самой неблагоприятной ситуацией в сфере развития потребительского рынка товаров и услуг: здесь отмечены самые низкие по сравнению с остальными типами районов показатели оборота розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения (35552, 841 и 4529 руб. соответственно).

В районах четвертого типа зафиксированы самые низкие уровни среднемесячной заработной платы на одного работника по всем отраслям (9198 руб.) и по отрасли сельского хозяйства (7041 руб.), а также по таким экономическим показателям, как объем произведенной продукции промышленного и сельскохозяйственного производства и инвестиций в основной капитал на душу населения (13889, 74716 и 4347 руб. соответственно). Уровень официально зарегистрированной безработицы в районах данного типа близок к среднекраевому (4,1%).

Таким образом, основными «проблемными точками» в сфере социального развития в районах-аутсайдерах являются прежде всего высокий отток населения, низкие значения обеспеченности населения квалифицированными медицинскими кадрами (врачами), ввода в действие жилья и его качества, развития потребительского рынка товаров и услуг, оплаты труда.

* * *

Типологический анализ сельских муниципальных районов Алтайского края позволил выделить четыре типа районов, качественно отличающихся между собой по уровню и динамике социального развития в 2000-х гг.:

1-й тип — 18 наиболее благополучных районов;

2-й тип — 29 районов с устойчивым средним уровнем развития;

3-й тип — 9 относительно неблагополучных районов с положительной динамикой за рассматриваемый период;

4-й тип — 4 наиболее неблагополучных района.

Если первый тип районов представляет собой территорию с самым высоким уровнем и динамикой как социального, так и экономического развития и может рассматриваться как территория социального благополучия и «роста», привлекательная для инвестиций, то последние два типа регионов с наиболее проблемной ситуацией не только в социальном, но и экономическом отношении должны стать объектами внимания органов регионального управления, по отношению к которым могут быть применены различные меры социально-экономической поддержки. Причем первый приоритет в этот отношении должны получить четыре наиболее неблагополучных района (Ельцовский, Суетский, Солонешенский и Солтонский), не сумевшие повысить свой статус даже в годы экономического роста и приоритетности социальной политики.

Глава 6

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Учет закономерностей развития регионального расселения как фундаментальной основы пространственного развития сельских территорий. С нашей точки зрения, формирование программ устойчивого развития сельских территорий как на федеральном, так и на региональном уровнях в недостаточной мере опирается на закономерности пространственного развития и, в частности, системы расселения. Между тем опыт управления пространственной организацией страны зачастую свидетельствует о затратной и малорезультативной государственной политике: не удалось ограничить рост крупных городов, укрупнить села за счет сселения жителей мелких сел, ликвидировать «неперспективные» поселения и т. п.

По-видимому, проблема управления пространственным развитием страны имеет глубокие корни. Суть ее — в необходимости пересмотра сложившихся представлений о расселении как инертной и управляемой системе пространственной организации страны. Современной наукой выявлены тенденции «самопроизводства поляризации населения, самоорганизации его планировочной структуры и заселенности территорий, саморегулирования состава типов поселений»[1].

Признание объективности саморазвития расселения предопределяет необходимость адаптивного управления пространственным развитием социально-территориальных систем (по терминологии Л. П. Фукса), осуществляемого с учетом внутренних закономерностей его эволюции и понимания ограниченных возможностей предвидения последствий управления.

Жизнеспособность типов поселений, выделенных по разным основаниям (людности, типу хозяйства, административно-

[1] Фукс Л. П. Региональное расселение как система: самоорганизация и принципы управления (исследовательская модель расселения на юге Западной Сибири) : автореф. дис. … д-ра. геогр. наук. СПб., 2007. С. 6.

му статусу, уровню социальной обустроенности и др.), различна и зависит от пространственной организации их сети: величины ареала распространения, густоты поселений, тесноты связи между ними и др.

Как правило, для большинства поселений характерны плавные перемены в сочетании со скачкообразными сдвигами в отдельных поселениях. Резкие изменения и предсказуемые последствия более вероятны в районах с малой, разреженной массой расселения; напротив, в условиях большой плотной массы и сложной структуры расселения интенсивность изменений намного ниже, а вероятность непредсказуемых последствий невелика[1].

Особенность нынешнего этапа развития сельской периферии края заключается в том, что широкое освоение ее пространства в предыдущие годы сменилось глубокой структуризацией расселения и сжатием заселенного ранее пространства.

Процесс сжатия заселенного пространства, объективный по своей природе, будет продолжаться и далее. В особенной мере он коснется территорий с редкозаселенной структурой расселения, очаговым расселением и зон рискованного расселения вдоль границ с безлюдными территориями. С учетом вышесказанного установка на достижение устойчивого развития всех сельских поселений края является иллюзорной и дает ошибочные ориентиры для территориального планирования.

Сочетание «стимулирующей» и «выравнивающей» (компенсационной) региональной политики в целях устойчивого развития сельских территорий. Особенность нынешнего этапа формирования пространственных аспектов экономической политики региона состоит в том, что развитие экономического пространства производно от отраслевой экономической политики. Доминирующую роль в выборе территориальных площадок для инвестиций играют хозяйствующие субъекты — инвесторы, основывающие свои решения на принципах рыночного хозяйствования. Имеется в виду установленный региональной наукой факт концентрации экономической деятельности в местах, обладающих сравнительными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса[2]. Так, в 2010 г. на территории Алтайского края велась реализация 26 инвестиционных проектов стоимостью 14,5 млрд руб., в том числе реализация крупных инвестиционных проектов на территории Косихинского (ООО «Алтайский бе-

---

[1] Фукс Л. П. Указ. соч. С. 6.

[2] По данному направлению работают представители «новой экономической географии»: П. Кругман, М. Фуджит, Т. Мори, Э. Венаблес, Д. Пуго, Дж. Харрис, А. Пред и др.

кон») и Тальменского (ОАО «Алтаймясопром») районов мощностью 300 тыс. голов свиней каждый.

С 2011 г. запланирована реализация инвестиционных проектов по строительству животноводческих комплексов в Топчихинском (СПК «Искра» — свинокомплекса на 30 тыс. голов), Шелаболихинском (ОАО «Кипринское» — ферм на 1600 голов крупнорогатого скота), Первомайском (ООО «Сибирские огни» — животноводческого комплекса на 1800 фуражных коров) районах и создание мультимодального транспортно-логистического терминала (ООО «МОпСТ», Барнаул)[1].

Для администрации края в этой ситуации приоритетной также является отраслевая политика[2], проявляющаяся в поддержке крупных инвестиционных проектов, прежде всего в сельском хозяйстве, имеющих существенное значение для социально-экономического развития региона.

Характеризуя ситуацию в этой области, начальник Главного управления сельского хозяйства Алтайского края А. Н. Чеботаев отмечает, что «в целях улучшения инвестиционного климата и стимулирования инвестиционной активности в регионе администрация Алтайского края тесно взаимодействует с инициаторами инвестиционных проектов и оказывает поддержку в реализации их проектов. В декабре 2010 г. заключено соглашение о сотрудничестве между администрацией Алтайского края, ЗАО «Алтайский бекон» и ОАО «Сбербанк России», согласно которому администрация края в рамках действующего законодательства предоставляет в залог имущество в обеспечение обязательств инвестора на сумму не менее 2 млрд руб.

Средства краевого бюджета направляются на развитие инженерной инфраструктуры инвестиционных объектов, имеющих существенное значение для социально-экономического развития региона. В частности, на газификацию, дорожное обустройство и устойчивое электроснабжение ЗАО «Алтайский бройлер» было выделено 140,4 млн руб. Аналогичная поддержка планируется в отношении инвестиционного проекта по строительству свиноводческого комплекса на 300 тыс. голов. ООО «Алтаймясопром». Районам, где реализуются инвестиционные проекты, в приоритет-

---

[1] Чеботаев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Алтайского края в свете реализации доктрины продовольственной безопасности // Аграрная наука – сельскому хозяйству : VI Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2011. Кн. 1. С. 8.

[2] На отраслевое управление была и остается сориентированной вся структура администрации Алтайского края. Образование так называемых управленческих округов не изменило в принципе соотношения отраслевого и территориального управления в деятельности администрации края.

ном порядке предоставляются бюджетные средства на инженерное и социальное обустройство поселений, в частности на строительство жилья для молодых специалистов»[1].

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что сегодня главной является стимулирующая региональная политика, в результате которой асимметрия пространственного развития сельской периферии усиливается.

Оценка эффективности такой региональной политики требует специальных пояснений. С одной стороны, концентрация ресурсов в отдельных районах в ущерб другим территориальным образованиям края способствует возникновению «зон роста», быстрейшему выходу сельских территорий на траекторию устойчивого развития[2]. Такой подход, с нашей точки зрения, правомерен в настоящее время не только потому, что он отвечает закономерностям развития экономического пространства (имеется в виду сложившееся в региональной науке второй половины XX в. представление об объективном характере и неустранимости неравномерности пространственного развития[3]), но и в силу приоритета интересов края по сравнению с интересами его муниципальных образований.

С другой стороны, превышение некого «порога» в дифференциации уровней социально-экономического развития муниципальных образований способно нанести ущерб развитию региона в целом. Это может проявиться в обезлюдивании ряда территорий, недоиспользовании имеющихся ресурсов, уменьшении потенциала развития региона и т. п.[4]

В самом общем виде ответ на вопрос о целесообразности проведения стимулирующей либо компенсирующей региональной политики уже давно дан теорией региональной экономики: во время спада и стагнации приоритетной является стимулирующая региональная политика, ориентированная на скорейший выход региона

---

1 Чеботаев А. Н. Указ. соч. С. 9.

2 Именно такую региональную политику проводили менее развитые страны Европейского союза, сделавшие ставку на свои сильные регионы. В результате неравенство между странами ЕС снизилось, а межрегиональное неравенство внутри стран возросло.

3 Речь идет о том, что пространственная концентрация инвестиционных потоков приводит к сосредоточению экономической активности на территориях с более выраженными конкурентными преимуществами. Переломить этот объективный процесс, типичный для всех стран, с учетом ограниченности имеющихся у региональных органов власти ресурсов маловероятно.

4 В регионоведческой литературе рассуждений на эту тему достаточно много, но все они остаются в области теории, поскольку не определен «порог» (критерий, уровень), за которым асимметрия в развитии экономического пространства региона является не механизмом его развития, а приобретает разрушающий характер.

из кризиса; во время стабильного развития, напротив, на первое место должна выйти компенсирующая региональная политика, направленная на смягчение региональных неравенств в уровне и качестве жизни различных территориальных групп населения[1].

Применительно к Алтайскому краю, с нашей точки зрения, изложенный подход может не дать ожидаемых результатов. Дело в том, что, учитывая масштабы края, для проведения серьезной стимулирующей либо компенсирующей политики ресурсов средств, даже с учетом передаваемых с вышестоящего уровня, у региона в достаточном объеме нет[2]. В этих условиях решение проблемы экономической поляризации видится в поиске и использовании конкурентных преимуществ относительно слабых муниципальных образований в сочетании с проведением региональными органами власти компенсирующей политики, ориентированной на сглаживание социальных различий.

Таким образом, в программах устойчивого развития муниципальных образований края функции региональной экономической и социальной политики должны быть «разведены». За региональной экономической политикой остается стимулирующая функция, подразумевающая опережающее развитие экономики наиболее перспективных районов; за социальной политикой — формирование социально ориентированной модели пространственного развития, отличительной особенностью которой является нивелирование различий в социальном развитии территорий путем использования присущих ей инструментов (политика в отношении безработных, поддержка доходов различных социальных групп, социальная защита малообеспеченных и т. п.)[3].

---

[1] За переходный период, как отмечают многие исследователи, приоритеты пространственной политики в России сместились от выравнивающих к стимулирующим, что объясняется появлением у государства ресурсов на эти цели. Все чаще в науке говорят о необходимости разумного сочетания стимулирующей и компенсирующей политики.

[2] Заметим, что администрацией края предприняты серьезные усилия по привлечению средств бюджета, в том числе федерального, в качестве источника инвестиций в основной капитал. В результате в 2009 г. каждый четвертый рубль в инвестиции в основной капитал — за счет бюджетных средств. Вместе с тем, по инвестиционной привлекательности край существенно отстает от среднероссийских показателей: плотность инвестиций в крае составила 1/3 среднероссийских показателей; снижается удельный вес инвестиций края в общероссийских инвестициях (с 0,59 в 2005 г. до 0,55 в 2009 г.). В условиях директивной экономики доля инвестиций края составляла в 1990 г. 1,5% всех инвестиций Российской Федерации. См.: Троцковский А. Я., Солодовникова Р. К. Указ. соч. С. 76.

[3] Такой подход не является новым для регионалистики. Так, еще в 2008 г. он был использован Министерством экономического развития Российской Федерации при разработке Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

Основные общие направления развития сельской периферии. Цель программы устойчивого развития сельских территорий, как известно, заключается в создании максимально благоприятных условий для комплексного социально-экономического развития территории на базе имеющихся у нее конкурентных преимуществ и развития человеческого потенциала. При этом пространственные аспекты программы должны формироваться с учетом имеющихся приоритетов и ограничений, в том числе демографических[1].

Обеспечение сбалансированного устойчивого развития сельской местности региона, на наш взгляд, требует разработки ряда мер, направленных:

— на опережающее развитие столичной Барнаульской агломерации с наиболее динамичным экономическим ростом, обеспечивающей приток населения и инвестиций, а также городов-центров с концентрацией сервисных функций;
— дальнейшее формирование сети опорных центров на базе городов края, а также районных центров;
— выделение базовых (опорных) сельских территорий, характеризующихся сравнительной конкурентоспособностью, проявляющейся в довольно высоком уровне развития экономической и социальной сферы, включая инфраструктурное обустройство территорий; достаточностью и качеством человеческого потенциала; выгодным экономико-географическим положением (исходя из сложившейся перспективной функциональной специализации). В качестве базовых территорий должны рассматриваться не только благополучные территории ближней периферии, но и отдельные районы средней периферии, а также наиболее благополучные районы дальней сельской периферии;
— стимулирование опережающего экономического развития (с учетом ограниченности бюджетных средств), по преимуществу базовых (опорных) сельских территорий, подразумевающее координацию действий государства и бизнеса;
— разумное сочетание, с учетом большой инерционности регионального развития, традиционных и инновационных начал

[1] В настоящее время одним из реальных направлений пространственной политики является укрупнение слаборазвитых муниципалитетов путем присоединения их к более сильным. Однако, на наш взгляд, в результате такого присоединения очевиден пока один результат — экономия бюджетных средств на управление. Что же касается других моментов (доступность управления, повышение экономической самостоятельности и т. п.), то на сегодняшний день нет позитивных подвижек в этой области. Более того, рядом ученых высказывается мнение, что присоединение муниципалитетов не решает проблему роста экономического неравенства, а лишь маскирует ее.

в формировании экономики района. Сохранение, как правило, для большинства районов края в кратко- и среднесрочной перспективе сложившейся функциональной специализации. Наряду с этим, использование принципа многополярного развития — опережающего развития наиболее перспективных, но недостаточно быстро растущих районов за счет переориентации на выполнение новых для края функций (туризм, рекреация);

— создание равноценной среды обитания населения в сельских территориях различного типа путем сокращения дифференциации в уровне доходов населения и доступности социальных услуг с помощью эффективных механизмов социальной[1] и бюджетной политики;

— усиление взаимосвязанного развития сельской местности региона путем развития транспортной инфраструктуры и увеличения доступности сервис-центров.

Выделенные общие направления развития пространства сельской периферии требуют некоторых пояснений. Как видно из перечисленных направлений, одним из центральных в программировании устойчивого развития сельских территорий является развитие городов. С нашей точки зрения, методика анализа развития сети сельских поселений — об этом свидетельствуют и результаты данного диссертационного исследования — вне контекста всей поселенческой сети края не совсем корректна. Это объясняется прежде всего тем, что система расселения представляет собой единое целое, а роль городов в ее развитии имеет определяющее значение.

Однако важно учитывать следующий момент: развитие агломераций и крупных городов происходит за счет ресурсов сельской периферии, прежде всего демографических. Другими словами, происходит фактическое противопоставление развития городов и сельских территорий края. Вряд ли эту объективно складывающуюся ситуацию можно переломить, однако необходимо ее контролировать. Прежде всего, надо изыскать средства на ускоренное развитие городов региона, например, в рамках конкурсов за выделение федеральных субсидий на развитие агломераций. Далее, необходимо усилить роль городов как опорных центров сети расселения, крупных сервис-центров. К примеру, одна из наиболее острых проблем в этой области — невозвращение в село молоде-

[1] Социальная инфраструктура, унаследованная от советской системы, за годы перестройки в значительной своей части была утеряна. В большинстве поселений она характеризуется высокой изношенностью и низкой плотностью на единицу территорий. Поддержка и развитие сельской социальной инфраструктуры требует огромных средств. В то же время в связи с оттоком населения из относительно слабозаселенных районов ее значимость уменьшается.

жи, получившей образование, в том числе сельскохозяйственной направленности. В противном случае в условиях слабой пространственной связанности и огромных расстояний «импульсы развития», исходящие из городов, будут способствовать модернизации лишь пригородных районов, а роль городов как опорных центров расселения останется в определенном смысле декларативной[1].

Типы районов по центропериферийному положению как объекты пространственной политики. В Докладе Всемирного банка о мировом развитии за 2009 г. показано, что пространственное неравенство, а следовательно, и условия для модернизации в современном мире формируются под влиянием трех базовых факторов:

- density — пространственная концентрация населения и эффект масштаба (развитие городских агломераций);
- distance — экономическое расстояние, обусловленное не только внутриматериковым положением, удаленностью от глобальных и внутристрановых рынков, транспортными и трансакционными издержками в целом, но и недостаточной развитостью хозяйственной и социальной инфраструктуры;
- division — институциональные барьеры в широком смысле, в том числе разного рода границы (национальные, региональные, локальные), препятствующие свободному перетоку товаров, услуг, инноваций; к ним можно добавить институциональные барьеры территориальной мобильности, социальных лифтов и доступности качественных социальных услуг, повышающих человеческий капитал[2].

Для Алтайского края в целом характерны редкая сеть крупных городов в сочетании с низким уровнем развития городских агломераций, внутриматериковое положение, обширная территория с низким уровнем инфраструктурного обустройства, детерминирующие большие экономические расстояния и, наконец, высокие институциональные барьеры, что сказывается на развитии всех типов сельских районов. Также в крае отмечена низкая социально-экономическая интеграция пространства, слабо просматриваются межмуниципальные горизонтальные экономические и социальные связи.

---

[1] Отметим, что значительная часть регионоведов при оценке перспектив развития села высказывают крайне пессимистичную оценку. Все чаще говорят, что село в своих старых формах умирает, а модернизация села приведет к уничтожению его основных функций. Превалирующим должен стать городской образ жизни, сельскому же образу жизни в рамках современного общества места нет. Не вдаваясь в дискуссию, отметим свое несогласие с этой позицией.

[2] Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. М., 2009. С. 179.

Таким образом, выделенные в диссертационном исследовании по сущностно-значимым основаниям типы районов находятся примерно в одних и тех же условиях, сформировавшихся под воздействием общих для всего края факторов. Можно ли в такой ситуации рассматривать районы ближней, средней и дальней периферии в качестве объектов территориального планирования?

С нашей точки зрения, для положительного ответа на данный вопрос необходимо, как минимум, наличие двух условий:

— существенных различий в социально-экономическом развитии выделенных типов территорий, превышающих некий критический порог;
— относительной однородности выделенных типов территорий (ближней, средней и дальней периферий), подразумевающей примерно одинаковый уровень развития различных сфер (демографической, экономической и др.) как в рамках одного района, так и всех районов, относящихся к типу.

Как показали результаты данного исследования, в реальности имеет место «рассогласованное развитие», при котором, к примеру, благополучное состояние экономики в конкретном районе сочетается со сравнительно низким развитием социальной сферы либо острыми проблемами в демографическом развитии. Аналогично, в рамках единого типа могут оказаться районы, занимающие по какому-либо критерию полярные позиции на шкале.

Вышеизложенное дает основание утверждать, что высказанное в начале монографии предположение о необходимости разработки специфической программы устойчивого развития для каждого из типов районов оказалось несостоятельным[1]. Вместе с тем результаты проведенного эмпирического анализа свидетельствуют о существовании некоторых устойчивых черт и признаков, характерных для каждого из типов районов. К примеру, для районов ближней периферии, находящихся в зоне активного влияния региональной столицы и крупных городов, характерна пространственная концентрация населения, а большинству районов этого типа свойствен относительно высокий уровень развития сельхозпроизводства.

Все это свидетельствует о том, что районы ближней периферии I и II порядка обладают рядом конкурентных преимуществ, приводящих в конечном счете к пространственной концентрации экономики в этих районах. Что же касается районов, расположенных в зонах влияния малых городов края (районы ближней периферии III порядка), то вследствие слабого развития и ограниченности ресурсов последние из «опорных центров» системы сельского расселения пре-

[1] В этом смысле более продуктивной с точки зрения использования в управлении была бы типология районов по степени выраженности (остроте) тех или иных проблем социально-экономического развития территорий.

вратились в барьеры на пути пространственного развития села. Развитие районов ближней периферии напрямую зависит от оживления экономической жизни малых городов края, перспективы развития которых остаются до настоящего времени весьма неопределенными.

Не учитывать эти особенности в процессе территориального планирования либо формирования программы устойчивого развития сельских территорий, очевидно, нельзя. Такого же мнения придерживается Н. В. Зубаревич. Она считает, что «проблемы экономического роста нужно дифференцировать для пригородных и периферийных сельских территорий. Первые способны стать зонами ускоренного роста благодаря небольшому экономическому расстоянию, более значительной концентрации сельского населения, развитию процессов субурбанизации…»[1].

С учетом сказанного целесообразно методику территориального планирования и формирования программы устойчивого развития сельских районов представить как трехэтапную процедуру (рис. 6.1).

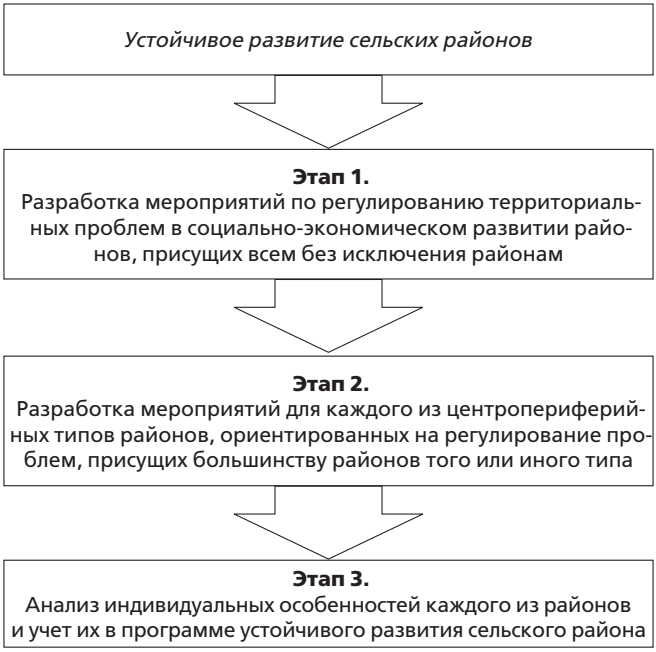


Рис. 6.1. Процедура разработки программы устойчивого развития сельских районов

[1] Зубаревич Н. В. Указ. соч. С. 251.

На первом этапе формирования программы устойчивого развития разрабатываются мероприятия, касающиеся регулирования территориальных проблем в социально-экономическом развитии районов, присущих всем без исключения районам края. В качестве примера укажем на старение сельского населения и необходимость корректировки возрастной структуры населения практически во всех сельских районах края.

На втором этапе разрабатываются мероприятия для каждого из выделенных типов районов, ориентированные на регулирование проблем, присущих большинству районов того или иного типа.

Наконец, на третьем, завершающем, этапе программы должны быть приняты во внимание индивидуальные особенности каждого из районов, обнаружить которые, по мнению эксперта при Правительстве РФ В. Глазычева, можно лишь при проведении «политики ощупывания пальцами»[1]. Так, для экономики Благовещенского района ключевое значение имеет и будет иметь добыча соли, а для ряда районов непрофильной для края горнодобывающей промышленности (Змеиногорский, Локтевский, Рубцовский, Третьяковский районы) — добыча и обогащение полиметаллических руд.

Таким образом, реализация предложенного подхода к формированию программы устойчивого развития сельских территорий позволит учесть как общее, так и особенное в развитии каждого из сельских районов.

Роль и место в развитии сельской периферии типов районов по центропериферийности. Центральной идеей развития *сельских районов ближней периферии* является создание условий для расширения влияния столицы края и его крупных городов на развитие прилегающих территорий. Это требует, с одной стороны, ощутимой поддержки городов-центров, создающих инновации и трансформирующих их на периферию; с другой стороны, опережающего развития транспортной инфраструктуры в районах ближней периферии I и II порядка.

Заметим, что это направление развития экономического пространства в силу малого числа крупных городов и невысокой доли сельского населения, проживающего в зонах их влияния, не может рассматриваться в качестве ключевого, однако роль его в формировании основы для модернизации алтайского села исключительно велика.

Другими словами, из-за ограниченности ресурсов, как людских, так и материальных, использование в существенной мере в качестве конкурентного преимущества «агломерационного эффекта» (по определению П. Кругмана) является для агропромыш-

[1] Глазычев В. На треть городов у нас не хватает населения // Свободная пресса. 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://svpressa.ru.

ленного Алтайского края проблематичным. Так, формирование Бийской и Рубцовской агломераций ограничено в силу дефицита инвестиций, недостаточности бюджетных ресурсов, сравнительно невысокой миграционной привлекательности: на долю Барнаула (столицы Алтайского края) пришлось в 2010 г. 42,5% всех инвестиций в основные фонды края, а численность населения в Рубцовске за последний межпереписной период уменьшилась на 10%[1].

Что касается Бийска (второго по людности и значимости города края), то его формирование как сопоставимого с Барнаулом с большей долей вероятности обречено на неудачу. Основанием для этого может служить отмеченный Н. В. Зубаревич факт того, что «стимулирование развития Санкт-Петербурга пока дает результаты, неадекватные затратам»[2].

Для сельских районов ближней периферии I и II порядка (Бийский, Первомайский, Рубцовский, Павловский, Тальменский и др.) характерна промышленно-сельскохозяйственная специализация экономики. При этом в районах, прилегающих к крупным городам, заметна деаграризация сельской местности, обусловленная конкуренцией за землю со стороны других пользователей и сопровождающаяся созданием новых рабочих мест в неаграрных секторах сельской экономики.

В районах, прилегающих к малым городам и фактически оказывающих номинальное влияние на урбанизацию края (районы ближней периферии III порядка), как правило, сохраняется сельскохозяйственная специализация экономики. Как отмечалось ранее, подавляющее большинство районов ближней периферии может рассматриваться в качестве опорных районов сельской периферии. Вместе с тем на общем фоне выделяются районы со сравнительно низким уровнем развития (Калманский, Славгородский), требующие особого внимания со стороны краевых властей. Так, перспективы Славгородского района могут быть связаны с использованием его трансграничного положения.

Районы средней периферии края по сравнению с районами ближней периферии обладают в целом более низким потенциалом. Однако в этой группе также имеются районы, претендующие на роль опорных в развитии сельской периферии. Для ряда из них перспективы развития связаны с наращиванием туристско-рекреационного потенциала (Алтайский, Советский районы); для других (Поспелихинский, Ребрихинский, Топчихинский, Косихинский районы) — с развитием крупномасштабного производства и переработки сельскохозяйственной продукции.

---

[1] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. URL: http://ak.gks.ru.

[2] Зубаревич Н. В. Указ. соч. С. 245.

В этой группе также имеются и проблемные районы, со стагнирующей экономикой и неопределенными перспективами — Солтонский, Угловский (средняя периферия I порядка) и Быстроистокский, Солонешенский (средняя периферия II порядка). Применительно к ним необходимы продуманные меры по санации экономики, вплоть до реструктуризации предприятий и изменения номенклатуры товарной продукции.

С точки зрения роли и места в развитии сельской периферии наибольшая полярность характерна для *районов дальней периферии*. Более половины из них (9 из 27) могут по уровню развития и накопленному потенциалу рассматриваться в качестве опорных (базовых) районов сельской периферии края. Это, с одной стороны, опровергает широко распространенный в науке тезис о формировании зон социальной и экономической деградации во всех без исключения периферийных районах; с другой стороны, свидетельствует о локализации потенциала развития села в отдельных районах. Перспектива всех (за исключением Третьяковского) опорных районов дальней периферии (Ключевского, Благовещенского, Курьинского, Родинского, Кулундинского, Немецкого национального, Завьяловского, Хабарского) связана с сохранением сельскохозяйственной ориентации, развитием и ростом эффективности крупномасштабного производства и переработки сельхозпродукции, усилением экологической ориентации сельхозпроизводства.

В Завьяловском, Краснощековском, Шипуновском районах имеются перспективы для развития сельского туризма, а Кулундинский и Третьяковский могут рассматриваться как районы трансграничного взаимодействия. Для оставшихся районов дальней периферии (Табунский, Тогульский, Баевский, Тюменцевский и др.) при сохранении их сельскохозяйственной ориентации будут остро стоять проблемы эффективности производства, проведения в необходимых случаях диверсификации экономики, развития институциональной и предпринимательской среды, роста самозанятости населения. Возможно использование приграничного положения ряда муниципальных образований края с более развитыми территориями других регионов за счет развития горизонтальных контактов бизнеса и жителей.

Среди районов дальней периферии можно указать районы-аутсайдеры: Бурлинский, Суетский, Панкрушихинский, Чарышский. Для их выживания необходима санация экономики. Говорить о масштабном развитии этих районов пока нет оснований. Главное для них — сохранить в минимальной степени освоенность территорий вопреки депопуляции и стягиванию населения в урбанизированные зоны края.

Раздел 3

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА[1]

[1] В главах 7–9 отражена работа, выполненная при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Сельская бедность в России: современные тенденции, социальные механизмы формирования и преодоления», 2011–2013 гг., грант № 11-03-00667а). При реализации проекта использовались также средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 300 — рп (договор № 001/К от 11.01.2011).

Глава 7

СЕЛЬСКАЯ БЕДНОСТЬ: НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

7.1. Методологические особенности исследования сельской бедности

Социальная составляющая факторов устойчивого развития сельских территорий включает в себя не только развитие человеческого потенциала экономики отраслей производства и переработки сельхозпродукции, но и социальное благополучие сельских работников и членов их семей, а также сельских жителей и населения региона в целом. Социальное благополучие во многом определяется материальным положением людей, доступностью для них различных социальных благ и услуг. Соответственно, бедность населения, в первую очередь сельскую бедность, следует рассматривать как мощный ограничитель устойчивого развития села, а ее преодоление — как важнейшее условие такого развития.

Решение проблем бедности, сокращения чрезмерных социальных различий и формирования массового среднего класса является одним из социальных приоритетов развития российского общества на пути к модернизации и важнейшей ее предпосылкой. Российские села характеризуются высокой концентрацией, глубиной и масштабным воспроизводством бедности. В настоящее время действия органов государственной власти в области социального развития села носят преимущественно несистемный характер, не построены социальные лифты преодоления сельской бедности и не разработаны меры по повышению ответственности граждан за собственные уровень и качество жизни.

Решение проблем сельской бедности в современном российском обществе требует формирования комплексной методологии исследования и глубокой эмпирической изученности данного явления, причин ее возникновения и механизмов преодоления.

Подходы к определению и измерению сельской бедности. Под сельской бедностью нами понимается социально-экономическое положение сельского населения, характеризующееся

низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными, натуральными ресурсами, их нехваткой, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи. Для комплексной оценки сельской бедности будем опираться на три основных концепции определения и измерения бедности — абсолютную, относительную и субъективную, — предполагающие решение двух методологических вопросов: во-первых, установления черты бедности (или минимального стандарта), уровень и качество жизни (материальное положение, потребление) индивида, семьи (домохозяйства) ниже которой рассматривается как бедность и, во-вторых, определение характеристик, сопоставление которых с чертой бедности позволяет отнести индивида, семью к бедным[1].

В России рассчитывается абсолютная бедность (согласно абсолютной концепции бедности) на основе сравнения душевых доходов с прожиточным минимумом, который официально определяется как черта абсолютной бедности. К бедным относятся жители России и их семьи (домохозяйства) с доходами меньше бюджета прожиточного минимума. Точных данных государственной статистики по сельской бедности, как известно, нет, поскольку эти данные репрезентативны только на уровне региона в целом, а не по отношению к городам или сельской местности. В связи с этим воспользуемся опросными данными на основе региональной черты бедности.

Для расчета крайней бедности, или обездоленности (обнищания), сельского населения применима российская методика сопоставления душевых доходов со стоимостью потребительской корзины.

Согласно относительной концепции бедности, на которую ориентируются европейские государства, к бедным относятся те, чей уровень жизни существенно отличается от стандарта жизни (его уровня и качества), преобладающего в стране. Относительно бедные с таким уровнем и качеством жизни (потребления) не могут позволить себе того, что имеет основная масса граждан, и поэтому они ощущают состояние социальной исключенности (эксклюзии) из сложившегося в стране стандарта стиля и образа жизни. Отклонения от сложившегося в обществе уровня жизни (потребления) обозначаются понятиями «лишения», «депривации», и бедность семьи понимается как высокая степень концентрации различных лишений[2].

В исследовании сельской бедности относительная концепция

---

[1] Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / ред. Л. Н. Овчарова. М., 2005.

[2] Там же.

используется для определения бедных, испытывающих лишения, связанные с недоступностью жизненно необходимых социальных благ и услуг (прежде всего качественного образования и медицинских услуг), а также с нарушениями трудовых и других социальных прав (низким уровнем зарплаты, задержками ее выплаты, неоплачиваемыми больничными листами, отпусками и др.). Кроме того, мы применяем традиционную методику расчета относительной бедности на основе сопоставления душевых доходов с 60% от средней величины распределения доходов населения.

Основным подходом к измерению сельской бедности в нашей работе будет субъективная концепция, которая предполагает установление черты бедности на основе анализа представлений населения о том, какой объем ресурсов им необходим для удовлетворения минимальных потребностей. Субъективная бедность определяется на основе собственных оценок населением своего материального положения, возможностей платить за питание, одежду, обувь и другие предметы повседневного пользования, мебель и бытовую технику, жилье, лекарства и медицинские услуги, образование и др.

Для исследования сельской бедности необходимо учитывать системообразующие характеристики сельского сообщества, описанные в работах П. П. Великого, Т. И. Заславской, З. И. Калугиной, А. А. Хагурова и других ученых[1]. Эти характеристики определяют специфику сельского сообщества как территориальной группы населения и среды его жизнедеятельности, тесно связанной с природой и землей.

Для анализа сельской бедности выделим количественные и качественные индикаторы (характеристики) состояния, тенденций и направлений ее формирования и преодоления. К основным количественным характеристикам бедности относятся: 1) масштаб (объем) и глубина (уровень, степень) бедности; 2) пространственная характеристика ее распространенности (дисперсность, очаговость); 3) продолжительность (время) пребывания в состоянии бедности, период ее наибольшей масштабности и глубины (отсю-

[1] Троцковский А. Я., Сергиенко А. М., Родионова Л. В. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : коллективная монография. Барнаул, 2011; Великий П. П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов, 2012; Калугина З. И. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009; Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. Новосибирск, 2010; Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2008; Староверов В. И. Аграрно-сельская социология: история, концепция, методология. М., 2009; Хагуров А. А. Социология российского села : монография. 3-е изд. М., 2012.

да хроническое состояние бедности, ее воспроизводимость). Качественными индикаторами бедности являются:

— во-первых, качественные характеристики пребывания в состоянии бедности, отражающие социальное положение субъекта (бедного): качество питания, предметов повседневного (одежды, обуви и др.) и длительного пользования (мебель, бытовая техника), жилья, уровня доступности и качества необходимых социальных услуг (медицинского обслуживания, образования и др.), социально-психологическая оценка удовлетворенности жизненно необходимых потребностей людей и др.;
— во-вторых, качественные характеристики социальной активности субъекта, такие как адаптация к современным условиям, конструктивность, инновационность, свобода проявления действий, рискованность и др.;
— в-третьих, характеристики каналов формирования бедности (сфер образования, занятости и др.), например, качество образования, квалификация рабочей силы и т. д.;
— в-четвертых, статус и другие качественные характеристики территориальной общности как среды формирования и преодоления бедности: типы поселенческих и региональных общностей (в нашем случае село и его классификация по размеру и функциям), социальное благополучие жизненного пространства такой общности.

Для измерения масштабов, глубины и динамики сельской бедности ключевыми характеристиками являются доходы и материальное положение сельского жителя и его семьи. Доходы населения представляют собой поступления в его распоряжение ресурсов в денежной и натуральной формах как за счет социально-экономической активности (трудовой, предпринимательской, в сфере использования собственности и др.), так и без нее (наследование материальных ценностей, отдельные виды социальных трансфертов, помощи). Для оценки сельской бедности используются количественные и качественные показатели уровня, структуры и динамики доходов и потребления, дифференциации по доходам и материальному имуществу, возможности населения в получении социальных благ и услуг, их доступности и др. Статус сельского жителя по доходам и материальному положению определяется по размеру и источникам поступления совокупных (натуральных и денежных) доходов (оплата труда, социальные выплаты, доходы от личного подсобного хозяйства и др.), масштабам капитала и накопленной собственности, т. е. движимого (денежных сбережений, натуральных запасов, личного транспорта) и недвижимого (жилища, ЛПХ) имущества.

Пространственно-временной аспект анализа процессов сельской бедности и ее механизмов позволяет охарактеризовать их изменения в социальном времени и пространстве в отношении их масштабов, равномерности и социальной дифференцированности. Данный аспект анализа дает возможность получить представление: во-первых, о масштабах такой динамики; во-вторых, о равномерности, усилении (ослаблении) динамики, нарастании (уменьшении) плотности и сгущенности процессов динамики (их дисперсности либо концентрации, очаговости) и определение на этой основе этапов и очагов формирования и преодоления бедности; в-третьих, о масштабах и динамике дифференцированности процессов бедности, их разнообразия и усложнения, о динамике масштабов и характера проявления отдельных форм бедности, стратегий и сфер приложения активности разных групп бедных, о социоструктурных результатах изменений. В последнем случае такой анализ позволяет оценить численность и соотношение активных и пассивных субъектов бедности, масштабы и характер социальных перемещений (социальной мобильности), связанных с изменением положения бедных в социальной структуре (сколько бедных и каким образом изменили статус, какие виды и стратегии активности появились среди бедных, какие — исчезли, кто стал активным, кто — пассивным), социальную дифференциацию процессов бедности в различных социальных средах, условиях жизненного пространства.

Теоретическая модель и методические основы исследования сельской бедности. Теоретическую модель можно представить в виде схемы из четырех блоков и возникающих между ними связей (рис. 7.1).

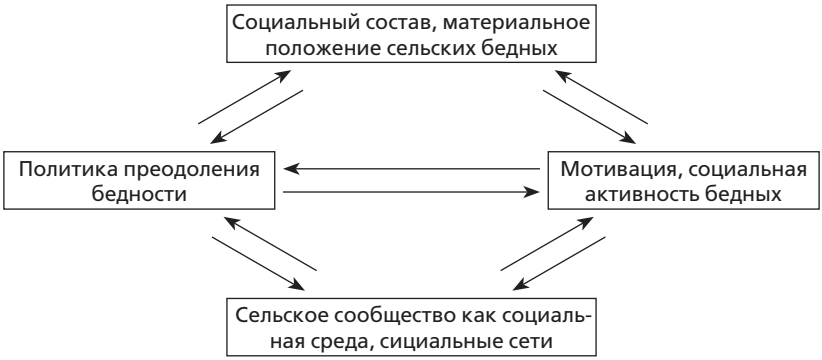


Рис. 7.1. Общая схема исследования сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления

Центральным блоком является «Социальный состав, материальное положение сельских бедных», который включает в себя четыре взаимосвязанных элемента: «Субъекты бедности», различающиеся демографическими, социокультурными, социально-психологическими (настроение, склонность к труду, готовность к риску и т. д.) и другими характеристиками; «Формы бедности» (имеются в виду различия бедных в питании, удовлетворении потребностей в одежде, жилище, образовании, сохранении здоровья и др.); «Масштаб бедности»; «Глубина бедности». Остальные три блока теоретической схемы — «Мотивация, социальная активность бедных», «Сельское сообщество как социальная среда, социальные сети» и «Политика преодоления бедности» — рассматриваются как факторы и механизмы формирования и преодоления сельской бедности. При исследовании социальной активности бедного сельского населения нами выделены ее две основные формы: социально-экономическая и социально-политическая, а акценты сделаны на степени социальной активности и ее конструктивности как для самого субъекта, так и для сельского сообщества в целом[1].

Особую роль в формировании сельской бедности играет сельское сообщество как социальная среда (жизненное пространство) со спецификой условий жизнедеятельности селян, развитостью социальных сетей. Сообщество необходимо рассматривать, по утверждению М. Пейна, как «промежуточное звено между макросистемами общества в целом и микросистемами семейной и личной поддержки»[2]. Для сельского жителя именно эта промежуточная система является истоком обогащения его жизни за счет дополнительных социальных контактов.

Методика исследования сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления определяется методологическими подходами. Основными в нашем случае являются социоструктурный и деятельностно-активистский подходы, кроме того, используются рисковый подход, концепция устойчивого развития общества (в нашем случае сельских сообществ), концепция моральной экономики выживания Дж. Скотта[3]. Спецификой

---

[1] Подробно о социальной активности населения на рынке труда, ее сущности и структуре см.: Сергиенко А. М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. : монография. Барнаул, 2003.

[2] Пейн М. Сообщество как основа социальной политики и социального действия // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. М., 1997. С. 60.

[3] Под моральной экономикой выживания понимается безопасное существование, предотвращающее голод (Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.). Главный принцип социального существования заключается в том, что все сельские семьи имеют право на минимальный прожиточный уровень, даже если это требует существенного перераспределения экономических ресурсов.

реализации социоструктурного и деятельностно-активистского подходов является многоуровневый и дифференцированный анализ сельской бедности и социальной активности бедных как основного механизма ее формирования и преодоления. В рамках социоструктурного подхода оцениваются масштабы и характер различий в материальном положении, мотивации и социальной активности разных групп бедного населения, выделяются лидеры и аутсайдеры (наиболее депривированные группы) в процессах преодоления бедности. Для комплексной оценки масштабов и глубины сельской бедности используется несколько подходов на основе:

1) оценки сельским населением материального положения своей семьи: к трем категориям бедных относятся сельские жители, которые считают, что им *«денег иногда не хватает даже на питание»* (обездоленные), *«хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей — нет»* (бедные) и *«денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т. п.) является проблемой»* (относительно бедные);
2) оценки сельскими жителями среднего уровня совокупных (денежных и натуральных) доходов на члена семьи: выделяются категории бедных, чьи среднедушевые доходы меньше: стоимости потребительской корзины (обездоленные); бюджета прожиточного минимума жителей региона (бедные по методике Росстата); до 1,5–2 бюджетов прожиточного минимума (относительно бедные);
3) сравнительной оценки сельским населением материальной обеспеченности своей семьи на фоне населения страны: выделяются категории селян, чье материальное положение ниже среднего уровня по обеспеченности (относительно бедные), и те, кто живет за чертой бедности, определяемой самим населением (бедные и обездоленные);
4) оценки селянами уровня лишений (исключенности), возможностей для удовлетворения насущных потребностей (по методике А. Сена), в нашем случае полученной по характеристикам доступности потребления качественного питания, одежды и других предметов первой необходимости, жилья, образования, медицинских и других социальных услуг и масштабов нарушений трудовых (низкий уровень и задержки заработной платы, невыплаты социальных пособий и т. д.) и других социальных прав;

5) экспертных оценок обездоленности, абсолютной и относительной бедности по характеристикам доходов, материального положения семьи и лишений.

Для дифференцированного анализа социальной активности бедных используется три подхода:

1) все стратегии активности разделяются по степени ее проявления на высокую, среднюю и низкую, а бедные — на активных, умеренной активности и пассивных. К первому типу стратегий относятся, например, интенсификация труда, поиск основной и дополнительной работы, вторичная занятость, трудовая миграция, повышение образования и квалификации, открытие собственного бизнеса; к стратегиям низкой активности — отсутствие действий по улучшению материального положения в условиях безработицы;
2) в зависимости от характера воздействия на сельское сообщество, его устойчивое развитие выделяются три модели (типа) активности бедного населения: а) модель конструктивных, инновационных стратегий активности, приводящих к прогрессивным изменениям в сельском сообществе (образование, повышение квалификации, позитивные формы интенсификации труда и совмещения видов экономической деятельности, открытие собственного дела, экономически и социально значимого для сообщества); б) модель деструктивных, разрушительных стратегий, формирующих негативные изменения; в) модель смешанных стратегий, оказывающих неоднозначное влияние на сельское сообщество и положение бедного. К последним можно отнести миграцию молодежи из села, поскольку она наносит ущерб устойчивому развитию сельских сообществ, но часто является позитивной по возможностям повышения образования и квалификации для мигранта и дальнейшей реализации его потенциала на селе в случае возращения;
3) рассматривается активность бедных, различающихся своим социальным положением: статусом занятости (наемные работники, самозанятые и безработные), профессионально-квалификационными, демографическими и территориальными характеристиками.

Эффективным методом выделения групп бедных, значительно различающихся как социально-экономическим положением, так и активностью, является типологизация. Для построения типологии нами выделено четыре основания:

1) глубина бедности: по оценкам материального положения, потребления и уровня лишений (исключенности) выделяются обездоленные, бедные и относительно бедные;

2) продолжительность пребывания в состоянии бедности: выделяются постоянно бедные за рассматриваемые нами периоды (последние три года финансового кризиса и в целом 2000-е гг.) и новые бедные (попавшие в группу бедных в 2000-х);
3) уровень социальной активности: низкий, средний и высокий, будут выделены пассивные, малоактивные (умеренно активные) и активные;
4) конструктивность социальных стратегий как для субъекта бедности, так и для сельского сообщества, его устойчивого развития: будут выделены бедные с конструктивными, деструктивными и смешанными стратегиями активности.

Типология бедного сельского населения по социально-экономическому положению и активности позволяет не только дифференцированно подойти к решению проблемы бедности среди сельских жителей, уже оказавшихся в неблагополучной ситуации, но и выделить факторы риска попадания в наиболее неблагополучные группы бедных (рисковый подход).

В целом рассмотренные в данной главе методологические подходы и методические предпосылки их применения к изучению сельской бедности создают, на наш взгляд, основу комплексного исследования этого сложного социального феномена, позволяют не только оценить масштабы, глубину, динамику и формы проявления бедности, но и выявить основные факторы и механизмы ее формирования, выделить группы риска бедности на селе, условия и стратегии ее преодоления, а также попадания в категорию бедных, и разработать дифференцированные политики преодоления сельской бедности с учетом социального положения и активности различных групп бедных.

Информационная база и выборка. В своей работе мы опирались на результаты социологических обследований по проблемам социального развития села, проведенных сотрудниками Центра социологических исследований и региональной политики и Института экономики и ОПП СО РАН в 2002, 2008 и 2011 гг.

В 2011 г. для изучения сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления нами проведен в двух аграрных регионах (Алтайском крае и Республике Алтай) целевой выборочный опрос 500 бедных сельских жителей и опросы 82 экспертов в форме полуформализованных и глубинных интервью с руководителями государственных и муниципальных органов управления, общественных организаций и предприятий агропромышленного профиля. Опрос сельских бедных осуществлен на основе квотной выборки с выделением групп, различающихся демографическими показателями (пол, возраст) и местом проживания (регион, сельский район, сельское поселение).

В Алтайском крае в обследовании приняли участие 440 сельских жителей, в том числе: 1) по полу: 46,1% мужчин (соответственно 53,9% женщин); 2) по возрасту: 20,7% молодежи от 18 до 29 лет, 49,8% представителей среднего и старшего трудоспособного возраста (женщины 40–54 лет и мужчины 40–59 лет) и 29,5% пенсионеров (соответствующего возраста получения трудовой пенсии) до 89 лет. Респонденты проживают в 17 муниципальных районах Алтайского края, различающихся географическим положением и уровнем периферийности (удаленности от городов края). Подавляющее большинство опрошенных (80,2%) представляют жителей больших поселений (более 1 тыс. чел.), что соответствует в основном крупноселенной структуре расселения сельских жителей регионов. Основные характеристики представлены в таблице 7.1. В экспертном опросе приняли участие 46 руководителей и специалистов органов государственного и сельского муниципального управления, 19 руководителей разных по численности сельских агропромышленных предприятий (фермерских хозяйств, ООО, ОАО, СПК) и 10 руководителей сельских общественных организаций (женских, молодежных, ветеранов, пенсионеров, инвалидов и др.).

Таблица 7.1

Социальные характеристики бедного сельского населения, %

Характеристики	Все бедное население	Обездоленные	Средняя группа по бедности	Относительно бедные
Пол				
Мужской	46,1	42,6	45,1	47,7
Женский	53,9	57,4	54,9	52,3
Возраст				
Молодежь до 29 лет	20,7	7,4	12,2	30,2
Лица среднего и старшего трудоспособного возраста	49,8	61,1	56,1	42,3
Пенсионеры	29,5	31,5	31,7	27,5
Образование				
Нет образования	0,2	0,0	0,6	0,0
Начальное общее	4,8	7,4	4,9	4,1
Основное общее	16,4	29,6	18,3	11,7

Окончание таблицы 7.1

Характеристики	Все бедное население	Обездоленные	Средняя группа по бедности	Относительно бедные
Среднее (полное общее)	19,8	18,5	25,0	16,2
Начальное профессиональное	17,3	18,5	18,3	16,2
Среднее профессиональное и неполное высшее	30,7	20,4	26,8	36,0
Высшее профессиональное	10,9	5,6	6,1	15,8
Основное занятие				
Работаю по найму	45,0	24,1	42,7	51,8
Самозанятый	1,4	1,9	0,6	1,8
Безработный, незанятый	14,3	31,5	15,2	9,5
Занят только в личном подсобном хозяйстве	5,7	11,1	4,9	5,0
Студент, учащийся	3,9	0,0	3,0	5,4
Пенсионер	28,0	29,6	31,1	25,2
Домохозяйки, военнослужащие	1,8	1,9	2,4	1,4
Семейное положение				
Женат/замужем	63,4	61,1	57,9	68,0
Холост/замужем	16,4	13,0	16,5	17,1
Вдовец/вдова, разведен(а)	20,2	25,9	25,6	14,9
Наличие детей				
В среднем на 100 семей, человек	66	70	65	66
Урбанизированность районов				
Урбанизированные	8,9	11,1	11,0	6,8
Среднеурбанизированные	13,4	13,0	14,0	13,1
Неурбанизированные	77,7	75,9	75,0	80,2
Людность поселения				
До 500 человек	6,4	9,3	4,9	6,8
501–1000 человек	13,4	14,8	14,0	12,6
1001–2000 человек	8,6	3,7	5,5	12,2
Более 2000 человек	71,6	72,2	75,6	68,5

7.2. Бедность населения в Алтайском крае и других регионах аграрной специализации

Успехи экономического роста в 2000-х гг. и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины прошедшего десятилетия привели к заметным позитивным сдвигам в решении данной проблемы, кардинальному сокращению масштабов бедности (по предварительным данным государственной статистики, до 12% в 2011 г.). И уже, по оценкам экспертов, не представляется затруднительным достижение 10%-ного целевого показателя, установленного в Национальной программе ООН развития тысячелетия для России, действующей до 2015 г. Однако, учитывая неравномерность процесса сокращения бедности и особенности социального расслоения в отдельных регионах страны, внимание ученых и политиков должно быть обращено на так называемые регионы-аутсайдеры, концентрация бедности в которых заметно выше среднего по стране показателя. К таким регионам могут быть отнесены регионы аграрной специализации, поскольку территориально бедность сконцентрирована в сельской местности, что не является российской особенностью, а скорее соответствует общемировым тенденциям социально-экономического развития.

По данным статистики, распространенность бедности в российских селах в два раза выше, чем в городах. Так, еще в докризисный 2008 г. 41% малоимущих домохозяйств располагалось в сельской местности, тогда как удельный вес всех сельских домохозяйств составлял только 26,5% (для сравнения: бедность «поселилась» в 58,9% городских домохозяйств, составляющих 73,5% всех российских домохозяйств). Такой же вывод получен нами по результатам опросов в селах Алтайского края и Республики Алтай. Концентрация бедности в селах не безопасна, она подрывает основу продовольственной безопасности, особенно в условиях членства во Всемирной торговой организации (ВТО).

Вступление России в ВТО вызвало очередную волну научных и политических дискуссий о его возможных социальных и экономических последствиях для аграрных регионов и сельского сообщества. В прошлое ушли дебаты о необходимости такого вступления, особенностью данного этапа является главным образом разговор о масштабах таких последствий и готовности к ним российского общества. И село, аграрные регионы здесь становятся фокусом внимания как территории концентрации уже сложившихся и аккумуляции будущих социальных вызовов.

В связи с этим мы поставили в своем исследовании следующие вопросы. Во-первых, каковы реальные различия в масштабах бед-

ности и дифференциации населения по доходам между аграрными регионами и страной в целом? Во-вторых, каковы особенности динамики рассматриваемых процессов данной группы регионов? В-третьих, какую позицию по бедности и расслоению в группе аграрных регионов занимает Алтайский край? Является ли он в этом отношении типичным представителем аграрных регионов страны? И, наконец, можно ли считать сегодня бедность и социальное расслоение в аграрных регионах и Алтайском крае социальным вызовом, даже реальной угрозой социальной безопасности российского общества?

Прежде чем приступить непосредственно к анализу интересующих нас вопросов, определимся, какие именно российские регионы и по каким критериям можно отнести сегодня к аграрным.

Методические основы выделения аграрных регионов. Логично, что регионы аграрной специализации, должны отличаться высокими долями сельского хозяйства в валовом региональном продукте (ВРП) и сельского населения в общей численности населения. На основе анализа данных статистики во второй половине 2000-х гг. в качестве критериев выделения аграрных регионов нами определены:

— во-первых, доля сельского хозяйства в ВРП выше 20%, что минимум в 2,5 раза выше среднего значения показателя по стране в рассматриваемый период (7–8%);
— во-вторых, доля сельского населения около трети и более в структуре всего населения при среднем показателе по России — 26,3% в 2010 г.

В этом случае в группу аграрных регионов попадают 19 субъектов Российской Федерации, отвечающих одновременно двум критериям. Среди них: по пять регионов Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов, по три региона Южного и Приволжского округов, два представителя Сибирского округа и один уральский регион (табл. 7.2). Кроме того, к регионам аграрной специализации мы отнесли еще Саратовскую область с долей сельского населения на уровне среднего значения по стране, но заметно превышающую 20%-ный удельный вес сельского хозяйства в ВРП. И, несмотря на высокую представленность сельских жителей в структуре населения в целом (даже более 40%), значительная часть регионов не отнесена нами к аграрным из-за несоответствия первому критерию. Таковыми являются в первую очередь национальные республики, в том числе регионы Северного Кавказа (Республика Ингушетия и Чеченская Республика, более 60% сельчан), Чувашская Республика, республики Бурятия и Тыва. Причем многие из этих сельских регионов еще в недавнем прошлом имели сравнительно высокую долю сельского хозяйства в отраслевой структуре экономики, но в последние годы потеряли свои позиции в данном отношении.

Таблица 7.2

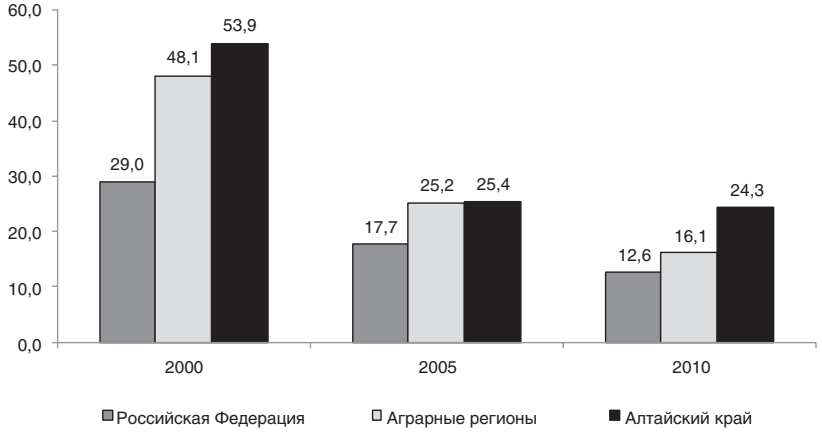
Основные характеристики аграрных регионов России, %

Регионы	Удельный вес сельского населения в общей численности населения (по данным переписи населения в 2010 г.)	Доля сельского хозяйства в ВРП	
		2005 г.	2009 г.
Российская Федерация	26,3	7,7	7,8
Центральный федеральный округ	18,7	4,7	4,9
Белгородская область	33,9	22,6	29,4
Воронежская область	36,3	23,7	24,9
Курская область	34,8	25,3	25,7
Орловская область	34,5	27,7	27,5
Тамбовская область	41,3	29,0	28,0
Южный федеральный округ	37,6	22,2	19,3
Республика Адыгея	49,0	24,8	25,8
Республика Калмыкия	55,9	45,9	43,1
Краснодарский край	47,1	26,0	20,4
Северо-Кавказский федеральный округ	50,9	29,6	22,2
Республика Дагестан	54,7	27,9	17,2
Кабардино-Балкарская Республика	45,5	36,9	30,9
Карачаево-Черкесская Республика	57,7	39,7	38,2
Республика Северная Осетия — Алания	36,2	24,5	23,3
Ставропольский край	42,8	30,4	24,4
Приволжский федеральный округ	29,2	12,7	12,9
Республика Марий Эл	36,9	30,4	26,8
Республика Мордовия	39,6	36,3	34,0
Пензенская область	32,9	21,1	21,1
Саратовская область	25,5	20,4	19,6
Уральский федеральный округ	20,1	3,2	4,1
Курганская область	39,7	21,9	23,2
Сибирский федеральный округ	28,0	10,3	10,9
Республика Алтай	72,4	34,7	27,4
Алтайский край	45,3	29,4	28,6

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Среди сибирских регионов явными лидерами аграрной направленности в экономике являются только Алтайский край и Республика Алтай. В 2005–2009 гг. доля сельского хозяйства в ВРП колебалась в Алтайском крае в пределах от 25,5 до 30% (28,6% в 2009 г.), в Республике Алтай — от 26,1 до 34,7% (27,4% в 2009 г.). По данным переписи населения в 2010 г., в этих регионах соответственно проживало 45,3 и 72,4% сельских жителей.

Бедность и социальные различия по доходам: особенности аграрных регионов. В 1990-х гг. рост бедности населения (с доходами ниже прожиточного минимума) наблюдался в России и всех ее регионах, однако динамика бедности в аграрных регионах была более неблагоприятной. Как следствие, в 2000 г. уровень бедности в последних превышал средний по России в 1,7 раза — 48,1% против 29% по России (рис. 7.2).



Источник: данные Росстата.

Рис. 7.2. Уровень бедности в России, аграрных регионах и Алтайском крае (доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) в 2000, 2005 и 2010 гг., %

2000-е гг. ознаменовались в России устойчивым сокращением бедности до 12,6% в 2010 г. (в 2,3 раза), и даже глобальный экономический кризис не повлиял на этот позитивный тренд. Лишь первый год нового десятилетия слегка поколебал устойчивость этой тенденции — 12,8% в 2011 г. (рис. 7.3).

За прошедшее десятилетие масштабы бедности сокращались в аграрных регионах большими темпами в сравнении с остальными субъектами Федерации и страной в целом. Уже в 2005 г.

разница по рассматриваемому показателю между Россией и ее аграрными регионами сократилась до 1,4 раз в «пользу» последних (25,2 против 17,7%), а в 2010 г. уровень бедности в аграрных регионах страны составил 16,1% против 12,6% по России, что соответствует различиям менее чем в 1,3 раза. Лишь в 2 регионах из 20 (Белгородской и Курской областях) уровень бедности ниже российской.

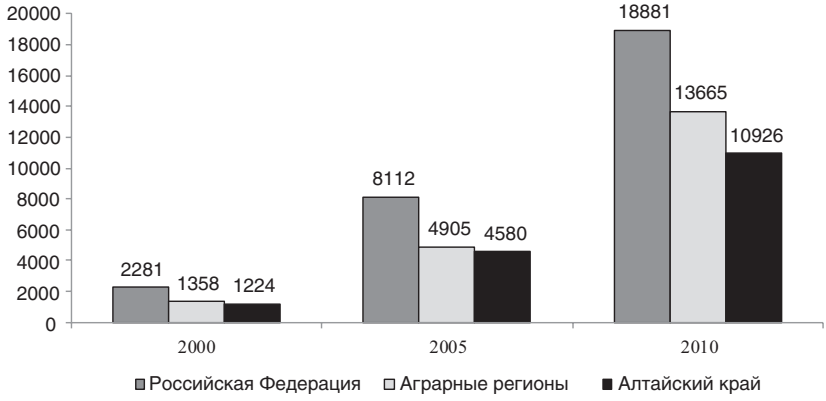
Источник: данные Росстата и Алтайкрайстата.

Рис. 7.3. Динамика уровня бедности в Алтайском крае и России в 1992–2011 гг.

Такое сокращение связано со многими факторами, в том числе со значительным улучшением общей ситуации в стране в годы экономического роста, а также приоритетностью социально-экономического развития сельских территорий в российской государственной политике (нацпроект «Развитие АПК», государственные программы поддержки развития села и сельского хозяйства и др.), что неизбежно отразилось на доходах и уровне жизни населения сельских территорий, а следовательно, и аграрных регионов (рис. 7.4).

В 1990-х гг. доходы жителей аграрных регионов оставались значительно ниже доходов всех россиян, и этот разрыв постепенно увеличивался. В прошедшем десятилетии этот тренд сменился на противоположный уровень: если в 2000 г. уровень среднедушевых доходов населения аграрных регионов составлял менее 60% от российского, то в 2010 г. это разрыв сократился до 72,4% (13665 тыс. против 18881 тыс. руб. в стране), причем основной

вклад в сокращение различий внесен второй половиной десятилетия. Разница в доходах жителей аграрных регионов и Москвы как региона страны с самыми высокими доходами населения в 2010 г. составляла 3,2 раза, а самой низкодоходной Республики Калмыкия с той же Москвой — более 5 раз. (Для сравнения: в развитых странах территориальные различия по доходам населения не превышают и двух раз.)



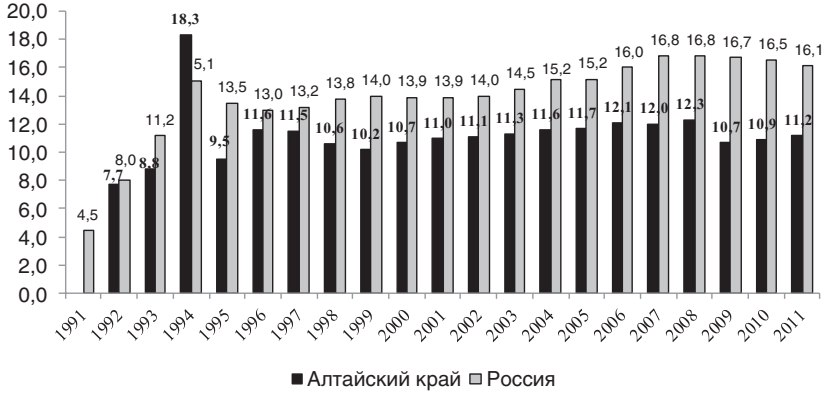
Источник: данные Росстата.

Рис. 7.4. Среднедушевые доходы населения в России, аграрных регионах и Алтайском крае в 2000, 2005 и 2010 гг., руб. в месяц

Проведенный нами корреляционный анализ уровня бедности и доли сельского хозяйства в ВРП в аграрных регионах России по данным второй половины 2000-х гг. показал наличие существенной взаимозависимости этих двух показателей (0,6–0,7 до 2008 г. и 0,5 в 2009 г.). Это свидетельствует о том, что аграрная специализация регионов не является выигрышной для социального положения его населения, и подтверждает результаты ранее проведенных исследований как российских, так и зарубежных ученых. Однако влияние социально-экономической политики, направленной на поддержку села, способно изменить данную ситуацию для села в лучшую сторону, что и происходило в нашей стране в последнее время.

Вместе с ростом бедности в 1990-х гг. в России и ее регионах наблюдались процессы социальной поляризации общества по доходам, вызванной формированием рыночной экономики и спецификой приватизационных процессов в стране. На первом этапе реформ (1992–1994 гг.) значения коэффициента фондов (соотно-

шение денежных доходов 10% наиболее и такой же доли наименее обеспеченного населения) и коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) увеличились в 2–3 раза и достигли максимального значения — 15 раз и 0,409 соответственно (для сравнения: в 1991 г. — 4,5 раза и 0,260) (рис. 7.5–7.6).



Источник: данные Росстата и Алтайкрайстата.

Рис. 7.5. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения в Алтайском крае и России в 1991–2011 гг., разы

После этапа массовой приватизации, с 1995 по 2000 гг., рост бедности россиян происходил уже на фоне некоторого сокращения социального расслоения и последующей стабилизации различий денежных доходов россиян: коэффициента фондов — на отметке 14 раз, коэффициента Джини — на уровне 0,40 (см. рис. 7.5–7.6).

В 2000-х гг. сокращение бедности в стране не сопровождалось уменьшением социальных различий по доходам. Благоприятные годы экономического роста не остановили процесс расслоения, а только придали ему характер устойчивой тенденции, в результате чего в 2007 г. показатели расслоения достигли своего максимума (коэффициент фондов — 16,8 раза, коэффициент Джини — 0,423). И лишь в годы глобального экономического кризиса удалось немного переломить растущую дифференциацию (16,1 раза и 0,416 соответственно в 2011 г.).

Источник: данные Росстата и Алтайкрайстата.

Рис 7.6. Динамика социального расслоения населения в Алтайском крае и России в 1992–2011 гг.

Вместе с тем процессы расслоения в аграрных регионах отставали от аналогичных в стране. В 2010 г. коэффициент фондов в таких регионах составил 12,9 раза против 16,5 раза по России и 28 раз в Москве (самом поляризованном субъекте Федерации), коэффициент Джини — 39% против 42% по стране и 50,5% в Москве. (Для сравнения: показатели социального расслоения в большинстве развитых стран заметно ниже: 25–35%.)

Алтайский край на фоне страны и аграрных регионов. В крае максимальная величина уровня бедности (доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения) зафиксирована статистикой в 1998–2000 гг., когда более половины всего населения (54–57%) получали доходы ниже прожиточного минимума, т. е. находились за чертой бедности (см. рис. 7.3). За 1993–2000 гг. рост доли бедного населения в общей его численности составил 2,4 раза. Причем если в первой половине 1990-х гг. масштабы бедности в крае несущественно отличались от среднероссийского уровня, то во второй половине прошедшего десятилетия опережение региона по этому показателю составляло 2–2,2 раза.

За годы экономического роста (2000–2008 гг.) уровень бедности в крае сократился почти в 3 раза. В 2008 г. 19,6% жителей Алтайского края находились за чертой бедности, что было благоприятнее ситуации первых лет реформирования; причем разрыв с российским уровнем составлял 1,5 раза (меньше было только в 2006 г. — 1,3 раза).

Экономический кризис лишь на один год «сломал» позитивную тенденцию: в 2009 г. уровень бедности в крае вырос на 29%, достигнув 25,4% (631,9 тыс. человек), что соответствовало уровню 2005 г., но уже за 2010–2011 гг. бедность уменьшилась до 22,9%.

Масштабы бедности в Алтайском крае в 1,5 раза выше, чем в среднем в аграрных регионах России. Край значительно «уступает» по данному показателю лишь Республике Калмыкии, в последней 37,3% населения имели доходы ниже прожиточного минимума в 2010 г. В начале десятилетия хуже краевой ситуация была еще в трех аграрных республиках Северного Кавказа и в Республике Марий Эл. Подавляющее большинство аграрных регионов имеют в настоящее время более низкий уровень бедности, разница с наиболее благополучными аграрными регионами (Белгородской и Курской областями, Республикой Дагестан) достигает почти 2,5–3 раз — здесь бедность ниже или чуть выше 10%.

Ярко проявляются аутсайдерские позиции Алтайского края на фоне страны и аграрных регионов в показателях доходов населения. В 2010 г. уровень среднедушевых доходов жителей края достигал только 57,9% от значения аналогичного показателя по России и 80% от средней по аграрным регионам. За прошедшие десять лет при незначительном сокращении разрыва со страной (53,7% в 2000 г.) заметно ухудшились позиции среди аграрных регионов (на 10 п.п.). В 2010 г. среднедушевые денежные доходы жителей Алтайского края составили 10926 руб. в месяц, по данному показателю край занимал только 17-е место среди 20 рассматриваемых нами регионов аграрной специализации, хуже положение было только у жителей республик Калмыкии, Марий Эл и Карачаево-Черкесской. Только кризисный период «опустил» край на три позиции — до 14-го места в 2008 г.

Процесс дифференциации по доходам в крае особенно активно протекал в первой половине 1990-х гг. Динамика коэффициента фондов показывает, что его наибольшее значение в этот период наблюдалось в 1994 г. — 18,3 раза, что заметно выше российского уровня — 15,1 раза (для сравнения: в 1991 г. — 4,5 раза) (см. рис. 7.5). С 1995 г. значение рассматриваемого показателя сокращалось и стабилизировалось на уровне 10–11 раз. Период экономического роста 2000-х гг. свидетельствует о постепенном возрастании различий денежных доходов крайних децильных групп в крае с 10,7 раза в 2000 г. до 12,3 раза в 2008 г., но под влиянием кризиса коэффициент фондов вернулся на прежние позиции. И в 2010 г. разница в социальном расслоении по доходам между Алтайским краем и Россией составила уже более 1,5 раза («в пользу» страны), а между краем и аграрными регионами — 18 п.п. (с «преимуществом» последних) (см. рис. 7.5 и табл. 7.3).

Таблица 7.3

Показатели социального расслоения в России, аграрных регионах и Алтайском крае в 2010 г.

	Россия	Аграрные регионы	Алтайский край
Коэффициент фондов, разы	16,5	12,9	10,9
Коэффициент Джини	0,42	0,39	0,36

Источник: данные Росстата, расчеты авторов.

Динамика коэффициента Джини за два десятилетия в Алтайском крае соответствует обозначенным выше тенденциям коэффициента фондов. Максимальное значение данного коэффициента отмечено также в 1994 г. — 43,3% (см. рис. 7.6) С 1995 г. в отличие от России в регионе оно не превышало 40%. Рост значения данного показателя в 2000-х завершился в 2008 г. на отметке 38%, что на 11 п.п. ниже российского уровня. Кризисный 2009 г. также развернул кривую динамики коэффициента Джини вниз до уровня 2000 г. (35,9%), а 2010 г. вернул тенденцию к социальному расслоению вспять (36,2%).

***

Таким образом, анализ особенностей процессов бедности и социального расслоения по доходам в аграрных регионах России показал следующее.

Во-первых, в 2000-х гг. сокращение масштабов бедности в аграрных регионах происходило более высокими темпами в сравнении с остальными субъектами Федерации и страной в целом. К концу десятилетия различия в масштабах бедности между аграрными регионами и страной уже не превышали 1,3 раза. Тем не менее в стране по-прежнему действует социально-экономический механизм воспроизводства бедности в аграрных регионах, сохранилась зависимость масштабов бедности и аграрной специализации, хотя ее сила заметно ослабла в условиях экономического роста и повышенного внимания государственной политики к социально-экономическому развитию сельских территорий со второй половины прошедшего десятилетия.

Во-вторых, на фоне устойчивого роста социальных различий по доходам населения в стране процессы расслоения в аграрных регионах были заметно слабее, и это отставание по коэффициенту фондов достигло 1,3 раза.

В-третьих, по процессам бедности и социальной дифференциации Алтайский край вряд ли следует рассматривать как типичный аграрный регион России. Край отличался более интенсивным сокращением масштабов и глубины бедности в сравнении со страной, но отставанием от аграрных регионов в решении этой проблемы. Бедность в Алтайском крае в 1,5 раза масштабнее среднего уровня аграрных регионов России (бедным является почти каждый четвертый житель), а социальные различия по доходам здесь существенно меньше.

И, в-четвертых, несмотря на позитивные социально-экономические изменения прошедшего десятилетия, бедность и социальное расслоение в аграрных регионах по-прежнему являются социальными вызовами, внимание к которым со стороны государственной социально-экономической политики не должно ослабевать, что объясняется, в частности, потенциальной возможностью формирования угрозы продовольственной безопасности страны в условиях ВТО.

Анализ изменения социальных позиций Алтайского края на фоне аграрных регионов за последние десять лет показал, что аграрная специализация края не является в настоящее время серьезным оправданием низкого социального положения его жителей со стороны политиков, ведущим фактором его формирования. «Лидерство» в бедности и его «падение» на нижние позиции в рейтинге доходов населения не только страны, но и аграрных регионов, особенно в последние годы, позволяют сделать вывод о сохранении реальной угрозы устойчивого социального развития края, связанной с качественными негативными изменениями социальной структуры, ухудшением социально-воспроизводственных процессов в сельской местности и регионе в целом.

7.3. Масштабы, глубина, динамика и формы проявления сельской бедности

К основным социальным проблемам, ограничивающим в настоящее время устойчивое развития села, модернизацию его экономики и социальной сферы, относятся распространенность и глубина бедности сельских жителей, а также отсутствие массового среднего класса.

Сельская бедность имеет сегодня огромные масштабы и глубину. Уровень бедности, оцененный экспертами по материальному положению сельских семей, достигает 79,5% всех сельских бедных. Вместе с тем масштабы обездоленности на селе сравнительно невелики: среди опрошенных бедных только у 12,3% «де-

нег иногда не хватает даже на питание». Основную массу бедных образуют, во-первых, средняя группа бедных, которым «*хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей — нет*» (37,3% всех опрошенных), и, во-вторых, относительно бедные те, кому «*денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т. п.) является проблемой*» (50,5%).

Распределение семей сельских бедных по уровню среднемесячных совокупных (денежных и натуральных) доходов на человека в основном подтверждает их статус бедности по материальному положению семьи, хотя и вносит существенную поправку в оценку масштабов. Подавляющее большинство семей респондентов (76,8%) не дотягивают по своим среднедушевым доходам до бюджета прожиточного минимума, и почти половину (41,8%) составляют крайне бедные респонденты со среднедушевыми доходами на уровне и ниже стоимости потребительской корзины.

По оценке сельскими бедными жителями материального положения своих семей в 2011 г. и десять лет назад, наблюдаются рост масштабов обездоленности и сокращение относительного материального благополучия среди бедных. В 2001 г. среди опрошенных бедных к обездоленным себя отнесли только 8,9%, что соответствует 38% роста масштабов обездоленности. За этот период практически не изменилась доля средней группы бедных, и произошло сокращение доли относительно бедных на 5,4 п.п. (9,7%).

В годы экономического роста, как показали данные опроса всех категорий сельских жителей края в 2008 г., наблюдались массовое сокращение бедности и рост материального благополучия[1]. В 2008 г. к бедным (им *средств хватает только на скромное питание и оплату коммунальных услуг*) и обездоленным себя отнесли только 16,9% (в том числе к последним, которым *денег иногда не хватает даже на питание*, только 1,9%). По оценкам этих же респондентов, 8 лет назад доля бедных составляла 22,6%.

Данные опроса свидетельствуют об ухудшении материального положения сельских бедных семей за более короткий период, совпадающий с глобальным экономическим кризисом. Более половины (51,8%) считают, что положение их семей не изменилось за последние три года; почти каждый пятый (19,1%) отмечает улучшение материального положения своей семьи, а ухудшилось

[1] Более подробно результаты исследования см.: Троцковский А. Я., Сергиенко А. М., Родионова Л. В. Указ. соч.; Сергиенко А. М. Указ. соч.; Социальная траектория развития Алтая. Барнаул, 2006.

оно по мнению 28% (причем о значительном ухудшении говорит почти половина из них).

Социальная исключенность как форма сельской бедности. Для оценки социальной исключенности сельских жителей сконцентрируем внимание на характеристике качества питания сельских бедных, их доступности потребления одежды и других предметов первой необходимости, обеспеченности и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицинских услуг. Кроме того, рассмотрим экономию как проявление социальной исключенности.

Качество питания. Оценка питания бедной сельской семьи сопряжена с ее материальным положением. Оценили питание своей семьи как очень плохое *(«часто голодаем»)* только 1,6% — все они относятся к обездоленным (рис. 7.7). Немногочисленна также следующая группа — с плохим питанием 7,3%, ее почти полностью образуют в равной степени как обездоленные, так и средняя группа бедных (по 46,9%). В совокупности доля сельских эксклюзантов по питанию составляет 8,9%: 40,8% среди обездоленных и 9,1% представителей средней группы.

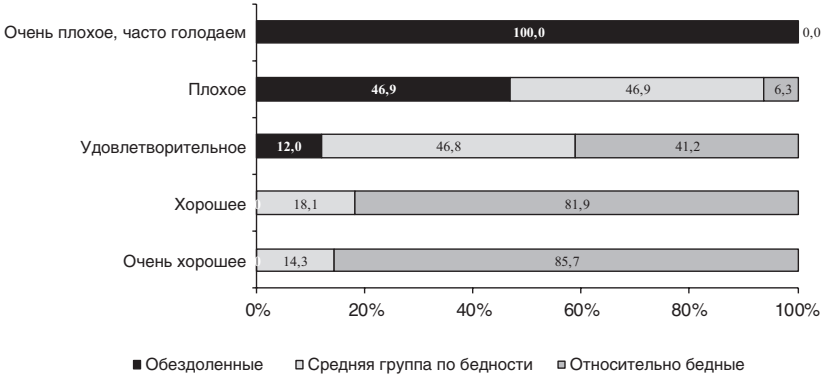


Рис. 7.7. Структура сельских бедных по качеству питания семьи, % (по данным опроса 2011 г.)

Удовлетворительная оценка питания дана большинством опрошенных (60,7%): почти половиной (46,8%) средней группы по материальному положению семьи и 41,2% относительно бедных. И среди тех, кто оценил питание как хорошее и очень хорошее (28,9 и 1,6% соответственно), подавляющее большинство составляют наиболее благополучные относительно бедные (81,9 и 85,7%); здесь не встречаются, что вполне логично, обездолен-

ные. Данные оценки свидетельствуют в первую очередь об уровне качества питания, но не отражают его структурных особенностей; о последних можно судить по преобладающим продуктам в рационе (рис. 7.8).

Рис. 7.8. Продукты, преобладающие в рационе питания бедных сельских жителей, % респондентов (по данным опроса 2011 г.)

В рационе питания всех опрошенных сельских бедных преобладают прежде всего картофель (97%) и хлебопродукты (87,7%). Несмотря на проживание в сельской местности, только чуть более половины респондентов регулярно употребляют овощи и бахчевые (58%), яйца (56,1%), мясо и мясопродукты (55,7%), молоко и молокопродукты (53,4%). Еще меньше — чуть более трети — постоянно употребляют растительное масло, маргарин (38%). Каждый третий отметил в качестве преобладающих продуктов сахар и кондитерские изделия. И чуть более 10% регулярно питаются рыбопродуктами (14,5%) и фруктами, ягодами (12%). Таким образом, анализ потребления продуктов показал, что рацион питания значительной части сельских бедных не соответствует рациональному по нормативам, установленным Институтом питания РАН.

Анализ связи структуры основных продуктов питания сельских бедных и качества питания показал, что те, кто питается плохо или даже голодает, редко употребляют или вовсе не употребляют такие продукты питания, как молоко и молочные продукты, мясо и мясопродукты, яйца, масло растительное (маргарин), рыбопродукты, фрукты и ягоды, сахар и кондитерские изделия (табл. 7.4).

Таблица 7.4

Основные продукты питания сельских бедных по группам, различающимся качеством питания семьи, % респондентов

Основные продукты питания	Качество питания				
	Очень плохое, «часто голодаем»	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее	Очень хорошее
Хлебопродукты, макаронные изделия	71,4	84,4	87,6	89,0	100,0
Картофель	100,0	100,0	97,4	95,3	100,0
Мясо и мясопродукты	14,3	6,3	49,4	81,1	100,0
Рыбопродукты	0,0	0,0	14,6	18,9	14,3
Молоко и молочные продукты	0,0	31,3	53,6	61,4	57,1
Яйца	28,6	40,6	54,7	63,0	85,7
Масло растительное, маргарин	0,0	15,6	38,2	43,3	71,4
Овощи, бахчевые	42,9	43,8	55,1	68,5	57,1
Фрукты, ягоды	0,0	0,0	6,7	25,2	42,9
Сахар, кондитерские изделия	0,0	18,8	33,3	44,1	57,1
Полуфабрикаты	0,0	0,0	0,5	0,0	0,0

Источник: данные опроса 2011 г.

Но даже в группах с удовлетворительным качеством питания и выше мы видим относительно низкую распространенность потребления молока и молочных продуктов, овощей и бахчевых, фруктов и ягод, рыбопродуктов, т. е. продуктов, необходимых для нормального рациона питания.

Социальная исключенность, связанная с питанием, проявляется и в ответах респондентов о возникающих из-за нехватки средств конкретных проблемах питания в семье (рис. 7.9). Так, наиболее показательным является то, что по этой причине каждая пятая семья сельских бедных не может потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания. Почти с той же частотой (19,8%) опрошенные говорят о том, что все члены семьи не едят качественные мясные продукты даже изредка.

Рис. 7.9. Проблемы, связанные с нехваткой средств на питание, % (по данным опроса 2011 г.)

Детей это касается в значительно меньшей степени, однако 8% регулярно не потребляют эти необходимые продукты, а 2,7% — даже изредка. В каждой третьей семье сельских бедных (33,2%) дети не едят регулярно фрукты и ягоды. Немало респондентов (8,9%) также дополнительно заметили, что потребление фруктов и ягод является для их семей нерегулярным явлением. И только семьи 18,9% опрошенных сельских бедных не испытывают каких-либо проблем питания, связанных с нехваткой средств.

Анализ проблем, связанных с нехваткой средств на питание, по группам сельских бедных, различающихся уровнем качества питания, показал, что в тех семьях, где плохо питаются или даже часто голодают из-за нехватки средств, в достаточном количестве не потребляют даже самые дешевые продукты питания, тем более изредка — качественные мясные продукты. Для более благополучных групп по качеству питания характерна проблема нерегулярности потребления фруктов и ягод.

Потребление непродовольственных товаров. Социальная исключенность в отношении потребления таких товаров проявляется в частоте их покупок. Такие предметы верхней одежды, как платья, костюмы, брюки, приобретаются большинством респондентов (57,7%) раз в 1–3 года, 16,1% — раз в 5–10 лет, и около 8% — реже чем раз в 10 лет (рис. 7.10).

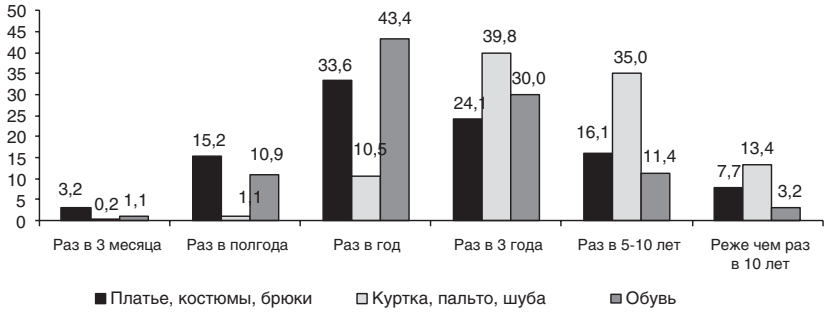


Рис. 7.10. Распределение сельских бедных по частоте покупок верхней одежды и обуви, % (по данным опроса 2011 г.)

Наиболее частые покупки данных товаров совершаются респондентами раз в полгода (15,2%) или раз в квартал (3,2%). Частота приобретения теплой верхней одежды (курток, пальто, шуб), естественно, ниже: подавляющее большинство (74,8%) опрошенных покупают эти товары раз в 3–10 лет, в том числе 39,8% — раз в три года. Довольно значимой является доля тех бедных, кто покупает такие товары реже чем раз в 10 лет — 13,4%.

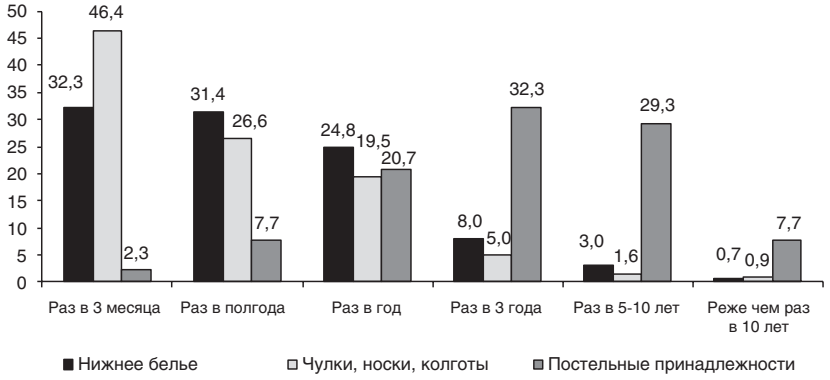


Рис. 7.11. Распределение сельских бедных по частоте покупок нижнего белья, чулочно-носочных изделий и постельных принадлежности, % (по данным опроса 2011 г.)

Потребление обуви происходит наиболее часто — раз в год (43,4% респондентов) или раз в три года (30%). Здесь также встречается существенная доля сельских бедных, для которых характе-

рен крайне низкий уровень потребления: 11,4% — раз в 5–10 лет, и 3,2% — реже чем раз в 10 лет. Приобретение таких непродовольственных товаров, как нижнее белье, приходится главным образом (88,5%) на период раз в три месяца (32,3%), реже раз в полгода (31,4%) и еще реже раз в год (24,8%) (рис. 7.11).

Еще более высокая частота потребления характерна для чулок, носков, колготок: 46,4, 26,6 и 19,5% — раз в 3 месяца, полгода и год соответственно. Высока дифференциация в приобретении сельскими бедными постельных принадлежностей (82,3% респондентов): как правило, от раза в год (20,7%) до раза в 5–10 лет (29,3%), наибольшая частота приходится на период раз в три года (32,3%). Реже чем раз в 10 лет постельные принадлежности приобретают 7,7% опрошенных.

Таким образом, анализ приобретения непродовольственных товаров сельскими бедными жителями показал, что уровень потребления таких товаров с учетом количества членов семьи в основном ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов, а для отдельных групп населения, по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов (ими являются главным образом обездоленные по характеристикам материального потребления и доходов), находится в значительном отрыве.

В связи с нехваткой средств на приобретение одежды и обуви сельских бедных беспокоят в первую очередь такие проблемы, как изношенность обуви (56,6% респондентов) и верхней одежды на холодное время года (51,8%); отсутствие необходимой верхней одежды и обуви отмечают только 5–6% опрошенных. Но каждая десятая семья не может покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста. Только 16,6% сельских бедных (это в основном категория относительно бедных) не имеют особых проблем, связанных с приобретением одежды и обуви.

Анализ обеспеченности респондентов товарами длительного пользования показал, что телевизор и холодильник есть почти в каждой семье сельских бедных (98 и 96,6% соответственно). Кроме холодильника во многих семьях имеются морозильные камеры (всего 14,1%). С небольшим отрывом от лидеров на третьем и четвертом местах по популярности находятся стиральная машина и электропылесос (77,7 и 72,5% соответственно) (рис. 7.12).

Значительно реже — в каждой четвертой семье (25,7%) — имеется чаще всего давно приобретенные автомобиль и (или) мотоцикл, что в условиях территориальной удаленности от городов и других центров социального обслуживания, рабочих мест является для сельских жителей изучаемых регионов необходимым предметом потребления, а не предметом роскоши. То же самое можно отнести и к потребности в персональном компьютере в усло-

виях информационной ограниченности сельского населения, который есть также в каждой четвертой семье опрошенных нами сельских бедных (24,5%). Швейные или вязальные машины в рабочем состоянии есть чаще, чем в каждой пятой семье (23%).

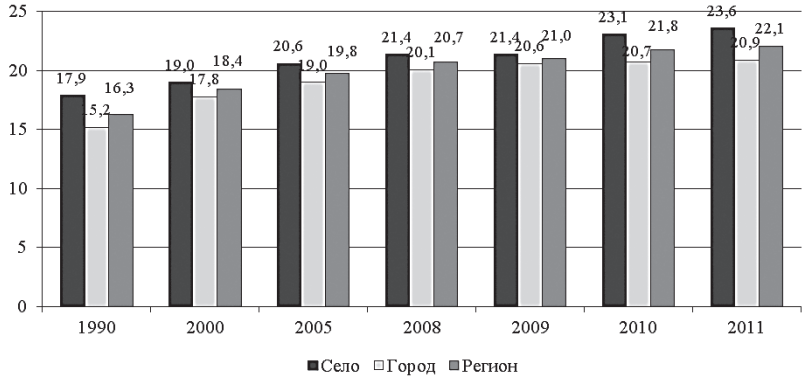
Рис. 7.12. Наличие у сельских бедных товаров длительного пользования, % (по данным опроса 2011 г.)

Таким образом, почти в каждой семье сельских бедных (за исключением 0,5%, т. е. в двух случаях из 440) имеется, по крайней мере, какой-либо один товар длительного пользования из традиционного набора для современного человека. Однако среди семей сельских бедных присутствует довольно значительная доля тех, кто не обеспечен необходимым набором товаров, имеющих высокую потребность в сельской местности, среди них каждая пятая не имеет стиральной машины, 27,5% — электропылесоса, две трети — персональный компьютер, а также автомобиль или мотоцикл.

Жилищные условия. Низкие обеспеченность и качество жилья также являются важнейшей характеристикой социальных лишений. Для сельских жителей, которые всегда имели существенные преимущества перед горожанами в обеспеченности жильем, серьезные проблемы с жильем часто становятся одними из ключевых в принятии решения о миграции или выборе деструктивных форм поведения, что подрывает основы устойчивого развития сельских территорий.

По данным статистики, обеспеченность жилплощадью (площадь квартир) в среднем на одного сельского жителя Алтайского края выросла с 17,9 кв. м в 1990 г. до 23,6 кв. м в 2011 г., т. е. на 31,8% (рис. 7.13). За тот же период значение данного показателя для городского населения увеличилось на 37,5% — с 15,2

до 20,9 кв. м. Таким образом, село потеряет одно из своих преимуществ — более значительную обеспеченность жильем; различия сократились в 1,4 раза (с 17,8 до 12,9%).



Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 7.13. Обеспеченность жильем сельского и городского населения Алтайского края в 1990–2008 гг., кв. м на человека

Большинство опрошенных в 2011 г. сельских бедных проживают в собственном доме или квартире (85,7%), остальные живут с родителями или родственниками (5,9%), снимают жилье, проживают в служебной квартире и др. (рис. 7.14).

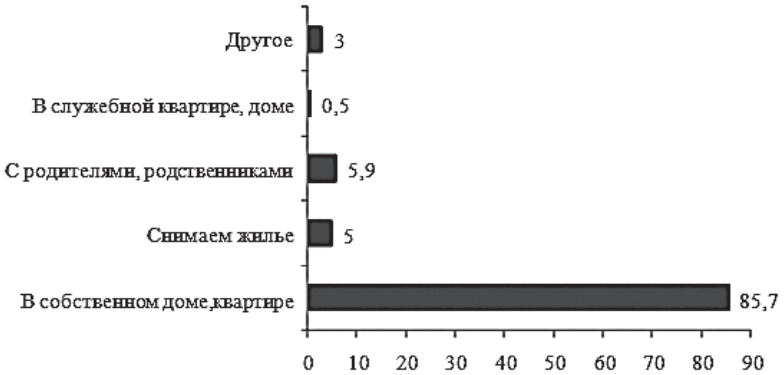


Рис. 7.14. Обеспеченность сельских бедных жильем, % (по данным опроса населения 2011 г.)

Качество жилья отражают показатели его благоустройства, обеспеченности коммунальными услугами: водопроводом, канализацией, горячим водоснабжением и др. Жилье сельских бедных жителей отличается значительно более низкими характеристиками благоустройства, обеспеченности коммунальными услугами. Согласно результатам опроса 2011 г. только в домах (квартирах) 77,7% респондентов есть водопровод, у 19,1% — центральная канализация (рис. 7.15). Крайне редким случаем является оборудованность жилья горячим водоснабжением (5,2%) и централизованным газоснабжением (3%), что кардинально отличается от ситуации в целом по селам рассматриваемых регионов. В одном случае из 440 (0,2% респондентов) проблемой является даже отсутствие электричества.

Среди жилищных проблем, связанных с нехваткой средств, сельские бедные отмечают в первую очередь отсутствие или нехватку коммунальных удобств (44,1%) и необходимость неотложного капремонта (36,8%) либо в каждом четвертом случае экстренного ремонта жилья (починить крышу, вставить стекла, заменить вышедшую из строя сантехнику).

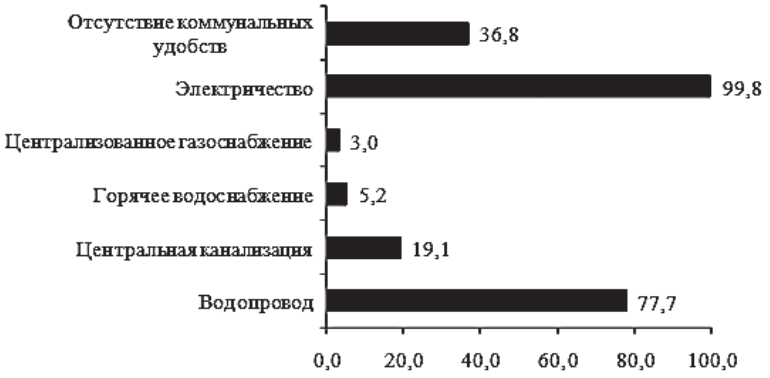


Рис. 7.15. Обеспеченность жилья сельских бедных коммунальными удобствами, % (по данным опроса 2011 г.)

В 10–11% случаев выделяются проблемы крайней тесноты проживания, частых перебоев с подачей холодной, горячей воды и тепла, холодного и сырого жилья. Беспокоит также проживание совместно с родственниками или соседями в одном доме (одной квартире), в отдельных случаях отмечается острая потребность в проведении хотя бы косметического ремонта. Только около 6% сельских бедных не беспокоят проблемы с жильем.

Сравнительно низкие обеспеченность и качество жилья сельских бедных формируют высокий уровень нуждаемости в улучшении жилищных условий. Более трети респондентов (34,3%) крайне нуждаются в этом, самую большую группу (41,1%) образовали те, кто видит перспективные потребности в улучшении жилья, и только 24,5% сельских бедняков не нуждаются в этом.

Выявлена прямая зависимость между материальным положением семьи и нуждаемостью в улучшении жилищных условий: чем выше уровень материального благополучия, тем меньше нуждаемость. Самый высокий уровень нуждаемости обнаружен среди обездоленных (51,9%), самый низкий — среди относительно бедных (28,8%), и, напротив, нет потребности в улучшении жилищных условий среди почти трети относительно бедных (28,4%) против 13% среди обездоленных (рис. 7.16). Представители средней группы бедности имеют соответственно срединные значения рассматриваемых показателей: 36% крайне нуждающихся и у 23,2% нет нужды.

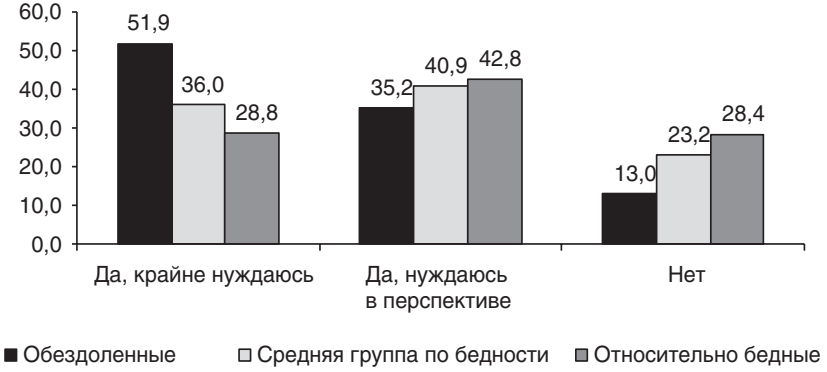


Рис. 7.16. Потребность сельских бедных в улучшении жилищных условий, % (по данным опроса 2011 г.)

Здоровье и медицинское обслуживание. Здоровье, как известно, является значительным ограничителем в решении проблемы бедности и одним из важных факторов ее формирования. По данным статистики, в 1990-х и первой половине 2000-х гг. на селе наблюдалась негативная динамика заболеваемости. Со второй половины прошлого десятилетия ситуация заметно улучшилась: в 2011 г. число случаев заболеваний (с впервые установленным диагнозом) в Алтайском крае достигло 274,6 на одну тысячу сельских жителей, причем заболеваемость практически не выросла (на 3,1% за 2006–2011 гг.). Однако объяснение вне-

шне позитивных процессов может быть вызвано противоречивыми изменениями в развитии сельского здравоохранения: с одной стороны, ростом обеспеченности медицинскими кадрами, особенно врачей (с 468 до 504), но, с другой стороны, сокращением сети медицинских учреждений, в том числе больничных — с 250 до 139, амбулаторно-поликлинических — с 468 до 220, следствием чего является снижение возможности диагностики заболевания.

Среди респондентов 2011 г. только 53,4% не имеют серьезных проблем со здоровьем, в том числе каждый третий имеет серьезное хроническое заболевание, 10% — инвалидность. Самую большую долю хронических больных и инвалидов можно встретить среди обездоленных: 46,3 и 13% соответственно против 29,3 и 6,8% среди относительно бедных. Большинство представителей последней группы не имеют проблем со здоровьем (59,1%), среди обездоленных таковых чуть более трети (37%).

В сфере сельского здравоохранения происходили разнонаправленные процессы. С одной стороны, годы реформ привели к сокращению сети медицинских учреждений, продолжавшемуся вплоть до середины 2000-х гг. За десять лет (с 1996 до 2005 г.) количество больничных учреждений в сельских районах края постепенно сократилось со 152 до 139, поликлиник — с 279 до 268. С середины 2000-х гг. три года роста (2005–2007 гг.) сменились кардинальным сокращением сети медицинских учреждений, связанными с реструктуризацией в системе оказания медицинских услуг в сельской местности: в 2008 г. осталось только 72 больницы и 9 поликлиник. С другой стороны, как отмечалось, в годы реформ обеспеченность селян медицинскими кадрами, напротив, заметно увеличилась. С 1996 по 2007 г. обеспеченность врачами выросла на 15% (со 183 до 210 в расчете на 1000 человек), средним медперсоналом — на 21% (с 714 до 865 в расчете на 1000 человек).

Среди проблем, связанных с получением медицинской помощи сельскими бедняками, «лидерами» являются временная и материальная недоступность услуг врачей и медпрепаратов: *«невозможно в разумные сроки попасть на прием к врачу (очереди на запись, на прием)»* — 41,6% респондентов; *«не хватает средств на оплату приема у платного врача, лечения или операции в городской (районной) больнице в случае отсутствия бесплатных услуг»* — 40,9% всего массива респондентов, в том числе 50% обездоленных; *«не хватает регулярно льготных лекарств и денег на оплату назначенных врачом лекарств (анализов, процедур)»* — 37%.

Особую роль в формировании социальной исключенности сельских бедных, как в данном случае впрочем и всех остальных представителей сельского населения, является территориальная недоступность медицинских услуг: *«нет врачей нужных специаль-*

ностей» (29,8%); *«невозможность быстро получить экстренную медицинскую помощь (скорая помощь, дежурные врачи)»* (23,9%); *«отсутствуют минимально необходимые диагностические службы (лаборатория, рентген, УЗИ, ЭКГ и т. п.)»* (18,6%). Такая проблема, как *дороговизна проезда до ближайшего медицинского учреждения* (9,8%), связана как с территориальной удаленностью, так и с материальными ограничениями. Соответственно, среди обездоленных эта проблема отмечается в два раза чаще, чем среди остальных групп сельских бедных (20,4 против 7,9 и 8,6%)

Школьное и дошкольное образование. Важнейшим показателем социальной исключенности являются недоступность школьного образования или серьезные трудности, возникающие из-за отсутствия школы на селе.

Динамика численности сельских школьников наглядно демонстрирует демографический кризис современного села: с начала реформ до настоящего времени сохраняются процессы непрерывного сокращения численности учащихся в общеобразовательных учреждениях сельской местности. Наиболее значительное сокращение в Алтайском крае приходилось на первую половину 2000-х гг., когда ежегодно село «теряло» почти по 9 учащихся на каждые 10 тыс. жителей. За последние пять лет столь значительных изменений не произошло, но все же доля учащихся в численности сельского населения продолжала падать: в расчете на 1 тыс. сельских жителей значение этого показателя сократилось со 109 до 106 учащихся.

По данным опроса 2011 г., основными проблемами, связанными с получением школьного образования, которые волнуют сельских бедных, являются «*постоянные поборы с родителей*» (31,6% респондентов, имеющих детей школьного возраста) и нехватка денег, чтобы обеспечить школьников школьно-письменными принадлежностями и учебниками (19,5%, в тои числе каждый пятый обездоленный). Из-за отсутствия средств дети почти каждой пятой семьи сельских бедных (26,3% обездоленных) не могут продолжать учиться дальше после окончания средней школы. В 11–14% случаев препятствуют *недостаточная техническая оснащенность школы* (компьютеры, доступ в Интернет, учебники и пр.), *низкое качество преподавания*, что не дает возможности успешно сдать ЕГЭ и участвовать в конкурсе в вуз. Настолько же озабочены сельские бедные и *недостатком денег для того, чтобы обеспечить питание детей в школе* (при отсутствии бесплатного питания) — это касается прежде всего обездоленных (значение показателя в 1,3 и 1,6 раза выше, чем в двух других группах бедных: 21,1% против 17 в средней группе и 11,5% среди относительно благополучной). Иногда (в 6% случаев) выделяются проблемы плохих бытовых и санитарных условий в школе (отопление, со-

стояние здания, организация питания). Только около 27,8% сельских бедных, имеющих детей-школьников, отмечают отсутствие проблем школьного образования.

В большинстве случаев (60,2%) семьям сельских бедных, имеющих детей школьного возраста, не хватит средств, чтобы дать детям высшее образование, к ним относятся три четверти обездоленных семей (рис. 7.17). Только 11,3% таких респондентов уверены в том, что средств на эти цели хватает — их больше среди относительно бедных (16,4%). Довольно значительной здесь является и доля затруднившихся с ответом (26,3%). У 2,3% респондентов отсутствует такое желание. Социальную исключенность отражают также обеспеченность детей дошкольными учреждениями, различные проявления их недоступности. Развитие дошкольного образования характеризуется низким охватом детей дошкольными образовательными учреждениями. В 2008 г. в сельской местности Алтайского края только 47% детей дошкольного возраста (1–6 лет) посещали детские сады и другие дошкольные учреждения.

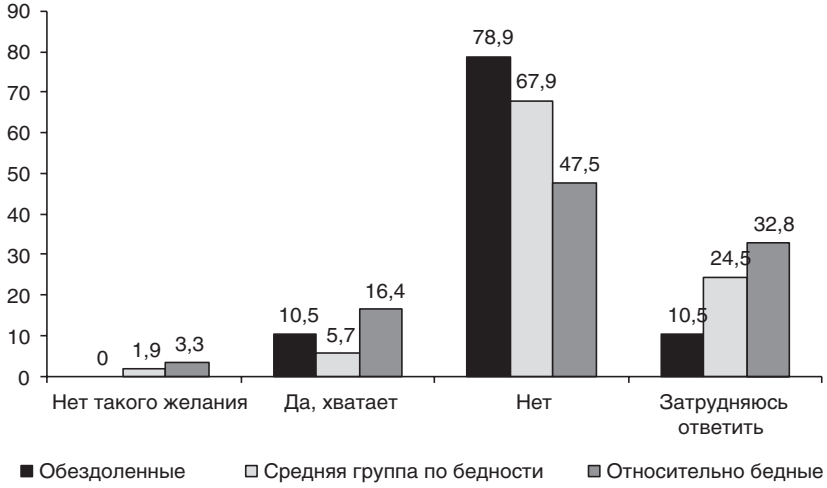


Рис. 7.17. Распределение ответов сельских бедных на вопрос: «Хватит ли средств вашей семье, чтобы дать детям высшее образование?», % (по данным опроса 2011 г.)

Еще меньше посещающих детские сады среди детей сельских бедных: только 38,8% среди респондентов, имеющих таких детей. Здесь наблюдается значительный отрыв от социальных нормативов, установленных по Программе ООН «Национальные цели

развития тысячелетия в России» на 2015 г., согласно которой уровень охвата детей сельской местности дошкольными учреждениями должен составить 90%.

Основными причинами, определяющими низкую посещаемость детей сельских бедных дошкольных учреждений при наличии потребности в них, являются прежде всего отсутствие мест (12,5% респондентов с такими детьми) или самих учреждений на селе (18,8%). Нет средств на одежду и обувь, чтобы собрать детей и оплачивать их пребывание в детских садах, в семьях почти 12,5% опрошенных.

Выявлена значительная прямая зависимость обеспеченности детей дошкольными учреждениями и материального положения семей сельских бедных. Чем хуже материальное положение, тем ниже уровень такой обеспеченности. Обеспечены дошкольными учреждениями дети только 25% обездоленных, каждого третьего представителя средней группы по бедности и почти 45% относительно бедных. Среди причин непосещаемости детьми из обездоленных семей детских садов лидируют отсутствие мест и средств на то, чтобы собрать детей и оплачивать их пребывание в детских садах (12,5 и 25% против 14,3 и 17,9% в средней группе и 11,4 и 6,8% в группе относительно бедных).

Экономия как проявление социальной исключенности. Отсутствие средств приводит к необходимости достаточно жесткой экономии, что также является формой социальных лишений. Сельские бедные экономят в первую очередь на покупке мебели, бытовой техники (77,5%) (рис. 7.18). Лидерами экономии являются также такие статьи расходов, как покупка одежды, обуви и других необходимых вещей и предметов повседневного пользования (69,1%), организация отдыха (59,5%) и ремонт жилья (54,3%).

Кроме того, сельские бедные вынуждены реже посещать родственников и друзей, живущих в другом населенном пункте (40,7%). Почти 28% респондентов экономят на продуктах питания, что приводит, как показал проведенный нами анализ, к нарушениям рациональных норм потребления; каждая четвертая семья экономит на транспортных услугах, проведении семейных праздников, ритуальных обрядов (свадьбы, похороны), а каждая пятая семья респондентов вынуждена экономить на лечении. Очевидно, что такая вынужденная экономия приводит к ухудшению здоровья, а в отдельных случаях к губительным последствиям.

Причем чем хуже материальное положение, тем чаще семьи сельских бедных экономят практически по всем статьям расходов. Наиболее значительная разница в распространенности такого поведения проявляется в отношении лечения (2,6 раза), транспортных услуг (2,3 раза), питания (1,9 раза), ремонте жилья (1,7 раза),

Рис. 7.18. Распределение ответов сельских бедных на вопрос: «На чем Вы обычно экономите?», % (по данным опроса 2011 г.)

покупки одежды, обуви и других необходимых вещей и предметов повседневного пользования (1,5 раза). Например, экономия на продуктах питания распространена среди семей 38,9% обездоленных, 33,5% представителей средней группы и 20,7% относительно бедных, а экономия на лечении — среди семей 40,7% обездоленных, 22% представителей средней группы и только 15,8% относительно бедных.

По результатам полуформализованного интервью с экспертами — руководителями органов местного самоуправления и общественных организаций, на селе проживает 28,7% эксклюзантов (ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности в жилье, получении достойного образования, медицинском обслуживании и других социальных благ, а также тех, чьи трудовые и другие социальные права нарушаются). Причем представители местной власти считают, что среди сельских жителей только 22% можно считать эксклюзантами, а руководители общественных организаций относят к таковым 46,5%.

* * *

Таким образом, анализ масштабов, динамики и форм сельской бедности в Алтайском крае показал следующее.

1. По оценкам экспертов, уровень сельской бедности по материальному положению семьи достигает 80%. Масштабы обездоленности на селе, оцениваемой сельскими жителями, сравнительно невелики и равны 12,3% сельских бедных жителей, по оценкам населения. Выявлены значительные различия в глубине бедности по возрасту, урбанизированности сельского района. Наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста, жителей урбанизированных районов. Наиболее благополучная группа относительно бедных в большей степени представлена среди молодежи, жителей неурбанизированных районов.
2. Анализ динамики материального положения сельских бедных позволил выявить на основе оценок населения значительный рост масштабов обездоленности (на 38%) и сокращение относительного материального благополучия (почти на 10%) за последние десять лет. За последние три года, в сравнении с началом экономического кризиса, также происходило ухудшение материального положения бедных сельских семей, причинами которого являются инфляция, рост безработицы и низкий уровень пенсионного обеспечения, сокращение заработной работы и дополнительных приработков. Оценки бедными сельскими жителями ближайших перспектив скорее оптимистичны, чем негативны, однако среди обездоленных пессимистичные оценки значительно перевешивают позитивные.
3. Выявлены высокий уровень и различные формы проявления социальной исключенности, лишений сельских бедных на основе анализа характеристик качества питания, обеспеченности одеждой и другими непродовольственными товарами и товарами длительного пользования, наличия и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицинских услуг. Причем чем глубже уровень бедности, тем больших масштабов достигает исключенность от потребления социальных благ и услуг и к значительно большим негативным последствиям (потере здоровья сельских жителей, деградации и проблемам социального воспроизводства сельского социума) это приводит.

По оценкам экспертов, на селе около 30% эксклюзантов — ограниченных в доступе к социальным благам, возможностям удовлетворять самые насущные потребности в жилье, в медицинском

обслуживании, в получении образования и других социальных благ, а также чьи трудовые и другие социальные права нарушаются. Так, высока социальная исключенность сельских бедных в отношении уровня качества и структуры питания, рацион питания сельских бедных не соответствует установленным государством социальным нормативам. Из-за нехватки средств каждая пятая семья сельских бедных не может потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания. Только семьи 19% опрошенных не испытывают проблем в питании.

Значительны масштабы социальной исключенности по потреблению непродовольственных товаров. Уровень потребления таких товаров в семьях сельских бедных в основном ниже установленных в России государственных минимальных социальных нормативов потребления, а для отдельных групп населения, по разным категориям товаров от 8 до 15% респондентов, находится значительно ниже этих нормативов.

Низкие обеспеченность и качество жилья являются важнейшей характеристикой социальных лишений бедных сельских жителей. Беспокоят проблемы с жильем 94% респондентов, крайне нуждаются в улучшении жилищных условий 34,3%. Не имеют собственного жилья 14,3% сельских бедных. Имеющееся жилье отличается высоким износом и низким уровнем благоустройства.

Сокращение сети сельских медицинских учреждений, особенно в кардинальных масштабах со второй половины 2000-х гг., привело к формированию масштабной социальной исключенности сельских бедных от медицинского обслуживания в виде временной и материальной недоступности услуг врачей и медпрепаратов, а также разных форм проявления территориальной недоступности медицинских услуг. Как следствие, здоровье становится мощным ограничителем в решении проблемы бедности и устойчивого развития села и важным фактором ее формирования.

Достигла больших размеров социальная исключенность сельских бедных в разных формах проявления недоступности образования их детей, прежде всего школьного и дошкольного. Из-за отсутствия дошкольных учреждений на селе или мест в них, а также возможности одеть и обуть детей и оплачивать их пребывание в детских садах не посещают детские сады дети 43,8% бедных, имеющих дошкольников. Социальная исключенность дошкольного образования для детей из обездоленных семей достигает 75%.

Жесткая экономия является распространенной формой социальных лишений сельских бедных. Почти 28% респондентов вынуждены экономить на продуктах питания (и 38,9% обездоленных), а каждая пятая (и 40,7% обездоленных) — на лечении, что приводит к ухудшению здоровья и губительным последствиям.

Глава 8

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ

8.1. Факторы и причины сельской бедности в оценках населения и экспертов

Главными обстоятельствами, которые непосредственно воздействуют на ухудшение материального положения сельских бедных, в наибольшей степени являются, по мнению почти половины респондентов, безработица, проживание в бедном регионе (районе, селе) и плохое здоровье (48, 46,1 и 42% соответственно). Далее, с большим отрывом от первой тройки следуют низкий уровень образования и квалификации, наличие в семье иждивенцев (детей, трудоспособных безработных) и отсутствие поддержки со стороны родственников (18–23%). Среди значимых также можно отметить семейные несчастья, пьянство и алкоголизм, низкий уровень жизни родителей (10–17%). Таким образом, мы видим, что большинство выделенных сельскими бедными обстоятельств относятся к факторам микроуровня, лишь первые два можно отнести к факторам смешанного типа, имеющим отношение, как к микросреде обитания (семья, домохозяйство, трудовая организация, сельское сообщество), так и к внешней среде — факторам мезо- и макроуровня (регион, страна). Причем фактор проживания на бедной территории особо выделили более благополучные группы бедных, а безработицу и факторы микроуровня бо́льшую значимость имеют для обездоленных (особенно пьянство и наличие детей). В разрезе возрастных групп все категории трудоспособного возраста в равной степени отмечают безработицу, пенсионеры — здоровье, а молодежь выделяет низкий уровень образования и квалификации, а также низкий уровень жизни родителей.

В качестве главных причин сельской бедности сами сельские жители видят пьянство, низкую трудовую мотивацию (*«нежелание упорно трудиться»*), изначально бедные стартовые условия *(отсутствие хорошего образования, профессии, помощи семьи)*, высокую демографическую нагрузку на работающих членов семьи (*«наличие в семье одного «кормильца» (работника) и большого числа иждивенцев»*), преобладание на селе низкоквалифициро-

ванной и малооплачиваемой работы, а также особенности реализации рыночных реформ, приведших к массовой безработице на селе, и отсутствие в настоящее время поддержки государством тех, кто не может себя самостоятельно обеспечить. Причем такие причины бедности, как пьянство, низкие стартовые возможности, высокая демографическая нагрузка и отсутствие необходимой поддержки государства выделяет в первую очередь молодежь; представителей среднего и старшего трудоспособного возраста больше волнует проблема преобладания на рынке труда низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест, а пенсионеров — низкая трудовая мотивация бедных (рис. 8.1).

Рис. 8.1. Причины бедности в оценках сельских жителей разных возрастных групп, % (по данным опроса 2011 г.)

Значительно различаются оценки сельских жителей и в зависимости от глубины их бедности (рис. 8.2). Так, обездоленные в качестве причин сложившего материального положения чаще указывают на обстоятельства, имеющие объективную природу (изначально низкие стартовые возможности и высокую демографическую нагрузку и низкую поддержку со стороны государства), а относительно бедные полагают, что бедность сельских жителей обусловлена прежде всего причинами, зависящими от самого субъекта бедности (пьянством, низкой трудовой мотивацией).

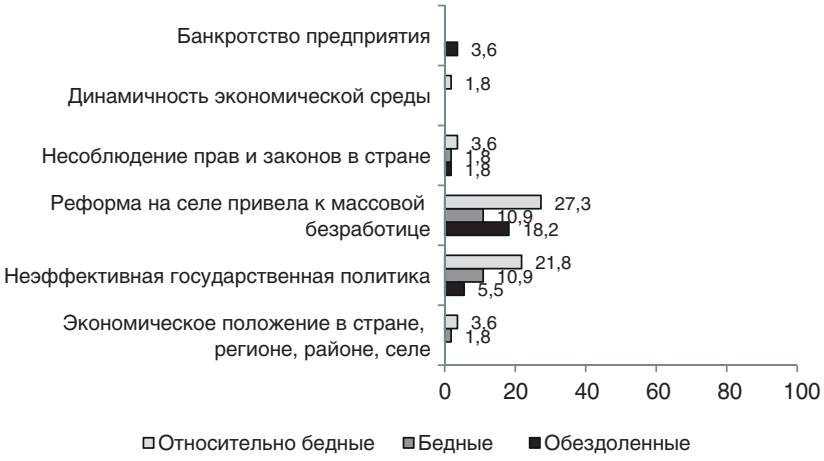


Рис. 8.2. Распределение ответов бедных сельских жителей, различающихся материальным положением семьи, на вопрос: «От чего чаще всего зависит бедность?», % (по данным опроса 2011 г.)

Рис. 8.3. Ресурсы по улучшению материального положения сельских жителей разных возрастных групп, % (по данным опроса 2011 г.)

Основными ресурсами, которые могут улучшить материальное положение сельских бедных, являются, по мнению сельских жи-

телей, прежде всего доходы, более высокая оплата труда (60,5%); также важны здоровье (33,9%), уверенность в завтрашнем дне (30,5%). Молодежь более высоко, чем другие возрастные группы, оценивает в этом отношении значимость образования, знаний и опыта (рис. 8.3).

Мы выявили значительные различия в представлениях различных групп экспертов о причинах сельской бедности. Так, большинство представителей местных органов управления считают, что причины сельской бедности связаны в первую очередь с низким уровнем оплаты труда работников и безработицей (*«бедность зависит от занятости, привлекательности труда, потому что сегодня человек видит действительно замкнутый круг, когда он получает 2 тысячи рублей», «во многих местах прекратили свою работу коллективные хозяйства, и люди остались без работы», «объективным фактором бедности в сельской местности является слабый рынок труда: выбора рабочих мест нет…»*). Подчеркивается также значимость низкой трудовой мотивации и экономической активности (*«нежелание трудиться, использовать имеющиеся возможности: сосед пишет бизнес-план, получает от государства грант или другую поддержку и развивает свое дело, а рядом бедный не делает этого»*). Большинство же представителей сельского бизнеса полагают, что бедность — результат экономических реформ. Руководители общественных организаций в основном характеризуют сельскую бедность как проблему, возникшую вследствие плохих стартовых возможностей (человек вырос в нищете, не получил хорошего образования).

Вместе с тем все эксперты единодушны в том, что одной из важнейших причин сельской бедности является алкоголизм. Так, по мнению эксперта — представителя регионального органа управления Алтайского края, *«алкоголизм — это беда номер один для сельских жителей. Деревня действительно спивается. Пьет неделями, пьет месяцами… Сегодня из-за этого фермеры говорят: «Мы не можем найти доярку, мы не можем найти скотника»*.

Социально-экономическая ситуация в стране, регионе, конкретном территориальном образовании относится к одному из важнейших факторов внешней среды, формирующих сельскую бедность. По мнению большинства экспертов — руководителей сельских муниципальных органов управления и директоров сельских предприятий, социально-экономическая ситуация в исследуемых регионах (районах, поселениях) неоднозначна, можно отметить как положительные, так и отрицательные результаты в развитии экономики и социальной сферы. Среди остальных экспертов больше тех, кто негативно оценивает ситуацию в экономике и социальной сфере: более трети — как кризисную, и каждый деся-

тый — как стадию развития. Таким образом, в настоящее время социально-экономическая ситуация способствует формированию и росту масштабов бедности на селе.

По мнению представителей органов управления и директоров сельских предприятий, мировой финансовый кризис повлиял на положение предприятий, однако это влияние нельзя назвать значительным. И связано это в первую очередь с тем, что материальное положение сельских жителей было и остается стабильно тяжелым. Директора предприятий отмечают, что в эти годы доходы предприятия несколько снизились, что привело к незначительному сокращению зарплаты, и лишь в редких случаях — к задержкам выплат и ее существенному снижению. Большая же часть представителей власти считает, что в сельской местности сократились количество рабочих мест и заработная плата.

Таким образом, анализ факторов и причин сельской бедности, являющейся в настоящее время мощным сдерживающим фактором инновационного развития сельской экономики и АПК, показал, что на селе сформировались условия, способствующие развитию масштабности и глубины данного явления. С одной стороны, это причины объективного характера: традиционная отсталость села в экономическом и социальном отношениях, неразвитость рынка труда, низкая эффективность сельского хозяйства, следствием чего являются преобладание низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест и высокий уровень безработицы. А с другой стороны, это связанные с первыми причины-следствия: пьянство, низкая трудовая мотивация и экономическая пассивность. Особую роль в преодолении бедности должна играть социальная политика государства, учитывающая современное социально-экономическое положение, мотивацию и активность различных групп бедных.

8.2. Социально-экономическая активность сельских жителей как механизм формирования и преодоления бедности

Стратегии экономической активности. К основным экономическим действиям, которые предпринимали за последние три года сельские бедные, чтобы улучшить материальное положение своей семьи, относятся в первую очередь *поиск основной работы* (22% респондентов), *дополнительная занятость* (5,5%) *и ее поиск* (20,5%), *расширение семейного крестьянского подворья* (10,2%). Значительную долю составляют те, кто не предпринимал ничего из-за состояния возраста и здоровья (33,4%) или другим причинам

(*«все устраивает»*, уход за детьми и др. — 5,7%). Получали безвозмездную помощь от родственников 10% респондентов. Поиск работы, как основной, так и дополнительной, характерен больше для мужчин. Значительных различий в экономических действиях представителей трудоспособного возраста нет, но молодежи больше свойственен поиск основной работы. Почти 80% пенсионеров не предпринимали ничего из-за возраста и здоровья.

Обездоленные и средняя группа бедных значительно отличаются от наиболее благополучной группы относительно бедных отсутствием экономической мотивации прежде всего в связи с возрастом и плохим состоянием здоровья (44,4 и 38,4 против 27%), а также удовлетворенностью своим положением (обездоленные в большей мере) (рис. 8.4). Кроме того, специфика активности различных групп сельских бедных проявляется в том, что обездоленные значительно чаще искали основную работу (29,6 против 18,9 и 22,5%), средняя группа бедных чаще обращалась к поиску подработок, а относительно бедные занимались развитием ЛПХ.

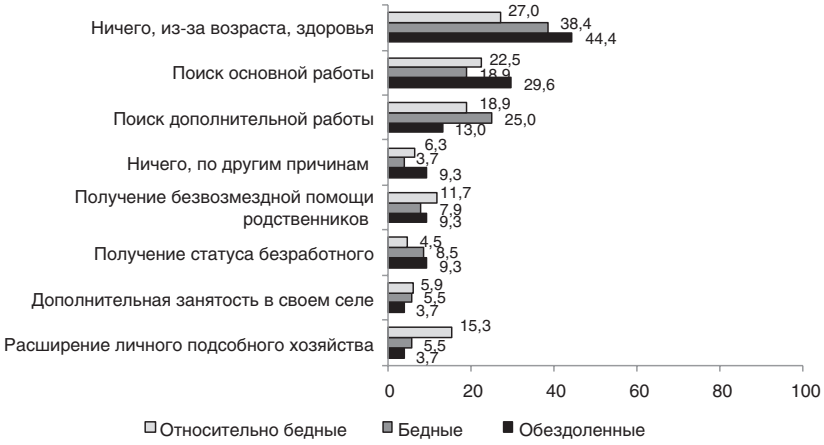


Рис. 8.4. Экономические действия сельских бедных по улучшению материального положения семьи, % (по данным опроса 2011 г.)

Отражает экономическую активность ее потенциал, выраженный в планах по улучшению материального положения семьи. В планах сельских бедных превалирует поиск основной и дополнительной работы и расширение ЛПХ. И, напротив, непопулярными среди сельских бедных являются планы по открытию собственного дела, обучению и переподготовке, требования своевременной выплаты заработной платы, увеличение интенсивности труда, улуч-

шение жилищных условий, заработки за пределами села. Ничего не планирует предпринять около трети всех опрошенных сельских бедных, что говорит о потенциальном сохранении масштабов экономической пассивности.

У мужчин больше планов поиска работы и расширения ЛПХ, женщины чаще ничего не планируют, объясняя это возрастом и плохим здоровьем. Среди пенсионеров подавляющее большинство (87,7%) ничего не планируют также из-за возраста и здоровья. Молодежь больше других возрастных групп намерена искать работу, расширять ЛПХ, пройти обучение и переподготовку для получения новой профессии и занятости, выезжать на заработки, кроме того в этой группе высоки надежды на получение помощи от родственников. Для представителей среднего и старшего возраста более характерны планы по поиску дополнительной занятости.

Анализ потенциала экономической активности в разрезе трех групп сельских бедных, различающихся материальным положением семьи, показал довольно близкое к реализованным распределение планируемых действий (рис. 8.5), но все же потенциал активности ниже реализованного. Низким уровнем активности (отсутствием намерений улучшить материальное положение семьи) в связи с возрастом и здоровьем характеризуется в большей степени средняя группа бедных (около 45% представителей груп-

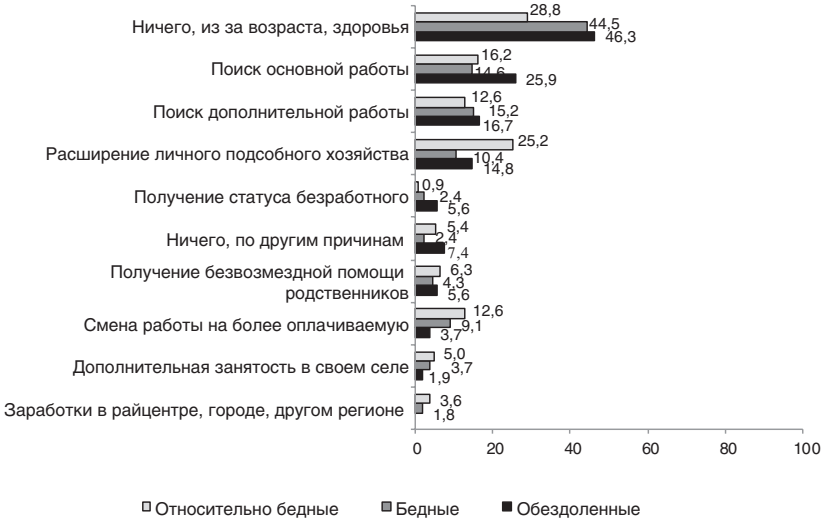


Рис. 8.5. Планы сельских бедных по улучшению материального положения семьи, % (по данным опроса 2011 г.)

пы) и обездоленные (46,3%), среди относительно бедных таковых существенно меньше (28,8%). Вместе с тем популярными планами обездоленных (в большей степени, чем среди представителей других групп бедных) является поиск основной и дополнительной работы (25,9% обездоленных), а относительно бедных — развитие ЛПХ и смена работы на более оплачиваемую.

В целом сравнительный анализ реализованных и планируемых действий сельских жителей позволил выявить, с одной стороны, снижение потенциала поиска основной работы и получения помощи родственников, а с другой стороны, увеличение потенциала поиска дополнительной работы и намерений развития ЛПХ.

По оценкам экспертов — руководителей органов местного самоуправления, директоров предприятий и руководителей общественных организаций, основными стратегиями экономической активности сельских бедных в 2000-х гг., направленных на улучшение материального положения семьи, являются занятость семейным крестьянским хозяйством и заработки в других населенных пунктах. Распространены также стратегии поиска и смены места основной работы, поиск дополнительной работы, батрачество на своих односельчан. Менее популярными являются смена профессии, повышение образования и квалификации, увеличение интенсивности, производительности труда, а также такие социально-политические по форме действия, как требования повышения уровня заработной платы, социальных гарантий и регулярности их выплат. Закономерно, что достаточно редкими среди сельских бедных являются попытки открыть собственное дело. В целом уровень экономической активности бедных, как правило, заметно ниже среднего для всех сельских жителей. К наиболее активным в экономическом отношении сельским бедным относятся, по мнению экспертов, представители среднего возраста, квалифицированные работники, мужчины, жители крупных сел, не злоупотребляющие алкоголем, имеющие семью.

По материалам глубинного интервью с представителями региональных органов власти, прежде всего занятость в сфере ЛПХ является характерной для сельских жителей деятельностью, чаще всего эти действия и предпринимаются для преодоления бедности:

«…сельские жители развивают подсобное хозяйство. Так было всегда, это не только времена сегодняшние. … Большого богатства не было, но люди могли прокормить себя и прокормить свою семью именно подсобным хозяйством» (руководитель органа социальной защиты региона);

«…чаще всего они (сельские бедные) *просят оказать материальную помощь на приобретение крупного рогатого скота»* (руководитель комитета органа социальной защиты региона).

Трансформация структуры доходов сельского бедного населения как результат экономической активности. За годы реформ произошли значительные изменения в структуре доходов сельского населения, что связано, с одной стороны, с изменениями экономических стратегий, а с другой — с изменениями возможностей социально-экономической политики государства. В 1990-х гг. в процессе адаптации селян к сложным социально-экономическим условиям семейное крестьянское хозяйство играло ведущую роль, являлось основой их выживания. В начале 2000-х гг. (по опросу 2002 г.) 83% респондентов назвали ЛПХ в качестве основного источника доходов.

В настоящее время (по данным опроса 2011 г.) в структуре доходов сельских бедных жителей оплата труда занимает одну из ведущих позиций (63,6% респондентов). С 2001 г., по оценкам этих опрошенных, произошло незначительное сокращение роли этого источника доходов — 68% (рис. 8.6). (Для сравнения: в докризисный 2008 г. зарплату получала такая же доля всех сельских жителей, но в 2002 г. — значительно больше (три четверти опрошенных), и эта доля практически не менялась с 1992 г.)

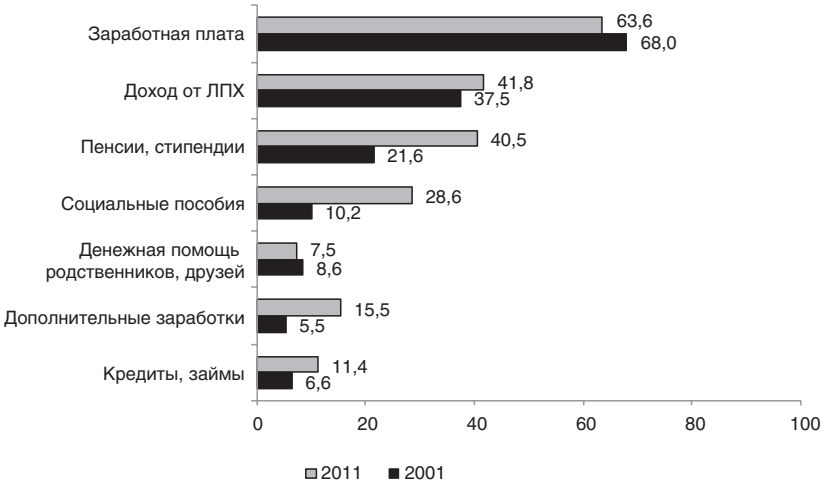


Рис. 8.6. Структура сельского населения по источникам доходов, % (по данным опроса 2011 г.)

Сохранилась значительная роль доходов от семейного подворья (41,8% бедных селян). И в годы глобального финансового кризиса роль ЛПХ в производстве сельхозпродукции продолжала расти прежде всего за счет увеличения товарности семейных

хозяйств. При этом 38,2% опрошенных бедных сельских жителей имели доходы от ведения ЛПХ в 2008 г. (тогда они составляли половину всех сельских жителей) и примерно столько в начале десятилетия (37,5%).

В 2000-х гг. существенно увеличилась доля получающих социальные трансферты. И в настоящее время социальные трансферты занимают лидирующую позицию: три четверти (75,7%) бедных сельских жителей получают пенсии, стипендии, различного рода пособия, в том числе 28,6% — социальные пособия и 6,6% — пособие по безработице. Накануне кризиса, в 2008 г., доля бедных, получавших социальные трансферты, составляла чуть более половины, тогда как доля всех жителей села — чуть более трети, а в начале десятилетия доля «реципиентов» достигала чуть более трети (34,1%).

Роль дополнительных заработков в структуре доходов опрошенных существенно выросла в 2000-х гг.: в два раза больше стало получавших такой источник доходов в годы экономического роста (с 5,5 до 9,5% за 2001–2008 гг.), а за последние три года доля таких увеличилась еще в полтора раза (15,4%). Кардинально, на порядок, возросла роль такого источника доходов, как кредиты и займы (11,4%), в начале десятилетия доля тех респондентов, кто получил различные займы и кредиты, была равна 6,6%. И по-прежнему значимыми для бедных селян являются социальные сети, однако их роль заметно снизилась. Только 7,5% респондентов использовали социальный капитал в виде помощи родственников и друзей, получения наследства, тогда как накануне кризиса каждый пятый сельский житель имел такой источник доходов.

Сравнительный анализ структуры источников доходов трех групп бедных, различающихся материальным положением семьи, показал, что среди обездоленных значительно меньше тех, кто получал зарплату (42,6 против 61,1 и 70,3%), но больше получателей денежной помощи от родных, родственников и друзей (9,3 против 8,5 и 6,3%), пособия по безработице (9,3 против 7,3 и 5,4%) и социальных пособий (по инвалидности, детские и др.): 35,2 против 29,3 и 26,6%. А в группе относительно бедных почти на треть больше имеющих доходы от семейного подворья (47,7 против 38,9 и 34,8%).

Среди наиболее значимых (первой-второй значимости) источников доходов сельские бедные выделяют в первую очередь заработную плату (62,5%), а также пенсии и стипендии (37,7%) (рис. 8.7). Доходы от ЛПХ они относят в большей мере к источникам второй значимости, хотя совокупный рейтинг этого источника достигает 28,2%. Сравнительно высоко сельские бедные оценили роль такого источника, как социальные пособия (по инвалидности, детские, для матерей-одиночек, малообеспеченных, жилищные суб-

сидии и др.), общий рейтинг, с преобладанием второй значимости, составил 16,1%. Заметную роль играют также дополнительные заработки (9,3%).

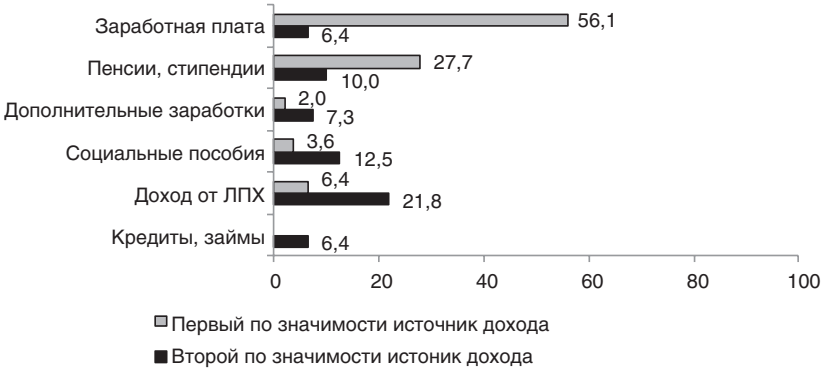


Рис. 8.7. Распределение сельского населения по значимости источников доходов, % (по данным опроса 2011 г.)

Результаты проведенного опроса опровергают бытующее мнение среди чиновников и директоров сельских предприятий о том, что пособия по безработице формируют иждивенческие настроения и низкую трудовую мотивацию среди сельских жителей. Значимым источником его считают только 5,1% респондентов, что заметно ниже даже такого источника, как займы и кредиты (6,4%).

Факторы экономической активности. Стимулирующими факторами экономической активности являются, с одной стороны, выгодные социально-экономические позиции самого бедного, такие как экономическая мотивация (*стремление выжить, вызванное низким уровнем жизни, повысить уровень материального благосостояния семьи,* а также *желание самореализоваться, заинтересованность в работе)*, относительно высокий уровень образования и квалификации и практический опыт, наличие стартового капитала для занятия бизнесом, рекомендации, связи, молодой возраст, хорошее состояние здоровья и личностные качества человека (*целеустремленность, коммуникабельность, трудолюбие, ответственность*). С другой стороны, благоприятно воздействуют на экономическую активность и факторы внешней среды. К ним относятся наличие вакантных рабочих мест и доступность информации о них, создание правовых и экономических условий в стране, регионе и различные меры социально-экономической поддержки со стороны государства. Стимулируют также благоприятные условия труда в организациях: стабиль-

ность и уверенность в завтрашнем дне, основанные на увеличении заработной платы, ее регулярной выплате, социальных гарантиях, а также социально-психологический климат в трудовом коллективе.

Среди факторов, негативно влияющих на экономическую активность бедных сельских жителей, основными эксперты считают пассивность и низкий уровень мотивации к труду. Значительно воздействуют также нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне, основанные на отсутствии требуемых вакансий на рынке труда, сокращении и задержках заработной платы, низкий уровень жизни и часто вызванные этим иждивенческие настроения. Важными являются такие факторы внешней среды, как отсутствие заемных средств и сложность получения кредита, неблагоприятные условия труда, проблемы во взаимоотношениях с руководителями предприятия. Особое внимание эксперты — руководители общественных организаций обратили на такие дестимулирующие факторы, как бюрократия, волокита, неправовые действия государственных чиновников (взяточничество, коррупция и др.), воровство и другие криминальные действия. Многое зависит также и от социально-экономических характеристик сельского бедного: преклонный возраст, плохое состояние здоровья, слабый социальный капитал (отсутствие рекомендаций и связей), неудовлетворенность своим положением, недостаточное образование, низкая квалификация и отсутствие опыта, личностные качества (эксперты здесь единодушно выделили такое качество, как лень). Директоров сельских предприятий не устраивает в работниках, среди которых значительную часть составляют бедные, в первую очередь равнодушие, безразличие к работе, недисциплинированность и пьянство.

Что может стать сегодня основным стимулом, мотиватором повышения экономической активности сельских бедных? Главным положительным стимулом экономической активности сельских бедных является, по мнению экспертов, прежде всего увеличение оплаты труда. Стимулируют также льготы на приобретение скота, кормов, дров, помощь в обучении в вузах детей работников, в улучшении их жилищных условий. Позитивно воздействуют и такие внешние факторы, как повышение доступности кредитов на ведение личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств, потребительских кредитов, создание рабочих мест, возрождение коллективных хозяйств и социальной сферы, повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. На предприятии хорошими стимулами, по мнению директоров предприятий, могут стать денежные премии, улучшение условий отдыха и досуга работников (спортивные, культурные мероприятия). Среди санкций

наиболее эффективными они считают увольнение недисциплинированных работников, реже — лишение премий и наказание работников за хищение имущества предприятия и небрежное отношение к нему.

Для выявления эффективных стратегий преодоления бедности и основных групп риска попадания в категорию бедных нами проведен сравнительный анализ особенностей социально-экономического положения и поведения трех групп бедных: 1) «бывших обездоленных» (тех, кто оценил материальное положение своей семьи в 2001 г. как наиболее неблагополучное, т. е. денег иногда не хватало на питание, но к настоящему времени их материальное положение улучшилось (условно говоря, статус повысился) и семья является средней или относительно бедной); 2) «постоянно обездоленных» (тех, кто весь рассматриваемый период оставался обездоленным, статус сохранился); 3) «новых обездоленных», чье материальное положение ухудшилось до наиболее неблагополучного (статус снизился).

Как показали результаты исследования, изначально более выгодные социально-экономические позиции и активное использование выигрышных стратегий экономической активности позволили существенной части обездоленных улучшить свое социально-экономическое положение и стали основой успешного преодоления бедности в дальнейшем (табл. 8.1). К сельским бедным с выгодными позициями относятся преимущественно имеющие высокое образование, женщины, молодежь старше 25 лет и представители среднего трудоспособного возраста, а также проживающие в крупных селах, даже удаленных от городов. Среди эффективных стратегий, реализованных за последние три года (на момент опроса весной 2011 г.), — основная и дополнительная занятость на экономически выгодных рабочих местах, активный поиск работы и трудоустройство, трудовая миграция, требования повышения заработной платы и регулярности ее выплат, повышение образования и др. Среди бывших обездоленных меньше всего тех, кто не предпринимал специально никаких действий для улучшения материального положения своей семьи.

По мнению экспертов, наиболее эффективной стратегией экономической активности по преодолению бедности является открытие своего дела. Кроме того, поможет улучшению материального положения, преодолению бедности интенсивная занятость в семейном крестьянском хозяйстве. Выгодными стратегиями в этом отношении являются также получение образования и повышение квалификации, переезд в город, подработка поездками в город или другой регион. Необходимым условием является высокая трудовая мотивация самого бедного.

Таблица 8.1

Экономические действия, предпринимаемые сельскими бедными для улучшения материального положения семьи

Действия	Повысившие статус	Снизившие статус	Сохранившие статус
Ничего, из-за возраста, здоровья	34,4	40,6	25
Ничего, по другим причинам	4,2	5,6	4,7
Поиск основной работы	16,7	29,2	24,5
Поиск дополнительной работы	20,8	22,2	20,3
Смена работы на более оплачиваемую	20,8	2,8	3,6
Дополнительная занятость в своем селе	16,7	1,4	7,8
Заработки в райцентре, городе, другом регионе	10,4	4,2	1,6
Расширение личного подсобного хозяйства	12,5	5,6	5,7
Открытие собственного дела, посредническая деятельность	0,0	0,0	1,0
Обучение, переподготовка	0,0	2,8	0,0
Получение статуса безработного	2,1	12,5	5,2
Требования своевременной выплаты заработной платы	6,3	4,2	1,6
Получение безвозмездной помощи родственников	4,2	9,7	5,7
Увеличение интенсивности труда	0,0	2,8	0,0
Улучшение жилищных условий	0,0	0,0	0,5
Затрудняюсь ответить	4,2	2,8	5,7

Источник: данные опроса 2011 г.

Анализ основных характеристик сельских бедных, сохранивших наиболее неблагополучное положение и ухудшивших позиции, показал, что в их число вошли преимущественно пенсионеры, имеющие низкий уровень образования (часто без профессионального образования), длительно или постоянно безработные, мужчины, жители небольших периферийных сел, а также злоупотребляющие алкоголем. Для таких категорий сельских жителей характерны проигрышные позиции и стратегии экономической активности, и именно они являются основными группами риска бедности.

8.3. Типология бедных по социально-экономическому положению и активности как инструмент политики устойчивого развития села

Для построения типологии использовано три основания: 1) глубина бедности: по материальному положению сельских жителей выделяются обездоленные, средняя группа бедных и относительно бедные; 2) уровень социально-экономической активности и мотивации: пассивные, малоактивные (умеренно активные) и активные; 3) конструктивность и инновационность социально-экономических действий: бедные с конструктивными, деструктивными и смешанными стратегиями активности, оказывающими неоднозначное влияние на сельское сообщество, а также с традиционными и инновационными стратегиями. По результатам факторного и кластерного анализа выделено шесть устойчивых типообразующих кластеров.

I тип — самый низкий уровень бедности и высокий уровень социально-экономической активности с традиционными и инновационными элементами (6,2% респондентов). Особенностью данного типа является преобладание наемных работников младшего и среднего трудоспособного возраста с самым высоким образованием в сравнении с другими типами. Здесь чаще можно встретить молодежь, людей с высшим образованием, и почти нет тех, кто не получил хотя бы среднее образование. Большинство представителей данного типа проживают в малых и средних селах, в удаленных от городов районах. Кроме того, у этого типа в большей мере «женское лицо».

Материальное положение семей в этом типе — одно из наиболее благополучных: почти нет обездоленных и большинство (61%) относительно бедных. Здесь также чуть больше представлена средняя группа бедных в сравнении со всем массивом опрошенных. Основным источником доходов является заработная плата (74%), получаемая главным образом в таких видах деятельности, как транспорт и услуги связи, образовательные услуги. Вторые по значимости источники доходов — ЛПХ и дополнительная занятость.

Большинство представителей данного типа используют различные виды поиска основной и дополнительной работы, выезжали на заработки в другие села, города и регионы, меняли работу на более оплачиваемую. В большинстве случаев данная категория бедных не сталкивается с задержками зарплаты, но если это происходит, они активно ищут дополнительную работу. Те, кто в свое время оказался в ситуации безработицы, получали соответствующий статус и делали попытку открыть свое дело.

Здесь сконцентрированы представители с потенциалом миграционной активности значительно выше среднего: только 65% не желают уезжать из села, остальные настроены на отъезд, но подавляющая их масса не имеет для этого возможности.

II тип — относительная бедность и сравнительно высокий уровень традиционной (неинновационной) социально-экономической активности (28,6% сельских бедных). Этот тип наполнен в равной степени как мужчинами, так и женщинами, проживающими главным образом в крупных селах с численностью более 2 тыс. человек, периферийных, удаленных от городов районах. Данный тип образован в основном представителями среднего и старшего трудоспособного возраста, а также почти на 30% его образует молодежь.

По материальному положению семьи этот тип, так же как и первый, — один из наиболее благополучных: самая высокая доля (64%) относительно бедных (при среднем значении, равном 47%) и только 5% обездоленных. Зарплата является основным источником доходов, кроме того, в качестве второго источника в основном используются доходы от ЛПХ (37%).

Особенностью данного типа по статусу занятости является то, что он концентрирует самую высокую долю наемных работников (83%). Здесь проживают сельские жители с самым высоким уровнем начального и главным образом среднего профессионального образования (всего более 60%). Представители данного типа используют различные традиционные формы экономической активности для улучшения своего материального положения, в том числе дополнительную занятость, расширение семейного крестьянского хозяйства, получение помощи от родственников. При потере работы ищут любую подходящую работу, хотя такие случаи не являются массовыми. Однако они имеют невысокую социально-политическую активность на рынке труда, впрочем, характерную для села в целом: при задержках зарплаты подавляющее большинство из них ничего не предпринимает, но каждый пятый добивается выплаты.

В результате формирования относительно устойчивого социально-экономического положения представители данного типа имеют сравнительно низкий миграционный потенциал, 72% не намерены куда-либо уезжать.

III тип — средний уровень бедности и низкий уровень социально-экономической активности. Это самый наполненный тип, сюда входит 43% общей совокупности респондентов. Особенностью данного типа является то, что он образован в основном пенсионерами (56%) и представителями трудоспособного возраста (28% наемных работников), часто имеющими проблемы со здоровьем. Соответственно, в этот тип вошли в основном люди с самым низким уровнем образования в сравнении с другими типами: более половины

имеют среднее общее образование или ниже среднего (35% последних), есть люди с начальным образованием и вовсе без него. Здесь больше проживающих в больших селах (около 80%). У этого типа, так же как и у первого, преимущественно «женское лицо».

По материальному положению семьи в этом типе чуть больше представлена средняя группа бедных в сравнении со всем массивом опрошенных: 47% против 40%. Основными источниками доходов являются в основном пенсия (52%), а также зарплата (38%). Вторые по значимости источники доходов — ЛПХ и социальные пособия. Большинство представителей данного типа *ничего не предпринимают для повышения материального положения семьи из-за возраста или здоровья*, при задержках зарплаты занимают денежные средства в долг у друзей или родственников.

Здесь сконцентрированы представители самого низкого уровня потенциальной миграционной активности: 84% не желают уезжать из села.

IV тип — уровень бедности и социально-экономической активности ниже среднего (12,2% опрошенных). Этот тип также образуют в основном женщины, но с более высоким уровнем образования в сравнении с третьим типом: более 50% имеют начальное или среднее профессиональное образование. Здесь меньше проживающих в больших селах (72%). В данном типе самая высокая доля молодежи (33%) и менее 5% пенсионеров.

Материальное положение семей в этом типе хуже среднего уровня. Здесь больше можно встретить обездоленных: 18% против 13% в сравнении со всем массивом опрошенных бедных и меньше — относительно бедных. Основными источниками доходов являются зарплата (64%), в основном в сельском хозяйстве, а также в строительстве, торговле и в сфере муниципального управления. Вторые по значимости источники доходов — так же, как и в предыдущем типе, социальные пособия и доходы от ЛПХ. Специфика данного типа проявляется в превалировании безработных (43%), а также наемных работников (39%) с низкой мотивацией и пассивным поведением, не предпринимающих каких-либо действий из-за отсутствия возможности или нежелания что-либо изменить. При задержках зарплаты занятые обращаются за безвозмездной помощью к родственникам и друзьям. Безработные получают соответствующий статус, но большинство из них не ищут работу, объясняя это *уходом за ребенком* (в семьях представителей этого типа проживает больше всего детей: 116 на 100 семей), состоянием здоровья, многим «мешает» *алкоголизм*.

Потенциальная миграционная активность — одна из самых низких, вторая после третьего типа: 75% не намерены уезжать, 18% не имеют для этого возможности.

V тип — уровень бедности ниже среднего и крайне низкая социально-экономическая активность. Это самый немногочисленный тип: — всего 3,8% респондентов. Спецификой является то, что этот тип с самой высокой долей людей среднего и старшего трудоспособного возраста (84%) с небольшим преобладанием мужчин. Здесь сосредоточены сельские бедные с самым низким уровнем профессионального образования: 65% не имеют такового, только 5% сельских жителей с высшим образованием. Представители этого типа проживают в подавляющем большинстве случаев в периферийных районах, крупных селах.

Главным образом здесь сконцентрированы безработные (84%), остальные работают по найму преимущественно в сельском хозяйстве (44% против 16% в целом по всем сельским бедным). Среди безработных почти никто не ищет работу, объясняя это отсутствием вакантных рабочих мест в их селе, но только десятая часть оформила статус безработного. Занятые этого типа в период задержек с выплатой расходуют имеющиеся сбережения, живут за счет ЛПХ или занимают деньги у родственников и друзей. Разовые подработки были за последние три года у каждого пятого представителя этого типа, только десятая часть занимается развитием ЛПХ.

По материальному положению семьи здесь превалирует средняя группа бедных, но обездоленных значительно больше среднего уровня по всем опрошенным (21% против 13,2%). Доходы формируются за счет заработной платы (около 60% указало ее в качестве первого или второго по значимости источника), пенсии и различных пособий (более 50% случаев), каких-либо подработок (более 20%). Для каждого четвертого-пятого представителя данного типа пособие по безработице выступает в качестве основного источника доходов.

Сложившаяся неблагополучная социально-экономического ситуация, отсутствие рабочих мест и перспектив трудоустройства формируют, с одной стороны, высокий уровень деструктивного поведения (каждый четвертый отмечает пьянство и алкоголизм как серьезную проблему, ухудшающую материальное положение семьи), а с другой стороны, один из самых высоких уровней миграционного потенциала: треть сельских бедных этого типа имеют желание покинуть свое село, и конкретные планы на отъезд уже есть у каждого пятого.

VI тип — самый высокий уровень бедности при вынужденно низкой социально-экономической активности с использованием традиционных и инновационных форм поиска работы (6,2% сельских бедных). Особенностью является то, что этот тип образуют только безработные, главным образом мужчины (77%), при том, что в целом среди сельских бедных, как и среди всего сельского

населения, заметно преобладают женщины. Представители этого типа проживают в основном в средних и крупных селах. Кроме неурбанизированных районов здесь самая высокая доля сосредоточения мест проживания в урбанизированных районах (36%). Данный тип — самый молодой по возрасту: здесь нет пенсионеров и одна из самых высоких долей молодежи (32%). Большинство имеют профессиональное образование, причем доля сельских жителей с высшим образованием достаточно велика (19%).

Материальное положение семей представителей этого типа — самое неблагополучное. Здесь сконцентрировано больше всего обездоленных (их 42% при 13% в среднем по всему массиву респондентов) и меньше всего относительно бедных (26%). Доходы формируются за счет различных источников: это и зарплата кого-либо из членов семьи, и подработки, и социальные пособия, причем пособие по безработице не играет заметной роли. Поиск основной работы и временных подработок представителей данного типа не ограничивается традиционными формами экономической активности: большинство ищут любую подходящую работу, а не только работу по специальности (в основном они были заняты на строительных и сельскохозяйственных работах), каждый пятый уезжает на подработки в другие населенные пункты и регионы.

Как следствие сложившегося неблагополучного социально-экономического положения и отсутствия работы, в данном типе в наибольшей мере распространены пьянство и алкоголизм; более трети рассматривают теперь эту проблему и как основное препятствие для улучшения материального положения. Большинство видят выход в переезде и в основном уже имеют конкретные планы на отъезд, здесь самый высокий уровень миграционного настроения.

Для эффективного решения проблем сельской бедности требуется разработка дифференцированных политик с учетом выделенных особенностей социально-экономического положения и активности различных социальных групп сельских бедных. В основе разработки таких политик могут лежать полученные нами результаты типологического анализа. Так, стратегии социально-экономической активности представителей первых двух сравнительно благополучных типов, охватывающих в совокупности около 35% сельских бедных, отличаясь в первую очередь использованием различных по конструктивности и инновационности форм активности, должны стать основой, «точками роста» для политики преодоления бедности на селе. Необходимо создавать условия для повышения экономической активности как механизма быстрого выхода из ситуации бедности. Здесь не нужны большие инвестиции, наиболее уместны экономические стимулы для открытия

своего дела (кредитование, страхование урожая, госзаказ на сельхозпродукцию, грантовая поддержка и др.) в области сельского хозяйства и сельхозпереработки, сельского туризма и других инфраструктурообразующих видов деятельности.

Средний тип, наполненный сельскими пенсионерами и людьми с проблемами здоровья, требует существенно большего внимания в таких традиционных направлениях политики, как социальное и пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание.

Последние два типа имеют наиболее неблагоприятные характеристики социально-экономического положения и активности и наиболее высокий потенциал миграции. Сюда входят только 10% всех сельских бедных, но именно они должны стать объектом особого внимания социальной политики с учетом специфики их проблем. Кроме того, к ним примыкают и представители четвертого типа, где так же, как и шестом типе, много молодежи, но (в отличие от него) с низкой мотивацией и не нацеленной на отъезд из села. В частности, ключевым направлением решения проблем этих бедных должны стать активные политики занятости, поддержка малого бизнеса, инновационных (в том числе дистанционных) форм экономической деятельности в первую очередь в сельском хозяйстве и сельхозпереработке как системообразующих для сельского социума. Кроме того, важнейшими мерами социальной политики государства и органов местного самоуправления должны стать массированная (а *«не крошечно-точечная»*, по словам экспертов) социальная поддержка молодежи и молодых семей в области обеспечения жильем, детей — детскими садами, так как серьезным ограничителем для молодежи является именно создание семьи и рождение детей. Но поскольку решение проблем сельской молодежи должно быть комплексным, включать все стороны жизнедеятельности, например культурно-досуговую сферу, то можно использовать идею создания сельских кластеров.

Таким образом, в целом анализ материального положения сельского населения позволяет сделать вывод о своеобразии проявления трендов бедности в сельских сообществах. С одной стороны, наблюдалось значительное сокращение масштабов сельской бедности в годы экономического роста и некоторое ухудшение ситуации в последние годы. С другой стороны, в 2000-х гг. налицо процессы углубления бедности среди сельских жителей с неблагополучным материальным положением, выраженные в значительном росте масштабов обездоленности. Социально-психологическое самочувствие бедных довольно-таки неблагополучно: напряженность и равнодушие превалируют над «уверенным оптимизмом». Пугающий пессимизм обездоленных, среди которых немало мо-

лодежи, свидетельствует о необходимости коренных изменений в системе социальной поддержки сельских жителей и социального развития села в целом, создании эффективных «социальных лифтов».

В результате типологизации нами выделены социальные группы бедных сельских жителей, значительно различающиеся по социально-экономическому положению и активности, что позволило разработать предложения для дифференцированных политик преодоления бедности. Реализация данных политик может стать основой комплексного решения проблемы бедности на селе. Перспективным для российского села является развитие идеи кластерного подхода, создания и поддержки развития сельских территориальных кластеров с учетом стратегических направлений социально-экономического развития страны и регионов.

* * *

Таким образом, анализ факторов и причин сельской бедности, являющейся в настоящее время мощным сдерживающим фактором устойчивого, инновационного развития сельской экономики и АПК, показал, что на селе сформировались условия, способствующие развитию масштабности и глубины данного явления. С одной стороны, это причины объективного характера: традиционная отсталость села в экономическом и социальном отношениях, неразвитость рынка труда, низкая эффективность сельского хозяйства, следствием чего являются преобладание низкоквалифицированных и малооплачиваемых рабочих мест и высокий уровень безработицы. С другой стороны, это связанные с первыми причины-следствия: пьянство, низкая трудовая мотивация и экономическая пассивность. Особую роль в преодолении бедности должна играть социальная политика государства, учитывающая современное социально-экономическое положение, мотивацию и активность различных групп бедных.

Социально-экономическая активность является важнейшим социальным механизмом формирования и преодоления сельской бедности. Социально-экономическая активность бедных характеризуется реализацией преимущественно традиционных стратегий и отчасти деструктивных в отношении самих бедных из-за чрезмерной нагрузки и негативного воздействия на здоровье. К основным социально-экономическим стратегиям сельских бедных относятся поиск основной работы, дополнительная занятость и ее поиск, расширение семейного крестьянского подворья. Значительную долю составляют те, кто не предпринимал ничего из-за возраста, состояния здоровья или по другим причинам.

В сравнении с более благополучными в материальном отношении сельскими бедными поведение обездоленных отличается меньшей активностью, более частым использованием «пассивных» форм (обращение за помощью к родственникам) и форм вынужденной активности (таких как поиск основной и дополнительной работы и др.). Почти половина обездоленных не предпринимали и не планируют специально предпринимать никаких усилий для улучшения своего материального положения; эта величина заметно больше, чем в группе «середняков» и почти в два раза — чем в группе относительно бедных. Кроме причин объективного характера, предопределивших пассивный тип экономического поведения (сокращение рабочих мест, здоровье и др.), обездоленные отметили *«отсутствие необходимости в осуществлении этих действий»* фактически из-за нежелания что-либо самостоятельно предпринимать, их «*устраивает существующее положение*».

Анализ динамики структуры доходов как результата социально-экономической активности сельских бедных показал, что лидирующие позиции занимают пенсии и социальные пособия, затем следуют оплата труда и доходы от семейного подворья. С начала 2000-х гг. выросла роль социальных трансфертов, приработков, кредитов и займов, упала значимость оплаты труда. Сформировалась высокая зависимость сельских бедных от социальных трансфертов: почти две трети респондентов получают пенсии, стипендии и различные пособия.

По оценкам экспертов, ведущими факторами социально-экономической активности сельских бедняков являются экономическая мотивация, стабильность и уверенность в завтрашнем дне, основанные на благоприятной ситуации на рынке труда, увеличении заработной платы, социальных гарантиях, поддержке государства.

Наиболее выигрышные стратегии активности реализуют квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, молодежь старше 25 лет и представители среднего трудоспособного возраста, имеющие семьи, женщины, жители крупных сел (районных центров). Эксперты отнесли к наиболее активным на рынке труда квалифицированных наемных работников, мужчин, представителей среднего возраста.

Среди эффективных стратегий, приведших к улучшению материального положения семьи, — основная и дополнительная занятость на экономически выгодных рабочих местах, активный поиск такой работы и трудоустройство, трудовая миграция, требования повышения заработной платы и регулярности ее выплат, повышение образования. Эксперты отмечают в качестве наиболее эффективной стратегии открытие своего дела.

Основными группами риска бедности на селе являются: жители небольших периферийных сел (в отличие от жителей районных центров и сравнительно крупных сел); безработные (особенно незанятые длительный период); злоупотребляющие алкоголем (к ним все больше добавляются в последнее время страдающие наркоманией); молодежь, преимущественно до 20–25 лет (хотя немало бедных и среди представителей старшего трудоспособного возраста); селяне с низким уровнем образования и квалификации, часто не имеющие профессионального образования; мужчины чаще женщин (хотя гендерный фактор, по мнению большинства экспертов, особого значения не имеет).

В результате факторного и кластерного анализа выделено шесть типов бедных сельских жителей, значительно различающихся по социально-экономическому положению и активности. На основе анализа социальных портретов каждого типа разработаны предложения для дифференцированных политик, учитывающих особенности социально-экономического положения и активности различных групп сельских бедных.

Глава 9

ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

9.1. Практики социальной поддержки сельских бедных

Устойчивое развитие сельского сообщества зависит сегодня во многом от решения проблем бедности и эффективности действий государства и других субъектов политики в области социальной поддержки сельского населения. Рассмотрим, каковы современные проблемы социальной поддержки бедных, проживающих в сельской местности Алтайского края.

Социальная поддержка бедных сельских жителей представляет собой систему практик, реализуемых органами государственной и муниципальной власти, сельским бизнесом, общественными организациями, субъектами социальных сетей (семейно-родственных и коллективных), а также самими бедными, и направленных на создание условий для улучшения материального положения их семей и преодоления бедности.

Сельские бедные как субъекты государственной социальной поддержки. Анализ масштабов и характера социальной поддержки государством сельских бедных показал, что более двух третей (68%) сельских бедных являются получателями каких-либо мер социальной поддержки. Исходя из полученных данных, наиболее востребованными мерами со стороны сельских бедных являются меры социальной поддержки, предоставляемые гражданам по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, их получателями являются 35,9% респондентов, и ежемесячные пособия на детей, которые получает каждый четвертый опрошенный. Остальные меры затрагивают менее 10% сельских бедных. Так, бесплатные лекарства получают 8,9% респондентов, льготы на проезд в обще-

ственном транспорте — 6,8%, различные социальные выплаты (по потере кормильца, малоимущим студентам, инвалидам, ветеранам труда и др.) — 6,4%, пособие по безработице — 5,5%, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет — 4,1%, пособие малоимущим семьям и одиноко проживающим гражданам — только 2,3% опрошенных.

Выявлены различия в предоставлении мер социальной поддержки сельским бедным разного пола и возраста. В целом женщины чаще мужчин являются получателями социальных льгот. Только 15,6% лиц пенсионного возраста отметили, что не пользуются никакими льготами. Данный показатель почти вдвое ниже, чем в других возрастных категориях. Причем большинство пенсионеров (67,7%) являются получателями льгот по оплате ЖКУ, более четверти (21,5%) — получают бесплатные лекарства, 17,7% — пользуются льготным проездом в общественном транспорте, 11,5% — являются получателями той или иной социальной выплаты. Значительная часть молодежи получает пособия на детей (42,9%), и каждый десятый — пособие по безработице.

Получателями социальных льгот чаще являются самые малообеспеченные категории бедных (табл. 9.1).

Так, среди обездоленных только более четверти не пользуются никакими социальными льготами, в двух остальных группах бедных этот показатель составляет треть. Обездоленные чаще являются получателями таких социальных выплат, как ежемесячное пособие на ребенка, пособие по безработице, пособия малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам, и других выплат, предоставление которых зависит от среднедушевого дохода. Получателями льгот, предоставляемых по категориальному признаку (льготы на оплату ЖКУ, бесплатные лекарства, льготный проезд в общественном транспорте), а это инвалиды, ветераны труда, ветераны ВОВ, являются в большей мере более благополучные группы бедных.

Роль органов социальной защиты населения в решении проблемы сельской бедности. По мнению сельских жителей, органы социальной защиты населения не являются столь значимым субъектом социальной поддержки относительно реальных потребностей сельского населения. Так, треть респондентов ни разу не обращалась в органы социальной защиты населения, 29,8% опрошенных раньше обращались (сейчас нет), чуть меньше (28%) — очень редко обращаются в органы социальной защиты населения, и только 8,2% сельских бедных являются постоянными клиентами данных служб. Причины того, что не все бедняки обращаются в органы социальной защиты населения, эксперты связывают прежде всего с низким уровнем их информированно-

сти и доступности служб социальной защиты населения для некоторых селян: *«…для того, чтобы получить детские пособия 138 рублей, ему нужно 2–3 раза съездить, чтобы документы все собрать. А чтобы съездить из деревни — ему нужно заплатить 150–200 рублей… Причина — в бюрократической мешанине»* (депутат законодательного органа региона, председатель региональной общественной организации).

Таблица 9.1

Предоставление мер социальной поддержки сельским бедным, различающимся материальным положением семьи, %

Виды социальной поддержки	Обездоленные	Бедные	Относительно бедные
Не пользуемся	25,9	32,3	33,3
Ежемесячное пособие на ребенка	31,5	22,0	26,1
Льготы по оплате услуг ЖКХ	25,9	39,6	35,6
Социальные выплаты (по потере кормильца, малоимущим студентам, инвалидам, ветеранам труда, ВОВ и др.)	7,4	7,3	5,4
Пособие по безработице	7,4	4,9	5,4
Льготный проезд в общественном транспорте	7,4	7,9	5,9
Бесплатные лекарства	7,4	8,5	9,5
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет	3,7	3,0	5,0
Пособия малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам	1,9	3,7	1,4
Льготы, предоставляемые инвалидам (санаторно-курортное лечение)	3,7	0,6	—
Другое (уход за престарелыми, учебный отпуск, льготное питание в столовой и т.д.)	3,7	0,6	—
Единовременные пособия вынужденным переселенцам и беженцам	—	1,9	—
Затрудняюсь ответить	—	1,2	3,6

Источник: данные опроса 2011 г.

Обездоленные более регулярно, чем другие категории бедных, обращаются в органы социальной защиты населения (табл. 9.2). Так, за помощью к данным службам обращаются довольно регулярно (по крайней мере, несколько раз в год, включая тех, кто об-

ращается хотя бы раз в месяц) 16,7% обездоленных, 11% бедных и только 5% относительно бедных.

Таблица 9.2

Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь за помощью в органы социальной защиты населения?», %

Варианты ответов	Обездоленные	Бедные	Относительно бедные
Ни разу не обращался (лась)	25,9	32,9	34,7
Раньше обращался (лась), сейчас нет	37,0	27,4	29,7
Очень редко (не чаще 1 раза в год)	20,4	27,4	30,2
Несколько раз в год	14,8	10,4	5,0
Обращаюсь регулярно (хотя бы 1 раз в месяц)	1,9	0,6	—
Затрудняюсь ответить	—	1,2	0,5

Источник: данные опроса 2011 г.

По нашему мнению, это связано с тем, что среди обездоленных чаще встречаются постоянные получатели помощи со стороны социальных служб. В то же время среди обездоленных каждый пятый обращается в органы социальной защиты населения довольно редко (не чаще одного раза в год), этот показатель заметно ниже, чем в других категориях бедных (27,4 и 30,2%). Значительная же часть сельских бедных перестала обращаться в органы социальной защиты населения, что, возможно, связано с низкой эффективностью деятельности данных служб. Причем среди обездоленных таковых заметно больше, чем в более благополучных группах (37 против 27,4 и 29,7%).

Проблемы, с которыми сельские бедные обращаются за помощью в органы социальной защиты населения, отражены в таблице 9.3.

Сельские бедные обращаются в органы социальной защиты населения преимущественно для оформления субсидий на оплату ЖКУ (34,5%) и пособий на детей (27,7%). В первую пятерку проблем с существенно меньшей популярностью также входят получение единовременной денежной помощи (6,4%), консультаций (5,2%) и оформление социальных выплат (4,1%). Если молодежь, а также лица среднего и старшего трудоспособного возраста чаще обращаются в органы социальной защиты населения для оформления детских пособий и за консультациями (психологическими, юриди-

ческими), то пенсионеры — для получения натуральной помощи, других социальных выплат. Обездоленные чаще, чем другие категории бедных, обращаются за получением натуральной помощи.

Таблица 9.3

Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «С какой проблемой Вы обращались за помощью в органы социальной защиты населения?», %

Варианты ответов	Обездоленные	Бедные	Относительно бедные
Оформление пособий на детей	31,5	22,6	30,6
Оформление субсидий на оплату ЖКХ	31,5	39,6	31,5
Другое (оформление звания ветерана труда, уход за престарелыми, усыновление и т. д.)	7,4	1,2	3,2
Получение единовременной денежной помощи	3,7	3,7	9,0
Получение натуральной помощи (продуктами питания, одеждой)	5,5	1,2	2,3
Социальные выплаты (по потере кормильца, малоимущим студентам, инвалидам, ветеранам труда, ВОВ и др.)	3,7	5,5	3,2
Получение детских путевок в оздоровительные лагеря	1,9	2,4	2,7
Льготный проезд в общественном транспорте	1,9	3,0	0,5
Получение консультации (психологические, юридические)	—	4,9	6,8
Помощь по уходу за детьми	—	0,6	0,5

Источник: данные опроса 2011 г.

Более трети (37,7%) респондентов не имеют проблем для обращения в органы социальной защиты населения. Более лояльно оценивают деятельность служб социальной защиты населения пенсионеры: у половины из них отсутствуют проблемы такого рода. Молодежь же наиболее критично относится к деятельности данных служб: каждый пятый указал на проблему предоставления одних и тех же документов несколько раз для оформления разных выплат, субсидий, льгот, 15,4% — на проблему очередей. Лица среднего и старшего трудоспособного возраста чаще других возрастных групп выделяют проблему невнимательного отношения социальных работников.

Рейтинг субъектов социальной поддержки по обращаемости и оказанию помощи сельским бедным. В рейтинге частоты обращений сельских бедных к субъектам социальной поддержки со значительным отрывом лидируют близкие и родственники: к ним за помощью обращались 47% респондентов, причем получили помощь от данных субъектов даже несколько больше — 48,2% (рис. 9.1). К друзьям и знакомым обращались 13,4% опрошенных, получили помощь — 12,7%. Далее следуют государственные службы занятости на местах (11,4%, помощь получили 10%) и государственные службы социального обеспечения (10,5%, помощь получили 9,8%). Замыкают первую пятерку проблем руководители предприятий (*«начальство по месту работы»*), к которым за помощью обращались 9,8% респондентов, получили же помощь только 7,5%. Далее следуют такие субъекты, как соседи, односельчане, органы местного самоуправления, коллеги по работе.

Рис. 9.1. Рейтинг субъектов социальной поддержки по частоте обращений к ним сельских бедных и оказанию помощи, % (по данным опроса 2011 г.)

Таким образом, самым значимым субъектом социальной поддержки сельских бедных являются социальные сети, в первую очередь семейно-родственные и дружеские. Если объединить всех неформальных субъектов социальной поддержки (близкие, родственники, друзья, знакомые, соседи, односельчане, коллеги), то совокупный рейтинг обращений к ним за помощью составляет 73,9%,

и почти столько же рейтинг оказания помощи — 73,4%. Помощь, предоставляемая близкими и родственниками, — самая разнообразная: материальная (28,4% респондентов), помощь в натуральной форме (6,8%), по хозяйству (6,8%), моральная поддержка (7%), помощь в ремонте и строительстве (4,5%), по уходу за детьми, в оказании транспортных услуг, предоставлении жилья, поиске работы, трудоустройстве. Друзья и знакомые оказывают преимущественно материальную помощь (7,3%) и моральную поддержку (2%), а также предоставляют займы, оказывают транспортные услуги, помощь в строительстве и ремонте, поиске работы и трудоустройстве, предоставлении жилья, помощь в натуральной форме, по хозяйству. Соседи и односельчане в первую очередь оказывают помощь в натуральной форме, помогают материально и по хозяйству, а также предоставляют займы, оказывают помощь в уходе за детьми, в организации семейных праздников и ритуальных обрядов, в ремонте и строительстве, оказании транспортных услуг. Коллеги по работе оказывают материальную и моральную поддержку, а также помощь по хозяйству и др. (подмена на рабочем месте, по работе).

Большинство экспертов также отмечают значимую роль социальных сетей социальной поддержки: *«взаимная поддержка и коллективизм есть среди родственников, и объединяются они по поддержке друг друга для обработки земли, для закупа, для организации каких-то предприятий»* (заместитель руководителя регионального органа социальной защиты); *«если говорить о селе, то там, наверное, чувство сопереживания, взаимопомощи еще не утеряно. Да, это традиции помощи продуктами, помощи в производстве сельхозпродукции»* (уполномоченный по правам человека в регионе).

Работодатели также рассматриваются экспертами как важные субъекты социальной поддержки, но, по их мнению, не все работодатели на селе берут на себя данные функции: *«Сельские предприниматели — очень отзывчивые … Раз в три года принимается программа социальной поддержки малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. И там есть, в части софинансирования, социально активный бизнес»* (заместитель руководителя регионального органа социальной защиты); *«Некоторые руководители работают и на социальную сферу, и стараются помочь и решать проблемы селян. Есть такие руководители, но их, к сожалению, не так много…, очень мало»* (депутат законодательного органа региона, председатель региональной общественной организации).

Поддержка *«начальства по месту работы»* преимущественно заключается в оказании материальной помощи (3,9%), трудоустройстве, предоставлении внеочередного отпуска, путевки

в лагерь и др. Профсоюз и другие объединения работников предоставляют путевки в лагерь, а также ссуды, кредиты, займы, оказывают материальную помощь. Частные организации, предприниматели, фермерские хозяйства предоставляют ссуды, займы, кредиты, выдают корма, оказывают материальную помощь.

При обращении в государственные службы занятости на местах 7% респондентов были поставлены на учет, получили статус безработного, 2% были трудоустроены, нашли дополнительную работу, еще 0,9% получили материальную помощь. Помощь Пенсионного фонда Российской Федерации заключалась в оформлении пенсий и материнского капитала, налоговой инспекции — в предоставлении налогового вычета, правоохранительных органов — в назначении пенсии за выслугу лет. В государственных службах социального обеспечения 4,5% опрошенных оформили льготы и субсидии на оплату ЖКУ, 2,5% — социальные пособия, 0,9% — получили единовременную денежную помощь, 0,7% — оказана медицинская и санитарно-гигиеническая помощь. Крайне редко встречаются случаи оказания помощи в виде оформления путевок в санатории, помощи в уходе за детьми и по хозяйству.

Редкостью является поддержка органов местного самоуправления (1,6% и менее), она обычно проявляется в помощи по трудоустройству, улучшению жилищных условий и ведению домашнего хозяйства, в содействии по выплате задержек заработной платы, оформлению документов и социальных пособий.

Более четверти респондентов (26,8%) самостоятельно решали возникающие проблемы, и 12% указали на то, что им никто не помогал, их проблема пока не решена. Анализ оказания помощи субъектами социальной поддержки разным категориям бедных показал, что более чем каждому пятому обездоленному (22,2%) никто не помогал в решении жизненных проблем, и их проблемы не были решены на момент опроса, а это почти в полтора раза больше, чем среди средней категории бедных и в 2,6 раза больше, чем среди относительно бедных. В то же время именно обездоленные чаще других обращались за помощью в государственные службы занятости на местах и государственные службы социального обеспечения. Относительно бедные чаще, чем другие категории, предпочитают обращаться к близким, родственникам и друзьям, а также к руководителям предприятий по месту работы и чаще получают от них помощь.

Роль сетей социальной поддержки в преодолении сельской бедности. Более половины сельских бедных (51,6%) в течение последнего года не получали помощи от людей, с которыми они не проживают. Лидирующими видами помощи, оказываемой сельским бедным, являются: помощь в решении материальных

проблем (16,1%), продуктами (13,6%), в ремонте и строительстве (15,5%), по домашнему хозяйству (12,5%), транспортом (10,7%), а также помощь на садово-огородных участках, в ЛПХ (10,9%).

Если пенсионерам преимущественно оказывают нематериальную помощь (по домашнему хозяйству, на садово-огородном участке, в ЛПХ, в ремонте, строительстве), то молодежи в первую очередь помогают в решении материальных проблем. Причем половина лиц среднего и старшего трудоспособного возраста отметили, что их семьям такую помощь в течение последнего года никто не оказывал.

Таблица 9.4

Распределение ответов респондентов, относящихся к разным категориям бедных, на вопрос: «Какую помощь от людей, с Вами не проживающих, Ваша семья получала в течение последнего года», %

Варианты ответов	Обездоленные	Бедные	Относительно бедные
Помощь по домашнему хозяйству (покупка продуктов, стирка, уборка и т. п.)	16,7	7,9	14,9
Помощь продуктами	29,6	14,0	9,5
Уход за ребенком, включая прогулки	3,7	7,3	5,9
Помощь на садово-огородном участке, в ЛПХ	7,4	12,2	10,8
Помощь в решении материальных проблем	13	15,2	17,6
Помощь в организации семейных праздников или ритуальных обрядов	0,0	4,9	6,3
Пошив, починка одежды, обуви	9,3	9,8	7,2
Помощь в ремонте, строительстве	5,6	13,4	19,4
Уход за больными, престарелыми	1,9	2,4	1,8
Проживание у родственников, друзей во время отдыха	3,7	3,0	5,9
Помощь транспортом	7,4	10,4	11,7
Оказание профессиональных консультаций и услуг, включая обучающие занятия с ребенком	0,0	0,6	1,8
Помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы	0,0	4,9	4,5
Психологическая помощь	3,7	4,3	5,9
Семье никто такую помощь не оказывает	57,4	54,3	48,2

Содержание помощи, предоставляемой разным категориям бедных, несколько различается (табл. 9.4). Так, обездоленным в первую очередь оказывается помощь продуктами (29,6%) и практически не оказывается в ремонте и строительстве (5,6%), трудоустройстве, предоставлении профессиональных консультаций и услуг. То есть не оказывается та помощь, которая помогла бы им реально улучшить свое материальное положение.

Для каждого четвертого сельского бедного жителя помощь, предоставляемая другими людьми, играет существенную роль в бюджете их семьи, причем для 3,4% — она жизненно необходима.

Почти каждый пятый оценивает такую помощь как незначительную, и только для 6,8% бедных такая помощь никакой роли для бюджета не играет, воспринимается ими как традиция. Анализ оценки роли помощи, предоставляемой людьми, разных возрастных групп показал, что лица пенсионного возраста больше склонны оценивать ее как незначительную (20,8%) и не играющую никакой роли (9,2%), для каждого же третьего (34,1%) молодого человека эта помощь оказывается существенной.

На наш взгляд, это связано с тем, что пенсионеры, в отличие от молодежи, имеют стабильный доход в виде пенсий. Лица среднего и старшего трудоспособного возраста в своих оценках поделились практически поровну, при этом в данной возрастной категории, по сравнению с другими, большее количество вообще не получавших такой помощи (55,7%).

Оценка деятельности государства и местного самоуправления по решению проблемы социального обеспечения. Сельские бедные дали в целом сравнительно низкие оценки деятельности государства и органов местного самоуправления по социальному обеспечению их семей (рис. 9.2). Так, большинство респондентов оценили на *«очень плохо»* и *«плохо»* действия как государства (56,3%), так и органов местного самоуправления (53,8%). Каждый третий сельский бедный дал удовлетворительную оценку действиям обоих органов. Высокие оценки (*«хорошо»* и *«отлично»*) действий государства получены только от 7% респондентов, органы местного самоуправления так оценили почти в два раза меньше сельских бедных — 3,8%.

Анализ оценок действий государства и органов местного самоуправления разными категориями бедных показал, что более негативно оценивают данные действия лица, отнесенные к категории обездоленных. Так, *«плохо»* и *«очень плохо»* действия государства и органов местного самоуправления оценили 63,6% респондентов данной группы, что выше, чем в других категориях. Положительные оценки (*«хорошо»*) действий государства дали 4,5% обездоленных, действий органов местного самоуправления — только 3%.

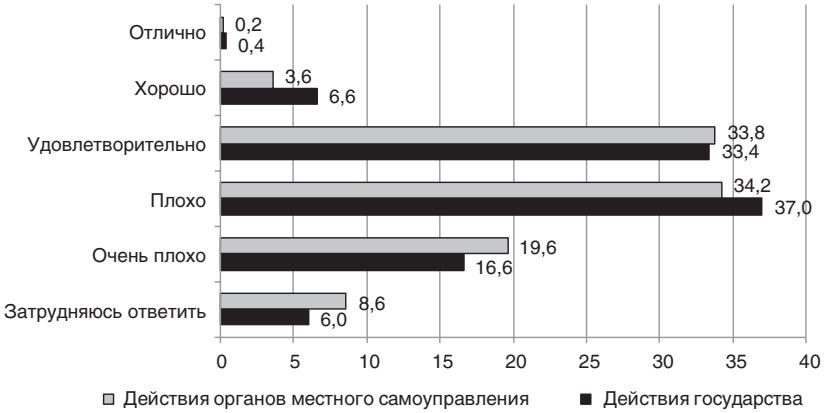


Рис. 9.2. Оценка сельскими бедными действий государства и органов местного самоуправления в области социального обеспечения (по данным опроса в 2011 г.)

* * *

Таким образом, анализ практик социальной поддержки сельского бедного населения в Алтайском крае, по данным социологического исследования, показал следующее.

1. Популярность различных практик государственной социальной поддержки довольно высока. Имели опыт обращений за социальной поддержкой три четверти опрошенных, более двух третей были получателями каких-либо мер социальной поддержки, довольно часто обращаются в органы социальной защиты населения около 17% респондентов.

Получателями различных форм социальной поддержки чаще являются самые малообеспеченные категории населения, женщины и пенсионеры. Более половины сельских бедных жителей не испытывают никаких проблем при обращении в органы социальной защиты населения, наиболее лояльно оценивают деятельность данных служб пенсионеры.

2. Определена значимость различных субъектов социальной поддержки населения в решении проблем сельских бедных. Наибольшую роль в социальной поддержке сельских бедных играют социальные сети. Далее в рейтинге субъектов социальной поддержки по обращаемости к ним идут государственные службы занятости и социального обеспечения, а затем работодатели. Органы социальной защиты населения Алтайского края не оценены сельскими бедными в качестве высокозначимого субъекта социальной поддержки относительно реальных потребностей последних.

9.2. Оценка современной политики и перспективные направления преодоления бедности

Оценка бедным сельским населением государственной и муниципальной политики по решению их жизненных проблем. По итогам социологического опроса в 2011 г., бедное сельское население относительно невысоко оценивает действия государства и органов местного самоуправления по решению тех или иных проблем в своей жизни.

Наиболее высокие оценки встречаются в области государственной образовательной политики, здравоохранения (независимо от пола, принадлежности к возрастной группе, группе бедности) и колеблются от 0,5 до 50,4% (рис. 9.3).

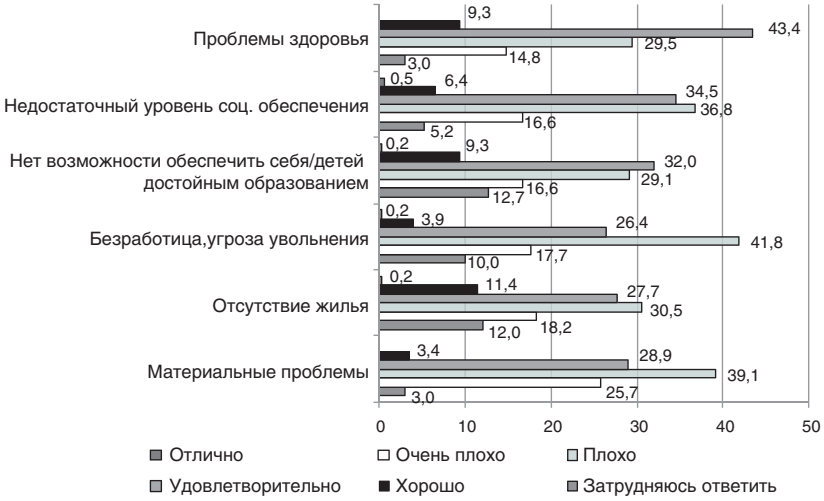


Рис. 9.3. Оценка бедными сельскими жителями действий государства по решению проблем своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

Действия государства при решении материальных, жилищных проблем, а также безработицы, угрозы увольнения оцениваются сельскими жителями сравнительно низко. Низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*) колеблются в пределах от 41,8 до 17,7%.

Сравнивая полученные данные с результатами социологического опроса 2008 г., мы можем говорить о том, что рейтинг мер социальной политики в оценках сельского населения практически не изменился. Оценка сельскими жителями действий государ-

ства по решению социальных проблем, и прежде всего жизненных проблем самого респондента, показала, что на долю «хороших» и «отличных» оценок приходится не более 10–12%, низкие оценки («*плохо*» и «*очень плохо*») колеблются в пределах от 32 до 43%. Причем наиболее высоко оценивают селяне действия государства также в области образовательной политики и здравоохранения, а самые низкие оценки получены по решению материальных проблем, проблем жилищно-коммунального хозяйства.

В оценках действий государства, данных бедным сельским населением в 2011 г., обнаружены существенные различия по возрастным группам. Молодежь давала преимущественно низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*) действиям государственной политики по решению различных проблем своей жизни: их доля колеблется в пределах от 20 до 49,5% по оценке решения материальных проблем, от 23 до 44% — безработицы, угрозы увольнения, от 26,4 до 36,3% — жилищных проблем. Действия государства по обеспечению достойным образованием себя и своих детей молодежь оценивала уже не так низко, как респонденты среднего и старшего трудоспособного возраста.

Оценки бедными сельскими жителями политики органов местного самоуправления не отличаются существенно от оценок действий государства (рис. 9.4). Примечательно, что действия органов

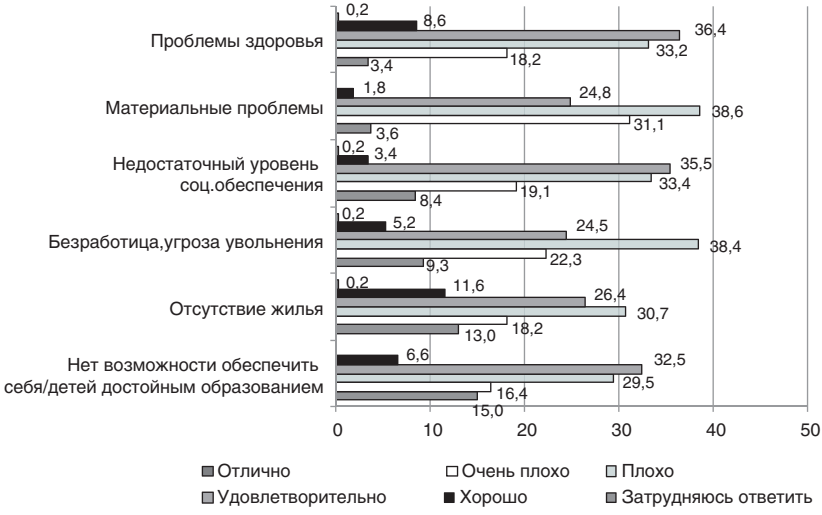


Рис. 9.4. Оценка бедными сельскими жителями действий органов местного самоуправления по решению проблем своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

местной власти сельские жители также оценивают выше в таких областях, как здравоохранение и образование, нежели при решении материальных, жилищных проблем, безработицы. Так, в разрезе групп бедных при оценивании сельским населением решения их материальных проблем силами органов местной власти преобладают преимущественно низкие оценки (*«плохо»* и *«очень плохо»*), которые колеблются в пределах от 31,1 до 38,6%.

Экспертная оценка государственной и муниципальной политики преодоления бедности. По результатам полуформализованного интервью с экспертами — руководителями местных органов управления, проведенного в 2011 г., получены довольно низкие оценки эффективности современной политики по борьбе с бедностью: федеральная и региональная (субъекта Федерации) политики — по 2,9 балла из пяти возможных, политика местного самоуправления — 2,5 балла. Руководители агропромышленных предприятий и общественных организаций села более критично оценивают эффективность государственной и муниципальной политики по борьбе с бедностью. Оценка директорами предприятий (по пятибалльной шкале) федеральной и региональной политик равна чуть более 2 баллам, политика местного самоуправления оценена в среднем только на 1,7 балла. Руководители общественных организаций дали самую низкую оценку политике федеральных органов власти (1,8 балла), но чуть выше, чем директора предприятий, оценили региональную (2,1) и местную (1,9) политики.

По мнению руководителей местных органов управления, за последние три года федеральная помощь в преодолении бедности россиянам заключалась главным образом в мерах по содействию трудоустройству, самозанятости, по увеличению размера социальных выплат, улучшению жилищных условий. Помощь региональных властей сельским жителям в решении проблем бедности заключалась, по мнению представителей местных органов управления, также в основном в содействии трудоустройству и самозанятости, улучшении жилищных условий, увеличении социальных выплат, оказании материальной помощи, установлении льгот по газификации. На муниципальном уровне — это также прежде всего содействие трудоустройству и самозанятости, но кроме того, денежные выплаты беременным, поддержка малого бизнеса, улучшение жилищных условий.

В качестве реальных мер, направленных на сокращение сельской бедности, которые наиболее часто предпринимаются государственными и муниципальными органами управления, большинство экспертов указывают организацию общественных

работ и временной занятости, содействие трудоустройству по месту жительства, содействие предпринимательству и самозанятости населения. Следующими по популярности мерами являются поддержка семейного крестьянского хозяйства, профессиональная ориентация населения, профессиональное обучение и переобучение. Заметно реже (их отмечают менее трети экспертов) реализуются такие меры, как микрокредитование, целевая поддержку рабочих мест, создание дополнительных рабочих мест, содействие трудоустройству с выездом в другие районы, регионы на сезонные работы (на Север вахтовым методом в зимнее время и др.), помощь слабозащищенным группам населения (молодежи, инвалидам, беженцам) путем квотирования рабочих мест, поддержка доходов бедных и безработных, защита прав наемных работников.

Вновь всплыли также вопросы необходимости более высокой оплаты труда, создания рабочих мест и обеспечения молодежи жильем (*«нет возможности привлекать молодых, потому что жилья нет, его никто не строит»; «нет мотивации не только из-за диспаритета цен, но и диспаритета в заработных платах. Сельский труд ведь — каторжный труд, это тяжелый труд, и платить гроши и ждать результата, что человек будет с радостью идти на работу и с радостью возвращаться, — утопия»* (представитель законодательного органа региона); *«Для молодежи самое главное — это жилье и это, безусловно, работа. И в этих направлениях в Алтайском крае, в частности, идет у нас развитие тех программ, которые есть. Это „Жилье — молодежи села“, программа работает. И создаются через службу занятости рабочие места. Эти два направления достаточно эффективны. При социальной ответственности самого молодого человека и при профессиональных навыках и желании работать»* (руководитель органа социальной защиты региона).

К организациям, которые играют наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, по мнению подавляющего большинства экспертов, относятся в первую очередь государственная служба занятости, центры занятости, а также государственные органы социальной поддержки населения (табл. 9.5). Третье место по значимости занимают фермерские хозяйства или частные предприниматели (без образования юридического лица). Затем экспертами отмечается, что немаловажную роль в преодолении сельской бедности играют органы местного самоуправления, остальные сельские предприятия и учреждения.

Таблица 9.5

Рейтинг организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности (по данным опроса 2011 г.)

Организации	Представители местных органов управления		Руководители сельских предприятий		Руководители обществ. организаций		Общий рейтинг		
	кол-во ответов	рейтинг	кол-во ответов	рейтинг	кол-во ответов	рейтинг	кол-во ответов	%	рейтинг
Государственная служба занятости, центры занятости	32	1	15	1	8	1	55	87	1
Государственные органы социальной поддержки населения	27	2	9	2	7	2	43	65	2
Другие государственные (федеральные и региональные) органы управления	2	7	1	6	1	7	4	6	6
Органы местного самоуправления	12	5	6	3	5	3	23	35	4
Сельские предприятия, учреждения (государственные, муниципальные, частные)	13	4	5	5	1	6	19	29	5
Фермерские хозяйства, частные предприниматели (без образования юридического лица)	21	3	6	4	4	4	31	47	3
Общественные организации: молодежные, женские, ветеранов, инвалидов и т. п.	1	8	0	7	3	5	4	6	6
СМИ	3	6	1	6	0	8	4	6	6
Религиозные организации	0	9	0	7	0	8	0	0	7

Характер и специфика участия сельского бизнеса в решении проблем бедности. В условиях становления и развития многосубъектной социальной политики в России, формирования местного самоуправления особую роль в социальном развитии села, поддержке его социальной инфраструктуры, преодолении сельской бедности и помощи беднякам, проживающим на селе, продолжают играть сельские предприятия.

Большинство руководителей стараются что-либо предпринять для улучшения материального положения своих работников (табл. 9.6). В 2011 г. доля руководителей, не оказывающих помощь своим работникам, практически не изменилась в сравнении с 2008 г. и составила 10,5% (против 13% в 2008 г.). В основном (так же, как и в 2008 г.) отличившимся работникам выплачивают денежные премии (редко — премии в натуральном виде). Широко применяется предоставление работникам льгот на приобретение скота, кормов, семян, твердого топлива, сена, некоторых продуктов питания (мука, масло подсолнечника) в отличие от 2008 г., когда такие виды помощи оказывались редко. Также часто встречается такой способ помощи, как предоставление служебного транспорта. В 2008 г. эта мера была распространена реже — средний уровень распространенности.

Средне распространена среди руководителей предприятий реализация производимой продукции по более низким ценам. Причем в 2008 г. эта мера была распространена чаще. Традиционными (распространенными как в 2011 г, так и в 2008 г.), но имеющими средний уровень распространения являются такие способы поддержки, как материальная помощь нуждающимся работникам, льготное питание, вложение средств в развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня работников. Также реализуется такая мера, как помощь в организации медицинского обслуживания: диспансеризация, дополнительное медстрахование, что в 2008 г. встречалось редко (см. табл. 9.6).

Редко (реже, чем в 2008 г.) применяется такая мера, как строительство или предоставление жилья для работников и приглашенных специалистов. Как в настоящее время, так и в 2008 г. редко встречаются премирование отличившихся работников, помощь ветеранам предприятия, поддержка молодежи, помощь оплаты расходов на обучение в вузах детей работников, предоставление путевок (погашение расходов) работникам и их семьям в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и др. Раньше редко применялись такие меры помощи, как оплата полностью или частично расходов на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях, назначение стипендий для работников, их детей, обучающихся в вузах, сейчас они не применяется вовсе (см. табл. 9.6).

Таблица 9.6

Формы поддержки, оказываемой сельскими предприятиями своим работникам в 2008 и 2011 гг. (по результатам опросов руководителей предприятий)

Виды помощи	2008 г.	2011 г.
Выплачивает отличившимся работникам денежные премии	***	***
Премирует отличившихся работников товарами	*	*
Предоставляет льготы на приобретение скота, кормов, семян, дров и др.	*	***
Реализует продукцию предприятия по более низким ценам	***	**
Оказывает материальную помощь нуждающимся работникам	**	**
Оказывает помощь ветеранам предприятия	*	*
Организует льготное питание	**	**
Предоставляет служебный транспорт	**	***
Вкладывает средства в развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня работников	**	**
Осуществляет поддержку молодежи, в том числе путем участия в образовательных проектах, программах, организует или оказывает помощь в проведении молодежных мероприятий	*	*
Помогает оплачивать расходы на обучение в вузах детей своих работников	*	*
Назначает стипендии для своих работников и их детей, обучающихся в вузах	*	—
Оказывает помощь в организации медицинского обслуживания: диспансеризация, дополнительное медстрахование	*	**
Строит или предоставляет жилье для своих работников и приглашенных специалистов	**	*
Выдает ссуды (кредиты) или гарантии для получения кредита на покупку или строительство жилья, хозяйственных построек и т. п.	*	*
Выдает ссуды (кредиты) или гарантии для получения кредита на приобретение дорогостоящих вещей (мебели, автомобилей и т. д.)	*	*
Оплачивает полностью или частично расходы на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях	*	—
Предоставляет путевки (погашает расходы) работникам и их семьям в дома отдыха, санатории, профилактории, курорты, летние лагеря и др.	*	*
Организует или помогает проводить спортивные мероприятия, помогает приобретать спортинвентарь	**	…
Предприятие ничего не предоставляет	*	*

*** — широко распространено (более 50% случаев); ** — средний уровень распространенности (20–49%); * — редко применяется (менее 20%); « — » — не применяется (0%).

Четверть руководителей предприятий не оказывают помощь малообеспеченным односельчанам, не являющимся их работниками. Остальные в основном помогают бедным в приобретении скота, кормов, семян, дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской помощи (табл. 9.7).

Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях, оказывают помощь школе, медицинским учреждениям («предоставление молока в детское отделение районной больницы»).

Таблица 9.7

Виды помощи, оказываемой предприятиями малообеспеченным селянам для улучшения их материального положения

Виды помощи	2011 г.
Предприятие никакую помощь не оказывает	**
Помощь в приобретении скота, кормов, семян, дров, другое	***
Реализует продукцию предприятия по более низким ценам	**
Оказывает материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семей и др.)	*
Организует бесплатное или льготное питание	*
Предоставляет служебный транспорт для оказания медицинской помощи	*
Помогает оплачивать расходы на обучение детей	*
Оказывает помощь в строительстве жилья, хозяйственных построек и т. п.	-
Участие в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве	*
Помогает оплачивать расходы на содержание детей в детских садах и других дошкольных учреждениях	*
Помощь школе	*
Помощь медицинским учреждениям	*

*** — широко распространено (более 50% случаев); ** — средний уровень распространенности (20–49%); * — редко применяется (менее 20%), «—» — не применяется (0%).

О роли сельского бизнеса в решении проблем бедности косвенно можно судить также по ответам экспертов об участии сельских предпринимателей в улучшении социального и экономического положения жителей села.

По результатам опроса 2008 г. более половины респондентов отметили, что поддерживали и организовывали массовые культурно-развлекательных мероприятия на селе, участвовали в финансировании культурных объектов, оказывали материально-техническая помощь Дому культуры (клубу), участвовали в благоустройстве села (дороги, озеленение и др.). Достаточно большая доля опрошенных отмечала, что была оказана материально-техническая помощь администрации сельского совета поселения, осуществлялась поддержка деятельности (обновление материальной базы) школы, других образовательных учреждений, поддержка развития спорта, покупка спортинвентаря, участие в финансировании спортивных мероприятий и спортивных объектов, поддержка незащищенных групп населения (пенсионеров, инвалидов, бедных семей и др.). Меньшая доля предпринимателей оказывали материально-техническую помощь детскому саду, другим детским дошкольным учреждениям, помощь в оборудовании детских площадок и лагерей труда и отдыха, пляжей и т. п. Кроме того, предприниматели оказывали материально-техническую помощь больнице (амбулатории), другим медицинским учреждениям, участвовали в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, в финансировании строительства религиозных объектов, но значительно реже.

В рейтинге организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, сельский бизнес, по мнению руководителей предприятий, лидирующую позицию не занимает, но все-таки играет важную роль. В 2008 г. эксперты — руководители предприятий фермерским хозяйствам давали самый высокий рейтинг как организациям, играющим наиболее значимую роль в развитии социальной сферы села, второе место было у частных предприятий, а частным предприятиям без образования юридического лица оставляли четвертое место. Представители муниципальных органов власти видят значимую роль фермерских хозяйств, частных предпринимателей (без образования юридического лица), сельских предприятий, учреждений (в основном частных) в преодолении бедности. В рейтинге организаций, играющих наиболее значимую роль в решении проблемы сельской бедности, фермерские хозяйства и частные предприятия (без образования юридического лица) эксперты — представители власти поставили на третье место, сельские предприятия (государственные, муниципальные, частные) — на пятое место из девяти

возможных. Руководители общественных организаций отмечают, что фермерские хозяйства, частные предприятия (без образования юридического лица) играют значимую роль в решении проблемы сельской бедности (четвертое место из семи). Роль сельских предприятий и учреждений в борьбе с бедностью, по их мнению, невысока — шестое место из семи, причем отмечена роль государственных и муниципальных, но не частных предприятий.

По сравнению с 2004 г., в 2011 г., по мнению экспертов, среди организаций, поддерживающих бедных, высокой была и остается роль фермерских хозяйств, частных предпринимателей (без образования юридического лица), а муниципальным предприятиям эксперты дают низкую оценку. Рейтинг государственных предприятий упал со второго на третье место, а частных предприятий — поднялся с третьего на второе место.

Среди представителей государственных органов власти встречаются разные позиции в оценке роли агропромышленного бизнеса в решении социальных проблем села. Однако преобладают достаточно высокие оценки его значимости: *«сельские предприниматели — очень отзывчивые, отзываются на всевозможные предложения, и на создание в социальных учреждениях попечительских советов. И больше в попечительских советах находится сельских предпринимателей»* (представитель регионального органа социальной защиты населения). Несмотря на то, что *«первая забота — это все-таки выжимание прибыли и удовлетворение своих потребностей»*, предприятия все же готовы оказывать помощь своим односельчанам: *«некоторые руководители работают и на социальную сферу, и стараются помочь решать проблемы селян; есть такие руководители, но их, к сожалению, не так много, очень мало… Постепенно придут к этому»* (депутат законодательного органа региона). Положительное влияние деятельности сельского бизнеса на материальное положение селян и решение других социальных проблем проявляется в «*увеличении рабочих мест*», «*в софинансировании программы социальной поддержки малоимущих граждан и граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации (не пьяниц, а детей и стариков)*», *«в поддержке продуктами, какой-то натуроплатой, причем и по льготной цене, и даже иногда бесплатно»*. Отмечая необходимость повышения роли агропромышленных предприятий в социальном развитии села, лишь один из экспертов обратил внимание на негативные изменения в последние годы в отношении к этому многих руководителей: *«слушать даже не хотят об этом, в лучшем случае на похороны выделят деньги»*.

Бедное сельское население, в отличие от экспертов, в значительно меньшей степени признает роль сельского бизнеса

в решении разнообразных жизненных проблем (которые прямо или косвенно связаны с бедностью). Крайне редко малообеспеченные селяне обращаются за помощью к начальству по месту работы, еще реже — в частные организации, фермерские хозяйства, к предпринимателям. Также ничтожно мала доля респондентов, отметивших, что им оказали помощь вышеназванные организации. Среди видов оказанной помощи основными являются материальная помощь, предоставление кредитов, ссуд, займов.

Роль общественных организаций в преодолении сельской бедности. Эксперты — представители власти очень низко оценивают роль общественных организаций в преодолении сельской бедности и помощи бедным. По результатам полустандартизированного интервью, проведенного среди трех групп экспертов (представителей органов местного самоуправления на селе, руководителей сельских предприятий и общественных сельских организаций), общественные организации в решении проблемы сельской бедности значительную роль не играют (шестое место из семи возможных, 6% экспертов) (см. табл. 9.5).

Сами представители общественных организаций также невысоко оценивают свою роль в решении проблемы сельской бедности, отводят себе пятое место из семи возможных. Лишь треть таких экспертов отмечают, что общественные организации оказывают значимую помощь бедным селянам, помогают в преодолении бедности.

Хотя активность общественных организаций и не является определяющей в решении проблемы сельской бедности, руководители общественных организаций отмечают, что их деятельность в целом направлена на поддержку бедных. В частности, молодежные организации принимают участие в решении проблем сельской молодежи: содействуют в получении жилья, участвуют в реализации образовательных программ (в том числе профессиональной ориентации, профессионального обучения и переобучения), организуют общественные работы, проводят мероприятия в сфере досуга и отдыха. Организации пенсионеров содействуют в решении таких вопросов, как получение социальных льгот, оказывают материальную помощь, проводят мероприятия в сфере досуга и отдыха, участвуют в организации общественных работ, помощи в семейном крестьянском хозяйстве, решении бытовых проблем, содействуют в решении проблем улучшения жилищных условий. Женские организации поддерживают доходы бедных и безработных сельских женщин, содействуют в получении жилья, оказывают моральную поддержку сельским женщинам, организуют общественные работы, помогают в семейном крестьянском хозяйстве. Организации инвалидов участвуют в решении проблем инвалидов, в частности

в форме поддержки доходов бедных инвалидов, организации общественных работ, мероприятий в сфере досуга и отдыха.

Малообеспеченные сельские жители практически не обращаются за помощью в решении проблем в общественные организации. Ничтожна доля тех селян, кому общественные организации оказали помощь в решении проблем (менее 1% опрошенных). Помощь заключалась в предоставлении путевок в лагерь, предоставлении ссуд, кредитов, займов, кроме того оказывалась материальная помощь.

Перспективные направления и технологии преодоления сельской бедности. По результатам опроса населения и экспертов выделены следующие направления и механизмы преодоления сельской бедности:

— на федеральном уровне: повышение занятости сельского населения (организация рабочих мест, соблюдение трудовых прав сельских жителей); поддержка сельского бизнеса и сельхозпроизводства (государственное регулирование цен на сельхозпродукцию, госзаказ, правовая поддержка сельского бизнеса — совершенствование налогового законодательства);
— на региональном уровне: повышение доходов и уровня жизни сельских жителей (увеличение заработной платы, социальных выплат, перераспределение средств в пользу нуждающихся, развитие программного обеспечения политики по преодолению бедности, обеспечение жильем молодежи);
— на муниципальном уровне: информационная поддержка программ по преодолению бедности (консультирование сельских жителей относительно возможности участия в программах, проектах, что потребует увеличения квалифицированных кадров в органах местного самоуправления).

Так, эксперты особо подчеркивали, что рабочие места, должны создаваться прежде всего в перерабатывающих отраслях: «*В первую очередь — перерабатывающие, потому что они же производят продукцию! Им дать толчок, чтобы сразу он — производитель, и он — переработчик без посредника… И создавать сейчас нужно… Поэтому переработка, вот на это должно быть все направлено, на создание собственных алтайских брендов*» (представитель законодательного органа региона).

Анализ масштабов, глубины, динамики и форм сельской бедности, механизмов ее формирования и преодоления в условиях модернизационного развития российского общества, осуществленный на основе результатов опросов населения и экспертов, статистических данных и изучения нормативно-правовых документов России и Алтайского края, позволил выделить следующие перспективные направления и технологии решения проблем сель-

ской бедности и разработать рекомендации по совершенствованию государственной и муниципальной политики в данной области.

Для реализации комплексного подхода к решению проблем сельской бедности необходимо:

— провести инвентаризацию законодательной базы, проектов и программ, направленных на решение проблемы сельской бедности на федеральном и региональном уровнях;
— разработать концепцию преодоления сельской бедности с включением механизмов вертикальной социальной мобильности сельского населения на основе развития человеческого потенциала («социальных лифтов») и механизмов эффективной горизонтальной социальной мобильности, «закрепления» инновационной части сельского населения, прежде всего молодежи на селе («социальных якорей»);
— сформировать систему индикаторов комплексной оценки масштабов, глубины и динамики сельской бедности, используя для этого разработанные авторами методические подходы такой оценки;
— на основе концепции преодоления сельской бедности, Концепции устойчивого развития сельских территорий на период до 2020 г. и сформированной системы индикаторов комплексной оценки масштабов, глубины и динамики сельской бедности организовать российский и региональные мониторинги проблем сельской бедности и развития социальной сферы села;
— обеспечить доступность баз данных мониторинга не только для органов управления, но и для экспертного сообщества. В качестве самостоятельного элемента мониторинга выделить инновации в решении проблем бедности и социальной мобильности сельского населения;
— разработать дифференцированные политики решения проблем сельской бедности для различных социальных групп сельских бедных с учетом особенностей их социально-экономического положения и активности. Для этого предлагается использовать разработанный авторами проекта методический подход, полученные результаты типологизации и предложения по решению проблем сельской бедности для социальных групп сельских бедных, различающихся социально-экономическим положением и активностью.

В сфере поддержки сельского бизнеса и сельхозпроизводителей необходимо:

— увеличивать объемы и доступность микрокредитования крестьянских хозяйств и выделения кредитов крупным и средним предприятиям АПК;

— разработать единый механизм защиты интересов сельхозпроизводителей, включая страхование урожая, развитие сбытовой и потребительской кооперации и формирование госзаказа на важнейшую сельхозпродукцию для решения проблем продовольственной безопасности.

В сфере молодежной политики основными направлениями решения проблем бедности являются:

1) усиление мер государственной поддержки молодых сельских семей в приобретении жилья, обеспечении детей детским садами, поскольку серьезным ограничителем для молодежи является именно создание семьи и рождение детей; в частности, необходимо увеличение средств на уплату первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита или займа на приобретение или строительство жилья, повышение их доступности;
2) развитие поддержки молодежного предпринимательства (в том числе его дистанционных форм) и регулирование занятости молодежи на селе: первоочередное выделение молодым семьям земли для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства; создание условий для профессионального самоопределения и повышения квалификации сельской молодежи края; поощрение инициатив молодежи в области промышленного и сельскохозяйственного производства, сфере предоставления социальных услуг и в другой деятельности, способствующей развитию сельского сообщества;
3) расширение мер профилактики и лечения алкоголизма и наркомании, сохранение психического здоровья сельской молодежи;
4) совершенствование работы с молодежью на селе, создание условий для повышения социальной активности и обеспечения духовно-нравственного воспитания сельской молодежи, развитие массового молодежного спорта;
5) создание системы информационного обеспечения молодежной политики и поддержка молодежных общественных объединений на селе.

Особое внимание следует уделить информационной грамотности сельской молодежи в отношении проводимых государством на всех уровнях управления проектов, программ и других действий, направленных на повышение уровня и качества жизни сельской молодежи, а также повышению доступности системы бесплатного консультирования и получения информации в органах труда и занятости по вопросам выбора сферы деятельности, трудоустройства и возможности профессионального обучения.

Комплексная реализация мероприятий молодежной политики позволит вывести работу с сельской молодежью в стране на уровень, соответствующий требованиям устойчивого развития, и оптимизировать использование имеющихся в регионах и сельских муниципалитетах организационных, административных, кадровых, финансовых и других ресурсов.

Для сокращения масштабов социальной исключенности сельских бедных от важнейших социальных благ и услуг в сфере развития сельской социальной инфраструктуры требуется совершенствование системы государственных социальных стандартов в области потребления и оказания социальных услуг населению, налоговой системы и распределительных отношений, а также повышение социальной ответственности государства и бизнеса за решение проблем жизнедеятельности сельского населения.

* * *

Таким образом, результаты социологических исследований позволили получить следующие результаты и сделать выводы по оценке политики преодоления бедности как механизма формирования устойчивого развития села.

1. Дана оценка сельским населением и экспертами эффективности действий государства и органов местного самоуправления по решению проблем сельской бедности. По результатам опроса, сельское население сравнительно низко оценивает действия государства и органов местного самоуправления по улучшению их социально-экономического положения, наиболее низкие оценки получены по решению материальных и жилищных проблем, проблем безработицы, что отчасти вызвано низким уровнем информированности о проводимых мероприятиях, а также недостаточной эффективностью и масштабностью реализуемых действий.

Экспертные оценки эффективности государственной и муниципальной политики по борьбе с сельской бедностью также низки, особенно это касается действий местных органов. К наиболее эффективным реализуемым мерам по преодолению бедности на селе относятся организация общественных работ и временной занятости, содействие трудоустройству, предпринимательству и самозанятости. Наибольшую помощь сельским бедным оказывают такие организации, как государственная служба занятости, государственные органы социальной поддержки населения, органы местного самоуправления.

2. Определена значимость органов социальной поддержки населения в решении проблем сельских бедных. Эти органы не являются высокозначимым субъектом социальной поддержки относительно реальных потребностей сельского населения. Око-

ло трети сельских бедных приходится самостоятельно решать возникающие жизненные проблемы. Среди субъектов социальной поддержки наибольшую роль играют социальные сети, далее в рейтинге субъектов социальной поддержки по обращаемости идут государственные службы занятости и социального обеспечения, а затем работодатели.

Почти треть сельских бедняков не пользуются какими-либо мерами социальной поддержки, регулярно обращаются в органы социальной защиты населения менее 10% респондентов. Более трети обездоленных перестали обращаться в органы социальной защиты населения, для каждого десятого из них предоставляемая помощь оказалась недостаточной для решения проблемы. Все это свидетельствует о низкой эффективности деятельности данных служб.

3. Выявлены характер и специфика участия сельского бизнеса в решении проблем бедности. Почти три четверти представителей сельского бизнеса оказывают помощь малообеспеченным односельчанам: в основном в приобретении скота, кормов, семян и дров, реже реализуют продукцию предприятий по более низким ценам, оказывают материальную помощь нуждающимся (пенсионерам, инвалидам, бедным семьям и др.), предоставляют служебный транспорт для оказания медицинской помощи. Помогают также участием в содержании объектов жилищно-коммунального хозяйства, в жилищном строительстве, организуют бесплатное или льготное питание, помогают оплачивать расходы на обучение детей, на содержание детей в дошкольных учреждениях.

Представители региональной власти и органов местного самоуправления, общественных организаций отмечают значимую, но недостаточную роль сельского бизнеса в решении проблемы бедности.

4. Определена роль общественных организаций в преодолении сельской бедности. Современное село характеризуется низким уровнем развития институтов гражданского общества. Эксперты — представители власти как в Алтайском крае, так и в Республике Алтай очень низко оценивают роль общественных организаций в преодолении сельской бедности и помощи бедным. Среди наиболее значимых общественных организаций можно выделить молодежные, женские, ветеранские, организации инвалидов. В основном используются традиционные методы решения проблем селян: материальная помощь (в том числе натуральная), моральная поддержка, организация досуга отдельных категорий селян и прочее.

5. Разработаны перспективные направления по преодолению сельской бедности. Особое внимание должно быть уделено под-

держке сельского бизнеса и сельхозпроизводителей, молодежной политике, сокращению масштабов социальной исключенности сельских бедных от важнейших социальных благ и услуг.

Перспективным в условиях массового социального неблагополучия на селе, огромных масштабов сельской бедности в стране является развитие идеи кластерного подхода, создания и поддержки развития сельских территориальных кластеров с учетом стратегических направлений социально-экономического развития страны и регионов и формирования устойчивого развития сельских территорий.

Раздел 4

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Глава 10

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОСТИ[1]

10.1. Методологические предпосылки

Одной из важнейших функций сельских территорий является сохранение и пополнение демографического потенциала как самих сельских территорий, так и страны в целом. Именно от степени и качества выполнения этой функции в значительной мере зависят экономическое и социальное развитие деревни, продуцирование рабочих мест в индустриальной экономике и сфере услуг и их обеспечение трудовыми ресурсами, снабжение городов продовольствием и поддержание экологического равновесия, сохранение культурного наследия и социального контроля над обширной российской территорией.

В соответствии с теоретико-методологическими положениями, представленными в первом разделе данной монографии, под устойчивым демографическим развитием сельских территорий будем понимать такое развитие демографических процессов и структур в сельской местности, которое позволяет этим территориям наиболее полно и эффективно выполнять свои внутренние и внешние функции в конкретных пространственно-временных условиях. Демографические критерии устойчивости — это количественные и качественные характеристики процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур, на основании которых производится оценка устойчивости развития сельских территорий. При их построении необходимо исходить из целей и задач демографического развития конкретных территорий. В соответствии с этими целями все множество демографических критериев устойчивости можно разделить на три группы,

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-12-22000а и № 11-03-00667а), Администрации Алтайского края и Института общественного проектирования, грант в соответствии с распоряжением Президента РФ от 08.05.2010 г. № 300-рп.

отражающие общие характеристики населения, его естественное движение и здоровье, миграцию и систему расселения. В первой группе объединены критерии, показывающие изменение численности сельского населения и преодоление структурных диспропорций, во второй — повышение рождаемости, снижение смертности и укрепление здоровья, в третьей — оптимизацию миграционных процессов и системы расселения (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Демографические критерии устойчивого развития сельских территорий

Критерии	Эмпирические показатели	Значение показателя в Алтайском крае в 2009–2010 гг.	Показатель-ориентир, 2020 г.	Нормативное значение показателя	Среднее значение показателя по РФ в 2009–2010 гг.
1	2	3	4	5	6
I. Общие характеристики населения					
Рост численности населения	годовой темп прироста, %	–1,3	0,5	более 0,7	–3,0
Преодоление структурных диспропорций	доля мужчин в общей численности населения, %	47,2	48,5	50,0	47,8
	доля детей и подростков в общей численности населения, %	18,0	19,3	25,0	18,7
	коэффициент демограф. нагрузки, ед.	724	620	490	690
II. Естественное движение населения и здоровье					
Повышение рождаемости	общий коэффициент рождаемости, ‰	13,6	15,7	20,0	14,0
	суммарный коэффициент рождаемости, ед.	1,87	1,98	более 2,15	1,90
	число абортов на 100 родов	66[1]	33,0	0,0	67,0

Окончание таблицы 10.1

1	2	3	4	5	6
Снижение смертности	общий коэффициент смертности, ‰	16,2	13,2	7,1	16,1
	коэффициент младенческой смертности, ‰	8,6	6,2	0,0	9,1
	коэффициент смертности трудоспособного населения, ‰	7,7	4,5	менее 2	7,6
Укрепление здоровья	уровень заболеваемости, ‰	1037[1]	820	менее 300	780[1]
	уровень потребления алкоголя на душу населения, л	17[1]	8	менее 4	16[1]
	ожидаемая продолжительность жизни, лет	67,5	73,5	80,0	68,0
III. Миграция и система расселения					
Оптимизация миграционных процессов и системы расселения	коэффициент миграционного прироста, ‰	–9,8	0,15	1,5	–2,6
	плотность населения, чел. на 1 км^2	6,7	8,1	более 10,0	8,4[1]
	доля сельского населения, проживающего в малых поселениях (менее 500 чел.), %	2,67	12,0	10,0	2,75

Примечание. 1 — данные по Алтайскому краю и Российской Федерации в целом.

Источники: данные Росстата, оценки экспертов.

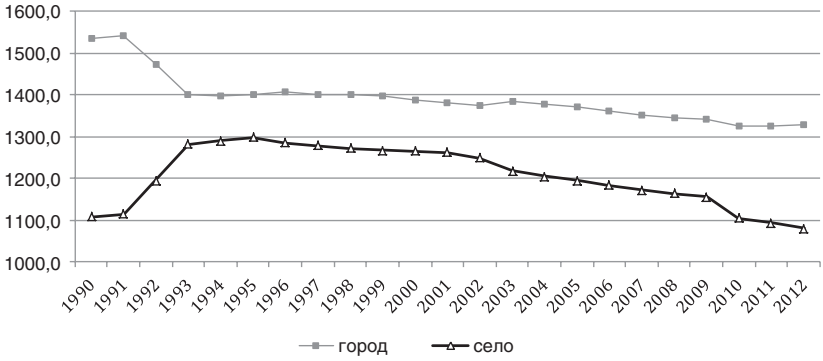
Каждый критерий может быть описан одним или несколькими эмпирическими показателями, и каждому из этих показателей должна соответствовать шкала допустимых значений. При этом важно определить нормативные, или пороговые, значения показателей, к которым нужно стремиться или ниже которых нельзя опускаться для достижения устойчивого развития. Это можно сделать на основе экспертных оценок, выбора лучших показателей

по городам и сельским территориям региона или средних показателей по России и развитым странам мира.

С помощью выделенных критериев можно осуществлять диагностику состояния демографической сферы, их можно рассматривать в качестве ориентиров ее развития и использовать при разработке и реализации политики устойчивого демографического развития. В условиях современного демографического кризиса позитивная динамика демографических показателей — это движение в направлении повышения устойчивости развития сельских территорий.

10.2. Оценка демографической ситуации и перспективы ее развития

Несмотря на некоторые позитивные изменения отдельных демографических показателей в последние годы, в целом демографическая ситуация в сельской местности Алтайского края и почти на всей территории России характеризуется как критическая. Наблюдаются устойчивое сокращение численности населения, ухудшение его качественных характеристик, усиление территориальных диспропорций в расселении. На начало 2012 г. среднегодовая численность сельского населения региона составляла 1079,6 тыс. человек. По сравнению с 1994 г. — последним годом, когда наблюдался ее рост, — она уменьшилась почти на 12% (рис. 10.1).

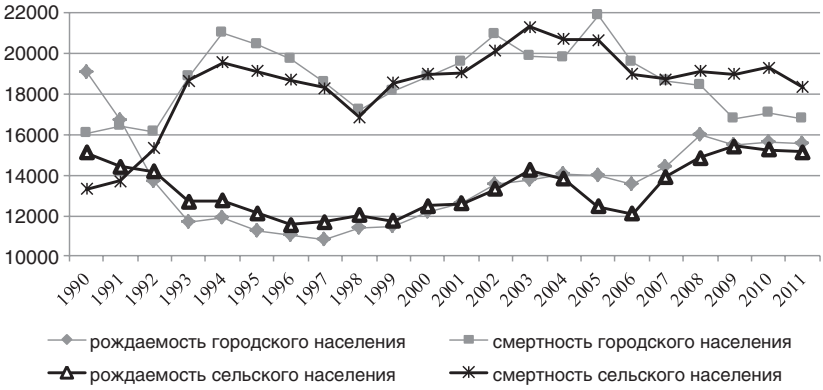


Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 10.1. Численность населения Алтайского края, тыс. чел.

Из 60 сельских районов края только шесть — Ключевский, Красногорский, Немецкий национальный, Славгородский, Табунский и Третьяковский — не являются сегодня депопуляционными. Наибольший вклад в сокращение демографического потенциала села внесла естественная убыль населения. Начиная с 1992 г. за счет превышения смертности над рождаемостью алтайская деревня потеряла более 110 тыс. человек. После начала «шоковых» экономических реформ ежегодно умирают 18–20 тыс. селян — это в 1,5 раза больше, чем в 60-е гг. прошлого столетия (рис. 10.2). Среди причин смерти доминируют болезни систем кровообращения, онкологические заболевания и так называемые внешние причины (несчастные случаи, травмы, отравления, убийства и самоубийства) — их суммарная доля в общей структуре смертности превышает 75%.

В целом индикаторы смертности сельского населения на 12% выше, чем городского; смертность мужчин, проживающих в сельской местности, на 16% превышает смертность сельских женщин, а в трудоспособном возрасте — в 3,8 раза.

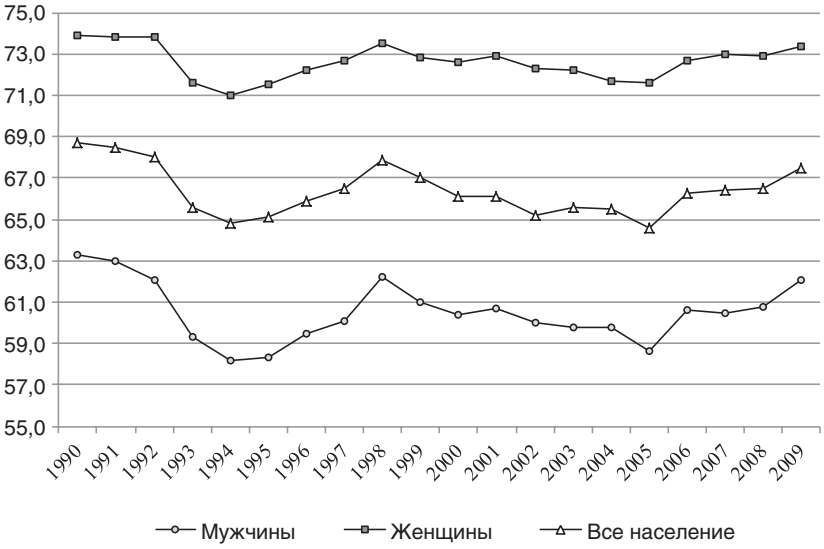


Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 10.2. Рождаемость и смертность населения Алтайского края, чел.

Высокая смертность явилась причиной сокращения ожидаемой продолжительности жизни сельского населения Алтайского края. Данный показатель является важнейшим индикатором состояния здоровья населения и социального благополучия в обществе. Он показывает число лет, которое предстоит прожить в среднем новорожденному при условии, что на всем протяжении его жизни при переходе из одного возраста в другой интенсивность смертно-

сти будет соответствовать современному уровню во всех возрастных группах. Этот показатель формируется под воздействием самых разнообразных факторов, начиная от эффективности функционирования системы здравоохранения, состояния окружающей среды и заканчивая сложившимися стереотипами поведения и психологическим самочувствием населения. В анализируемый период ожидаемая продолжительность жизни сельского населения Алтайского края уменьшилась на 1,2 года, главным образом за счет ее снижения у мужчин. Наихудшие значения этого показателя наблюдались в 1994–1995 и 2005 гг., с 2006 г. отмечалась некоторая его стабилизация, а с 2008 г. — рост (рис. 10.3).



Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 10.3. Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения при рождении, лет

В динамике рождаемости в последние двадцать лет также преобладали негативные тенденции (см. рис. 10.2). Среднегодовая численность родившихся в сельской местности Алтайского края в эти годы уменьшилась в 1,5 раза по сравнению с предшествующим аналогичным периодом, общий коэффициент рождаемости снизился на 2,1 пунктов промилле, а суммарный — на 28%. Этот процесс в той или иной мере затронул почти все категории родившихся, независимо от возраста матери, очередности рождений, ме-

ста проживания и уровня образования родителей. На протяжении всего исследуемого периода показатели рождаемости не обеспечивали простого воспроизводства сельского населения, а их существенное падение в 1990-е гг. сформировало новую отрицательную демографическую волну, последствием которой является ничем не восполнимое сокращение населения сначала в младших группах, репродуктивного и трудоспособного возрастов, а затем и в более старших.

По данным социологических опросов, 13% сельских жителей моложе 45 лет намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка, 19% — 2, и 5% — 3 и более. Вместе с тем 63% респондентов не хотят (или больше не хотят) заводить детей, из них 9% — по состоянию здоровья, примерно столько же — из-за низких доходов и плохих жилищных условий, и около 30% — «просто не хотят». Репродуктивные планы сельских жителей существенно дифференцированы в зависимости от их социально-демографических, социально-экономических и социально-психологических характеристик. Больше других социальных групп детей хотят: мужчины, лица в возрасте до 24 лет, холостые и не замужем, с более низким уровнем образования, занятые в экономике, материально обеспеченные, проживающие с родителями, уверенные в настоящем и с оптимизмом смотрящие в будущее.

Следующим по значимости фактором, определяющим демографическую ситуацию в сельской местности Алтайского края, является миграция[1]. В рассматриваемый период она характеризовалась сокращением миграционной активности сельского населения, его перераспределением из республик Средней Азии и Казахстана на Алтай, появлением беженцев и вынужденных переселенцев, массовым оттоком немцев в Германию, ухудшением миграционных связей с регионами Российской Федерации, увеличением доли внутрикраевых перемещений населения, развитием новых видов трудовой миграции. Новые тенденции наблюдались в сельско-городской миграции — замедление процессов урбанизации и преимущественное переселение горожан в село в отдельные годы. Существенные деформации произошли в механизме территориального перераспределения населения. Среди факторов, определяющих миграционное поведение населения, наряду с социально-экономическими, важное место заняли национально-этнические, демографические и политические. Следует также отметить снижение управляемости миграционными процессами и увеличение масштабов нелегальной миграции.

[1] Taylor J. E., Martin P. L. Human Capital: Migration and Rural Population Change // Handbook of Agricultural Economics [Электронный ресурс]. URL: http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf.

Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 10.4. Миграция сельского населения Алтайского края, тыс. чел.

В настоящее время миграционная активность сельского населения края очень низка. Если в 1980-е гг. в территориальных перемещениях участвовало более 100 тыс. человек в год, то сегодня этот показатель снизился более чем в 2 раза (рис. 10.4).

Миграционный прирост сельского населения наблюдался в течение первых пяти лет исследуемого периода и являлся основным источником сохранения демографического потенциала алтайского села. Однако в 1995 г. он сменился на миграционную убыль, которая в 2011 г. составила 10,6 тыс. человек, положительный миграционный баланс сохраняется только со странами ближнего зарубежья. Отличительной чертой этого вида миграций являлось возвращение бывших сельских жителей края, ранее его покинувших, и их детей в места первоначального проживания.

Именно эта категория граждан обеспечивала основной механический прирост сельского населения в 1990-е гг. Наиболее тесные миграционные связи из стран СНГ у Алтая сложились с Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Значительная часть этих миграций в первое десятилетие анализируемого периода носила вынужденный характер.

По данным социологического обследования, в структуре движущих сил миграции из новых независимых государств в Алтайский край в эти годы первое место занимали национально-этнические факторы. Более 80% респондентов подвергались дискриминации по признаку национальной принадлежности. Ущемление своих прав они ощущали в сфере занятости (при приеме на работу, в уровне заработной платы, в продвижении по службе), во время приватизации, в учреждениях образования (при поступлении на учебу, в отказе обучаться на родном языке), в сфере законодательства, при получении гражданства, в сокращении времени вещания радио и телевидения на русском языке, в переименовании поселений и улиц, на бытовом уровне. На втором месте находились социально-экономические причины, связанные с потерей работы, отсутствием возможностей оплачивать жилье и получать хорошее образование, неясностью перспектив для себя и детей. Третье место занимали демографические факторы. И на последнем месте находились экологические факторы. В последнее десятилетие происходило постепенное восстановление доминирующей роли социально-экономических факторов миграции, что свидетельствует о преобладании в территориальных перемещениях населения добровольных миграций.

В миграциях со странами дальнего зарубежья наибольшее распространение получили процессы выбытия алтайских немцев в Германию: в 1990–2000-е гг. алтайское село покинуло около 80 тыс. человек. Однако миграционный потенциал немцев Алтая

постепенно снижался, и в последние годы на историческую родину выезжает менее 300 человек в год.

Наибольший вклад в миграционную убыль сельского населения вносят межрегиональные миграции, особенно с ближайшими соседями — Новосибирской и Кемеровской областями, которые отличаются более высоким уровнем экономического и социального развития. В рассматриваемый период в межрегиональных территориальных перемещениях участвовало от 14 до 32 тыс. сельских жителей в год, а их вклад в миграционный оборот составлял 21–35%. Особый интерес с точки зрения привлечения в регион дополнительных финансовых ресурсов представляют миграционные связи Алтая с северными и восточными территориями России. В то время как их среднегодовой миграционный потенциал оценивался в последние годы почти в 160 тыс. человек, в крае оседало менее 0,3% от общей численности выбывающего с этих территорий населения.

Значительная часть сельских жителей меняли место жительства в пределах края. В анализируемый период внутрирегиональный миграционный оборот составлял от 30 до 69 тыс. человек в год, а его доля в общем объеме миграционных потоков — от 47 до 65%. Однако поскольку эти миграции носили более эквивалентный характер, их вклад в формирование миграционной убыли или прироста сельского населения была не столь значительна (менее 15%). Кардинально новые процессы наблюдались в сельско-городских миграциях в 1991–1993 гг., 1999 г. и 2005–2006 гг. из города в село выезжало больше переселенцев, чем в обратном направлении. Масштабы, направления и результаты внутрикраевого перераспределения населения определялись главным образом социально-экономическими факторами.

В результате межрегиональных и международных миграций алтайское село теряет более молодое и более образованное население. Так, в 2008 г. на 100 прибывших в сельскую местность в трудоспособном возрасте и моложе выбывало 142 человека в соответствующем возрасте, а на 100 прибывших в пенсионном возрасте выбывало только 30 человек; на 100 приезжающих в село с высшим образованием выезжало 119 человек. Исключение здесь составляют первые годы 1990-х гг., когда после распада Советского Союза в сельскую местность Алтая вынуждено устремились активные, дееспособные, высокообразованные и квалифицированные мигранты из новых независимых государств.

В годы социально-экономических преобразований одной из массовых стратегий активного экономического поведения сельского населения выступили временные трудовые миграции. Работа на выезде стала источником выживания для одних семей, сохра-

нения привычного уровня жизни — для других и повышения материального благосостояния — для третьих.

Выездная работа явилась способом самореализации и условием экономической безопасности значительной части сельских жителей. По данным социологических опросов, в разные годы в трудовых миграциях участвовало от 2 до 5% сельских жителей. Подавляющая часть сельских жителей выезжали на работу в города края. Основными сферами приложения их труда являлись торговля, строительство, охранный бизнес. Кроме того, сельские трудовые мигранты Алтая работали на нефте- и газодобывающих предприятиях Тюменской области, металлургических предприятиях Кузбасса, в рыбной отрасли Дальнего Востока.

Территориальные перемещения отдельных социально-демографических групп имеют определенную специфику. В контексте устойчивого развития сельских территорий особое значение приобретает изучение миграционных установок и поведения молодежи. Стоит отметить, что работы, ориентированные на анализ миграционных планов и стратегий поведения молодежи с позиций устойчивости сельских территорий, как таковые отсутствуют. В основном они касаются демографических процессов в сельской местности, территориальной дифференциации численности населения, вопросов обеспечения качества жизни сельских жителей, факторов устойчивости регионов и их экономики[1].

В центре нашего внимания находятся миграционные установки молодежи в агропромышленном регионе. В качестве объекта наблюдения нами выбрана городская молодежь и сельская молодежь, которая покинула сельскую местность и живет и (или) учится в городе. Выборочная совокупность включала 150 человек, среди которых: 68 человек — сельская молодежь, 82 — городская.

У каждой группы опрошенной молодежи уже сформировалось представление о своем будущем, нашедшее выражение в соответствующих жизненных планах, представленных в таблице 10.2.

---

[1] См. например: Батищева Г. А. Миграционные процессы в России как фактор устойчивого развития экономики регионов : автореф. дис. … д-ра экон. наук. Ростов на/Д, 2011; Мезина Е. В. Демографические процессы в сельской местности Ставропольского края в контексте региональной безопасности : автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2011; Третьякова Л. А. Стратегия формирования устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий как инструмент управления качеством жизни : автореф. дис. … д-ра экон. наук. Орел, 2009; Фукс Л. П. Региональное расселение как система: самоорганизация и принципы управления : автореф. дис. … д-ра геогр. наук. СПб., 2007; Еремин А. А. Население Алтайского края на современном этапе: динамика и территориальная дифференциация численности // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 3/2 (67). С. 125–131.

Таблица 10.2

Жизненные планы сельской и городской молодежи, % ко всем опрошенным данной категории

Жизненные планы	Молодежь	
	сельская	городская
Сменить место жительства	96	34
Родить ребенка	65	72
Найти высокооплачиваемую работу	65	30
Найти интересную работу	21	42
Путешествовать по разным странам	31	43
Повысить квалификацию, получить образование	19	28
Открыть бизнес	15	24

Молодые выходцы из села в большей степени ориентированы на смену места жительства и поиск высокооплачиваемой работы; интересная работа, обучение, повышение квалификации, а также открытие собственного бизнеса (что, может быть, связано с финансовыми затратами) не получили значительных откликов среди сельской молодежи. Городскую молодежь больше интересует содержательная сторона работы и путешествия; материальный фактор ее волнует в меньшей степени, и всего лишь треть молодых горожан намерены покинуть регион. Желание иметь детей высказали 65% сельских респондентов и 72% городских.

Мы выделили несколько направлений предполагаемого перемещения сельской молодежи.

Во-первых, это отъезд из региона: около половины молодых сельчан планируют покинуть Алтайский край (среди молодых горожан таких насчитывается лишь треть). Отсутствие высокооплачиваемой работы является главной причиной желания молодых сельчан выехать из региона (две трети опрошенных). Желание сменить обстановку и отсутствие перспектив служебного и карьерного роста являются вторыми по значимости причинами формирования миграционных установок молодых людей, выходцев из села (пятая часть опрошенных данной категории).

Наиболее предпочтительными местами жительства сельской молодежи, желающей покинуть край, являются Новосибирск, Санкт-Петербург и Москва. Единицы хотят переехать в такие места, как Кемеровская, Мурманская, Томская, Тюменская области. Среди молодых сельчан нет таких, кто смог назвать в качестве потенциального места проживания другую страну. Большинство респондентов затруднились назвать будущее место жительства.

Во-вторых, это города Алтайского края: около половины молодых выходцев из села планируют обустроиться в алтайских городах. Мы выделили три главные причины привлекательности городской среды для этой категории молодежи: возможности трудоустроиться, организовать свой досуг и улучшить свои жилищные условия. Молодые горожане обосновывают свое решение обустроиться в городах Алтайского края на постоянной основе социально-экономическими причинами (работа, жилье) и нежеланием покидать близких людей (таких насчитывается две трети).

Тем не менее мы не можем говорить о том, что молодые люди родом из сельской местности окончательно решили обустроиться в городах Алтайского края. Большая часть респондентов (55%) затруднилась назвать конкретный срок, в течение которого планирует проживать в городе. Город — это прежде всего место отсутствующих в селе возможностей, которое при желании или необходимости молодежь может покинуть вообще. Лишь около 20% молодых сельчан планируют переехать в город на постоянное место жительства, а 15% собираются прожить в городе менее года.

Как показывают результаты нашего исследования, сельские территории теряют важный ресурс в лице молодежи, планирующей организовать свое жизненное пространство в городских условиях, только 5% молодых сельчан высказали желание вернуться в сельскую местность для дальнейшего проживания.

Наличие «стартового капитала» (прибыльного бизнеса родителей, выгодной недвижимости или возможности открыть собственное дело) в сельской местности является главной причиной, по которой сельская молодежь планирует вернуться обратно в село (67% опрошенных сельчан). Семейно-родственные и коллективные сети являются второй причиной возвращения сельской молодежи к своим родным истокам (33%).

Материальный фактор играет ключевую роль при формировании миграционного намерения сельской молодежи. Нежелание жить в сельской местности она объясняет такими причинами, как низкая зарплата и уровень жизни в целом (около 67%), отсутствие работы вообще (42%), отсутствие возможности организовать свой досуг (24%).

Позицию молодежи дополняют мнения экспертов, которые высказались по поводу проблем молодежи следующим образом: *«Надо сказать, что 90% молодежи на селе никак не связывают свою жизнь с селом. Если только у отца есть крепкое фермерское хозяйство, и он сумел с раннего возраста подготовить сына как специалиста. Он может продолжить дело отца. Но 90% связывают все равно свое будущее только с отъездом. Потому*

что никаких рабочих мест в селе нет» (из интервью с бывшим руководителем законодательного органа власти региона).

Анализ данных ранее проведенных исследований показал значительные масштабы миграционного потенциала сельской молодежи. Так, по результатам исследования 2008 и 2011 гг., сельскую местность хотела бы покинуть половина из опрошенных молодых сельчан. Главными причинами формирования миграционных установок молодых сельских жителей являются отсутствие работы в селе и перспектив для будущих детей, а также желание улучшить материальное положение.

Подводя итог, мы можем говорить о том, что сельская молодежь, проживающая в городе, не связывает свои жизненные планы с сельской территорией в большинстве случаев. Это приводит в действительности к значительному оттоку молодежи из сел и обустройству ее в городах Алтайского края и за его пределами. В такой ситуации довольно сложно говорить об устойчивом развитии сельских территорий, если один из главных ресурсов не будет воспроизводиться в надлежащем количестве и качестве.

Влияние административно-территориальных преобразований в крае на численность сельского населения было существенным только в 1991–1992 гг., когда 16 поселков городского типа изменили свой административный статус и превратились в сельские поселения, а их жители, никуда не уезжая, стали сельчанами.

Под воздействием естественного и механического движения населения и статусных преобразований населенных пунктов формируются половозрастная и территориальная структуры сельского населения.

Распределение населения по полу в сельской местности Алтайского края и его динамика более благоприятны, чем в городах. Доля женщин в сельском населении составляет 52,8%, а в городском — 54,6%. На 1000 мужчин в селе приходится 1120 женщин, а в городе — 1205. Численное преобладание женщин над мужчинами в сельской местности начинается с 25 лет, а в городской — с 15 лет. По сравнению с переписями 1989 и 2002 гг. соотношение полов в сельском населении ухудшилось несущественно, а в городском гендерные диспропорции заметно усилились.

В возрастной структуре сельского населения в анализируемый период преобладала тенденция роста численности и удельного веса населения в трудоспособном возрасте (до 2007 г.) и сокращения абсолютных и относительных показателей детского населения. Численность сельского населения в возрасте старше трудоспособного также сократилась, а его доля в общей численности населения заметно возросла. При сравнении возрастной структуры мужчин и женщин обращают на себя внимание более чем двукратное пре-

вышение удельного веса лиц старше трудоспособного возраста среди женщин и более низкая доля среди них населения трудоспособного возраста и детей. Результатом рассмотренных структурных изменений стало, с одной стороны, постарение населения, а с другой — снижение совокупной демографической нагрузки на население трудоспособного возраста с 907 человек на 1000 трудоспособных в 1990 г. до 646 человек — в 2009 г. Последнее явление носит положительный характер. Однако это снижение происходило на фоне сокращения коэффициента прогрессивности возрастной структуры населения, отражающего соотношение детей и стариков.

По территории края сельское население распределено неравномерно. Около 20% его сконцентрировано в сельских районах, прилегающих к городам Барнаулу, Бийску, Рубцовску. Высокой людностью отличаются также Шипуновский, Благовещенский и Локтевский районы. Значительная часть населения проживает в сельских районах, расположенных преимущественно на юго-западе и в центре региона. Менее заселены некоторые северные, присалаирские и приалтайские территории. Низкой людностью характеризуются в основном сельские районы, расположенные в Алтайской, Приалтайской и Кулундинской зонах. Особо слабо заселены Ельцовский, Солтонский, Тогульский и Суетский районы. Распределение сельских районов Алтайского края по численности населения показано на рисунке 10.5.

Таблица 10.3

Группировка сельских населенных пунктов Алтайского края по численности населения, ед.

Сельские населенные пункты	1989	2002	2010
Всего	1624	1604	1598
из них с числом жителей, человек:			
10 и менее	45	53	71
11–200	509	486	543
201–500	410	389	362
501–1000	304	326	327
1001–2000	279	258	180
2001–5000	56	58	57
более 5000	21	34	33

Источник: данные Росстата.

Продолжается процесс обезлюдения сельских территорий, хотя и меньшими темпами. По сравнению с 1989 г. число сельских населенных пунктов сократилось на 26 единиц. В настоящее

Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 10.5. Распределение сельских районов Алтайского края по численности населения на 01.01.12, тыс. чел.

время примерно три четверти сельского населения Алтайского края сконцентрировано в населенных пунктах людностью свыше 1000 человек. Следует отметить, что из 1598 сельских населенных пунктов края в 71 — численность населения не превышает десяти человек, а в 25 — население вообще отсутствует (табл. 10.3). Большая часть сельских населенных пунктов без населения расположены на северо-востоке и северо-западе края.

В динамике сельской поселенческой структуры наблюдается тенденция поляризации в размещении сельского населения края. С одной стороны, увеличивается численность населения крупных поселений и, соответственно, их удельный вес в структуре, а с другой — вследствие сокращения населения растет число малых населенных пунктов. Количество мельчайших поселений с населением до 10 человек за 20 лет возросло на 58%, а крупнейших (с населением свыше 5000 тыс. человек) — на 57%.

Число промежуточных групп поселений (населенных пунктов людностью от 200 до 2000 человек) уменьшается, по сравнению с 1989 г. их количество сократилось на 12%. Перераспределение населения в пользу крупных поселений характерно для всех районов края.

В настоящее время, наряду с традиционными сельскими населенными пунктами, усиливается тенденция роста в сельской местности новых поселков коттеджного типа.

Оценивая демографические процессы в алтайском селе с позиции устойчивости, можно сделать вывод о том, что в анализируемый период здесь преобладали негативные тенденции: долговременное сокращение численности населения, снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего его простого воспроизводства; рост смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте; ухудшение качественных характеристик сельского населения, рост заболеваемости, сокращение ожидаемой продолжительности жизни; усиление гендерных диспропорций, старение населения, миграционная убыль и обезлюдевание малых сел, — ведущие к снижению уровня устойчивости сельских территорий.

Вместе с тем в последние годы наблюдается некоторое улучшение отдельных демографических индикаторов: снижается смертность и растет рождаемость, увеличивается ожидаемая продолжительность жизни, наблюдается естественный прирост населения в отдельных районах края. Однако прогнозные расчеты показывают, что если срочно не предпринять более решительных мер, то даже в рамках относительно оптимистических сценариев развития демографическая ситуация в сельской местности края не будет отвечать большинству критериев устойчивости. По последнему прогнозу Росстата (средний вариант), учитывающему не-

которые позитивные демографические изменения последних лет, к 2020 г. численность сельского населения уменьшится на 65 тыс. человек по сравнению с 2011 г., будет продолжаться процесс старения населения, усилятся гендерные диспропорции. По другим вариантам демографического развития ситуация будет еще более критической.

Одним из негативных последствий депопуляции может стать ухудшение геополитического положения России в мире, что в первую очередь отразится на ее приграничных регионах, в том числе и на Алтайском крае. Сокращение численности сельского населения в регионе с относительно слабозаселенной территорией на фоне роста населения большинства соседних азиатских стран может вызвать сильнейшее миграционное давление на край, а возможно, и попытки территориальной экспансии. Это необходимо учитывать при разработке стратегии развития России в целом и Алтайского края в частности.

Снижение численности населения в трудоспособном возрасте может привести к дефициту рабочей силы на сельском рынке труда и стать сильнейшим ограничителем социально-экономического развития сельских территорий края и выполнения ими внешних функций. Решение этой проблемы видится во внедрении трудосберегающих технологий и привлечении в регион рабочей силы необходимой квалификации из-за его пределов.

По мере старения сельского населения усилится давление на федеральный, региональный и местные бюджеты, обострится проблема финансирования систем пенсионного обеспечения и социальной защиты населения, возрастет потребность в развитии службы социальной помощи одиноким пожилым людям, расширении сети домов-интернатов для них, увеличится нагрузка на медицинские учреждения. Повышение доли старших возрастных групп в трудоспособном населении может отразиться и на способности рабочей силы воспринимать инновации в мире высоких технологий.

Россия вступает в период развития, когда учет демографических ограничений и рисков приобретает фундаментальное значение для ее экономического роста, укрепления политической и социальной стабильности, обеспечения национальной безопасности. Осознание этого факта происходит на всех уровнях управления. Разрабатываются региональные и федеральные концепции и программы демографического развития. Сохранение демографического потенциала становится одним из важнейших приоритетов национальных доктрин, региональных схем, планов развития городов и сельских поселений.

Что же делается в крае для улучшения демографической ситуации?

10.3. Политика, направленная на устойчивое демографическое развитие сельских территорий

В соответствии с Концепцией демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. в Алтайском крае разработаны План первоочередных мероприятий по реализации данной концепции в регионе, ряд краевых и ведомственных целевых программ, реализуются приоритетные национальные проекты, направленные на улучшение материально-технического обеспечения учреждений здравоохранения, повышение качества и доступности медицинских услуг, формирование и пропаганду здорового образа жизни, совершенствование механизмов социальной защиты отдельных категорий граждан[1]. Неотъемлемой частью принятых документов является демографическое развитие сельских территорий.

Однако недостаточное финансирование предлагаемых в рамках этих документов мер, неэффективность механизмов контроля за их реализацией и слабое межведомственное взаимодействие не позволили существенно улучшить демографическую ситуацию в крае и его сельской местности.

Принятие в октябре 2008 г. краевой целевой программы «Демографическое развитие Алтайского края на 2008–2015 гг.» свидетельствует о переходе региональной демографической политики на качественно новый уровень. Конечной целью программы является стабилизация численности населения Алтайского края и создание предпосылок для его роста. В ходе ее реализации предполагается решить ряд задач, направленных на укрепление института семьи, воспитание ответственного материнства и отцовства, оказание государственной поддержки семьям, имеющим детей, в том числе малоимущим, обеспечение доступности услуг дошкольного образования; совершенствование государственной системы поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, развитие семейных форм устройства детей-сирот; значительное снижение уровня заболеваемости населения, укрепление его репродуктивного здоровья, а также здоровья детей и подростков; со-

---

[1] Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/901797442; Краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края на 2008–2015 гг.» [Электронный ресурс]. URL: www.culture22.ru/pic/ file/94zc08.doc; План первоочередных мероприятий на 2002–2005 гг. по реализации в Алтайском крае Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://altai.news-city.info/docs/sistemsz/dok_ieqzwz.htm.

кращение смертности от устранимых причин и создание условий, способствующих снижению уровня материнской и младенческой смертности; обеспечение занятости женщин, имеющих малолетних детей и испытывающих трудности при трудоустройстве; эффективное управление миграционными процессами для устойчивого социально-экономического и демографического развития Алтайского края[1].

На основе краевой программы в ряде сельских территорий разработаны и приняты муниципальные программы демографического развития, в частности в Кулундинском и Троицком районах.

В настоящем параграфе мы остановимся на тех направлениях демографической политики, которые чрезвычайно актуальны для устойчивого развития сельских территорий, но не отражены или недостаточно глубоко проработаны в данной программе.

Повышение рождаемости. При решении данного вопроса необходимо учитывать тот факт, что в настоящее время в репродуктивный возраст вступило последнее относительно многочисленное поколение россиян, родившихся в 1980-е гг. (поколение 1990 гг. рождения почти в два раза малочисленнее), и если его представители не нарожают детей, то будущего у России в ее современных границах нет![2]

Вместе с тем, по данным социологического опроса, проведенного в селах Алтая в 2008 г., 54% опрошенных в возрасте 20–49 лет на момент опроса не имели детей, 33% — имели по одному ребенку, 11% — двух детей, и 2% — трех и более. Как уже отмечалось, лишь 37% респондентов из этой возрастной группы намерены в среднесрочной перспективе родить хотя бы одного ребенка. Однако, как показывают исследования демографов, только 40% репродуктивных намерений реализовывается[3].

На рождаемость оказывают влияние многие факторы, в том числе условия жизни, состояние здоровья, нравственные установки, национальные традиции, образ жизни, уверенность в будущем

---

1 Краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края на 2008–2015 гг.».

2 Планы расчленения нашей страны существуют как на Востоке, так и на Западе. В первую очередь могут быть аннексированы Сибирь и Дальний Восток — самые богатые природными ресурсами и самые слабозаселенные территории. Исходя из возможных угроз при решении демографических проблем приоритетное внимание необходимо уделить приграничным регионам, в том числе Алтайскому краю. В противном случае образовавшиеся демографические пустоты на востоке страны будут заполнены людскими ресурсами других государств.

3 Синявская О. В., Тындик А. О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10. С. 137.

и др. Опыт нашей страны показывает, что даже частичное использование отдельных факторов дает заметный эффект. Так, активная демографическая политика государства в 1980-е гг. позволила в кратчайшие сроки повысить рождаемость в сельской местности края до 20‰. В наши дни введение материнского капитала, увеличение пособий по беременности, родам и уходу за ребенком привели, наряду с чисто демографическими факторами, к росту сельской рождаемости на 24%. Заметим, что сельчане в силу своего менталитета более отзывчивы на управленческие воздействия в сфере демографического воспроизводства, и это надо учитывать при формировании и реализации демографической политики.

Чтобы максимально использовать репродуктивный потенциал поколения перестройки и последующих поколений, важно задействовать весь комплекс экономических, институциональных, идеологических и других мер. Необходимо переориентировать экономику, политику, идеологию на приоритетное решение демографических проблем.

Сегодня наличие двух и более детей является одним из главных факторов сельской бедности. По мнению одного из экспертов, *«...около 70% семей, имеющих двух и более детей, — это бедные семьи. Потому что сегодня иметь детей — большая роскошь. А семьи с тремя детьми идут уже с минусом от прожиточного минимума. Мы проехали 48 районов и видели проблемы этих людей...»*.

Иметь детей должно быть выгодно экономически и родителям, и их работодателям. А для этого нужно пересмотреть налоговую, кредитную, страховую, а также жилищную, земельную, пенсионную и другие виды политик в пользу семей с детьми и предпринимателей, у которых работают взрослые члены этих семей и которые оказывают последним значимую поддержку. В частности, сократить подоходный и социальный налоги на работников, имеющих несовершеннолетних детей; предоставлять на льготных условиях семьям с детьми земельные участки, кредиты, в отдельных случаях безвозмездные ссуды для приобретения или строительства жилья, сокращать ипотечные кредиты, давать отсрочку по их платежам при рождении каждого ребенка, обеспечивать нуждающихся строительными материалами; повысить пенсионный возраст женщин до 62 лет, с последующей возможностью его сокращения на 1–5 лет при рождении и воспитании одного, двух, трех и более детей; особую материальную поддержку оказывать одиноким матерям. В условиях глубоких гендерных диспропорций государство должно создать нормальные условия для рождения и воспитания детей каждой женщине, желающей их иметь. Необходимо строить и предоставлять нуждающимся социальное жилье, многократно

увеличить материнский капитал и расширить направления его использования, в том числе на текущее потребление (при соответствующем контроле), удовлетворить потребность в детских дошкольных учреждениях.

Важно полнее учитывать духовно-нравственную составляющую демографического развития России и ее регионов, максимально задействовать потенциал многовековой российской культуры и традиционных религий в преодолении депопуляционных процессов. Следует проводить активную работу по созданию привлекательного образа семьи с детьми через СМИ, образовательные программы, социальную рекламу и прочее, способствовать формированию негативного отношения к абортам, которые убивают 40% зачатых детей и наносят невосполнимый вред репродуктивному здоровью женщин. Кроме того, необходимо совершенствовать законодательное обеспечение демографической политики, ввести демографическую экспертизу нормативно-правовых актов, повысить качество и доступность демографической информации. При этом индикаторы воспроизводства населения следует рассматривать в качестве базовых критериев эффективности деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов управления.

Укрепление здоровья населения и снижение смертности. По оценкам специалистов, каждое последующее поколение россиян обладает худшим здоровьем, чем предшествующее[1]. Чтобы преодолеть долговременные негативные тенденции в этой сфере, необходимо укреплять здоровье детей и подростков, улучшать физическое и психическое состояние трудоспособного населения и сохранять здоровье пожилых людей. Здесь важно сделать правильный выбор приоритетов, который позволил бы сконцентрировать имеющиеся ресурсы на наиболее важных и перспективных направлениях действий, на решении проблем, которые достигли критической остроты и в то же время относятся к практически разрешимым.

Согласно данным ВОЗ, здоровье населения на 50% зависит от условий и образа жизни, на 20% — от состояния окружающей среды, на 20% — от генетических факторов, и на 10% — от уровня медицинского обслуживания. Среди факторов здоровья более 70% занимают уровень, качество, условия и образ жизни населения, и было бы целесообразно основные усилия направлять в первую очередь на использование именно этих групп факторов.

В России более половины всех смертей прямо или косвенно связано с потреблением алкоголя, наркотиков и с табакокурением. Ежегодно более 800 тыс. человек погибают от чрезмерного

---

[1] Римашевская Н. М. Здоровье человека — здоровье нации // Человек и реформы: секреты выживания. М., 2003. С. 74–84.

употребления спиртосодержащих напитков, около 400 тыс. человек — от болезней, вызванных курением, и более 100 тыс. человек — от передозировки наркотиков[1]. В сельской местности алкоголизм, наркомания и табакокурение распространяются все интенсивнее. В Алтайском крае имеются примеры, когда спиваются целые деревни, пьют дети и подростки; более половины взрослого населения и треть подростков курят; приграничный статус региона и прохождение через его территорию наркотрафиков усиливают угрозу наркотизации населения. По данным социологического опроса, 45% сельских жителей выделили алкоголизм и наркоманию в числе наиболее острых социальных проблем села.

Активная антинаркотическая (в широком смысле) работа может привести к хорошим демографическим результатам. Следует восстановить госмонополию на производство и продажу алкогольных напитков, ограничить территориально-временную доступность спиртосодержащей и табачной продукции; многократно увеличить акцизные сборы на алкогольные и табачные товары, ввести полный запрет на их рекламу (явную и скрытую), запретить курение в общественных местах (в том числе на улицах, в парках, подъездах и т. п.), формировать негативное отношение к употреблению спиртных напитков, наркотиков, табакокурению, ужесточить антинаркотическое законодательство (включая антиалкогольное и антитабачное) и усилить административную и уголовную ответственность за его нарушение. Реализация этих мер позволит ежегодно сохранять в крае до 20 тыс. жизней, из них около 10 тыс. — в сельской местности. (Напомним, что естественная убыль населения региона в 2011 г. составляла 3,2 тыс. человек.) Кроме того, указанные выше меры позволят сократить преступность, травматизм, количество разводов и, как показывает антиалкогольная кампания 1980-х гг., повысить рождаемость и продолжительность жизни. Опыт северных стран также свидетельствует о том, что жесткие ограничительные меры в этой сфере дают хорошие демографические результаты. Отсрочка в принятии и вступлении в полном объеме нового федерального закона «Об ограничении потребления табака» и поправок в закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового

[1] См. подробнее: Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2008. С. 299–312; Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 2008. С. 720–738; Немцов А. В. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.

спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» равносильна ежемесячной потере порядка 800 алтайских селян.

Значительное негативное воздействие на здоровье населения оказывает потребление некачественных продуктов питания и воды. По данным российских и европейских исследователей, искусственные красители, вкусовые добавки, консерванты, генно-модифицированные продукты, а также широкое использование пестицидов, всевозможных стимуляторов, антибиотиков и прочего в сельском хозяйстве снижают иммунитет человека, приводят к гиперактивности и быстрой утомляемости детей, постепенно отравляют потребителей малыми дозами вредных веществ[1]. Закрытость государства в советский период, выдвигаемые приоритеты его развития и слабая восприимчивость к инновациям существенно замедлили распространение так называемых передовых технологий в производстве и переработке сельхозпродукции внутри страны и сделали недоступными результаты их использования для большинства советских граждан. Однако с началом рыночных преобразований в Россию устремилась лавина вредных для здоровья продуктов питания. Вступление Российской Федерации в ВТО и повышение конкуренции на продовольственном рынке заставляют и отечественных производителей применять подобные технологии. Воспрепятствовать этому можно посредством развития инфраструктуры проверки качества продовольствия, перераспределения налогов и таможенных сборов с полезных продуктов питания на вредные, информирования населения о качестве продовольствия, его натуральности или искусственности, вреде или пользе, а также усиления административных барьеров на пути некачественной продукции.

В условиях высокого уровня заболеваемости сельского населения важным приоритетом демографической политики является повышение качества и доступности медицинских услуг. Для своевременного выявления заболеваний и их эффективного лечения необходимо усилить роль первичной медикосанитарной помощи в сельской местности, организовать работу выездных медицинских бригад, оптимизировать размещение объектов здравоохранения по территории края, улучшить их материально-техническую базу, повысить обеспеченность квалифицированными специалистами, поднять доступность федеральных и региональных медицинских учреждений для нуждающихся в их услугах сельских жителей, повысить заинтересованность работников здравоохранения в профилактике заболеваний и т. п.

---

[1] Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографическая политика России... С. 724–725.

Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2006–2011 гг. показала, что в сфере здравоохранения имеются значительные резервы для сохранения демографического потенциала: смертность сельского населения в крае за этот период сократилась на 3,5%, а трудоспособного — на 8,1%, еще более существенно упали младенческая и материнская смертности — на 14 и 60% соответственно.

Где взять ресурсы для решения демографических проблем? Одним из источников может стать природная рента. Если мы не хотим потерять Сибирь и Дальний Восток, то большая часть природной ренты должна оставаться на их территории для улучшения демографической ситуации.

Оптимизация миграционных связей и системы расселения. При определении стратегических целей миграционной политики следует исходить из того факта, что в ближайшие годы миграция будет являться важным резервом увеличения демографического потенциала алтайского села и единственным источником пополнения его трудового потенциала. В качестве приоритетных направлений здесь следует рассматривать:

— внесение концептуальной ясности относительно роли и места миграции в стратегическом развитии Алтайского края; ответов на вопросы, сколько мигрантов нужно региону и его сельским территориям, каких и откуда; а также механизмов привлечения необходимых мигрантов и ограничения притока нежелательных. Особое внимание уделить образовательной миграции как наиболее эффективному способу привлечения и дальнейшего закрепления в стране молодых, активных, образованных, включенных в местные социальные сети переселенцев;
— создание социально-экономических условий и правовой базы для сокращения миграционного оттока населения из сельской местности, закрепления здесь молодежи, оптимизации миграционных потоков по сельским территориям края, привлечение квалифицированных специалистов, менеджеров и рабочих в село, увеличение финансовой помощи семьям, переселяющимся в сельскую местность; стержневым направлением в миграционной политике должно стать расширение возможностей для проявления личной инициативы мигрантов в обеспечении себя жильем и работой путем наделения их земельными участками, льготными кредитами, строительными материалами и т. д.;
— установление прямых связей с финансово благополучными северными территориями страны по переселению в алтайское село избыточного населения; создание в крае условий

для проживания нефтяников Западной (а в перспективе и Восточной) Сибири, работающих вахтовым методом, отдыха и лечения других категорий северян, выделение для этих целей земельных участков, использование местной строительной базы; содействие ускорению принятия Закона РФ «О миграции населения из районов Крайнего Севера»;

— проведение комплекса правовых, организационных и экономических мер, направленных на легализацию и лучшую адаптацию иммигрантов в сельской местности края, распространение на них норм трудового законодательства, социальной защиты, а также налогообложения; более активное использование миграционной амнистии; разработка программ интеграции мигрантов в местные сообщества, включая создание региональных центров социально-психологической помощи мигрантам, обучения их русскому языку, развития межкультурных коммуникаций; активное использование для этих целей механизмов гражданского общества;

— заключение двусторонних соглашений с приграничными странами об упорядочении миграционных потоков, режиме пересечения границ, создании совместных пунктов пограничного и миграционного контроля, обмене информацией о ситуации на рынке труда и рынке образовательных услуг, нарушителях миграционного законодательства и т. п.;

— создание законодательной базы, материальной, финансовой и социальной инфраструктуры для сельских трудовых мигрантов (с тем, чтобы исключить или хотя бы ограничить злоупотребления как со стороны самих мигрантов, так и со стороны государственных структур), принятие Федерального закона «О трудовой миграции» и регионального — «Об использовании иностранной рабочей силы в Алтайском крае», в том числе в сельской местности.

Депопуляция сельского населения ведет к обезлюдению значительных территорий и утрате социального контроля над ними. Одним из способов решения этой проблемы может стать *развитие усадебного типа расселения*. Для этого необходимо выделять в бессрочное бесплатное наследуемое пользование значительные участки земли, разработать проекты недорогих экологически чистых домов из местных стройматериалов, осуществлять производство средств малой механизации сельскохозяйственного труда по доступным ценам. Каждый желающий жить и работать на земле должен иметь возможность построить свой дом, посадить сад, развести цветник, выращивать овощи, ухаживать за животными. Свободной земли хватит и нынешним поколениям россиян, и их потомкам. В Алтайском крае связь населения с землей

особенная, так как подавляющая часть его жителей имеет сельские корни, и край может выступить в качестве экспериментальной площадки для развития нового в современной России типа расселения.

Реализация этих мер требует объединения усилий федеральных, региональных и местных органов управления, предпринимателей и общественных организаций, активизации самого населения. Это позволит в перспективе сократить убыль населения, а при определенных условиях добиться не только его роста, но и увеличения жизненного потенциала, а значит, и повышения степени устойчивости сельских территорий.

Глава 11

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

11.1. Методические предпосылки

Стратегической целью устойчивого развития сельских территорий в социально-трудовой сфере является обеспечение эффективной занятости. Ее реализация предполагает достижение полной и продуктивной занятости сельского населения, высокой производительности труда и справедливой его оплаты, безопасных условий и охраны труда, а также обеспечение трудовых прав и свобод граждан. На основе многоуровневой операционализации целей и задач была сформирована система социально-трудовых критериев устойчивого развития сельских территорий, отражающих количественные и качественные характеристики рабочей силы и рабочих мест, их взаимосоответствие и эффективность использования, а также соблюдение трудовых прав сельских жителей. В качестве основных критериев были выделены: повышение уровня занятости и сокращение безработицы, развитие трудового потенциала, модернизация действующих и создание новых современных рабочих мест, повышение заработной платы и производительности труда, обеспечение трудовых прав и достижение безопасных условий труда.

Каждый критерий был описан группой эмпирических показателей, построенных в результате анализа данных государственной, муниципальной и ведомственной статистики, а также субъективных оценок экспертов и населения. Они отвечали требованиям комплексности, достоверности, измеримости, логической завершенности. Для каждого показателя определены их фактические и нормативные значения (табл. 11.1).

---

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-12-22000а и № 11-03-00667а), Администрации Алтайского края и Института общественного проектирования, грант в соответствии с распоряжением Президента РФ от 08.05.2010 № 300-рп.

Таблица 11.1

Социально-трудовые критерии устойчивого развития сельских территорий

Критерии	Эмпирические показатели	Значение показателя в сельской местности Алтайского края в 2010–2011 гг.	Показатель-ориентир, 2020 г.	Нормативное значение показателя	Среднее значение показателя по РФ в 2010–2011 гг.
1	2	3	4	5	6
Повышение уровня занятости сельского населения и сокращение безработицы	уровень занятости, %	60,5	72, 0	80,0	59,8
	уровень общей безработицы, %	11,4	5,5	2,0	9,7
	уровень регистрируемой безработицы, %	3,2	2,1	2,0	2,1
	доля безработных, ищущих работу более года, %	39,6	10,0	3,0	32,8
	уровень территориальной рассогласованности рынка труда, ед.	0,48	0,33	0,12	0,45
Развитие трудового потенциала	доля лиц в возрасте 15–64 лет с высшим образованием, %	10,5	17,2	35,2	11,4
	доля неграмотных среди молодежи в возрасте 15–20 лет, %	1,0	0,0	0,0	0,6
	доля занятых высококвалифицированным трудом, %	24,3	33,0	40,0	26,8[1]
	доля занятых неквалифицированным трудом, %	23,8	10,0	5,0	10,8[1]
	коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте, ‰	7,7	4,5	менее 2,0	7,6
	доля рабочих мест с зарплатой выше прожиточного минимума, %	66,0	85,0	100,0	…[3]
	доля рабочих мест с благоприятными условиями труда, %	32,0	57,0	100,0	70,0

Окончание таблицы 11.1

1	2	3	4	5	6
	степень износа основных фондов, %	48,9[1]/34,0[2]	33,0[1]/20,0[2]	17,0[1]/15,0[2]	47,1[1]/42,1[2]
	коэффициент ликвидации рабочих мест, %	3,1	11,0	более 18,0	10,2[1]
	коэффициент создания рабочих мест, %	2,3	12,0	более 20,0	8,1[1]
	инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел.	65,6[1]	95,0	140,0	131,1[1]
Повышение зарплаты и производительности труда	среднемесячная номинальная зарплата, руб. (в ценах 2011 г.)	11059	30000	60000	23532[1]
	годовой темп роста реальной заработной платы, %	106,3[1]	111,7	115,1	105,2[1]
	темп роста производительности труда, %	102,5[1]/104,2[2]	112,5	116,4	103,7[1]/102,6[2]
Обеспечение трудовых прав граждан и достижение безопасных условий труда	доля наемных работников, трудовые права которых нарушаются, в их общей численности, %	82,0	20,0	0,0	70,0
	удельный вес просроченной задолженности по заработной плате в месячном фонде оплаты труда	0,15	0,0	0,0	0,1
	доля работников, занятых на условиях неофициального найма, %	20,0	5,0	0,0	10,0
	потери рабочего времени в связи с работой в режиме сокращенного рабочего дня (недели) и административными отпусками, час. на 1 работника	4,3	2,2	0,0	…[2]
	доля работников, занятых во вредных условиях, %	29,2[1]	10,0	0,0	30,5[1]
	численность пострадавших при несчастных случаях на производстве на 1000 работающих	3,0[1]	1,5	0,0	2,2[1]

Примечания: 1 — данные по Алтайскому краю и России в целом; 2 — сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; 3 — нет данных.

Источник: данные Росстата, оценки экспертов и населения.

Таким образом, была сформирована система социально-трудовых координат устойчивого развития сельских территорий. В дальнейшем более подробно рассмотрим ситуацию в сфере труда и занятости сельской местности Алтайского края с позиций отдельных критериев и наметим некоторые пути приближения основных показателей развития социально-трудовой сферы села к их нормативным значениям.

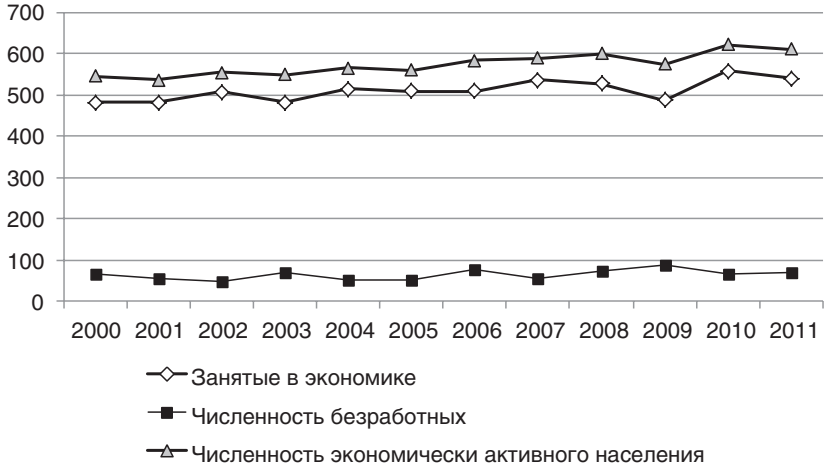
11.2. Повышение уровня занятости сельского населения и сокращение безработицы

Повышение степени использования трудового потенциала села, рост занятости, снижение безработицы и экономической неактивности селян являются важнейшими индикаторами устойчивого развития сельских территорий.

Алтайское село отличается повышенными показателями занятости, безработицы и экономической активности по сравнению со среднероссийскими и среднесибирскими аналогичными показателями для сельской местности. Другая особенность сельского рынка труда Алтайского края заключается в более высоких значениях основных его параметров и по сравнению с алтайским городом. По данным обследования населения по проблемам занятости в 2011 г., в Алтайском крае численность занятых в аграрной экономике составила 541 тыс. человек, а ее доля в соответствующих общероссийском и общесибирском индикаторах равнялась 3,1 и 21,4%. Уровень занятости сельского населения, отражающий удельный вес занятого населения в общей численности населения в возрасте потенциальной экономической активности, равен 60,5% при средних показателях в сельской местности России — 59,8% и СФО — 58,6%.

Если в 1992–1998 гг. наблюдалось устойчивое падение уровня занятости сельского населения, то в 1999–2011 гг. динамика анализируемого показателя не отличалась стабильностью: периоды подъема и падения неоднократно сменяли друг друга, но в целом занятость росла. По сравнению с 1992 г. численность занятых сократилась на 11 тыс., а с 2000 г. — увеличилась на 59 тыс. человек (рис. 11.1).

Показатели занятости сельского населения существенным образом дифференцированы в зависимости от его социально-демографических характеристик. По данным социологического опроса, уровень занятости сельских мужчин в 1,5 раза выше, чем женщин. Занятость лиц средних и старших возрастных групп выше занятости молодежи, а женатых и замужних — занятости несемейных. Занятые селяне более удовлетворены своим материальным поло-



Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 11.1. Динамика экономической активности, занятости и безработицы сельского населения Алтайского края в 2000–2011 гг., тыс. чел.

жением по сравнению с незанятыми, имеют более высокие доходы и лучшие жилищные условия, среди них больше оптимистов.

В рассматриваемый период в структуре занятости сельского населения произошли качественные изменения. Разрушена монополия государственной и колхозно-кооперативной собственности как основы аграрной экономики, и преодолена абсолютная концентрация занятости в соответствующих секторах, сократилась занятость на крупных предприятиях и возросла в малом и среднем бизнесе, увеличилась доля занятых в сфере услуг и уменьшилась в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве, наблюдалось перемещение рабочей силы со старых предприятий на новые, с работы по найму — на самозанятость, из формального сектора экономики — в неформальный. Эти перераспределительные процессы в значительной мере пересекались. Многие новые рабочие места открывались на малых и частных предприятиях, создавались по инициативе граждан и увеличивали долю самозанятых, содержали элементы неорганизованной занятости и представляли неформальный сектор. По оценкам экспертов, занятость в неформальной экономике села превышает 30%.

На сельском рынке труда Алтайского края наблюдались более высокие по сравнению со среднекраевыми и среднероссийскими

показателями общей и регистрируемой безработицы, значительные по масштабам долговременная и скрытая безработицы, глубокие и устойчивые во времени территориальные диспропорции.

Согласно данным Росстата и управления Алтайского края по труду и занятости населения в 2011 г. в сельской местности региона проживало 63% безработных (по методике МОТ) и около 70% официально зарегистрированных безработных, или в абсолютном выражении 70 и 26 тыс. человек соответственно. При этом здесь было сосредоточено лишь 20% вакансий. В крае насчитывалось 340 сельских населенных пунктов, в которых вообще не было работодателей, и в них проживало более 40 тыс. человек в трудоспособном возрасте. По оценкам экспертов, уровень реальной безработицы в сельской местности составляет 36%. Многие безработные имеют низкие доходы, находятся в тяжелом материальном положении, испытывают чувства разочарования, одиночества, неуверенности, раздражения, отчаяния. Среди сельских безработных более 45% составляют женщины и 40,6% — молодежь, при их доле в экономически активном населении 48,2 и 25,5% соответственно. Прослеживается устойчивая обратная связь между уровнями образования и безработицы: чем выше уровень образования, тем меньше вероятность безработицы. Среди сельских жителей с образованием ниже среднего общего (11 классов) уровень безработицы составляет 27%, а с высшим — менее 6%. По сравнению с 1992 г. численность «мотовских» безработных увеличилась в 1,5 раза, а официально зарегистрированных — в 3 раза.

Важнейшей характеристикой безработицы является ее продолжительность. По данным Росстата, за годы реформ среднее время поиска работы в сельских районах края увеличилось в 1,3 раза и составило в 2011 г. 9 месяцев. В ситуации хронической безработицы находилось 40% «мотовских» безработных и 7% — официально зарегистрированных.

Риску безработицы на сельском рынке труда в наибольшей степени подвержены молодежь без опыта работы, женщины, имеющие малолетних детей, лица в старших трудоспособных возрастах и инвалиды. Они испытывают дискриминацию при найме на работу и увольнении, в уровне оплаты труда и в ограничении доступа к определенным видам трудовой деятельности, профессий, должностей, профессионального образования.

В анализируемый период широкое распространение получила скрытая безработица. В отдельные годы вынужденной неполной занятостью в сельской местности края было охвачено более 20 тыс. человек, неотработанное рабочее время по экономическим причинам составляло около 900 тыс. человеко-дней, что эквивалентно отсутствию занятости в течение года у 3,5 тыс. человек. К началу

2011 г. зарегистрированная неполная занятость в аграрной экономике сократилась примерно в 6 раз.

Сельский рынок труда характеризуется значительной внутрирегиональной дифференциацией. По уровню официально зарегистрированной безработицы разрыв между наиболее и наименее проблемными сельскими районами в Алтайском крае составил в 2010–2011 гг. 4 раза, по показателю хронической безработицы — 24 раза, по числу незанятых граждан на одну вакансию — 92 раза. Дифференциация по уровню заработной платы, возрастные и гендерные диспропорции на рынке труда составляли от 1,5 до 3 раз. Относительные показатели вариации также демонстрировали значительную неоднородность локальных рынков труда по частным индикаторам напряженности.

Внурирегиональные различия на сельском рынке труда достаточно устойчивы во времени. Вместе с тем их динамика по отдельным частным показателям разнонаправлена. Так, по уровню хронической безработицы и нагрузке незанятого населения на одну вакансию территориальные различия усиливаются, а по уровню заработной платы, молодежной и женской безработицы — сокращаются.

По нашим расчетам, индекс территориальной рассогласованности рынка труда в 2010 г. составил 0,482. Это говорит о том, что наблюдаемая сельская безработица на 50% объяснялась территориальной несбалансированностью спроса и предложения на рынке труда, преодоление которой возможно лишь за счет перемещения рабочей силы и рабочих мест из одних районов в другие.

Сельские жители, пытаясь приспособиться к сложной ситуации на рынке труда, расширяли свою занятость в традиционных сферах и осваивали новые виды и формы занятости, приносящие доход. Самыми массовыми адаптационными стратегиями сельского населения в годы реформ стали: активное развитие личных подсобных и фермерских хозяйств, дополнительная занятость, предпринимательство и трудовые миграции.

Как уже отмечалось, положение человека в сфере занятости в определенной степени зависит от его социально-демографических характеристик. Для анализа этой зависимости авторы использовали, наряду с традиционными методами статистического анализа, мультиноминальные логистические модели. В качестве зависимой переменной (y_i) в них выступал статус сельских жителей на рынке труда. Эта переменная принимала значение 1, если респондент относился к категории занятых, 2 — к категории безработных, 3 — категории экономически неактивных. К объясняющим характеристикам (x_i) относятся пол (мужской, женский), возраст (до 20 лет, 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60–72 лет), образование (начальное и отсутствие образования, основное общее, среднее

(полное) общее, начальное профессиональное, среднее профессиональное и неполное высшее, высшее), размер сельского поселения (до 500 чел. жителей, от 501 до 1000 чел., от 1001 до 2000 чел., более 2000 чел.). Информационную базу составили данные социологического опроса сельских жителей, проведенного в 2011 г.

Уравнение мультиноминальной логистической регрессии имеет следующий вид:

$$p_i = \frac{1}{1+e^{-y}},$$

где p_i — вероятность попадания респондента в группу занятых, безработных и экономически неактивных;

$y = \beta_0 + \beta_i x_i$, β_0 и β_i — коэффициенты регрессии;

x_i — фактор для конкретной модели.

В каждом случае получаем столько уравнений, какова размерность изучаемого фактора. Например, для расчета влияния уровня образования на статус занятости было построено 6 уравнений.

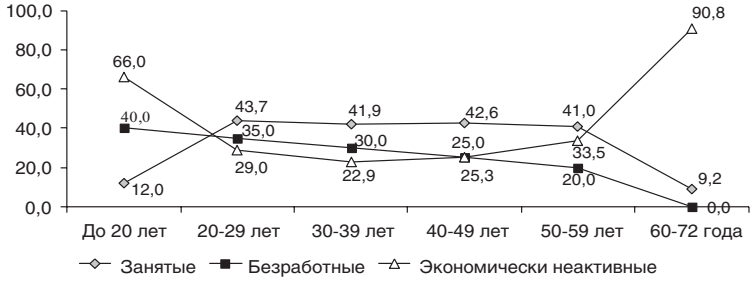
Влияние пола и размера поселения на статус занятости. Результаты мультиномиального логистического анализа показали, что между полом респондента и его статусом занятости связь незначима: незначимы как сама модель в целом (p=0,279), так и отдельные ее переменные (p=0,279). В данном случае можно сделать вывод о том, что занятые, безработные и экономические неактивные с одинаковой частотой встречаются как среди женщин, так и среди мужчин.

Зависимость статуса занятости от размера поселения также не подтвердилась: незначимы и модель, и изучаемый фактор (модель объясняет лишь 0,9% совокупной дисперсии, а ее p-значение больше 0,05 и равно 0,155).

Влияние возраста на статус занятости. Что касается зависимости между статусом занятости и принадлежностью индивида к конкретной возрастной группе, то по результатам расчетов значимыми являются и сама модель, и исследуемый фактор (уровень значимости p=0). К тому же полученная модель объясняет 43,2% совокупной дисперсии зависимого признака (статус занятости), объясняемой независимой переменной (возраст).

На основе полученных параметров логистической модели были рассчитаны вероятности попадания лица определенного возраста в группы занятых, безработных или экономически неактивных. Графическое представление влияния возраста на занятость изображено на рисунке 11.2.

Очень низкие шансы найти работу имеют молодые люди в возрасте до 20 лет. Для лиц более старших возрастов шансы

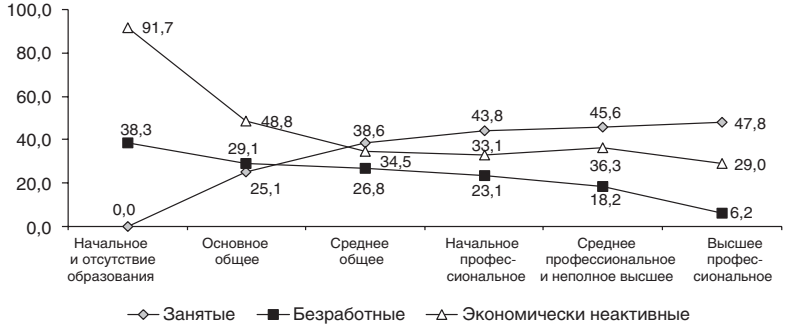


Источник: данные социологического опроса 2011 г.

Рис. 11.2. Влияние возраста на статус занятости, %

трудоустройства приблизительно одинаковые (за исключением пенсионеров — для них, как и для первой возрастной группы, вероятность занятости очень низкая). Для крайних возрастных групп очень высока вероятность оказаться в категории экономически неактивного населения, в то время как для лиц в возрасте от 20 до 59 лет она существенно ниже и колеблется от 29 до 33,5%. Риск безработицы в молодых возрастах наивысший и с переходом в более старшие возрастные группы устойчиво сокращается.

Влияние уровня образования на статус занятости. Полученная модель зависимости между уровнем образования и статусом занятости дает менее точные результаты, чем предыдущая модель — она объясняет лишь 19,7% совокупной дисперсии зависимого признака, хотя модель в целом и включенные в нее факторы значимы. На рисунке 11.3 показано влияние уровня образования на статус занятости.



Источник: данные социологического опроса 2011 г.

Рис. 11.3. Влияние уровня образования на статус занятости, %

Вероятность оказаться в категории занятых увеличивается с повышением уровня образования. Наибольшие шансы быть в числе занятых, что вполне логично, имеют лица с высшим профессиональным образованием. Что же касается категории экономически неактивного населения, то здесь прямо противоположная картина: риск оказаться в этой группе снижается по мере роста уровня образования. Самые высокие риски — у людей, имеющих наиболее низкий уровень образования или не имеющих его вовсе, и почти нулевые риски — у граждан с высшим образованием. Подобная ситуация наблюдалась и среди безработных. Наивысшая вероятность попадания в категорию безработных — у лиц с начальным и ниже образованием, а наименьшая — у лиц с высшим образованием.

Результаты логистического анализа подтвердили наши выводы относительно зависимости положения сельских жителей в сфере занятости от их возраста и уровня образования и опровергли (относительно его зависимости) от пола и места проживания. С последним результатом авторы согласиться не могут. По данным социологических исследований, например в 2011 г., в сельских поселениях с численностью до 500 человек уровень занятости составлял 32%, а уровень безработицы — более 50%, в поселениях же с численностью свыше 2000 человек — 57 и 9% соответственно. Надеемся, что с окончательным подведением итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. нам удастся доказать это на более репрезентативных данных.

Динамичный характер изменений в российском обществе, неопределенность перспектив социально-экономического развития России и Алтайского края в частности, а также их сельской составляющей делают весьма труднодостижимым сколько-нибудь точный прогноз сельского рынка труда на период до 2020 г. В этих условиях оценить перспективы его развития можно только на уровне сценарного описания и самых общих количественных оценок. В прогнозируемый период в зависимости от состояния экономики и социальной сферы села, типа и характера преобразований в народном хозяйстве, тенденций в демографическом воспроизводстве, проводимой социально-экономической и демографической политики ситуация на сельском рынке труда Алтайского края может развиваться по нескольким сценариям, различающимся как общими параметрами занятости и безработицы, так и их структурными характеристиками. Остановимся на трех из них.

Первый вариант развития — *инерционный*. Он основан на гипотезах изменения демографического потенциала края, заложенных в аналогичном сценарии демографического прогноза

и сохранении тенденций в социально-экономическом развитии сельской местности региона, сложившихся в 2000-е гг. При этом предполагается, что доля работающих пенсионеров и подростков останется до конца прогнозного периода на современном уровне. Численность женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми, будет изменяться пропорционально изменению числа детей в возрасте до 3 лет. Распределение трудовых ресурсов между экономикой, сферой образования, вооруженными силами, домашним и личным подсобным хозяйством, а также степень участия населения в рабочей силе сохранятся на современном уровне.

Экономический кризис завершился, наметившийся экономический рост продолжится и в дальнейшем. При этом среднегодовые темпы прироста промышленного производства составят 4,7%, сельскохозяйственного — 3,2%, объем работ, выполненных по договорам строительного подряда, — 2,7%. Производительность труда в этих секторах экономики будет расти опережающими темпами, в связи с чем число занятых в них будет сокращаться. Занятость в отраслях непроизводственной сферы сократится незначительно. Интенсивность движения рабочей силы, процессы ее высвобождения из экономики и создание новых рабочих мест сохранятся на современном уровне.

Согласно прогнозным расчетам в 2020 г. численность экономически активного сельского населения в Алтайском крае по инерционному варианту составит 520 тыс. человек, а занятых — 478 тыс. человек. Убыль населения в трудоспособном возрасте в сочетании со стабильным экономическим ростом уменьшит основные диспропорции на рынке труда, и уровень общей безработицы не будет превышать 8%.

Второй вариант — *пессимистический*. Он основан на соответствующем сценарии демографического воспроизводства и предположении о том, что выход из кризиса будет более медленным, периоды некоторого оживления сельской экономики и ее падения будут сменять друг друга вплоть до 2020 г. Последнее приведет к еще большему (по сравнению с инерционным вариантом) сокращению занятости в производственной сфере и, как следствие, к обострению проблемы занятости мужчин. Реализация социальных реформ пойдет по пути значительного сокращения занятости в образовании, здравоохранении, культуре и других отраслях социальной инфраструктуры, что в первую очередь отразится на занятости женщин. Уменьшится число ученических мест. Текучесть кадров, инвестиции в основной капитал и ввод новых рабочих мест сократятся, а высвобождение рабочей силы по экономическим причинам увеличится. Все это, несмотря на заметное уменьшение численности населения в трудоспособном возрасте, приведет к от-

носительному увеличению предложения рабочей силы, усилению напряженности и росту безработицы на рынке труда.

При таком варианте развития численность экономически активного сельского населения составит в 2020 г. 494 тыс. человек, удовлетворенный спрос будет равен 416 тыс. человек, дисбаланс на рынке труда, или число безработных, составит 78 тыс. человек.

Третий вариант развития — *оптимистический*. По этому сценарию предполагается, что в среднесрочной перспективе демографический кризис будет преодолен. Однако на численности населения в трудоспособном возрасте в прогнозируемом периоде это не отразится. В результате модернизации экономики, реализации проектов «Алтайское Приобье», «Бирюзовая Катунь» и других начнется постепенное наращивание темпов экономического развития. В большинстве отраслей материального производства аграрной экономики процессы высвобождения рабочей силы и ее дополнительного привлечения будут носить более динамичный характер. В целом ожидается значительный рост инвестиций в основной капитал, ввод новых рабочих мест и увеличение спроса на рабочую силу. Реформы в социальной сфере села приведут не к сокращению здесь занятости, а к снижению трудовой нагрузки работников этой сферы до научно обоснованных нормативов. Повышение уровня оплаты труда и пенсий позволит не работать большему числу пенсионеров и подростков. С ростом рождаемости увеличится и число женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми. Изменение численности учащихся в трудоспособном возрасте, обучающихся с отрывом от производства, будет происходить пропорционально изменению численности населения в младшем трудоспособном возрасте (16–25 лет). В соответствии с оптимистическим сценарием в 2020 г. численность экономически активного населения составит 540 тыс. человек, занятых — 517 тыс. человек, безработица приблизится к естественному уровню и будет равна 4,2%.

Для реализации более оптимистических сценариев развития и повышения уровня устойчивости сельских территорий необходимо осуществить комплекс мер, направленных на повышение эффективности политики занятости в регионе, модернизацию аграрной экономики, создание новых современных рабочих мест и расширение спроса на рабочую силу, развитие трудового потенциала и формирование эффективного предложения на рынке труда, совершенствование пространственной организации сельскохозяйственного производства и повышение территориальной мобильности рабочей силы, совершенствование ценообразования и активизацию экономического поведения сельского населения на рынке труда.

11.3. Развитие трудового потенциала

В контексте устойчивости подход к анализу формирования и использования ресурсов труда с позиции трудового потенциала нам представляется наиболее плодотворным. Под трудовым потенциалом сельской территории будем понимать совокупность динамично развивающихся физических и духовных сил сельских сообществ, которые могут быть использованы в процессе трудовой деятельности. Раскрывая сущность и особенности трудового потенциала, следует акцентировать внимание на следующих основных моментах[1]:

1) трудовой потенциал является важнейшей компонентой человеческого потенциала и характеризует не только достигнутый уровень развития и использования ресурсов труда, но и оценивает возможности их совершенствования в перспективе;
2) трудовой потенциал не равен сумме потенциалов отдельных работников (реальных и потенциальных), это некоторая другая сущность, другое качество, характеризующее сельское трудовое сообщество как нечто целостное, динамичное, способное к саморазвитию;
3) трудовой потенциал неразрывно связан с трудовой деятельностью, которая лежит в основе его формирования и реализации, а также с другими компонентами человеческого потенциала;
4) трудовой потенциал играет ключевую роль в устойчивости сельских территориальных социально-экономических систем, являясь ее системообразующим фактором и движущей силой развития.

Исходя из вышеизложенного трудовой потенциал сельских территорий — это интегральная оценка трудоспособности сельского населения, отражающая масштабы, уровень и перспективы ее развития.

---

[1] При определении сущности трудового потенциала авторы опирались на научные подходы российских и зарубежных ученых к изучению человеческого потенциала в целом и трудового в частности. См. подробнее: Губарь А. И. Трудовой потенциал региона: концептуальные основы исследования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2010. № 4 (17). С. 37–41; Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007. С. 348–387; Bocakova O., Kubisova Z., Tomasikova A. The Importance of Education for Human Potential Development // Merit of Human Potential in Regional Development. 2010. P. 11–15 [Electronic resource]. URL: http://www.eeda.termal-podhajska.sk /publikacie/zborniky/human-potential.pdf; Moroz V., Moroz M. The Labour Potential and Economic Freedom: Theoretical Base for Dialectical Unity // Economica. 2012. Vol. 91 (2). P. 7–21 [Electronic resource]. URL: http://www.leidykla.eu/fileadmin /Ekonomika/91_2/7–21.pdf.

В основу количественной оценки трудового потенциала можно взять показатели численности экономически активного населения, трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте, базирующиеся на данных обследований населения по проблемам занятости, балансов трудовых ресурсов и переписей населения. Трудовой потенциал можно рассчитать как сумму произведений возрастных показателей соответствующих групп населения на потенциальную продолжительность их трудовой активности, или в более общем виде как произведение численности экономически активного населения (трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте) на среднюю продолжительность их трудовой активности.

В данной работе мы ограничимся оценками трудового потенциала, в основе которых лежат показатели экономической активности населения. По данным Росстата, в 2011 г. численность экономически активного сельского населения Алтайского края составила 611 тыс. человек, его средний возраст был равен 39,7 лет, а максимальный возраст трудовой активности, принятый в нашей стране, — 72 года. Исходя из этих данных трудовой потенциал сельских территорий составлял 19735 тыс. человеко-лет. По сравнению с 2000 г. он увеличился на 12%, но начиная с 2006 г. наметилась устойчивая тенденция его сокращения, которая сохранится и в долгосрочной перспективе. Прогнозные расчеты показывают, что в зависимости от варианта развития в 2020 г. трудовой потенциал сельских территорий может составить от 13000 до 17000 тыс. человеко-лет.

Степень использования трудового потенциала можно оценить через соотношение используемого в экономике трудового потенциала и общего трудового потенциала, в частности через уровень занятости[1]. В 2011 г. уровень занятости сельского населения был равен 60,5. За последние 10 лет он изменился несущественно.

К качественным характеристикам трудового потенциала относятся образование, квалификация и состояние здоровья реальных и потенциальных работников[2]. Для измерения образовательной компоненты трудового потенциала чаще всего используются такие показатели, как охват населения различными видами обучения, среднее число накопленных лет образования, показатели,

---

[1] Поскольку $Y_B = \frac{E}{MP_r + MP_{ur}} = \frac{E \times (T-t)}{(MP_r + MP_{ur}) \times (T-t)} = Y_L$, где Y_B — уровень занятости; E — численность занятых; MP_r — численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет; MP_{ur} — численность экономически неактивного населения в возрасте 15–72 лет; Y_L — степень использования трудового потенциала.

[2] Оценка состояния здоровья сельского населения дана в главе 10.

отражающие образовательную структуру населения, численность и долю в населении исследователей, обладателей научных степеней, занятых в НИОКР и в сфере образования, частные и бюджетные инвестиции в образование и т. п. Для оценки качества образования применяются различные виды тестирования, позволяющие измерить грамотность населения, потенциал обучаемости, уровень развития базовых навыков, необходимых для ориентации в обществе, уровень остаточных знаний у различных групп учащихся и студентов по базовым предметам и пр.[1] Рассмотрим некоторые из этих показателей применительно к сельскому населению Алтайского края, Сибири и России.

Уровень образования сельского населения Алтайского края несколько ниже аналогичных среднероссийских показателей и выше среднесибирских. По нашей оценке, в 2010 г. среднее число накопленных лет образования (уровень образования) алтайских селян составляло 11,0 лет, сельского населения России — 11,1, а СФО — 10,9. Образовательная структура сельских жителей Алтая несущественно отличалась от подобной структуры в России и Сибири. Среди них около 40% — это лица со средним и высшим профессиональным образованием, и примерно столько же — со средним общим (основным и полным), порядка 10% приходилось на граждан с начальным профессиональным образованием и 12% составляли сельские жители с начальным (общим) образованием и ниже. Несмотря на то, что сельское население обладает достаточно высоким образовательным потенциалом, по уровню образования российское село в целом и алтайское в частности значительно уступают городу: здесь на 1,5 года меньше среднее число накопленных лет образования по сравнению с городом, более чем в 2 раза ниже доля лиц с высшим образованием и в 2 раза выше доля лиц с начальным образованием (табл. 11.2).

По сравнению с переписью 2002 г. в образовательной структуре сельского населения Алтайского края в целом произошли прогрессивные изменения: увеличилась доля лиц с более высоким общим и профессиональным образованием и сократилась — с более низким. При этом максимальные темпы прироста (снижения) отмечены в группах с высшим образованием (40%) и начальным профессиональным (— 47%). В условиях сокращения контингента учащихся и стремительного роста количества вузов учреждения начального профессионального образования оказались наименее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг.

---

[1] Унтура Г. А. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе / Г. А. Унтура, Т. И. Яковлева, А. В. Евсеенко и др. // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А. С. Новоселова. Новосибирск, 2010. С. 77–88.

Таблица 11.2

Образовательная структура населения в возрасте 15 лет и старше (%) и уровень образования (лет)

	Годы	Высшее и послевузовское	Неполное высшее и среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее и ниже	Уровень образования
Алтайский край								
Всего	2002	12,3	28,6	15,7	16,5	14,7	12,2	11,0
	2010	17,6	34,4	7,5	18,9	13,3	8,3	11,6
Город	2002	16,4	32,6	13,0	17,5	12,8	7,7	11,7
	2010	23,3	38,9	5,4	16,8	10,3	5,3	12,3
Село	2002	7,5	23,7	18,9	15,3	17,0	17,6	10,2
	2010	10,5	29,0	10,0	21,5	17,0	12,0	10,8
Сибирский федеральный округ								
Всего	2002	14,0	30,3	13,3	17,4	15,1	9,9	11,2
	2010	20,3	35,6	5,7	18,5	12,9	7,0	11,9
Город	2002	16,8	33,2	11,9	17,7	13,2	7,2	11,7
	2010	24,3	38,5	4,7	17,2	10,2	5,1	12,4
Село	2002	6,6	22,5	17,1	16,5	20,2	17,1	10,1
	2010	10,1	28,1	8,4	21,8	19,8	11,8	10,7
Российская Федерация								
Всего	2002	16,2	30,6	12,8	17,7	13,9	8,8	11,4
	2010	23,4	35,8	5,6	18,2	11,0	6,0	12,2
Город	2002	19,2	33,4	11,6	17,7	12,1	6,0	11,8
	2010	27,7	38,4	4,6	16,5	8,7	4,1	12,7
Село	2002	7,4	22,8	16,2	17,9	19,0	16,7	10,2
	2010	11,4	28,6	8,0	23,3	17,6	11,1	10,9

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг, расчеты авторов.

Другой негативной и отличительной для Алтайского края характеристикой последнего межпереписного периода является увеличение доли неграмотных среди сельской молодежи в целом на 24%, а в возрастной группе до 20 лет — в 2,5 раза. И хотя абсолютные значения показателей неграмотности невелики, это очень тревожная статистика. В стране, до недавнего прошлого, всеобщей грамотности относительно увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. И это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития?!

В целом в пореформенные годы в сфере общего и профессионального образования наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, строятся новые школы, улучшается их техническая база, развивается интернет, растет число высших учебных заведений, появляются новые элитные вузы, введение ЕГЭ увеличивает доступность качественного образования для талантливой молодежи. С другой стороны, закрываются малокомплектные школы и, соответственно, снижается территориальная доступность школьного образования для жителей малых поселений, непомерно разрастается административно-управленческий аппарат, унизительно низко оплачивается труд преподавателей, растет его интенсивность, стареют кадры, меняется и, по мнению экспертного сообщества, не в лучшую сторону сама концепция образования: из сферы развития человека оно постепенно превращается в сферу все больше платных услуг со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими, культурологическими и другими последствиями. Качество образования в целом снижается, по яркому высказыванию Т. И. Заславской, «дипломированных специалистов в стране становится все больше, а квалифицированных и ответственных работников — меньше»[1]. Отмеченные процессы негативно сказываются на формировании трудового потенциала как в городах, так и в сельской местности.

Распределение сельского населения по уровню образования тесно связано с его профессиональным составом, поскольку принадлежность работника к определенной профессионально-должностной группе предполагает наличие у него соответствующей квалификации и специализации. В процессе обучения и практической деятельности реальные и потенциальные работники приобретают необходимые знания, умения и навыки, требуемые для выполнения трудовых функций по определенным видам занятий. Сдвиги в профессиональной структуре показывают направления и темпы экономических, технико-технологических

---

[1] Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007. С. 378.

и социальных перемен. Поскольку итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по данному вопросу еще не подведены, в нашем исследовании мы использовали только результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г.

В профессионально-должностной структуре опрошенного сельского населения представлены все выделенные в соответствии с Общероссийским классификатором занятий[1] профессионально-должностные группы: руководители и специалисты высшего и среднего уровня квалификации, квалифицированные и неквалифицированные работники производственной и непроизводственной сфер экономики, а также занятые на военной службе. Для нее характерно преобладание носителей профессий неквалифицированного труда (примерно 24%), высока доля специалистов высшего уровня квалификации, работников сферы обслуживания, торговли и ЖКХ, руководителей всех уровней управления (11–15%), значимая доля приходится на операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, квалифицированных рабочих сельского, лесного хозяйства, специалистов среднего уровня квалификации (6–10%), низкая доля работников, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом, и военнослужащих (0,8–2,5%) (табл. 11.3).

К сожалению, сопоставимыми данными об изменениях в профессионально-квалификационной структуре сельского населения за последние 10 лет на настоящий момент мы не располагаем, однако отдельные оценки сделать можем. Сокращение реального сектора аграрной экономики и закрытие предприятий привели к тому, что многие специалисты и рабочие сменили высококвалифицированные занятия и профессии на менее квалифицированные. Массовым стало явление, когда лица с высшим образованием заняли места продавцов, экспедиторов, охранников. Квалифицированный труд с крупных сельхозпредприятий в значительных объемах вытеснен в ЛПХ, малый бизнес — сферы преимущественно ручного неквалифицированного труда.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что трудовой потенциал сельских территорий снижается и в значительной своей части не востребован, что негативно сказывается на устойчивости их развития, в частности на выполнении ими функции воспроизводства трудовых ресурсов как для аграрной, так и для индустриальной экономик. В условиях ограниченных возможностей для количественного роста трудового потенциала выход представляется в повышении степени его использования и улучшении качественных характеристик.

[1] Общероссийский классификатор занятий ОК 010–93 (ОКЗ) (утв. постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kadrovik.ru/docs/08/ okz010–93.30.12.93n298.htm.

Таблица 11.3

Профессионально-квалификационная структура сельского населения в 2011 г., %

Группы занятий	Профессии и должности	%
1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	Руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, Россельхознадзора; директора школ, домов культуры, предприятий; заведующие детским садом, столовой; предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и др.	11,3
2. Специалисты высшего уровня квалификации	Учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и др.	15,0
3. Специалисты среднего уровня квалификации	Воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.	7,4
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	Секретари, операторы ПК, кассиры и др.	2,5
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	Продавцы, повара и другие работники общественного питания, парикмахеры, швеи и массажистки	14,2
6. Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства	Фермер, доярки, сыроделы, зоотехники, лаборанты и др.	6,3
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	Монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и др.	7,9
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	Водители, трактористы, машинист тепловоза	10,0
9. Неквалифицированные рабочие	Технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.	23,8
10. Занятые на военной службе	Техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок	0,8
11. Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия		0,8
Итого		100,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Необходимы конструктивные реформы в системе образования. В настоящее время в рамках государственной программы «Образование» и президентской инициативы «Наша новая школа» предполагается создание при ведущих университетах школ для одаренных детей, обеспечивающих как очное, так и дистанционное образование. Предусматривается, что не менее 10% сельских школьников старших классов будут получать дополнительное образование в таких школах. Особое внимание планируется уделить дошкольному образованию как этапу, на котором закладываются основы навыков по критическому восприятию информации, способности к нестандартным решениям, креативность, изобретательность[1]. Но этого недостаточно. Каждый сельский ребенок должен иметь возможности для получения качественного базового образования и развития творческих способностей.

Каждый молодой сельский житель должен быть ориентирован на получение современного профессионального образования, освоение новых технологий, генерирование новых идей. При этом особое внимание необходимо уделить подготовке молодых специалистов и квалифицированных рабочих в области сельского хозяйства, их закреплению в реальном секторе аграрной экономики путем формирования обоснованного регионального заказа на подготовку специалистов и рабочих базовых профессий, совершенствования механизма целевого набора учащихся в профессиональные учебные заведения в направлении повышения ответственности всех участников этого процесса, развития системы льготных образовательных кредитов, создания приемлемых условий для приобретения молодыми работниками благоустроенного жилья, установления для них достойной заработной платы.

Каждый зрелый работник должен иметь возможность совершенствовать свое мастерство, получать новые знания, осваивать новые компетенции путем повышения уровня и доступности профессиональной подготовки, распространения системы непрерывного профессионального образования, внедрения дистанционных форм обучения. Для устойчивого развития сельских территорий важно создать кадровый резерв из высокообразованных руководителей и специалистов, квалифицированных рабочих, разработать специальную программу поддержки этой категории работников при направлении их на отсталые, нерентабельные предприятия.

Каждый пенсионер при желании должен иметь возможность работать. В условиях дефицита кадров повышение доли старших возрастных групп в экономически активном населении, обладаю-

[1] Инновационная Россия – 2020 / Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. URL: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.

щих, с одной стороны, высокой квалификацией, трудолюбием, дисциплинированностью, а с другой — ограниченными физическими возможностями, относительно худшим здоровьем, меньшей восприимчивостью к инновациям, требует создания условий для продления трудовой жизни этой категории граждан, особенно в реальном секторе экономики. Поколение пятидесятилетних и старше должно успеть передать свои знания и опыт молодежи, поскольку среднее поколение здесь малочисленно и не сможет обеспечить воспроизводство квалифицированных кадров. Лица старшего поколения нуждаются в особых условиях труда, более гибких формах его организации, сокращенном рабочем дне. Они могут трудиться в качестве экспертов, консультантов, наставников молодежи, работников экспериментальных хозяйств и малых предприятий, а также на неквалифицированных работах, не требующих больших физических затрат.

Решение вопросов развития профессионального образования в крае предполагает объединение бюджетных средств, средств населения и работодателей. При этом целесообразно более активно использовать инструменты налоговой и кредитной политики. В частности, установить льготы по налогообложению прибыли для организаций, направляющих средства на обучение своих работников, освободить их от части налогов в местный бюджет, предоставлять безвозвратные ссуды предприятиям на полное или частичное возмещение затрат на производственное обучение лиц, особо нуждающихся в социальной защите, освобождать их от части выплат в социальные фонды.

Страны и регионы, создавшие наиболее эффективные модели формирования и развития трудового потенциала, получат значительные преимущества в инновационном обществе. Такая модель должна отвечать принципам непрерывности образования, всеобщности, интеграции с наукой, глобализации и индивидуализации, сочетания государственных и частных инвестиций в образование, инновационности[1]. Применительно к сельской местности особо важно развитие информационно-коммуникационных технологий в образовании, позволяющих повысить уровень доступности качественного образования для сельских жителей, обеспечить его непрерывный характер, предоставить возможность в составлении индивидуальных образовательных программ из наиболее востребованных модулей, усилить связь с практической работой, сократить финансовые затраты. Движение должно быть двусторонним, не только сфера образования должна подстраиваться под потреб-

[1] См. подробнее: Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 120–124.

ности экономики, но и экономика должна создавать современные рабочие места.

11.4. Модернизация системы рабочих мест и макроэкономические условия

К сожалению, современная статистика не позволяет дать развернутую комплексную оценку существующей системы рабочих мест в сельской экономике. Отдельные ее стороны можно охарактеризовать при помощи данных переписи населения и обследования населения по проблемам занятости, отчетности крупных и средних предприятий о состоянии и движении основных фондов и рабочих мест, информации территориальных органов по труду и занятости населения о вакантных рабочих местах, результатов социологических опросов сельского населения и экспертов.

Состав замещенных рабочих мест можно оценить через структуру занятости сельского населения. Данные переписи населения 2002 г. показали, что в отраслевой структуре сельской экономики преобладали рабочие места в сельском хозяйстве, на их долю приходилось около 30%; следующие по распространенности — это рабочие места в промышленности, образовании и торговле, их удельный вес колебался от 8 до 12%. На третьем месте находились рабочие места в организациях здравоохранения, управления, транспорта и связи (6–7%). Далее в порядке убывания следовали рабочие места в строительстве, в сфере коммунальных, социальных и персональных услуг, гостиничном и ресторанном бизнесе, в финансовом секторе и др. (1–4%). Согласно результатам социологических исследований и обследований населения по проблемам занятости в 2000-е гг. в отраслевом движении рабочих мест наблюдался значительный их рост в торговле, финансовой сфере, управлении и сокращение в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве.

По результатам социологических опросов, 35% замещенных рабочих мест относились к бюджетной сфере и 65% — к частному сектору экономики. Государственных и муниципальных предприятий и, соответственно, рабочих мест в производственной сфере села почти не осталось, а проникновение частного бизнеса в социальную сферу происходило значительно медленнее, чем в городах, здесь по-прежнему монопольно преобладают бюджетные рабочие места. На современном этапе развития бизнес-активность сельчан остается невысокой: только 3% опрошенных сельских жителей осуществляли предпринимательскую деятельность. Попытки открыть собственное дело в последние 3 года осущест-

вляли менее 1% респондентов, а планировали заняться предпринимательством лишь 2,4%. По уровню оплаты труда 34% рабочих мест было с зарплатой ниже прожиточного минимума, и только 5% — на уровне выше трех прожиточных минимумов. Примерно четверть сельских рабочих мест — это места, на которых выполняются самые неквалифицированные работы, а на большинстве оставшихся, по оценкам сельских жителей, их квалификационный потенциал недоиспользуется или не востребован вовсе.

Согласно данным управления Алтайского края по труду и занятости населения число старых вакантных рабочих мест в сельской местности не превышало в среднемесячном исчислении 1700 ед., их доля в общекраевых показателях составляла 13–25%, более трети незанятых рабочих мест было с заработной платой ниже прожиточного минимума. Вместе с тем в динамике вакансий наблюдаются некоторые положительные сдвиги: увеличивается доля постоянных вакансий, и снижается удельный вес вакансий с зарплатой ниже прожиточного минимума.

Ежегодный ввод новых рабочих мест в сельских территориях региона в последние 3 года составляет 8–10 тыс. ед. Их создание связано с открытием новых производств, модернизацией и реконструкцией действующих, развитием розничной торговли и сферы платных услуг населению. Существенное влияние на процесс формирования рабочих мест в сельской местности оказывает проект «Комплексное развитие Алтайского Приобья на период до 2025 г.». В нем предусматривается реализация 15 инвестиционных проектов в сельском хозяйстве, 7 — в области организации отдыха и туризма, 4 — в пищевой и перерабатывающей промышленности. Только в 2011–2013 гг. будет организовано порядка 5 тыс. новых рабочих мест.

До 40% новых рабочих мест создается в рамках программ содействия самозанятости безработных. При содействии службы занятости они получают профессиональное обучение основам малого предпринимательства, информационную и иную помощь при разработке бизнес-планов и государственной регистрации, денежную субсидию в размере годового пособия по безработице на организацию собственного дела. Эффективность этих программ весьма высока, доля граждан, получивших государственную субсидию и закрывших свое дело, не превышает 2%[1].

Вместе с тем большинство новых рабочих мест не отвечают требованиям модернизирующейся экономики, и, несмотря на отдель-

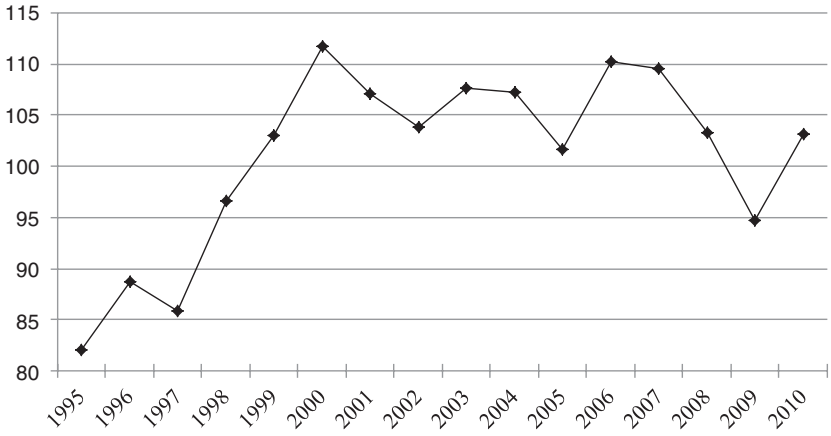
[1] Рынок труда Алтайского края в 2005–2010 гг.: основные показатели, механизмы регулирования, направления развития / Администрация Алтайского края ; Управление Алтайского края по труду и занятости населения / под ред. И. А. Бушмина. Барнаул, 2011. С. 58–70.

ные позитивные сдвиги, в целом структура сельских рабочих мест смещается не в сторону высокопроизводительной, высокотехнологичной, социально ориентированной экономики, а в противоположном направлении.

Темпы создания новых рабочих мест и их качество напрямую связаны с состоянием и динамикой экономики региона в целом и сельской в частности.

Одним из традиционных обобщающих показателей экономической деятельности региона является валовой региональный продукт (ВРП), представляющий собой совокупность добавленных стоимостей отраслей экономики и чистых налогов на продукты. В 2010 г. его величина в Алтайском крае составляла 299,8 млрд рублей. Проведенный анализ ВРП за период с 1995 по 2010 г. показал неустойчивость в темпах его роста, снижение ежегодных темпов наблюдалось в 1997, 2001–2002, 2004–2005, 2007–2009 гг., а повышение — в 1999–2000, 2003, 2006 и 2010 гг. (рис. 11.4).

Динамика темпов роста ВРП зависит от его отраслевой структуры. В анализируемый период наблюдалось устойчивое изменение пропорции между производством товаров и производством услуг в пользу последних.



Источник: данные Алтайкрастата.

Рис. 11.4. Темпы роста ВРП Алтайского края в 1995–2010 гг., % к предыдущему году

Так, в 1995 г. более 60% ВРП Алтайского края образовывалось за счет отраслей, производящих товары, оставшуюся часть состав-

ляли отрасли оказания услуг[1]. К 2000 г. данное соотношение изменилось в сторону снижения доли отраслей, производящих товары, до 54,1%, а в 2004 г. в структуре ВРП отрасли данной специализации составляли менее половины — 48,2%. Подобное изменение в структуре ВРП края оказало скорее негативное влияние на устойчивость экономического развития территории.

В структуре валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности более 50% ВРП Алтайского края образовывалось за счет финансово-хозяйственной деятельности в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, обрабатывающих производствах, а также в сферах оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. В 2004–2010 гг. среди основных отраслей специализации наблюдалась тенденция снижения удельного веса производимой продукции в сельском хозяйстве и наращивания объемов производства в обрабатывающей промышленности (табл. 11.4).

Таблица 11.4

Структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности в Алтайском крае в 2004–2010 гг., %

Вид экономической деятельности	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	23,0	16,8	16,3	15,7	15,5	18,3	18,2
Рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Добыча полезных ископаемых	0,1	0,2	0,4	0,5	0,7	0,8	0,9
Обрабатывающие производства	17,0	19,4	18,5	17,4	17,7	17,6	19,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,4	5,7	4,5	4,2	4,1	4,7	4,4
Строительство	4,0	4,7	4,8	4,2	4,3	3,9	4,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	19,2	21,7	20,9	23,7	21,3	18,9	18,9

[1] Алтайский край в цифрах. 1995–1999 : стат. сб. / Алтайский краевой комитет государственной статистики. Барнаул, 2000. С. 28.

Окончание таблицы 11.4

1	2	3	4	5	6	7	8
Гостиницы и рестораны	0,6	0,8	0,8	0,8	0,9	0,7	0,7
Транспорт и связь	7,1	7,5	8,6	8,9	9,4	8,3	7,8
Финансовая деятельность	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,3	0,5
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,1	5,5	6,3	6,5	6,8	5,6	5,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	4,8	5,0	7,1	7,2	7,6	8,5	7,7
Образование	5,1	5,2	4,6	4,1	4,4	5,0	4,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,0	6,0	5,5	5,2	5,8	6,1	5,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,1	1,3	1,4	1,3	1,2	1,3	1,0

Источник: данные Алтайкрайстата.

Удельный вес остальных отраслей в структуре валовой добавленной стоимости составляет 0–9%. Так, за период с 2004 по 2010 г. от 0,0 до 1,0% ВРП было создано в таких сферах экономической деятельности, как рыболовство и рыбоводство, добыча полезных ископаемых, гостиничном и ресторанном бизнесе, финансовой деятельности. От 1,1 до 1,5% ВРП произведено в сфере оказания коммунальных, социальных и персональных услуг. В среднем от 4 до 5% ВРП создано за счет производства и распределения электроэнергии, газа и воды, строительства и оказания услуг в сфере образования. Оставшиеся отрасли экономической деятельности составляли 5–9% ВРП края. В число последних вошли сферы здравоохранения и предоставления социальных услуг, операции с недвижимостью, государственное управление и обеспечение военной безопасности, а также оказание транспортных услуг и услуг связи.

Анализ индексов физического объема валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности в Алтайском крае за 2005–2010 гг. показал, что в целом в отраслях специализации экономики края наблюдался их рост, однако он был неустойчивым (табл. 11.5). Наибольшее значение среднегодового показателя отмечено в сфере оптовой и розничной торговли — 105,5%. Максимальный темп прироста из ведущих отраслей экономики Алтайского края зафиксирован в 2009 г. в сфере сельского хозяйства и составил 23,6% к уровню 2008 г.

Таблица 11.5

Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности в Алтайском крае в 2005–2010 гг., % к предыдущему году

Вид экономической деятельности	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	87,6	113,1	105,2	97,8	123,6	98,6
Рыболовство, рыбоводство	83,1	103,9	161,0	104,1	85,7	98,6
Добыча полезных ископаемых	142,0	212,6	142,1	117,2	87,7	104,3
Обрабатывающие производства	92,6	109,7	106,2	99,4	90,6	109,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	95,9	104,7	109,8	103,8	97,6	102,9
Строительство	128,2	125,1	117,5	101,7	82,7	118,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	120,9	109,8	117,1	107,9	79,2	104,0
Гостиницы и рестораны	122,2	119,3	114,3	109,4	69,4	102,4
Транспорт и связь	112,7	107,9	110,9	107,9	90,2	100,7
Финансовая деятельность	99,7	175,3	96,8	101,7	19,2	191,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	105,2	120,1	118,6	108,1	91,5	111,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	104,0	100,9	101,7	101,9	104,3	97,4
Образование	94,2	98,6	101,6	100,9	98,0	97,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	92,7	103,4	100,1	102,5	96,1	96,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	113,8	114,7	102,7	96,6	93,5	81,4

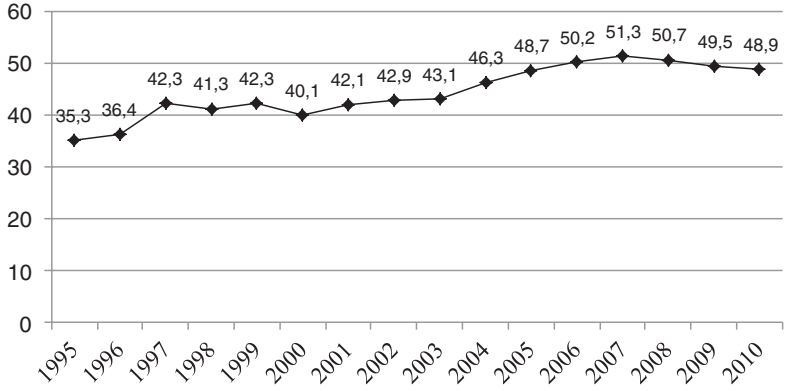
Источник: данные Алтайкрайстата.

Следует отметить, что в отраслях, имеющих малый удельный вес в создаваемом ВРП края (на уровне 0–1%), в отдельные годы отмечен рост производимого продукта в 1,5–2 раза. Такая ситуация была характерна для организаций сферы добычи полезных ископаемых в 2005–2007 гг., рыбоводческих хозяйств в 2007 г., а также финансовой деятельности в 2006 и 2010 гг. Расширение масштабов деятельности в этих сферах, создание новых организа-

ций с привлечением дополнительной рабочей силы могло бы стать фактором увеличения темпов экономического роста в регионе.

Рост доходности от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, а в итоге и устойчивость темпов роста экономики региона в целом зависят от оборота создаваемых товаров/оказываемых услуг.

В экономике Алтайского края в общем обороте финансово-хозяйственной деятельности порядка 40% образуется за счет организаций сферы торговли. Около 25–30% от общего оборота в хозяйственной деятельности складывается за счет созданного и реализованного продукта в сфере обрабатывающих производств[1]. Однако при имеющемся обороте и получаемой прибыли встает вопрос об уровне ее капитализации. Актуальность данной проблемы связана с высокой степенью износа основных фондов. За период с 1995 по 2010 г. степень износа основных фондов в Алтайском крае увеличилась на 13,6 п.п. По данным статистики, износ основных фондов на предприятиях Алтайского края в 2010 г. был выше среднероссийского показателя на 3,2 п.п. и составлял 48,9% (рис. 11.5).



Источник: данные Алтайкрайстата.

Рис. 11.5. Степень износа основных фондов в экономике Алтайского края в 1995–2010 гг., % к предыдущему году

Степень износа основных фондов по видам экономической деятельности в Алтайском крае варьировала от 15 до 68%. Наиболее высокий уровень износа основных фондов отмечен в сфе-

[1] Алтайский край в цифрах. 2006–2011 : крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2012. С. 80–81; Статистический ежегодник Алтайского края. 2003–2008 : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2009. С. 194.

ре производства и распределения электроэнергии, газа и воды (67,5%), в коммунальном хозяйстве (60,9%), рыболовстве и рыбоводстве (58,9%), здравоохранении (57,5%), на транспорте и в связи (57,9%). Увеличение износа основных фондов в 2004–2010 гг. в значительной степени произошло в сфере финансовой деятельности — на 19,3 п.п., составив в 2010 г. 41,9%. Существенный износ основных фондов произошел в сферах образования (17,0 п.п.) и государственного управления (табл. 11.6).

Таблица 11.6

Степень износа основных фондов Алтайского края по видам экономической деятельности в 2004–2010 гг., %

Вид экономической деятельности	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	38,9	37,5	38,6	37,5	37,3	34,4	34,0
Рыболовство, рыбоводство	53,2	53,4	60,0	62,5	62,6	60,5	58,9
Добыча полезных ископаемых	40,0	39,8	8,8	6,6	10,6	13,6	15,1
Обрабатывающие производства	43,1	44,8	48,9	48,9	44,5	42,8	43,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	63,4	65,4	65,4	63,4	65,4	66,5	67,5
Строительство	51,6	51,9	40,5	42,8	42,4	41,2	41,5
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	42,8	33,8	34,5	34,6	34,6	33,5	32,0
Гостиницы и рестораны	51,4	60,3	56,1	52,8	44,8	46,3	47,7
Транспорт и связь	55,7	58,8	61,3	61,4	60,7	58,8	57,9
Финансовая деятельность	22,6	26,6	39,7	38,5	40,5	42,2	41,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	34,6	35,6	36,8	39,7	39,0	39,2	38,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	36,7	47,4	51,1	43,4	47,1	50,2	50,4
Образование	43,0	49,3	53,8	58,5	57,7	58,7	60,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	51,5	55,4	56,9	60,2	58,4	58,9	57,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	53,1	60,8	58,7	65,2	61,1	59,8	60,9

Источник: данные Алтайкрайстата.

Однако в ряде отраслей экономики края за анализируемый период произошло снижение степени износа основных фондов. Среди таких сфер экономической деятельности оказались отрасли сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, строительства, торговли, гостиничного и ресторанного бизнеса. Но даже при положительной динамике в таких ведущих отраслях экономики края, как сельское хозяйство, обрабатывающие производства и торговля, составляющих в сумме порядка 60% в производимом ВРП, в 2010 г. степень износа основных фондов в них составляла 34,0, 43,2 и 32,0% соответственно.

Вместе с тем в экономике Алтайского края произошло снижение удельного веса полностью изношенных основных фондов на крупных и средних предприятиях с 13,4% в 2005 г. до 10,6% в 2010 г. В сфере сельского хозяйства сокращение доли полностью изношенных основных фондов за рассматриваемый период составило 13,1 п.п. Обновление и частичная замена транспортных средств за этот период составили 25,8 п.п., машин и оборудования — 23,9 п.п., сооружений и зданий — 12,3 и 6,7 п.п. соответственно[1].

Современное состояние основных фондов является причиной низкого уровня производительности, частых простоев из-за поломок оборудования ввиду его изношенности, снижения чистой прибыли предприятий и т. д. Следовательно, для российских предприятий политика технического и технологического перевооружения означает внедрение современного оборудования и новых технологий в производственный процесс, наращивание объема выпуска, улучшение конкурентных позиций на внутреннем и внешнем рынках.

Имеющиеся технические и технологические возможности предприятий не позволяют создать должные условия труда для работников. Довольно распространенной в российской практике является занятость на рабочих местах, не отвечающих установленным санитарным и гигиеническим нормам труда. Так, по данным статистики, в 2010 г. в Алтайском крае среди общей численности занятых в сфере обрабатывающих производств 31,2% работали в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам, и 12,3% были заняты на физически тяжелых работах[2].

На современном этапе разработка новых технологий и создание с их помощью нового продукта представляется важным

---

[1] Статистический ежегодник Алтайского края 2005–2010 : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2011. С. 187–188; Статистический ежегодник Алтайского края. 2003–2008 : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2009. С. 181.

[2] Труд и занятость в России. 2011 : стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 324–326.

направлением развития экономики Алтайского края. Среди основных источников финансовых средств, необходимых для обновления производственно-технологической базы предприятий, являются инвестиции в основной капитал. В общем объеме вкладываемых средств инвестиционные вложения в основной капитал в Алтайском крае превалируют в сравнении с остальными нефинансовыми активами. По данным статистики, за последние 9 лет в структуре вложений в нефинансовые активы инвестиции в основной капитал в экономике Алтайского края составляли в среднем 97,8–99,8% в год, доля собственных средств варьировала от 34 до 53%, а привлеченных — от 47 до 66% (табл. 11.7).

Таблица 11.7

Динамика инвестиций в основной капитал и затраты на НИОКР в Алтайском крае за 2003–2011 гг., %

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал	118,7	99,6	120,0	122,6	126,1	106,8	80,9	115,3	115,4
Инвестиции в основной капитал в структуре нефинансовых активов	99,8	99,8	99,8	99,6	99,4	99,2	98,7	99,0	97,8
в т. ч. по источникам финансирования									
собственные средства	50,2	53,2	48,3	38,8	37,8	34,2	34,3	42,3	40,8
привлеченные средства	49,8	46,8	51,7	61,2	62,2	65,8	65,7	57,7	59,2
Доля бюджетных средств в общем объеме привлеченных средств	39,6	32,8	31,4	34,7	32,0	32,2	44,0	43,0	41,8
Затраты на НИОКР	…	…	…	0,1	0,3	0,5	0,6	0,6	0,8

Источник: данные Росстата и Алтайкрайстата, расчеты авторов.

В составе привлеченных средств наибольший удельный вес составили бюджетные источники финансирования. На протяжении рассматриваемого периода этот показатель равнялся 30–40%. В целом снижение бюджетного финансирования в основном ха-

рактерно для экономики в период относительной экономической стабилизации. Кризисные события 2008–2009 гг. спровоцировали увеличение бюджетных вложений в основной капитал в 2009 г. до 44,0%.

В 2011 г. в структуре инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в Алтайском крае наибольший удельный вес составляли инвестиции в обрабатывающие производства — 17,1%, сельское хозяйство — 17,0%, транспорт и связь — 16,7%. В строительстве этот показатель был зафиксирован на уровне 0,6%[1]. Однако на данном этапе экономического развития инвестируемые средства в основной капитал, даже по ведущим отраслям, не отражаются на их техническом перевооружении и создании новых современных рабочих мест.

Для модернизации рабочих мест в сельских территориях Алтайского края важно:

1) повысить восприимчивость аграрной экономики к инновациям путем совершенствования законодательства, развития конкурентной среды, разработки системы мотивации инноваций, учитывающей предпочтения рядовых работников, предпринимателей и управленцев всех уровней. Особое внимание необходимо уделить совершенствованию действующих и созданию новых рабочих мест более высокого качества, более высокопроизводительных, технологически продвинутых, высокооплачиваемых и требующих высокого уровня образования и квалификации. Техническая модернизация должна послужить источником роста производительности труда и его оплаты. Технологии нового поколения должны способствовать улучшению условий трудовой деятельности, ее облегчению, снижению рисков ухудшения здоровья селян, полностью исключить вопрос о производственном травматизме;
2) усилить присутствие государства в аграрном секторе экономики региона, увеличить госзаказ на основные виды сельхозпродукции, повысить эффективность участия алтайских сельхозпроизводителей в зерновых торгах и разработать механизмы их активизации, стимулировать в крае производство конечной продукции с высокой долей добавленной стоимости, более активно использовать меры антимонопольной политики и предпринять усилия по сдерживанию цен на энергоносители, горюче-смазочные материалы, сельхозтехнику. Защитить внутренний рынок от внешних

[1] Алтайский край в цифрах. 2006–2011 : крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2012. С. 194–195.

интервенций некачественного продовольствия, помочь алтайскому производителю расширить рынки сбыта сельскохозяйственной продукции как внутри страны, так и за ее пределами, облегчить условия лизингового приобретения новой техники. Особое внимание надо уделить развитию пищевой промышленности, поскольку она в меньшей степени подвержена циклическим колебаниям и на нее замыкаются интересы более 60% населения края, включая жителей села. Здесь необходимо постоянно расширять ассортимент выпускаемой продукции, улучшать ее качество, больше производить оздоравливающих продуктов питания, увеличивать выход готовой продукции с единицы сырья, способствовать продвижению алтайского продовольствия на рынки Китая, Индии и других азиатских стран;

3) способствовать развитию интеграционных связей в агропромышленном комплексе края. Необходимо расширить посредничество государства в формировании более справедливых и долгосрочных прямых связей между смежниками, в частности между производителями фуражного зерна, животноводческими комплексами, птицефабриками и предприятиями сельхозпереработки; между производителями продовольственного зерна, мукомольными и крупяными предприятиями и т. п. Следует разрабатывать и внедрять схемы сотрудничества и организации производства, позволяющие снизить налоговое бремя на сельхозпроизводителей;
4) расширить меры по развитию кооперации для сбора молока, мяса, яиц, овощей, картофеля в ЛПХ, их доставке на перерабатывающие предприятия и рынки, созданию условий для производства средств малой механизации и совместного использования сельхозтехники при проведении посевных работ и сборе урожая. Обеспечить правовое сопровождение деятельности производственных, заготовительных и сбытовых кооперативов в сельской местности; поддерживать инициативы населения в этом направлении. Особое внимание необходимо уделять селам, не имеющим относительно крупных работодателей;
5) стимулировать на селе развитие самозанятости. Необходимо снизить налоговое бремя для малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, устранить административные барьеры для занятий бизнесом, развивать и дальше льготное кредитование малых форм предпринимательства. Усилить в регионе координацию деятельности по разработке и реализации целевых комплексных программ, направленных на развитие малого бизнеса, в частно-

сти способствовать плавному переходу участников программ по снижению напряженности на рынке труда по направлению «содействие самозанятости безработных» под действие программ по поддержке малого бизнеса. Важно развивать инфраструктуру поддержки малых предприятий, в том числе инновационных, оказывать особую помощь субъектам социально значимых малых предприятий, учитывать региональную специфику.

11.5. Обеспечение трудовых прав граждан и достижение безопасных условий труда

Переход к рыночным отношениям инерционно привнес в российскую действительность, с одной стороны, наследие командной системы — поколения работников, не способных защищать права и отстаивать свои интересы в установленном законом порядке, а с другой — обилие собственников, которые, исходя из основных целей своей финансово-хозяйственной деятельности, стараются обойти формальные нормы и правила.

В соответствии с Конституцией РФ каждый гражданин России имеет право: свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; работать в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены труда; получать вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и на уровне не ниже минимального размера оплаты труда; иметь установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, ежегодно оплачиваемый отпуск; быть защищенным от безработицы и отстаивать свои трудовые права всеми законными способами. Наряду с традиционными для советского периода нормами, в действующей Конституции РФ провозглашены новые права и свободы, в частности право на занятие предпринимательской деятельностью, право частной собственности на средства производства, право на забастовки; запрещен принудительный труд[1].

Институциональные возможности для самореализации человека в социально-трудовой сфере существенно возросли, однако их использование крайне затруднено. В новейшей истории России произошло снижение социальной защищенности работников наемного труда. Это проявляется в неисполнении и нарушении

[1] Конституция Российской Федерации. Официальное издание: С. 14–15 [Электронный ресурс]. URL: http://www.constitution.ru/official/pdf/ constitution.pdf.

действующего трудового законодательства со стороны работодателей, отсутствии эффективных институтов и механизмов государственного и общественного контроля за действиями работодателей в частном секторе, формировании и закреплении теневых трудовых отношений. Результатом подобных нарушений явились бесправное положение наемных работников и отсутствие для них гарантий в таких сферах, как оплата и условия труда, режим работы, процедуры приема и увольнения. Широкое распространение получили произвольное установление уровня оплаты труда, зачастую не соответствующего реальному трудовому вкладу, штрафные санкции как мера дисциплинарного воздействия, ненормированный рабочий день без компенсации за сверхурочные работы и работу в праздничные и выходные дни, отсутствие предварительного уведомления об увольнении, отказ в предоставлении очередного отпуска и выплате денежной компенсации в период временной нетрудоспособности, нарушении правил по технике безопасности и гигиене труда.

По данным нашего исследования, в целом с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости столкнулись более 80% опрошенных сельских жителей. Оценки степени распространенности неправовых трудовых практик другими исследователями колеблются от 50 до 90%[1]. Неправовое трудовое пространство охватывает все взаимодействия работодателей и работников в период занятости последних, а также процедуры их найма и увольнения.

Нарушения трудовых прав в процессе занятости мы условно разделили на три группы: нарушения прав в области оплаты труда, нарушения прав в области условий труда и нарушения прав в области обеспечения социальных гарантий.

Одной из главных проблем на селе является заниженная цена рабочей силы на рынке труда. Только две пятых респондентов считают, что получаемые ими трудовые доходы справедливы и соответствуют их квалификации. Остальные опрошенные недовольны тем, как вознаграждается их труд, и считают размер своего трудового дохода низким, не отвечающим их трудовому вкладу, профессиональному образованию и практическому опыту (табл. 11.8). В наибольшей степени не удовлетворены уровнем заработной платы работники организаций государственной и муниципальной собственности — 70%, в то время как на частных предприятиях таковых было 48%. Средний желаемый уровень трудового дохода для селян составлял 14 тыс. рублей. В настоящее время сред-

[1] Заславская Т. И., Шабанова М. А. Социальный механизм институционализации неправовых практик // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск, 2003. С. 154.

немесячная заработная плата в сельской местности Алтайского края равна 11,1 тыс. рублей[1].

Таблица 11.8

Степень распространенности и структура нарушенных прав сельского населения в области оплаты труда, %

Нарушенные права	Степень распространенности нарушений	Структура нарушенных прав
Задержки по выплате заработной платы	13,2	23,1
Необоснованно низкая заработная плата	54,7	57,7
Выплата заработной платы преимущественно в натуральной форме	1,8	3,1
Неоплачиваемая или частично оплачиваемая сверхурочная работа	8,4	14,6
Несвоевременная выплата отпускных	11,1	1,5

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г. и расчеты авторов.

Наряду с низкой оплатой труда, каждый восьмой работник сталкивался с задержкой по ее выплате, каждый двенадцатый — привлекался к неоплачиваемым или частично оплачиваемым сверхурочным работам, а каждому пятидесятому заработная плата выплачивалась в натуральной форме. В среднем задолженность по заработной плате составляла 3 месяца. При ее возникновении примерно треть работников вели себя пассивно, остальные предпринимали определенные действия: обращались к директору своего предприятия или в сельскую администрацию, искали другую основную или дополнительную работу, развивали личное подсобное хозяйство и собирали «дары природы», брали деньги в долг у друзей и родственников и расходовали свои сбережения.

Удельный вес натуроплаты в трудовых доходах опрошенных варьировал от 0 до 100% и составлял в среднем 5%. Согласно Трудовому кодексу РФ доля заработной платы, выплачиваемой в натуральной форме, не может превышать 20% от начисленной месячной заработной платы[2].

---

[1] Россия в цифрах. 2012 : крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 131.

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации. М., 2010. С. 119.

Низкий уровень оплаты труда, ее многомесячные задержки, выплата в натуральной форме не позволяли большинству сельских жителей обеспечить качественное питание, полноценный отдых, хорошее медицинское обслуживание, покупать необходимую одежду, товары длительного пользования, решать жилищные проблемы, оплачивать обучение детей, что в конечном счете приводило к сокращению человеческого потенциала. Низкая заработная плата — фактор, способствующий уменьшению налогооблагаемой базы, устранению стимулов к повышению эффективности производства, а также деградации системы общего и профессионального образования, поскольку нет смысла тратить время, силы и средства на приобретение высокой квалификации, не находя ей впоследствии применения или получая мизерную заработную плату. В конечном счете заниженная цена живого труда ведет к разрушению человеческого капитала и разрыву воспроизводственного цикла.

В конструктивном плане в основе цены рабочей силы должна лежать ее стоимость. В качестве наиболее точной оценки последней мог бы служить рациональный потребительский бюджет, определяемый как набор благ и услуг, необходимый для обеспечения жизнедеятельности работника и членов его семьи в соответствии с научно обоснованными нормами. Однако из-за отсутствия официальных данных о его величине, а также в силу достаточно разноречивых оценок неофициальных источников стоимость рабочей силы можно определить лишь приблизительно.

Для повышения заработной платы необходимо:

1) разработать ряд новых социальных стандартов в области оплаты сельского труда, определить объективно обусловленную цену рабочей силы, привести величину прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствие с реальными затратами на ее воспроизводство. При этом последовательно сокращать разрыв между достигнутыми показателями и социальными нормативами с тем, чтобы в обозримом будущем его ликвидировать;
2) уделить особое внимание созданию условий, обеспечивающих своевременную и в полном объеме выплату заработной платы. Важно отметить, что, привлекая руководителей предприятий — должников по заработной плате к юридической ответственности, следует учитывать экономическую ситуацию на каждом конкретном предприятии и возможные последствия такого шага для локального рынка труда;
3) сформировать стратегии защиты собственных интересов у сельских наемных работников (при определении цены рабочей силы, регулировании уровня и регулярности выплат заработной платы, получении различных социальных благ).

Эффективными механизмами реализации вышеназванных мер могут стать социальное партнерство, налоговая политика, строгий контроль за соблюдением трудового законодательства, а также ускоренный рост заработной платы в бюджетной сфере. Все это будет способствовать не только повышению уровня жизни работников АПК и их семей, но и восстановлению стимулирующей функции заработной платы, активизации экономического поведения сельского населения, росту производительности труда, а также увеличению потребительского спроса и стимулированию экономического роста в крае.

Около 70% опрошенных сельских жителей были заняты на рабочих местах с неблагоприятными условиями. Это в первую очередь травмоопасные рабочие места и вредные для здоровья работников, рабочие места с повышенной интенсивностью труда и физически тяжелой работой, а также рабочие места, на которых не соблюдаются правила по технике безопасности. В таблице 2 представлены степень распространения и структура нарушенных трудовых прав в области условий труда. В структуре необеспеченных гарантий преобладают нарушения, связанные с чрезмерной физической нагрузкой в процессе трудовой деятельности, высокой интенсивностью и вредными условиями труда (табл. 11.9).

Таблица 11.9

Степень распространенности и структура нарушенных прав сельского населения в области условий труда, %

Нарушенные права	Степень распространенности нарушений	Структура нарушенных прав
Физически тяжелая работа	22,6	34,0
Вредные условия труда	12,8	19,2
Высокая интенсивность труда	18,8	28,2
Работа без выходных, отпусков, сокращенный отпуск	6,4	9,6
Отсутствие работы, частые простои, сокращенный рабочий день (неделя)	3,4	5,2
Несоблюдение правил по технике безопасности	2,6	3,8

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г. и расчеты авторов.

В последние годы проводится активная работа по снижению рисков в данной сфере. По данным Росстата, наблюдается положительная динамика рабочих мест, аттестованных по условиям труда, увеличиваются расходы на его охрану, уменьшается численность пострадавших на производстве, и снижаются показатели смертельного и тяжелого производственного травматизма, в том числе в сельской местности[1]. Однако число рабочих мест с допустимыми условиями труда сокращается медленно и составляет в настоящее время менее 30%.

Примерно 10% респондентов столкнулись с нарушением своих трудовых прав в области обеспечения социальных гарантий. На них не распространяется обязательное медицинское и пенсионное страхование, в случае болезни им не оплачиваются больничные листы, а при производственных травмах не компенсируется ущерб, нанесенный их здоровью и материальному положению. У них нет доплат за вредные и опасные условия труда и не сокращена продолжительность рабочего дня, им не предоставляются дополнительные дни к отпуску. Среди нарушенных прав данной группы наиболее распространены невыплаты по больничным листам, далее в порядке убывания идут отсутствие компенсаций при производственных травмах, медицинского полиса и пенсионного страхования (табл. 11.10).

Таблица 11.10

Степень распространенности и структура нарушенных прав сельского населения в области обеспечения социальных гарантий, %

Нарушенные права	Степень распространенности нарушений	Структура нарушенных прав
Невыплаты по больничным листам	6,4	55,6
Отсутствие медицинского полиса	1,3	11,1
Отсутствие пенсионного страхования	1,3	11,1
Невыплата компенсаций при производственных травмах	2,6	22,2

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г. и расчеты авторов.

[1] Российский статистический ежегодник. 2011 : стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 150–152.

С данными проблемами столкнулись в основном работники организаций частных форм собственности. Именно в этих организациях работники оказались лишенными права на получение бесплатного медицинского обслуживания, а также исключенными из системы пенсионного страхования. Невыплата компенсаций при производственных травмах, а также отсутствие оплаты по больничным листам сохраняются как в государственных учреждениях, так и в организациях частных форм собственности.

Подавляющее большинство (более 90%) работающих опрошенных были устроены на работу официально, с ними был заключен трудовой договор на постоянной основе или на определенный срок, часть из них работали по договору подряда на выполнение определенной работы. Степень распространенности неофициального найма среди наших респондентов была существенно ниже по сравнению с другими категориями наемных работников. Только 6% из них были заняты на условиях неформального найма, т. е. устроены на работу без трудового контракта, без трудовой книжки. По оценкам Госкомстата, доля занятых по устной договоренности колеблется от 8 до 12%, а по мнению экспертов, — от 20 до 25%. Заниженная оценка уровня неофициального найма среди опрошенных селян в значительной степени обусловлена спецификой их занятости (35% респондентов работали в бюджетной сфере, более открытой и регулируемой), а также их низким правосознанием.

Примерно четверть опрошенных руководителей и специалистов федеральных, региональных и муниципальных органов управления считают, что трудовые права сельских жителей чаще всего нарушаются при увольнении. Их вынуждают освобождать рабочие места без достаточных оснований и предварительного уведомления, без выплаты выходного пособия и долгов по заработной плате, отказывают в предоставлении преимущественного права на оставление на работе в случае сокращения численности или штата как высококвалифицированным работникам, так и представителям наиболее уязвимых социальных групп. Около 30% безработных селян уверены в том, что при увольнении они подверглись дискриминации по тем или иным признакам.

Следует отметить низкую правовую культуру сельских жителей, о нарушении своих прав заявили лишь 10% респондентов. Соответственно, низка их активность по защите этих прав. При несоблюдении конституционных гарантий в сфере труда ни один респондент не обращался в суд или прокуратуру, единицы опрошенных пытались прибегнуть к помощи сельской администрации и к руководству предприятия. Пассивность работников в отношении отстаивания своих прав объясняется еще одним обстоятельством — их опасением стать безработными. Для двух

третьих опрошенных наемных работников как государственных, так и частных организаций нарушения в своих трудовых правах и обеспечении социальных гарантий является менее значимым в сравнении с опасением потерять место работы и источник дохода.

Итак, нарушения прав сельских жителей на рынке труда носят массовый характер. Здесь наблюдаются диктат работодателей и бесправное положение наемных работников. Неправовое трудовое пространство охватывает социально-трудовые отношения по поводу размера, места и сроков выплаты зарплаты, условий и охраны труда, обеспечения социальных гарантий и компенсаций, а также процедуры найма и увольнения. Социальная защищенность работников частного сектора экономики существенно ниже по сравнению с работниками государственного сектора. На частных предприятиях трудовые права селян нарушаются в 1,5 раза чаще, чем в государственных и муниципальных организациях. Сами работники, как правило, не стремятся отстаивать свои права, поскольку считают, что противодействие произволу работодателей бесполезно и небезопасно.

Широкое распространение неправовых трудовых отношений обусловлено крайним дефицитом рабочих мест в аграрной экономике, несовершенством трудового законодательства и слабым контролем за его исполнением со стороны государства и профсоюзов, а также заинтересованностью субъектов трудовых отношений в нарушении прав. Работодатели заинтересованы в сокращении издержек, неуплате налогов и повышении таким образом прибыльности своих предприятий, а работники — хоть в какой-то оплачиваемой работе.

Однако последствия такой правовой ситуации в социально-трудовой сфере преимущественно негативны как для страны в целом, так и для отдельных территорий. Бюджеты различных уровней недополучают значительные средства, что существенно ограничивает выполнение социальных функций государством и муниципалитетами. Целые сегменты экономики остаются вне правового поля, и тем самым создаются условия для развития коррупции. Воспитывается правовой нигилизм в обществе, подрывается вера в справедливость, усиливается социальное расслоение. Вместе с тем неправовые трудовые практики помогают отдельным группам населения выжить и приспособиться к новым экономическим реалиям.

Для сокращения неправовых отношений в социально-трудовой сфере необходимо разработать комплекс мер, направленных на создание рабочих мест с достойной заработной платой и благоприятными условиями труда, стимулирование выхода работодателей и наемных работников из теневого сектора экономики

в формальный, гармонизацию усилий по повышению конкурентоспособности аграрной экономики с социальными целями развития села, совершенствование трудового законодательства и усиление государственного и общественного контроля в области трудовых отношений.

***

Проведенный анализ показал, что современный уровень развития социально-трудовой сферы сельских территорий Алтайского края в целом достаточно далек от нормативных значений критериев их устойчивого развития. Однако определенная позитивная динамика по отдельным показателям здесь все-таки прослеживается.

Экономическая активность алтайских селян выше среднероссийской, среднесибирской и по сравнению с жителями алтайских городов, при этом выше и занятость, и безработица. Сельский рынок труда отличается более высокими показателями общей и регистрируемой безработицы, значительными по масштабам как долговременной, так и скрытой безработицей, глубокими и устойчивыми во времени территориальными диспропорциями. В сфере занятости наблюдаются низкий уровень оплаты труда и все еще сохраняющаяся задолженность по заработной плате на отдельных предприятиях и в организациях, неблагоприятные условия труда и несоблюдение правил техники безопасности, ненормированный рабочий день, принудительные отпуска и сокращенный график работы, нарушение трудовых прав работников и отсутствие ряда социальных гарантий. На наличие этих проблем и особую их остроту указало 80% опрошенных сельских жителей.

Вместе с тем в последнее десятилетие заработная плата в аграрной экономике растет опережающими темпами, многократно сократилась задолженность по оплате труда, увеличивается доля работников, получающих заработную плату выше прожиточного минимума занятых на рабочих местах с нормальными условиями труда.

Несмотря в целом на положительные сдвиги в образовательной структуре сельского населения, трудовой потенциал аграрных территорий сокращается и в значительной своей части не востребован. Особую тревогу вызывает увеличение доли неграмотных среди сельской молодежи. В стране, до недавнего прошлого, всеобщей грамотности в отдельных регионах относительно увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. И это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития?!

В сельской экономике Алтайского края преобладают низкооплачиваемые малопроизводительные, физически и морально

устаревшие рабочие места с неблагоприятными условиями труда и не требующие высокого уровня квалификации. Их качество напрямую связано с уровнем и динамикой социально-экономического развития региона. В анализируемый период в экономике Алтайского края произошло изменение структуры производимого ВРП. Причиной тому послужила переориентация хозяйствующих субъектов, в том числе в сельской местности, из сферы производства в сферу оказания услуг. Высокая степень износа основных фондов в организациях всех сфер хозяйственной деятельности и крайне ограниченные ресурсы, несмотря на осуществляемые инвестиционные вложения, не позволяют существенно улучшить качество рабочих мест и условия труда занятых на них работников.

В новейшей истории России институциональные возможности для самореализации человека в социально-трудовой сфере существенно возросли, однако их использование крайне затруднено. Нарушения трудовых прав сельских жителей на рынке труда носят массовый характер. В целом с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости столкнулись более 80% опрошенных сельских жителей. Неправовое трудовое пространство охватывает социально-трудовые отношения по поводу размера, места и сроков выплаты зарплаты, условий и охраны труда, обеспечения социальных гарантий и выплаты компенсаций, а также процедуры найма и увольнения. На частных предприятиях трудовые права селян нарушаются в 1,5 раза чаще, чем в государственных и муниципальных организациях. Сами работники, как правило, не стремятся отстаивать свои права, поскольку считают, что противодействие произволу работодателей бесполезно и небезопасно.

Для перехода сельских территорий к устойчивому развитию в социально-трудовой сфере необходимо разработать комплекс мер, направленных на развитие и более эффективное использование их трудового потенциала, модернизацию системы рабочих мест, обеспечение трудовых прав граждан и достижение безопасных условий труда.

Страны и регионы, создавшие наиболее эффективные модели формирования и развития трудового потенциала, получат значительные преимущества в инновационном обществе. Такая модель должна отвечать принципам непрерывности образования, всеобщности, интеграции с наукой, глобализации и индивидуализации, сочетания государственных и частных инвестиций в образование, инновационности.

Особое внимание следует уделить модернизации действующих и созданию новых рабочих мест более высокого качества, более высокопроизводительных, технологически продвинутых, высокооплачиваемых и требующих высокого уровня образования

и квалификации. Техническая модернизация должна послужить источником роста производительности труда и его оплаты. Технологии нового поколения должны способствовать улучшению условий трудовой деятельности, ее облегчению, снижению рисков ухудшения здоровья селян, полностью исключить вопрос о производственном травматизме.

Для сокращения неправовых отношений в социально-трудовой сфере необходимо повысить заработную плату в сельской экономике, улучшить условия труда, стимулировать выход работодателей и наемных работников из теневого сектора экономики в формальный, гармонизировать усилия по повышению конкурентоспособности аграрной экономики с социальными целями развития села, совершенствовать трудовое законодательство и усилить государственный и общественный контроль в области трудовых отношений.

Только при таком подходе становится возможным говорить о развитии аграрной экономики края, формировании новых источников роста и повышении степени устойчивости сельских территорий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Подытоживая результаты проведенной работы, авторы с удовлетворением констатируют, что идея и результаты исследования пространственных и социально-экономических аспектов устойчивого развития сельских территорий Алтайского края в своих главных чертах нашли отражение в настоящей монографии. Так, пусть и в неполном объеме, рассмотрены условия перехода к устойчивому развитию сельских территорий; охарактеризованы факторы (преимущественно со стороны социальной сферы), затрудняющие интеграцию села края в систему устойчивого развития; изложены ключевые фрагменты региональной политики по обеспечению перехода сельских территорий края на траекторию устойчивого развития.

В основу идеологии исследования было положено представление о том, что на этапе выхода из кризиса переход к устойчивому развитию сельских территорий может рассматриваться лишь как длительный эволюционный процесс решения насущных задач социально-экономического развития села. Этот тезис нашел подтверждение и в изложенных в монографии материалах, свидетельствующих о том, что достигнутый уровень развития сельских территорий в целом достаточно далек от критериев (пороговых значений) их устойчивого развития. В перспективе возможно даже снижение темпов перехода сельских территорий края к устойчивому развитию вследствие растущей межрегиональной конкуренции на продовольственном рынке, с одной стороны, и изменения конъюнктуры рынка в результате вступления России в ВТО — с другой.

Непредсказуемость экономических перспектив, обусловленная отсутствием в стране эффективной и стабильной экономики, существенно удлиняет сроки перехода сельских территорий к устойчивому развитию. Даже относительно благополучные в финансовом отношении территории, как показано в монографии, далеко не всегда могут сохранить эффективность своей экономики в силу ее полной зависимости от внешнеэкономических факторов.

Особое внимание в монографии было уделено преодолению барьеров на пути перехода сельских территорий к устойчивому развитию. Задача их нивелировки существенно осложняется объективным характером возникновения, отсутствием достаточных средств и некомплексной, поэтапной модернизацией сельского хозяйства.

Наиболее сложными для их преодоления являются барьеры на пути устойчивого развития со стороны поселенческой структуры Алтайского края, характерной чертой которой является высокий удельный вес поселений (сельских поселений, ПГТ, малых городов) с минимальными ресурсами для устойчивого развития — 42% (при 36% в среднем по России). «Недоурбанизированность» края детерминирует в перспективе неизбежность потери населения сельских территорий (прежде всего периферийных).

Нельзя не отметить и другой объективный процесс — нарастание различий в социально-экономическом развитии сельских территорий разных типов. Это следствие концентрации экономической деятельности населения в местах, обладающих сравнительными преимуществами, что позволяет снижать издержки бизнеса. Поскольку пик территориального неравенства в крае еще не пройден, следует ожидать возможного дальнейшего роста территориальных различий. По мере развития страны и края темпы роста территориальных неравенств, как показывает опыт развитых стран, должны снижаться.

Значительное место в монографии уделено раскрытию особенностей и перспектив совершенствования региональной политики. С позиций воспроизводственного подхода цель научно обоснованной региональной политики состоит в предупреждении и нивелировке чрезмерных нерациональных экономических и социальных диспропорций в развитии отдельных отраслей (сфер) региона с использованием всего спектра инструментов государственного регулирования, обеспечивающих устойчивое региональное развитие.

К сожалению, провести эмпирическую верификацию подпадающей под это определение региональной политики нам не удалось, прежде всего, из-за размытости понятий «рациональные пропорции» в силу отсутствия информации о предельном (критическом) уровне, при превышении которого различия в развитии отдельных отраслей и сфер порождают негативные последствия для всего региона.

Один из главных выводов, сделанных по результатам исследования, состоит в том, что региональная политика применительно, прежде всего, к Алтайскому краю должна иметь свою специфику. Суть ее — в стимулировании экономического роста региона путем формирования условий жизни населения посредством обустройства территории и развития инфраструктуры. Результатом такой политики должно стать снижение доли так называемого «коммерчески неэффективного пространства» и относительное выравнивание стартовых условий конкуренции для предприятий, дислоцированных в регионе.

Другой аспект региональной политики, нашедший отражение в монографии, связан с пространственной проекцией устойчивого развития сельских территорий. Касается он освоения пригородного пространства региона, что, однако, не исключает, по мнению авторов, формирования опорных территорий и в дальней сельской периферии.

Значительное место в монографии уделено оценке благосостояния сельского населения. Нам представляется такая позиция вполне обоснованной: концентрация бедности в селе является одним из главных факторов на пути перехода сельских территорий на траекторию устойчивого развития. Преодоление бедности, рост благосостояния сельского населения невозможны без повышения уровня занятости сельского населения и сокращения безработицы. Последнее обусловило необходимость детального рассмотрения демографических и социально-трудовых аспектов устойчивого развития сельских территорий.

Авторы отдают себе отчет в том (об этом говорилось и в предисловии к работе), что масштабность и комплексность рассмотренной в монографии проблематики изначально предполагали в структуре работы наличие «белых пятен». Это касается как теоретических основ устойчивого развития территориальных систем, в частности выделения стратегических и тактических целей устойчивого развития сельских территорий применительно к конкретному этапу, так и оценки уровня и ключевых проблем социально-экономического развития региона. В числе последних — оценка агроиндустриального потенциала сельской местности региона, ее производственной инфраструктуры, региональных финансовых ресурсов и в целом ресурсных предпосылок устойчивого роста, анализ проблем повышения эффективности развития регионального хозяйственного комплекса и его «сельской» составляющей и прочего, — одним словом, анализ и оценка всех сторон жизнедеятельности населения, либо не получивших, либо нашедших минимальное отражение в настоящей монографии.

Из сказанного следует один вывод: проблематика устойчивого развития территориальных социально-экономических систем является одним из перспективных направлений исследований в области региональной экономики и политики и одновременно широким полем для приложения сил исследователей-регионалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. Официальное издание [Электронный ресурс]. — URL: http://www.constitution.ru / official/pdf/ constitution.pdf.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. — М., 2010. — 304 с.
3. О развитии сельского хозяйства : Федеральный закон Российская Федерации от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (с измен. от 11.06.2008 г. и 30.12.2008 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.rg.ru/ 2007/01/11/selhoz-dok.html.
4. Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 536 [Электронный ресурс]. — URL: http://lj.rossia.org/users/anticompromat /587675.html.
5. Алтайский край в цифрах. 1995–1999 : стат. сб. / Алтайский краевой комитет государственной статистики. — Барнаул, 2000. — 257 с.
6. Алтайский край в цифрах. 2006–2011 : крат. стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2012. — 216 с.
7. Алтайский край станет пилотным регионом по созданию ситуационного центра электронного правительства [Электронный ресурс]. — URL: http://politsib.ru:8080/news/46050.
8. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. — Барнаул, 2011. — 296 с.
9. Батищева Г. А. Миграционные процессы в России как фактор устойчивого развития экономики регионов : автореф. дис. … д-ра экон. наук. — Ростов на/Д, 2011. — 55 с.
10. Баутин В. М., Козлов В. В. Устойчивое развитие сельских территорий: сущность, термины, понятия [Электронный ресурс]. — URL: http://agromagazine.msau.ru.
11. Бобылев С. Н. Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. Пособие по региональной экологической политике. — М., 2007. — 60 с.
12. Бувальцева В. И., Микельсон А. Ю., Сурнин В. С. Саморазвитие экономики региона как эндогенная основа ее устойчивого роста (на примере Кемеровской области). — Новосибирск, 2002. — 273 с.

13. Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. — 2009. — № 4. — С. 55–68.
14. Быстрова Н. П., Кранц Л. А. Зона активного взаимодействия города и села // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем «город — село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР. — Саранск, 1981. — С. 149–153.
15. Валентей С., Нестеров Л. Человеческий потенциал: новые измерители и новые ориентиры // Вопросы экономики. — 1999. — № 2. — С. 90–102.
16. Великий П. П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. — Саратов, 2012.
17. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992. — 432 с.
18. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. — 1944. — Вып. 2. — № 18. — С. 113–120.
19. ВИАПИ им. А. А. Никонова [Электронный ресурс]. — URL: http:// www.viapi.ru.
20. Возможности развития сельских территорий Алтайского края и Сибири — новое прочтение реформ П. А. Столыпина : материалы научно-практической конференции. — Барнаул, 2011. — 311 с.
21. Гаджиев Ю. А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. — 2008. — № 1. — С. 6–23 [Электронный ресурс]. — URL: http://koet.syktsu.ru /vestnik/2008/vestnik-2008–1.pdf.
22. Гашо И. А. Сущность и законы устойчивости воспроизводства : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Воронеж, 1996. — 21 с.
23. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. — М., 1991. — 168 с.
24. Глазычев В. На треть городов у нас не хватает населения // Свободная пресса. — 2011 [Электронный ресурс]. — URL: http://svpressa.ru.
25. Глущенко К. П. Методы анализа территориального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. — 2010. — № 1. — С. 54–87.
26. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М., 2003. — 495 с.

27. Губарь А. И. Трудовой потенциал региона: концептуальные основы исследования // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2010. — № 4 (17). — С. 37–41.
28. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие — будущее Российской Федерации // Россия на пути к устойчивому развитию. — М., 1996. — 250 с.
29. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие : учебное пособие. — М., 2000. — 432 с.
30. Денежные доходы и потребительский спрос населения Алтайского края. 2005–2009 гг. : аналит. обзор / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2010. — 20 с.
31. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / ред. Л. Н. Овчарова. — М., 2005. — 348 с.
32. Еремин А. А. Население Алтайского края на современном этапе: динамика и территориальная дифференциация численности // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 3/2 (67). — С. 125–131.
33. Ерохина Е. А. Развитие национальной экономики: системно-организационный подход : дис. ... д-ра экон. наук. — Томск, 2000. — 441 с.
34. Жилищное строительство в Алтайском крае. 2006–2010 : аналит. записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2011. — 63 с.
35. Заславская Т. И. Избранное : в 3 т. Т. 2 : Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. — М., 2007. — 591 с.
36. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Социальный механизм институционализации неправовых практик // Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск, 2003. — С. 153–164.
37. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты [Электронный ресурс]. — URL: http://www.opec.ru/1240639.html.
38. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — М., 2003. — 264 с.
39. Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. — М., 2009. — С. 171–182.
40. Иванов В. А., Пономарева А. С. Методологические основы устойчивого развития аграрного сектора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 4 (16). — С. 109–121 [Электронный ресурс]. — URL:

http://esc.vscc.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view &file=article &aid=1530/.
41. Ильин В. В. Философия : учебник : в 2 т. Т.1. — Ростов н/Д, 2006. — 548 с. [Электронный ресурс]: URL: http://yanko.lib.ru/ books/ philosoph/ilyin-philosophy-1-2-8l.pdf.
42. Инвестиционная деятельность Алтайского края: состояние и тенденции развития. 2006–2010 гг. : аналит. записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2011. — 76 с.
43. Инновационная Россия — 2020 / Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. — URL: www.economy.gov.ru/minec/activity /sections/innovations/doc20101231_016.
44. Иоффе Г. В. Изучение географии сельского хозяйства в зоне влияния крупнейшего города // Известия СССР. Сер.: Геогр. — 1984. — № 1. — С. 63–72.
45. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: http:// www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
46. Калугина З. И. Ресурсный дефицит развития человеческого потенциала как угроза модернизации // Регион: экономика и социология. — 2011. — № 1. — С. 50–70.
47. Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. — Новосибирск, 2009. — 339 с.
48. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://docs.cntd.ru/ document/901797442.
49. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mcx.ru/documents/document / show/14914.142.htm.
50. Краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края на 2008–2015 гг.» [Электронный ресурс]. — URL: www.culture22.ru/pic/ file/94zc08.doc.
51. Кузнецова И. И. Проблемы территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды ИСА РАН. — 2006. — Т. 22. — С. 261–269.
52. Курцев И. В. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса Сибири: предпосылки, факторы, пути / РАСХН. Сиб. отделение. СибНИИЭСХ. — Новосибирск, 2005. — 264 с.
53. Лавровский Б. Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. — 2003. — № 4. — С. 524–537.

54. Лукьянов А. Н. Программа развития сельских территорий Алтайского края: перспективные направления реализации // Аграрная наука — сельскому хозяйству : VI Междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. — Барнаул, 2011. — Кн. 1. — С. 3–5.
55. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. — 2012. — № 7. — С. 114–132.
56. Мезина Е. В. Демографические процессы в сельской местности Ставропольского края в контексте региональной безопасности : автореф. дис. … канд. экон. наук. — М., 2011. — 25 с.
57. Меренкова И. Н. Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 24. — С. 49–55.
58. Методология и методика системного изучения советской деревни / В. А. Артемов, В. А. Калмык, Л. А. Хахулина и др. — Новосибирск, 1980. — 343 с.
59. Михалев О. В. Проблемы экономической устойчивости в теории и практике управления региональными хозяйственными системами : монография. — Омск, 2011. — 203 с.
60. Мищенко В. В., Ютяева О. Н. Устойчивое и безопасное развитие региона: оценка и обеспечение : монография. — Барнаул, 2012. — 250 с.
61. Мороз А. И. Социально-экономическое развитие региона: проблемы и пути их решения : монография / под ред. д-ра эконом. наук, проф., акад. НАНБ Г. М. Лыча. — Гродно, 2007. — 258 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.lib.grsu.by/library/data/resources/catalog/118238–204089.pdf.
62. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Драма Азии / пер. с англ., общ. ред. Р. А. Ульяновского. — М., 1972. — 767 с.
63. Немцов А. В. Алкогольный урон регионов России. — М., 2003. — 136 с.
64. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье : географические очерки. — М., 2003. — 408 с.
65. Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. — Новосибирск, 2010. — 300 с.
66. Нижегородцев Р. М. Поляризация экономического пространства России и как ей противодействовать // Проблемы теории и практики управления. — 2003. — № 1. — С. 89–95.
67. Нижегородцев Р. М. Эволюция экономического пространства // Российская наука: мечта светла : сб. науч.-попул. статей / под ред. В. И. Конова. — М., 2006. — С. 370–380.
68. О социально-экономическом развитии сельских территорий Сибирского федерального округа / Официальный интернет-

портал Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mcx.ru.
69. Общероссийский классификатор занятий ОК 010–93 (ОКЗ) (утв. постановлением Госстандарта России от 30.12.93 № 298) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.kadrovik.ru/docs/08/okz010–93.30.12.93 n298.htm.
70. Островский Н. В. Критерии устойчивого развития: муниципальные аспекты [Электронный ресурс]. — URL: http://n-t.ru/tp/ns/kur.htm
71. Отчет «Проведение научных исследований и разработка программы устойчивого развития сельских поселений на основе зонирования территорий Алтайского края» / ФГОУ РГАУ — МСХА им. К. А. Тимирязева. — М., 2010. — 123 с.
72. Павлов К. В. Экономическое ядро: сущность, критерии формирования и элементный состав // Общество и экономика. — 2004. — № 11. — С. 158–170.
73. Пейн М. Сообщество как основа социальной политики и социального действия // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики. — М., 1997. — С. 44–62.
74. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. — М., 1998. — 286 с.
75. Пилясов А. Н. И последние станут первыми // Вопросы местного самоуправления. — 2008. — № 3. — С. 11–20.
76. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания : монография. — М., 2009. — 544 с.
77. Пилясов А. Н. Сообщества северной периферии на этапе постиндустриальной трансформации // Инновационное развитие экономики севера: проблемы и перспективы. — М., 2007. — С. 32–54.
78. План первоочередных мероприятий на 2002–2005 гг. по реализации в Алтайском крае Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://altai.news-city.info/docs/sistem-sz/dok_ieqzwz.htm.
79. Победин А. А. Внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области // Научный вестник Уральской академии государственной службы. — 2010. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: http://vestnik.uapa.ru/ru — ru/issue/2010/04/15/.
80. Об утверждении долгосрочной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012–2020 гг. : Постановление Администрации

Алтайского края от 02.08.2011 № 420 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.econom22.ru/economy/ prognoz/register_of_documents_of/Post420_20110802.pdf.
81. Потребительский рынок продовольственных товаров Алтайского края. 2008–2010 : аналит. записка / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2011. — 44 с.
82. Приоритеты национальной экологической политики России / Центр экологической политики России. — М., 1999. — 100 с.
83. Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы / А. А. Анфиногенова, О. В. Ермолова, Н. А. Киреева и др. — Саратов, 2004. — 241 с.
84. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. — М., 2004. — 296 с.
85. Развитие сельских поселений / Е. Е. Горяченко, Т. И. Заславская, Л. П. Ляшенко и др. — М., 1977. — 295 с.
86. Римашевская Н. М. Здоровье человека — здоровье нации // Человек и реформы: секреты выживания. — М., 2003. — С. 74–84.
87. Родионова Л. В., Троцковский А. Я. Региональный рынок труда: проблемы формирования, прогнозирования и регулирования // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 2/1. — С. 298–307.
88. Россия в цифрах. 2012 : крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2012. — 573 с.
89. Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова. — Новосибирск, 2008. — 748 с.
90. Российский статистический ежегодник. 2011 : стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 795 с.
91. Руководство по отчетности в области устойчивого развития. 2000–2006. ООН. Версия 3.0. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.globalreporting.org/resourcelibrary/Russian-G3-Reporting-Guidelines.pdf.
92. Рынок труда Алтайского края в 2005–2010 гг.: основные показатели, механизмы регулирования, направления развития / Администрация Алтайского края ; Управление Алтайского края по труду и занятости населения; под ред. И. А. Бушмина. — Барнаул, 2011. — 144 с.
93. Сергиенко А. М. Экономическая активность населения на рынке труда и социальная политика России: трансформационные процессы на рубеже XX–XXI вв. : монография. — Барнаул, 2003. — 300 с.

94. Сидельников Н. В. Оценка неравномерности развития муниципальных образований // Регион: экономика и социология. — 2010. — № 1. — С. 22–36.
95. Синявская О. В., Тындик А. О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. — 2009. — № 10. — С. 131–158.
96. Скорректированная чистая экономия. Методика Всемирного банка по расчету индикаторов устойчивого развития: The World Bank [Электронный ресурс]. — URL: http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL /TOPICS
97. Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографическая политика России // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск, 2008. — С. 720–738.
98. Соболева С. В., Чудаева О. В. Демографический и трудовой потенциал России: современные тенденции и перспективы развития // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск, 2008. — С. 299–312.
99. Состояние и проблемы в сфере труда и занятости населения Алтайского края в 2009 г. и задачи на 2010 г. : аналит. доклад / Администрация Алтайского края ; Управление Алтайского края по труду и занятости населения. — Барнаул, 2010. — 122 с.
100. Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен / отв. ред. З. И. Калугина. — Новосибирск, 2003. — 180 с.
101. Социальная траектория развития Алтая. — Барнаул, 2006. — 232 с.
102. Социально-экономическое развитие региона: методика и результаты исследования : монография / Т. П. Емельянов, О. А. Иванов, Л. В. Родионов и др. ; под ред. А. Я. Троцковского и др. — Барнаул, 2008. — 373 с.
103. Староверов В. И. Аграрно-сельская социология: история, концепция, методология / В. И. Староверов и др. — М., 2009. — 416 с.
104. Статистический ежегодник Алтайского края. 2003–2008 : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2009. — 368 с.
105. Статистический ежегодник Алтайского края 2005–2010 : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы го-

сударственной статистики по Алтайскому краю. — Барнаул, 2011. — 392 с.
106. Суспицын С. А. Барометры общего регионального положения // Проблемы прогнозирования. — 2005. — № 2. — С. 97–110.
107. Сурнин В. С., Кареев Г. А. Проблемы перехода экономики к устойчивому развитию (на примере Кемеровской области). — Кемерово, 1998. — 226 с.
108. Тарасова Н. П., Кручина Е. Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: природа — общество — человек : материалы Международной конференции. — М., 2006. — Т. 1. — С. 127–144.
109. Татаркин А. И. Социально-экономический статус срединного региона России // Пространственная экономика. — 2005. — № 4. — С. 21–39.
110. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю [Электронный ресурс]. — URL: http://ak.gks.ru/default.aspx.
111. Третьякова Л. А. Стратегия формирования устойчивого жизнеобеспечения населения сельских территорий как инструмент управления качеством жизни : автореф. дис. … д-ра экон. наук. — Орел, 2009. — 52 с.
112. Троцковский А. Я., Солодовникова Р. К. Инвестиционная политика Алтайского края в контексте стратегии его развития // Проблемы регионального и муниципального управления : сб. науч. труд. — Новосибирск, 2011. — С. 75–89.
113. Троцковский А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. — Новосибирск, 1997. — 249 с.
114. Труд и занятость в России. 2011 : стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 637 с.
115. Тургель И. Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М. А. Портного. — Вып. XVI. — М., 2000. — С. 233–244.
116. Тюнен И. Г. Изолированное государство. — М., 1926. — 340 с.
117. Унтура Г. А., Яковлева Т. И., Евсеенко А. В. и др. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе и др. // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А. С. Новоселова. — Новосибирск, 2010. — С. 49–104.
118. Урманов Д. В. Локальные территории в пространственном развитии системы «центр — периферия» регио-

на // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 339. — С. 127–130.
119. Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. — М., 1998. — 207 с.
120. Устойчивое развитие сельских территорий. Вопросы стратегии и тактики. — М., 2004. — 312 с.
121. Федерализм : энциклопедический словарь. — М., 1997. — 288 с.
122. Фоломьев А. М. Экономическая динамика и устойчивость хозяйственной системы // Государственное регулирование в стратегии устойчивого развития экономики России : сб. ст. — СПб., 1996. — С. 8–25.
123. Фукс Л. П. Региональное расселение как система: самоорганизация и принципы управления (исследовательская модель расселения на юге Западной Сибири) : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. — СПб., 2007. — 32 с.
124. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии / под ред. В. М. Гохмана и Ю. В. Медведкова. — М., 1968. — 215 с.
125. Хагуров А. А. Социология российского села : монография. — 3-е изд. — М., 2012. — 360 с.
126. Цели развития тысячелетия в контексте России: преобразуя экономический рост в устойчивое социальное развитие [Электронный ресурс]. — URL: http://www.undp.ru/ download.phtml?$ 353.
127. Чайка В. П. Устойчивое и многофункциональное развитие сельских территорий: межотраслевые взаимодействия : автореф. дис. … д-ра экон. наук. — Тамбов, 2008. — 42 с.
128. Чеботаев А. Н. Перспективы развития сельского хозяйства Алтайского края в свете реализации доктрины продовольственной безопасности // Аграрная наука — сельскому хозяйству : VI Междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. — Барнаул, 2011. — Кн. 1. — С. 5–10.
129. Чиняков Н. Н. Некоторые проблемы социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края [Электронный ресурс]. — URL: http://www.timacad.ru /conf_news/section2/section2.php.
130. Шмидхейни С. Ф., Зараквин Д. Л. Финансирование перемен. Финансовое сообщество, экоэффективность и устойчивое развитие. — М., 1998. — 201 с.
131. Bocakova O., Kubisova Z., Tomasikova A. The Importance of Education for Human Potential Development // Merit of Human Potential in Regional Development. — 2010. — P. 11–15 [Electronic resource]. URL: http://www.eeda.termal-podhajska.sk / publikacie/zborniky/human-potential.pdf.

132. Boudeville J. Problems of regional economic planning. — Edinburgh, 1966. — 192 p.
133. Friedmann J., Alonso W. Regional development as a policy issue // Regional development and planning. — Cambridge (Mass.), 1964. — P. 171–179.
134. Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. — Cambridge, 1966. — 173 p.
135. Georges N. Walter Christaller from «exquisite corpse» to «corpse resuscitated» // Sapiens. –2009. — Vol. 2 [Electronic resource]. URL: http://sapiens.revues.org/843.
136. Handbook of regional and urban economics. — Vol. 1. — Regional economics. — 2000.
137. Hirshman A. The strategy of economic development. — 2ed. — New Haven, 1961.
138. Krugman P. R. Geography and trade. — Cambridge, 1991. — 163 p.
139. Kuznets S. Notes on Take-off // The Economics of Take-off into Sustained Growth. — L., 1963. — P. 34–48.
140. Moroz V., Moroz M. The Labour Potential and Economic Freedom: Theoretical Base for Dialectical Unity // Economica. — 2012. — Vol. 91 (2). — P. 7–21. [Electronic resource]. URL: http://www.leidykla.eu/fileadmin /Ekonomika/91_2/7–21.pdf.
141. Rokkan S. The center — periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. — N. Y., 1987. — P. 17–51.
142. Singer H. W. International development: growth and change. — N. Y., 1964. — Ch. 5. — 295 p.
143. Taylor J. E, Martin P. L. Human Capital: Migration and Rural Population Change // Handbook of Agricultural Economics. [Electronic resource]. URL: http://reap.ucdavis.edu/research/Human.pdf
144. Wallerstein I. A World-system perspective on the social sciences // British journal of sociology. — 1976. — Vol. 27, № 3. — P. 340–352.
145. Hägerstrand T. Innovationsförloppet urkorologisk synpunkt. — C. W. K Gleerup, Lund, Sweden, 1967.

Для заметок

Научное издание

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Монография

Редактор: Е. М. Федяева
Подготовка оригинал-макета:
О. В. Майер, З. К. Васильева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.
Подписано в печать 20.03.2013. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 19,06. Тираж 100 экз. Заказ № 43.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66